Российская академия наук

Институт научной информации
по общественным наукам

ЯЗЫКОВОЕ БЫТИЕ ЧЕЛОВЕКА И ЭТНОСА

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Выпуск 20

МАТЕРИАЛЫ XV БЕРЕЗИНСКИХ ЧТЕНИЙ

МОСКВА 2018

УДК 81
ББК 81
Я 41

Оргкомитет конференции:
В.А. Пищальникова, доктор филологических наук
(председатель оргкомитета),
М.В. Остроумова, кандидат филологических наук
(отв. секретарь)

Рецензенты:
Т.А. Амирова, доктор филологических наук
А.Г. Сонин, доктор филологических наук

Языковое бытие человека и этноса : сборник научных трудов по
Я 41 материалам XV Березинских чтений (Москва, 25 мая 2018г.) / под ред. В.А. Пищальниковой, Л.Р. Комаловой, Н.Н. Германовой. – Москва : ИНИОН РАН, 2018. – Вып. 20: Материалы XV Березинских чтений. – 293 с.

ISBN 978-5-248-00875-9

Сборник содержит статьи по материалам докладов, представленных на ежегодных международных Березинских чтениях. Освещаются различные направления современной лингвистики, отражающие реальную картину изучения языковедческой проблематики в разных регионах России. В сборнике представлены статьи по методологии лингвистических исследований, переводоведению, когнитивной лингвистике, проблемам социального существования языка и др.

Издание предназначено для широкого круга специалистов, аспирантов и магистрантов гуманитарных областей знания.

УДК 81
ББК 81

© ФГБУН «Институт научной информации
по общественным наукам РАН», 2018

ISBN 978-5-248-00875-9

Содержание

СОДЕРЖАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ И ПОНИМАНИЕ ТЕКСТА..... 6

Бочков Н.И. Влияние социально-идеологических факторов на бытие грамматических категорий (на материале нидерландского языка)... 6

Вдовина Е.В. Ритм и смысл как взаимообусловливающие явления текстообразования (на материале отрывка из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»)..... 17

Водяницкая А.А. Через оценочные значения к аксиологии биографического текста 23

Вязигина С.Ю. Аватар как смысловой элемент самопрезентации в интернет-блогах..... 33

Ефименко Е.А. Национальная специфика вербализации концепта «HEIM» в австрийском художественном дискурсе 40

Корнеева Е.А. Особенности самопрезентации политиков различных темпераментов в ходе публичного выступления..... 51

Косиченко Е.Ф. Конструирование события в художественном тексте (на материале произведения Д. Барнса «Попугай Флобера») 59

Лобанова Ю.С. Отражение свойств пространства и пространственных отношений средствами адъективной лексики (на материале английского языка) 66

Масленникова Е.М. Текст как концептуализация и категоризация мира (Прикладные аспекты психолингвистики и когнитологии)..... 75

Мягкова Е.Ю. Навык чтения и проблемы понимания текста 83

Панкратьева Е.С. «Корабль дураков» С. Бранта как лингвовизуальный комплекс..... 95

Попова Е.А. Колоративы испанского языка как источник трудностей в межкультурной коммуникации 103

Попова О.В. Количественная оценка как параметр анализа речи политика..... 109

Скотникова Т.А. Сравнения как средство реализации эмотивности немецких газетно-публицистических текстов на правовую тематику 121
Стародубова О.Ю. Метаморфозы авторской модальности и понимание текста 131
Трошина Н.Н. Понимание и трансформация текста: Школа А.И. Новикова 141
Хитина М.В. Исследование возможности применения метода позитивного анализа текста (На материале твитов) 144
Шевченко С.Н. Метод непрямого шкалирования в исследовании поэтической коннотации (на примере русской поэтической картины мира) 148

ПРОБЛЕМЫ ПРИКЛАДНОЙ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ .. 157

Степыкин Н.И. Анализ и интерпретация ассоциативного поля «ДОЛГ»: контекстный подход 157

КАРТИНА МИРА И ЕЕ КОМПОНЕНТЫ 164

Залипаева Ж.П. Категория «темпоральности» и ее отражение в национальном языковом сознании (на примере французского языка) 164
Ионова С.В. Ощущения и чувства: к проблеме достоверности вербализации 169
Колесникова О.И., Королькова А.С. Лингвокреативные способы убеждения в медиакартине одного дня (на материалах СМИ о здоровом образе жизни) 179
Комалова Л.Р. Когнитивный образ предконфликтной ситуации в организационных условиях 187
Костенко М.А., Староселец О.А., Шалабод М.Л. Духовно-нравственное воспитание в региональной системе образования как фактор формирования гуманитарной картины мира обучающегося 190
Котенков М.С. Динамика понятия «терроризм» в политическом дискурсе 197
Курганова Н.И. К исследованию национально-культурной специфики картины мира через призму газетного дискурса: Сопоставительный подход 207
Попова М.В. Роль иноязычного акцента в вопросах культурно-социальной интеграции мигрантов 216
Пучков С.И. Специфика вербальной репрезентации политического события в разноязычных СМИ 222
Штеба А.А. Эмотивность нуля 233

ПРОБЛЕМЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ 238

Раренко М.Б. Перевод как один из способов понимания текста 238
Фролов В.И. Перевод с точки зрения теории речевой деятельности 243

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ 249

Голубева О.В. Когнитивные основы феномена символизации 249
Карданова-Бирюкова К.С. Рекурсивность как образующая коммуникативного взаимодействия в интернет-пространстве 259
Пищальникова В.А. Р.А. Будагов: «Что значит заниматься теорией языка?» 272
Фененко Н.А. О сходстве и различии понятий «термин» и «реалия» ... 279
Шаховский В.И. Ускоренная коммуникация как потребность современного социума 285

СОДЕРЖАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ И ПОНИМАНИЕ ТЕКСТА

УДК: 811.112.5

Бочков Н.И.

Влияние социально-идеологических факторов на бытие грамматических категорий (на материале нидерландского языка)

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, Россия, Москва, nb.bochkov@yandex.ru

Аннотация. В статье автор затрагивает проблему стирания границ между мужским и женским родами в современном нидерландском языке. Он приходит к выводу, что на этот процесс в большей степени повлияли социальные изменения в обществе, наблюдаемые в Нидерландах во второй половине XX века, а именно наделение женщин такими же правами, какие были тогда у мужчин. Последнее произошло под влиянием феминистских движений, которые требовали равноправия полов. На подобные перемены в общественном строе отреагировал и нидерландский язык. Автором статьи были проанализированы работы ведущих нидерландских лингвистов, в которых выражается обеспокоенность нынешним состоянием языка. На основе изучения нидерландской периодики установлено, что в современном языке между мужским и женским родом нет никаких формальных различий. Определение рода слова носит, в основном, условный характер. Тем не менее, еще в начале XX века и даже несколько десятков лет назад по форме слова, по заменяющему его местоимению можно было четко определить, к какому роду оно принадлежит. По результатам проведенного исследования автором статьи выдвигается гипотеза о полной утрате категории рода в нидерландском языке в ближайшее время.

Ключевые слова: нидерландский язык; категория рода; социальные процессы в обществе.

Bochkov N.I.

The influence of socio-ideological factors on the existence of the grammar categories (based on the materials from the Dutch language)

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, Russia, Moscow, nb.bochkov@yandex.ru

Abstract. The article deals with the problem of blurring the distinctions between masculine and feminine genders in modern Dutch. The author has come to the conclusion that social changes in the Dutch society of the second half of the 20th century as a result of which women were given the same rights as men had an impact on that process. It occurred under the influence of feminist movements, whose members

demanded gender equality. The Dutch language has responded to these changes in the social system. The author analysed the works of leading Dutch linguists, who expressed their concern about the current state of the language. The study of Dutch media shows that there are no longer formal distinctions between the two genders in modern Dutch. The determination of the genders has basically a nominal character. Nevertheless, a few decades ago the gender of a word was clearly determined in accordance with its form or the pronoun that could replace that word. After conducting the study, the author hypothesizes the total gender loss in Dutch in the near future.
Keywords: Dutch; category of gender; social processes in society.

Как известно, язык способен опосредованно отражать любые изменения, происходящие в социуме. Преобразованиям подвергается, прежде всего, лексический состав; грамматическая же структура языка если и реагирует на социальные перемены, то несравненно медленнее. Однако есть основания считать, что в эпоху глобализации, в эпоху коренных сдвигов в ментальности народов, в некоторых случаях структура языка способна изменятся под влиянием ряда факторов, в числе которых воздействие других языков, изменение социальной структуры общества, перестройка ментальности под влиянием базовых ценностей и другие факторы, значительно быстрее.

С точки зрения категории рода, нидерландский язык имеет специфическую грамматическую систему среди языков германской группы. В связи с различными вариациями и колебаниями нидерландские лингвисты не советуют категорично отвечать на вопросы «Сколько родов в нидерландском языке?» и «К какому роду относится то или иное слово?»

В качестве одной из причин возникновения подобной ситуации нидерландские лингвисты называют исторические изменения в системах парадигм относительных местоимений и атрибутивных определений.

Родовое несоответствие наблюдается в нидерландском языке как один из результатов исторического развития языка, которое отразилось на морфологии языка.

В современном нидерландском языке имена существительные делятся на две группы: слова общего и среднего рода. Исторически в нидерландском языке, как и в немецком, было три рода. В ранненидерландском и в средненидерландском языке (до 1500 г.) можно было четко определить принадлежность существительного к мужскому, к женскому или к среднему роду по парадигме склонения, по описательным прилагательным, а иногда и по фонетическому и морфемному составу [Audring 2009].

В средненидерландском языке определить род существительного можно было также и по неопределенному артиклю. Например, артикль *enen* употреблялся перед существительными мужского рода в винительном падеже, *ene* – перед существительными женского рода в винительном падеже, а *een* – перед существительными среднего рода в винительном падеже. Сегодня же неопределенный артикль больше не является показателем рода: артикль *een* един для всех исчисляемых существительных [Kraaikamp 2017].

Притяжательные местоимения в прошлом также могли служить маркерами рода. Например, местоимение *minen* ставилось перед существительными мужского рода, *mine* – перед существительными женского рода *mijn* – перед существительными среднего рода. В современном нидерландском языке притяжательное местоимение *mijn* употребляется перед существительными всех родов [Kraaikamp 2017].

Вопрос о причинах утраты женского рода в нидерландском языке остается дискуссионным [Booi 2002]. В частности, высказывается мнение о влиянии романских и немецкого языков, которое наблюдалось в XVI-XVII вв. Следствием этого влияния считают изменение произношения ряда суффиксов, формально выражавших род слова. Изменение фонетической структуры закономерно повлекло за собой стирание границ между женским и мужским родом (такие процессы наблюдаются и в других языках) [Geeritsen 2002].

Но в некоторых южных регионах Нидерландов в разговорной речи носители по-прежнему используют три рода. Этот факт может объясняться, во-первых, тем, что эти регионы расположены рядом с Германией и, вероятно, именно влияние немецкого языка, в котором по сей день четко прослеживаются три рода, не позволило женскому роду исчезнуть из южного варианта нидерландского языка. Во-вторых, в региональных разновидностях национального языка, как правило, сохраняются более архаические отношения между элементами его структуры. В-третьих, сохранению архаического противопоставления по роду может способствовать и степень осознания своей этнической идентичности, когда жители региона считают, что утрата женского рода – «это угроза единству нидерландского языка» [Audring, Booij 2009, с. 47].

В конце XX столетия в нидерландский язык мог «вернуться» женский род под влиянием активных социальных процессов: различные женские группировки в это время радикально боролись за эмансипацию женщин и требовали равных прав для женщин в области воспитания, управления государством и т.п. Движение за эмансипацию получило в конце 60-х гг. новый импульс в связи с поддержкой со стороны международного движения, и традиционное распределение социальных

ролей мужчины и женщины вновь стало предметом дискуссии. В 1967 г. в литературном журнале «*De gids*» на волне второго феминистского движения была опубликована статья Джоханны Коол-Смит «*The discontentment of women*» [Audring 2009, с. 9], в которой говорилось о том, что женщины уступают мужчинам практически во всех сферах жизни. В последующие годы в том же журнале появился ряд статей нидерландского историка и лингвиста Анни Ромэн Версхоор, которая утверждала, что «нидерландский язык – показатель неравенства общества. Если меняется общество, нужно менять и язык» [Romein-Verschoor 1975, с. 24].

Лингвисты активно включились в процесс «исправления языка», и уже через несколько лет в словарях рядом с существительными появились пометы с указанием конкретного рода [Gerritsen 2002, с.21].

Родовую принадлежность слов в процессе изучения нидерландского языка предлагается запоминать, что требует времени и довольно серьезных усилий. Отсюда для тех, кто учит нидерландский язык в качестве второго, эта задача является не самой простой [Audring 2009].

Приобретение определенного рода существительным в нидерландском языке происходит по специфическому, но семантически не обоснованному распределению, как и в других языках. Распределение основано на различных свойствах самого существительного, а именно на его морфологических и фонетических свойствах, а иногда и на основе совокупности формы и значения [Corbett 1991].

Сами носители языка, как правило, не видят существенных различий между мужским и женским родом. Существительные общего рода обычно не влияют на выбор местоимения. Нидерландская морфология не предусматривает наличия единого для обоих родов местоимения общего рода. Эта проблема актуализируется каждый раз, когда происходит прономинализация существительного [Audring 2009].

Если говорить о нидерландском языке, невозможно не упомянуть о языке африкаанс, который в XVII веке произошел от нидерландского. Следовательно, можно предположить, что и в этом языке категория рода является достаточно проблематичной, тем более что африкаанс во всех аспектах гораздо менее изучен, нежели нидерландский язык [Ponelis 1979].

Существуют свидетельства, что в раннем африкаансе существовало два рода: общий и средний. При этом исторически общий род не являлся слиянием мужского и женского. Так же, как и в нидерландском, перед существительными общего рода ставился артикль «*de»,* а перед существительными среднего – «*het*». Однако по

неустановленным даже для специалистов в области германистики причинам в конце XVIII века язык африкаанс начал терять формальные и семантические показатели рода [Donaldson 2000].

Тем не менее, как и в английском, немецком и нидерландском, в африкаансе сохранились личные и указательные местоимения. Так, *hy* значит ‘он’, *sy* – ‘она’, объектные местоимения: соответственно *hom* и *haar* [Ponelis 1979].

От нидерландского языка в африкаансе осталась традиция замены местоимениями женского рода только соответствующих одушевленных существительных [Ponelis 1979].

В тоже время в африкаансе, также по неустановленным достоверно причинам, начала развиваться тенденция замены родов у заимствованных из нидерландского языка слов. Так, если в нидерландском языке у слова был средний род, то в африкаанс оно «пришло» уже с мужским родом. Например, (африкаанс) ***Die bed*** *is geskuif want* ***hy*** *was in die pad* – ‘Эта кровать была подвинута, поскольку она стояла у меня на пути’ (здесь и далее перевод наш); (нидерландский) Het bed is verschoven want het was in de weg – ‘Эта кровать была подвинута, поскольку она стояла у меня на пути’ [Donaldson 2000].

В конце XX ве. в языке африкаанс возникла ситуация, когда категория рода могла вовсе исчезнуть. Так, начала развиваться тенденция замены абсолютно всех слов местоимениями мужского рода. Это было связано с тем, что местоимения среднего рода стали использоваться «слишком часто», и поэтому они стали показателями «скорее книжного стиля, чем разговорного». А поскольку литературные произведения на африкаансе практически не издавались, то средний род оказался на грани исчезновения. Однако этого не произошло, и грамматический строй языка африкаанс не изменился [Ponelis 1979].

Различие в современном нидерландском языке трех грамматических родов существительных относится лишь к письменной норме и носит в известной степени традиционный и условный характер. Особенно это характерно для устной разговорной речи. В результате интенсивной редукции флексии корневых существительных уже давно не могут служить признаками принадлежности последних к тому или иному грамматическому роду. Функцию родового показателя частично выполняет определенный артикль (*de* для мужского и женского родов, *het* для среднего рода) [Миронов 2001, с.23-24]. Неопределенный артикль этой функции уже не имеет. Родовые различия выражаются отчасти в формах атрибутивного местоимения или прилагательного. Кроме того, распределение по родам находит свое выражение в правилах замены личными и притяжательными местоимениями. Так как

между существительными мужского и женского родов в устной форме литературного нидерландского языка почти нет никаких формальных различий, поскольку они четко противостоят лишь существительным среднего рода, можно говорить о становлении общего рода (рода *«de*»), возникающего в результате стирания различий между мужским и женским родом, и о формировании на базе среднего рода рода *«het»,* то есть о различении лишь двух грамматических родов. Во множественном числе (при совпадении форм определенного артикля) уже не существует никаких родовых различий [Миронов 2001, с.24].

К существительным общего (мужского и женского) рода относятся 1) по своему значению: а) названия лиц и животных мужского и женского пола (*de man* ‘мужчина’, *de kip* ‘курица’); б) названия времен года, месяцев и дней недели (мужской род: *de zomer* ‘лето’, *de mei* ‘май’, *de zondag* ‘воскресенье’; исключение *de lente* ‘весна’ (женский род); в) названия многих предметов и вещественных существительных (женский род): *de boom* ‘дерево’, *de japon* ‘платье’; 2) по форме слова: а) производные существительные, обозначающие представителей общественных слоев, профессий и обладателей определенных качеств с суффиксами *-aar, -er, -aard, -erd, -ing, -ling, -ik, -ier, -ist, -eur, -or , -ant, -ent, -aal, -aat, -aris, -air, -eet* (мужской род), *-in, -es, -is, -egge (- ei), -ster* (женский род): *de leraar* ‘учитель’, *de arbeider* ‘рабочий’, *de boerin* ‘крестьянка’; б) названия жителей стран и городов с суффиксами: *-aan, -aar, (-naar), -er, -ier, -aard, -aat, -ing, -ees* (мужской род), *-se* (женский род: *de Amerikaan* ‘американец’, *de Aziaat* ‘азиат’, *de Bulgaar* ‘болгарин’, в) существительные с суффиксами *-te, -de*, производные от прилагательных и обозначающие свойство или качество (женский род): *de lengte* ‘длина’, *de kou* ‘холод’, г) существительные с суффиксами *-ing, -st, -t* (женский род), производные от глаголов и обозначающие процесс или результат действия: *de handeling* ‘действие’, *de ontvangst* ‘прием’; д) существительные, обозначающие занятие, состояние или заведение, предприятие с суффиксами *-ij, -erij, -ernij (*женский род): *de bedelarij* ‘нищенство’, *de slavernij* ‘рабство’, *de drukkerij* ‘типография’; е) многочисленные абстрактные существительные или существительные, обозначающие свойство или состояние предмета с суффиксами *-dom -heid, -nies, -ie, -tie, -iek, -uur* (мужской род), *-age, -teit, -theek, -schap* (женский род): *de rijkdom* ‘богатство’, *de eigenschap* ‘качество’.

К существительным среднего рода относятся 1) по своему значению: а) названия некоторых домашних животных и их детенышей: *het paard* ‘л*ошадь’, het zwijn, het varken* ‘свинья’, *het veulen* ‘жеребенок’; b) некоторые собирательные существительные, например: *het volk* ‘народ’, *het proletariaat* ‘пролетариат’; с) названия металлов и минералов: *het koper* ‘медь’, *het lood* ‘свинец’; d) название сторон света,

городов и стран: *het westen* ‘запад’, *(het) Moskou* ‘Москва’, *(het) Azie* ‘Азия’; 2) по форме слова: a) уменьшительные существительные с суффиксами *-je, -tje, -pje, -ken, -ke*: *het boekje* ‘книжечка’, *het balletje* ‘мячик’, *het bloempje* ‘цветочек’, b**)** существительные с префиксом *-ge* и суффиксом *te*: *het gebergte* ‘горная цепь’, *het gevederte* ‘оперение’; c) отглагольные существительные с префиксами *-be, -ge, -ver, -onder, -ont: het ontslag* ‘отставка’, *het verraad* ‘измена’; d) существительные с суффиксом *-sel*: *het overblijfsel* ‘пережиток’, ‘остаток’, *het vijlsel* ‘опилки (металлические)’; e) существительные с заимствованными суффиксами *-eel, -ment, -um, -al, -isme, -aat* (названия предметов и абстрактные существительные): *het tafereel* ‘картина’, *het experiment* ‘опыт’; f) большинство существительных с суффиксами *-dom, -schap,* имеющие собирательное значение, а также обозначающие сан, состояние, территорию или владение: *het mensdom* ‘человечество’, *het gezelschap* ‘общество’, *het priesterschap* ‘духовный сан’; g) субстантивированные инфинитивы, обозначающие название действий и состояний: *het zingen* ‘пение’, *het weten* ‘знание’ [Миронов 2001, с. 24-28].

Стоит отметить, что род сложных слов определяется по последнему из составляющих их элементов, например: *het handboek* - `руководство` (ср. de hand + het boek).

В нидерландском языке имеется ряд частичных омонимов (слов, одинаково звучащих, но в зависимости от рода имеющих разное значение), например: *de stof* – ‘материя’/ *het stof* – ‘пыль’*; de atlas* - ‘Атлас’/ *het atlas* – ‘атлАс’*; de veer* - ‘перо’, ‘пружина’/ *het veer* – ‘паром’*; de blik* -‘ взгляд’/ *het blik* – ‘жесть’*; de patroon* -‘ патрон (шеф) ’ / *het patroon* - ‘модель’, ‘шаблон’*; de want* - ‘руковица’/ *het want* - ‘вант’ *(корабельная снасть).* Ряд слов претерпевает колебания без изменения своего значения, например: *de/het afval* -‘ отбросы’, ‘отходы’, *de/het altaar* – ‘алтарь’, *de/het figuur* – ‘фигура’, *de/het gordijn* -‘ занавеска’, ‘гардина’ [Миронов 2001, с. 24-28].

Анализируя последние исследования нидерландского языка, Дженни Одринг говорит о следующих тенденциях в колебании рода, отмеченных лингвистами:

1. Слова общего рода могут заменяться местоимением среднего рода. Так, слово *de muziek* ‘музыка’ может заменяться любым из трех личных местоимений *hij / zij / het* в зависимости от выражаемого говорящим смысла: *Ik maak muziek voor de mensen die* ***het*** *mooi vinden /*Я пишу музыку для тех, кто считает её красивой [Jazz Muzikanten in Nederland – эл. ресурс]. Местоимение *het* заменяет существительное *muziek* как существительное среднего рода; *Hij kent z’n muziek, hij kent* ***hem*** *al gauw uit z’n hoofd* / Он знает свою музыку, он уже быстро играет ее по памяти. В этом примере местоимение *hem* заменяет

существительное *muziek* как существительное мужского рода. Именно такой вариант чаще всего возможен в разговорной речи; *de klassieke moderne muziek, met* ***haar*** *harmonieën / Классическая музыка с ее гармоничностью* [ProRadio 4 – эл. ресурс]. В данном примере местоимение *haar* заменяет существительное *muziek* как существительное женского рода. [Audring 2009].

2. Наиболее подвержены родовой вариативности иноязычные заимствования. При этом они, попадая в нидерландский язык, не приобретают никаких формальных показателей рода, и тогда возможно два варианта. Либо слово сохраняет род, который у него было в исходном языке, либо же существительное принимает новый род. Так, заимствования из французского языка получают средний род, несмотря на его отсутствие во французском языке (*het restaurant* 'ресторан', *het pensioen* 'пенсия' *het beton* 'бетон'). Если же заимствуется слово из английского языка, в котором категория рода отсутствует, то приобретение рода происходит случайно. Из-за подобных колебаний в категории рода существительное может даже не заменяться местоимением, а просто повториться несколько раз [Audring, Booij 2009].

Рассмотрим один рецепт, опубликованном в ноябрьском номере журнала AllerHande за 2006 г.

Verwarm ***de chocolade*** *in de magnetron. Is* ***de chocolade*** *nog niet helemaal gesmolten? Even roeren en laten staan, dan smelt* ***de chocolade*** *vanzelf. Lukt het niet? Zet* ***de chocolade*** *dan nog 20 seconden in de magnetron. Roer de kardemom door de gesmolten* ***chocolade****. Doe* ***de chocolade*** *in een schaaltje. Serveer de noten, stukken peer en druiven op een apart bord, om in* ***de chocolade*** *te dippen.*

Как видим, слово *chocolade* повторяется, а не заменяется местоимением [Audring, Booij 2009].

Говоря о влиянии социальных изменений в нидерландском обществе на категорию рода, нельзя не сказать об изменениях в наименовании профессий. Так, Джоханна Коол-Смит выражала недовольство по поводу разделения профессий на «мужские» и «женские», что никак не отражено в языке. Также Коол-Смит говорила о необходимости образования новых слов – отдельных наименований профессий, отсылающих к женскому полу [Kool-Smit 1967]. В поддержку подобной идеи позже высказалась Анни Ромэн Версхоор. В частности, она предложила употреблять слово *de psychologe* для психолога-мужчины и *de psycholoog* для психолога-женщины. При этом лингвист сделала акцент на том, что при употреблении нейтрального *'de aarts'* – врач имеется в виду врач мужчина [Romein -Verschoor 1975].

Проблема образования новых наименований профессий актуализировалась в 1980 г., когда в Нидерландах на волне того же второго феминистского закона был издан «Закон о равных Условиях Труда для Мужчин и Женщин» [Audring 2009, с 19]. В связи с этим любые объявления о приеме на работу, где не было четко указано, к кому (к мужчине или к женщине) они относились, были официально запрещены. Предлагались разные пути разъяснения, начиная от указания пола в скобках и заканчивая изменением формы слова. Например: *'directeur'* – руководитель мужского пола, *'directrice'* – руководитель женского пола. В конце концов министерство труда и социальных дел Нидерландов почувствовало необходимость вмешаться. Была создана специальная рабочая группа, занимавшаяся вопросами изменения наименований профессий. В ее состав вошли члены очередного феминистского движения «Общество мужчин и женщин» (*Man Vrouw Maatschappij*) и некоторые чиновники из Министерства социальных дел и занятости Нидерландов. В брошюре, выпущенной этой рабочей группой в 1982 г., указывалось, что у наименования каждой профессии должен быть «женский эквивалент». Если в языке его не существовало, то такой эквивалент, по мнению авторов издания, необходимо было образовать [Gerritsen 2002]. Кроме того, указывалось, что для двух эквивалентов наименования профессий предлагается способ образования множественного числа в соответствии с правилами языка, например: *een assistent* 'помощник', *de assistenten* 'помощница', *een assistente* 'помощница', *de assistentes* 'помощницы' [Gerritsen 2002, с.22].

Рассмотрим, как колебания в родовой категории слов повлияли на язык СМИ Нидерландов. Для этого мы проанализировали по 30 статей различных временных периодов: 1) первой половины XX в.; 2) 50-70-х гг. XX в.; 3) XXI в. Анализ осуществляется преимущественно на материале статей популярного ежедневного издания Нидерландов "De Telegraaf", выпускающегося с 1893 г. Как современные, так и архивные статьи взяты с сайтов [Krantvanuwgeboortedag – эл. ресурс] и [Delpher – эл. ресурс].

Анализируя первую группу статей, отмечаем, что в начале предыдущего столетия слова женского рода, подобно словам мужского рода, заменялись соответствующими местоимениями в зависимости от грамматических показателей.

Рассмотрим предложение из одного из сентябрьских номеров газеты 1908 г.:

…De Tijdelijke ***Regeering*** *kon wel proclamaties uitschrijven maar* ***zij*** *wist niet te besturen….*

Местоимение ‘*Zij’ (она*) заменяет слово женского рода *Regeering* (‘правительство’).

Обратим внимание на другой пример, взятый из майского номера 1913 г.

De Algemeene vergadering enz., geiet op het feit dat dit jaar de ***Maatschappij*** *tot Exploitatie van Staatsspoorwegen* ***haar*** *50-jarig bestaan zal herdenken…*

Местоимение ‘*Haar’* (её) заменяет слово женского рода *Maatschappij* (‘общество’)

Возьмем еще один пример уже из июньского номера 1906 г.

Wanneer, halverwege de Junimaand de voor een klein land en een stad van middelmatige grootte ***tentoonstelling*** *gereed zal zijn en* ***haar*** *schatten den bezoekers zullen toonen…*

Местоимение ‘*Haar’* (её) заменяет слово женского рода *Tentoonstelling* ‘выставка’.

Рассматривая статьи второй группы, можно проследить, что слова мужского рода заменяются нужным местоимением, в то время как лексемы с грамматическими показателями женского рода в большинстве своем не заменялись, повторяясь несколько раз. Рассмотрим статью, опубликованную в мае 1971 г. , где *de methode* ‘метод’, ‘способ’ – слово женского рода:

…Men wacht niet lang met de nieuwe ***methode*** *toe te passen….* ***De methode*** *is niet zo moelijk, omgekeerd* ***de methode*** *tamelijk begrijpelijk is.*

Возьмем еще один пример, опубликованный в *De telegraaf* в августе 1963 г.

…De wedstrijd was voorafgegaan door ***een parade*** *van in kleurige 18-de eeuwse Spaanse kostuuums gestoken dorpelingen. Koningin Juliana, de prinsessen Beatrix en Irene sloegen* ***de parade*** *gade vanaf het jacht van de Italiaanse automobielefabrikant Gianni Agnelli…*

Слово *de parade* (‘парад’) женского рода, и оно, как мы видим, не заменяется местоимением.

В декабрьском выпуске 1968 г. читаем:

…De regeringspartijten sloten zich bij ***de motie*** *aan. Minister Witteveen haastte zich te verklaren dat hij* ***de motie*** *zag als een ondersteuning van zijn beleid…*

В данном случае игнорируется замена местоимением существительного женского рода *de motie* (‘запрос’, ‘официальное предложение’).

И, наконец, анализируя современные статьи, можно отметить, что слова обоих родов заменяются в основном местоимениями общего рода, хотя иногда возможно употребление личных местоимений, что показывает знание литературных норм языка автором статьи. Однако,

как было сказано ранее, это может зависеть от смысла, выражаемого говорящим. Рассмотрим следующий пример, который мы нашли на страницах журнала *De Consumentengids,* вышедшего в свет в январе 2005 г. Существительное *suiker* (‘сахар’), как и слово *музыка* в примере, указанном ранее, меняет заменяющее его местоимение в зависимости от семантики.

1) *Deze* ***suiker*** *wordt vaak toegevoegd als zoetmaker aantal van voedingsmiddelen zoals [...].* ***Het*** *zit ook in minder voor de hand liggende producten.* – Этот вид сахара часто добавляется как сахарозаменитель в большое число продуктов, такие как… Он также содержится в менее очевидных продуктах.

2) ***Suiker*** *levert niets gezonds.* ***Hij*** *is een belangrijke energieleverancier en daarmee kan* ***hij*** *overgewicht veroorzaken.* – Сахар не несет в себе ничего полезного. Он важный поставщик энергии, и с ней он также приносит лишний вес…

Исторически слово *сахар* в нидерландском языке мужского рода. Однако в первом примере действие выполняется над сахаром. Сахар здесь, – это вещество, которое входит в состав других веществ. Во втором примере сахар играет роль «деятеля» и выступает в качестве источника энергии, вызывающего лишний вес. В первом случае сахар заменяется местоимением среднего рода (более разговорный вариант), во втором – местоимением мужского рода (вариант, более характерный для письменной речи).

Мы выявили некоторые устойчивые социальные факторы, приводящие к изменению базовых ценностей в обществе и отразившиеся в динамике категории рода нидерландского языка. С 1975 г. нидерландский язык потерпел ряд быстрых изменений, связанных с устранением гендерной дискриминации в обществе. Они демонстрируют значительное влияние социальных факторов на грамматику языка и позволяют прогнозировать утрату категории рода в современном нидерландском языке.

Список литературы

Миронов С.А. Нидерландский (голландский) язык. Грамматический очерк, литературные тексты с комментарием и словарем. М.: Изд-во Московского университета, 1965. 171 с.

Audring J. Reinventing pronoun gender. Utrecht: LOT Publications, 2009. 245 p.

Audring J., Booij G. Genus als probleemcategorie // Taal en tongval. 2009. Nr. 22. P. 58–69.

Booij G. The morphology of Dutch. Oxford: Oxford University Press, 2002. 253 p.

C*orbett Greville G.* Gender. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 69 p.
Delpher. Режим доступа: http://www.delpher.nl
Donaldson C. Colloquial Afrikaans. London: Routledge, 2000. 186 p.
Gerritsen M. Language and gender in Netherlands Dutch: Towards a more gender-fair usage. Nijmegen, 2002. P. 24–35.
Jazz Muzikanten in Nederland. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.jazzmasters.nl/RADIO%20WEST.TWEE%20BLADZIJDEN%20BRECKER.doc.
Kool-Smit J. E. Het. onbehagen bij de vrouw // De Gids, 1967, Nr. 130 (9/10). 300 p.
Kraaikamp M. Semantic versus lexical gender. Synchronic and diachronic variation in Germanic gender agreement. 2017. 201 p.
Krantvanuwgeboortedag. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.krantvanuwgeboortedag.nl.
Ponelis, F. Afrikaanse sintaksis. Pretoria: Van Schaik. Portner, 1979. 202 p.
ProRadio 4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.radio4.nl/page/artikel/1631/.
Romein-Verschoor A. Over taal en seks, seksisme en emancipatie // De Gids, 1975. Nr 138 (1/2). P. 42–54.

УДК: 82.09

Вдовина Е.В.

Ритм и смысл как взаимообусловливающие явления текстообразования (на материале отрывка из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»)

Московский государственный лингвистический университет, Россия, Москва, vdovina.67@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается взаимовлияние и взаимообусловленность ритма и смысла художественного произведения на материале конца шестой главы романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» (признание Раскольникова). Анализируется лексико-семантический контекст, синтаксическое и синтагматическое устройство предложений и проявления ритма на разных уровнях текста. Делается вывод о текстообразующей функции ритма.

Ключевые слова: ритм, синтагма, такт, темп, пауза, интонема, смысл, литературное произведение, образ героя, синтаксическое устройство.

Vdovina E.V.

Rhythm and meaning as interdependent text factors (rhythmic analysis of Fyodor Dostoevsky's "Crime and Punishment" excerpt)

Moscow State Linguistic University,
Russia, Moscow, vdovina.67@bk.ru

Abstract. The article studies mutual influence and interdependence of a literary work's rhythm and meaning. The analyzed material is the end of Chapter Six of Fyodor Dostoevski's novel "Crime and Punishment" (the confession scene). The analysis of the lexical and semantic context, syntactic and syntagmatic sentence structure and rhythmic factors on every level of the text brings us to the conclusion about the text-forming function of the rhythm.

Keywords: rhythm, period, phonetic word, tempo (pace), pause, intoneme, meaning, literary work, literary character, syntactic structure.

В последнее время лингвисты и литературоведы неоднократно высказывали мысль, что существует соотнесенность между явлениями, относящимися к содержательной стороне художественного произведения и к той области, которую называют ритмом. Традиционно лингвистика исследует проявления ритма на разных уровнях языковой системы – фонетическом, синтаксическом и менее изученном семантическом, оставляя интерпретацию характера и значения этих явлений литературоведам. Но литературному произведению присущи внутренняя связность и цельность, и с учетом сложности, многоплановости его структуры необходим системный подход к его анализу.

Под ритмом художественной прозы в широком значении понимаются повторы на самых разных уровнях литературного произведения в речевой и надречевой сферах: это и организованная определенным образом смена смысловых кусков, тем, и явления чередования во взаимоотношении синтагм, предложений и абзацев разной длины и структуры, в строении отдельных глав и композиции произведения в целом, и характер изображения героев, внутренняя и внешняя структура образов, поддерживаемая различными звуковыми повторами, переходами ударности/безударности, интонационной мелодикой, необходимостью удлиненных пауз или, напротив, ускорения темпа, синтаксическими параллелизмами, лексическими повторами, градациями разных типов, позволяет говорить о многообразных ритмах образов героев [Волкова 1974, Гиршман 1982, Жирмунский 1975, Чичерин 1980].

Распознав проявления ритма на самых разных уровнях языковой системы, внимательный и чуткий читатель может достичь более

адекватной интерпретации текста. И, в свою очередь, семантический строй художественного произведения во многом определяет наше восприятие речевого ритма, являющегося «...в известной степени необходимым материальным фундаментом для существования всех других ритмов в литературном произведении» [Гиршман 1982, с. 76]. Таким образом, существует определенная взаимозависимость и взаимовлияние между смысловой стороной художественного произведения и его ритмикой.

Проявления речевого ритма с учетом смысловой стороны текста, то, как ритм задается содержанием и, в свою очередь, сам способствует более полному и глубокому пониманию текста, а также отдельные моменты развития ритма образа в настоящей работе прослеживаются на материале конца шестой (последней) части «Преступления и наказания»:

«Раскольников опустился на стул, но не спускал глаз с лица весьма неприятно удивленного Ильи Петровича. Оба с минуту смотрели друг на друга и ждали. Принесли воды.

– Это я… – начал было Раскольников.

– Выпейте воды.

Раскольников отвел рукой воду и тихо, с расстановками, но внятно проговорил:

– *Это я убил тогда старуху-чиновницу и сестру ее Лизавету топором, и ограбил.*

Илья Петрович раскрыл рот. Со всех сторон сбежались.

Раскольников повторил свое показание» [Достоевский 1957, с.556].

Содержание предложений, создающих контекст фразы-признания однозначно задает темп – спокойный, даже замедленный. Раскольников не спешит облегчить душу, выговорив все быстро. Напротив, каждое слово выстрадано, осознанно и мучительно, с каждым словом все бесповоротнее его судьба, каждое слово как «…приговор, решение без перемены». Говорит хоть с трудом, но с убежденностью и решимостью: как молоточком отбивается ритм – спокойный, но не музыкально-плавный, а четкий, ровный, размеренный – нет ни скопления безударных слогов, ни двух ударных слогов подряд. Ничто не сбивает, не нарушает ритмического движения. И в то же время это жесткий, напряженный ритм. Такое впечатление поддерживается не только синтагматическим устройством фразы, но и фонической стороной – повторением лабиализованного [у] и ударностью слогов, содержащих твердый [р]:

(1) *Это я убил тогда* ИРТ

(2) *ста**ру**ху-чиновницу* ИРТ

(3) *и сест**ру** ее Лизавету* ИРТ
(4) *топо**ро**м* ИРТ
(5) *и ог**ра**бил.* ИРТ
По тактовому объему синтагмы выстраиваются в ряд:42311.

Синтаксическое устройство предложения таково, что последняя синтагма (*и ограбил*) воспринимается как самостоятельная, а не продолжение уже прозвучавшей мысли. Это происходит из-за того, что в построении этой фразы у Достоевского однородное сказуемое *ограбил* формально остается без объекта и вся синтагма оказывается оторванной от предыдущей части предложения (в некоторых изданиях отдельность последней синтагмы подчеркнута пунктуационно: после слова *топором* стоит запятая). В результате первые четыре синтагмы образуют самостоятельную и в содержательном плане завершенную мысль, которая резко заканчивается, словно обрывается, синтагмой в одно фонетическое слово (*топором*), к тому же с ударным окончанием, что приводит к необходимости после нее более длительной паузы. Пятая синтагма (*и ограбил*), хотя и последняя во фразе, тем не менее не получает синтаксического и смыслового завершения (из-за отсутствия обязательного объекта) и «зависает», а безударное (женское) окончание создает это ощущение недоговоренности фонетически.

Интонационный рисунок фразы также оказывается обусловленным ее синтаксическим строением и смысловой установкой, и сам, в свою очередь, способствует более углубленному восприятию создаваемого образа. Синтаксически и содержательно вписанные в текст отношения между синтагмами приводят к столкновению разных синтаксических значений, которые совмещаются в интонеме ровного типа (ИРТ), дающей право на вариативное прочтение [Иванова-Лукьянова 1998]. Ощущение незавершенности, «зависания» пятой синтагмы передается также с помощью ИРТ в ее основной разновидности – ровном тоне.

Это впечатление незаконченности, неразрешенности поддерживается и общим ритмическим движением однотонности во фразе, и женским окончанием синтагмы, а также последующими предложениями – и фонетически, и содержательно, и даже графически. *И ограбил* – синтагма в один такт – звучит вдвойне обрывисто, когда после нее идет контрастная синтагма в четыре такта (*Илья Петрович раскрыл рот).* Чтобы смягчить контраст, ослабить перебой ритма, синтагма *и ограбил* будет сопровождаться более длительной паузой, что также будет способствовать ощущению недосказанности, незавершенности.

В смысловом отношении *Илья Петрович раскрыл рот* (два ударения в конце замедляют и обрывают ритмическое движение) –

своеобразная немая сцена: время как бы останавливается, замирает. Это выключенное из времени молчание не нарушает и неопределенно-личное предложение *Со всех сторон сбежались* (опять женское окончание). Напротив, всеобщее ожидание, застылость нарастает, напряжение усиливается. И последняя фраза *Раскольников повторил свое показание* с женским зачином и дактилическим окончанием как бы вторит устройству последней синтагмы признания (с безударным началом и концовкой), но с еще большим ощущением незавершенности, которое графически подчеркивается двумя строчками многоточия. И мы воспринимаем это многоточие как недоговоренность, неразрешенность и одновременно в смысловом плане мысленно «наполняем» многоточие: вновь слышим фразу-признание с ее спокойными, безликими, ровными тонами незавершенности.

Во фразе-признании наблюдается интересное с лингвистической и литературоведческой точек зрения явление полного несоответствия ритма и содержаня. Ее спокойный, несбивчивый, монотонно ровный фонетический ритм – и сам факт признания, поразившего до онемения всех собравшихся в комнате; отсутствие сколько-нибудь яркой эмоционально-экспрессивной окраски – и одновременно это самый напряженный момент всего романа. И в этом столкновении и совмещении двух противоположностей, ритмической раздвоенности развязки не только данной сцены, но и всего романа можно проследить особый авторский прием создания образа – «разрушение обыденной логики» [Чичерин 1980, с. 141]. Роман начинается с того, что добрый умный человек, руководствуясь нелепыми убеждениями, совершает страшное злодеяние – убийство. И теперь во фразе-признании совмещение противоборствующих тенденций находит свое отражение сразу по нескольким параметрам.

Отметим нечеткое, «не по правилам» синтаксическое устройство предложения, в котором наблюдаются две из отмеченных Е.А. Иванчинковой особенностей фразового синтаксиса Достоевского [Иванова-Лукьянова 1998, с. 252, 276–277]: разнесение по краям фразы синтаксически связанных членов *убил* и *топором*, что обеспечивает им особую выделенность и придает напряженную интонацию всему этому участку фразы, а также урезание синтаксической конструкции в пятой синтагме. Герой громоздит информацию, включая в одно предложение не только признание, что убийство совершил именно он, но и тут же акцентированно называя орудие и цель убийства, что в привычном синтаксисе было бы оформлено в отдельные предложения, т.е. формальное устройство предложения приходит в конфликт с передаваемым содержанием.

Столкновение противоположностей в этой фразе наблюдается и в фоническом ряду. Выделенными здесь с точки зрения звучания и восприятия оказываются стыкующиеся синтагмы *и сестру ее Лизавету* и *топором*. Первая содержит звуковой ряд, где 70% звуков описываются Р.О. Якобсоном, основоположником теории звукового символизма, как «светлые», создающие ощущение света, высоты, нежности, а вторая – 66% «темных» звуков, передающих тяжесть, грубость, мрачность. И фоническое ощущение контраста осязаемо поддерживает идейно-смысловую сторону текста.

Достоевский однозначно задает синтагматическое устройство предложения, которое приводит к интонационно-ритмической раздвоенности: в каждой синтагме пересечение синтаксических значений, проявляющееся в столкновении интонемы восходящего типа и интонемы нисходящего типа, находят компромисс в ИРТ – ровном тоне, который совмещает в себе элементы восходящего и нисходящего тона и имеет значение неопределенности, незавершенности. Такое ритмическое содержание признания – в противовес тому, как Раскольников говорит: внятно, точно, ясно и твердо. Грамматическая неполнота последней синтагмы и интонационное значение недоговоренности – и в то же время предложение оформлено точкой. С другой стороны, пунктуационное оформление точкой – и тут же две строки многоточия. И это многоточие с его идеей неопределенности в эпилоге находит свое подтверждение: и не потому, что пропущен или недосказан какой-то этап сразу после признания. Напротив, все последующие события описываются подробно и однозначно. Но на каждом шагу мы видим раздвоенность – основную черту напряженного ритма образа Раскольникова.

Особенность ритма прозы заключается в том, что он каждый раз по-разному проступает на различных уровнях литературного произведения. И хотя речевой ритм является ведущим в системе ритмов художественного текста, не меньшего внимания заслуживает и семантический, и композиционно-структурный ритм, а также ритмы образов-характеров. Анализ отрывка с признанием Раскольникова убедительно показывает, что смысл и ритм – это два взаимонаправленных, взаимодействующих и взаимодополняющих явления.

Список литературы

Волкова Е.В. Ритм как объект эстетического анализа // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л.: Наука, 1974. С. 73–85.

Гиршман М.М. Ритм художественной прозы. М.: Советский писатель, 1982. 367 с.

Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Собр. соч.: в 10 т. Т. 5. М.: Государственное издательство художественной литературы,1957.

Жирмунский В.М. О ритмической прозе // Теория стиха. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1975. С. 569–588.

Иванова-Лукьянова Г.Н. Культура устной речи: интонация, паузирование, логическое ударение, темп, ритм. М.: Флинта, 1998. 200 с.

Томашевский Б.В. Ритм прозы // О стихе. Л.: Прибой, 1929. С.254–318.

Чичерин А.В. Ритм образа. М.: Советский писатель,1980. 280 с.

УДК: 81’23

Водяницкая А.А.

Через оценочные значения к аксиологии биографического текста

Московский городской педагогический университет,
Россия, Москва, avodyanickaya@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается аксиологический компонент биографий ученых как участников академического дискурса. В качестве предмета исследования выступает аксиологический потенциал текстов биографий, в качестве объекта – оценочные средства, участвующие в формировании ценностной составляющей образа ученого. Анализируются этические, интеллектуальные, телеологические оценки применительно к приложимым к ним объектам: творческой, созидающей, интеллектуальной, морально-этической сторонам научно-педагогической деятельности ученых. Составители биографических текстов стремятся отразить жизнь ученого во всей многогранности, что выражается в использовании целого спектра оценочных средств, участвующих в портретизации ученого.

Ключевые слова: аксиология текста, биография ученого, оценочные значения.

Vodyanitskaya A.A.

Evaluative Landscape of a Text: Towards the Axiology of a Biography

Moscow City Pedagogical University,
Russia, Moscow, avodyanickaya@yandex.ru

Abstract. The article aims at analyzing axiology of linguists' biographies. The author focuses on evaluative means and their role in portraying a linguist's scientific and pedagogical aspects of life. Intellectual, teleological, as well as ethical evaluations are being analyzed. A biography depicting a scientist's life is an amalgam of various evaluative means which create an axiological image of a linguist.

Keywords: axiology, a scientist's biography, evaluative lexis.

История изучения биографий в России в лингвистическом аспекте восходит к исследованиям Г.О. Винокура, в частности, к его работе «Биография и культура» (1927), где автор рассматривает различные подходы к описанию личности в биографии, полемизируя с ними и предлагая читателю свои воззрения на портретизацию личности в биографическом тексте. Современные исследователи биографических очерков рассматривают данный тип текста в сопоставительном аспекте на материале разноструктурных языков [Даулетова 2004], в свете изучения проблем языковой личности [Ясинская 2004], с точки зрения коммуникативных стратегий, реализуемых в биографической прозе [Козлова 2010], а также с позиций фактора адресованности текста биографии [Евсеева 2010]. А.В. Терпугова рассматривает биографический текст как объект лингвистического исследования [Терпугова 2011].

В статье текст биографии исследуется с точки зрения аксиологического подхода. На основе микроконтекстов, содержащих оценочные значения, делаются выводы о ценностной составляющей биографии научного деятеля как представителя академического (лингвистического) дискурса. Понимая под академическим дискурсом «институциональный тип личностно ориентированного общения» [Хутыз 2014], мы принимаем во внимание тот факт, что биография сама по себе не является жанром академического дискурса, однако наличие описания в тексте биографии вех жизни ученого-лингвиста, чья научно-педагогическая деятельность непосредственным образом связана с академической средой, позволяет рассматривать биографический текст с точки зрения его способности отражать ценности академического дискурса.

На первом этапе исследования биографических текстов выделялись микроконтексты, содержащие оценочные слова и выражения. Под оценкой в данном исследовании понимается

«информация о ценностном отношении субъекта речи к определенному свойству обозначаемого» [Телия 1986, с. 54]. На следующем этапе анализировались объекты оценки, проводился семантический анализ оценочных слов и выражений с целью выявления ценностной составляющей микроконтекстов и биографии в целом.

Как показал анализ биографий лингвистов, биографических очерков, статей и сборников из серии «К юбилею ученого», основными объектами оценки в таких работах выступают: личностные качества ученого; научная деятельность; преподавательская деятельность (дискурсивная принадлежность); отношение к работе; отношение ученого к другим участникам академического дискурса; отношение коллег, студентов и т.д. к ученому.

С точки зрения применяемых оценочных средств, в каждой из проанализированных биографий ведущую роль играет этическая оценка, с помощью которой создается представление о морально-нравственном образе ученого. Более того, в большинстве случаев биография начинается именно с характеризации личностных качеств лингвиста, тогда как о его вкладе в науку, о его педагогическом наследии составители биографий упоминают в других частях биографии. Рассмотрим некоторые примеры.

Нравственный облик ученого: этический аспект

В.И. Шаховский предваряет книгу «Отечественная лингвистика в лицах: Азбука человечности» описанием следующего эпизода из жизни Чарли Чаплина:

В своей юбилейной речи Чарли Чаплин, делясь с современниками «наукой жизни», предостерегал: «Ум мой может мне мешать, … от него можно даже заболеть, … но когда я смог связать его с моим сердцем, он сразу стал моим ценным союзником. Сегодня я зову эту связь “Мудрость сердца”.

Далее автор книги уточняет:

Именно эту мысль выражает название данной книги, в которой речь идет о «человеческом факторе» в науке, влияние которого на формирование нравственной творческой личности трудно переоценить [Шаховский 2011, с. 5-6].

Как представляется, мысль В.И. Шаховского в полной мере отражает внутренний посыл большинства биографий ученых – показать, как путем неустанного труда, путем преодоления различных трудностей, встречающихся на пути каждого исследователя, формируется нравственная личность, способная своим примером благотворно влиять на других, при этом нередко составители биографий говорят об истоках нравственности ученого. Так, в биографии Ф.М. Березина приводятся следующие слова о его матери:

Екатерина Платоновна, женщина твердого северного, поморского характера, была глубоко верующим человеком, истинной хранительницей семейного очага. Глубокую привязанность и уважение к матери Федор Михайлович сохранил на всю жизнь.

Человек, которого отличает *глубокая привязанность и уважение к матери,* является хранителем семейных нравственных ценностей. Уважение к родителям отражается на отношениях с другими людьми:

В памяти тех, кто его знал, он [Ф.М. Березин] остается требовательным, внешне сдержанным, но очень добрым, родным человеком, всегда готовым понять, простить, протянуть руку помощи.

В прилагательном *требовательный* содержится телеологическая оценка, тогда как в словах и выражениях *добрый, родной, готовый понять и простить, протянуть руку помощи* ведущим является этический компонент. Кроме этого, прилагательное *родной* употреблено в переносном значении: «близкий по духу, привычкам и убеждениям с кем-либо; свой», что позволяет говорить об отношении Ф.М. Березина к ближним.

Отношение к труду: этико-телеологический аспект

В биографических очерках широко представлен телеологический компонент, который характеризует личность ученого как человека, стремящегося к достижению определенной цели. Телеология является философским учением «о целевой детерминации бытия, его отдельных сфер,

объектов, процессов» и предполагает «наличие в мире объективных целей и целесообразности в целом» [Гуманитарная энциклопедия gtmarket.ru]. Жизнь ученого насыщена разнообразными целями, которые он ставит перед собой на протяжении всей жизни. Одной из ведущих целей является воспитание поколения ученых, приращение научного знания, исследование тайн языка. Рассмотрим некоторые примеры.

Ломоносов, благодаря неусыпным научным занятиям, достиг того, что в 1747 году его сделали полноправным профессором, с жалованьем в 660 рублей в год [Русские самородки 1910, с. 57]. Далее составитель биографии уточняет:

«Еще раз окидывая взором жизнь Ломоносова, мы поражаемся его необыкновенным умом, знаниями и тою волею, с какой он проводил свои мысли и планы на деле. К Ломоносу вполне можно приложить, несколько изменив, его же слова, в которых он излил свое благоговейное уважение перед памятью Петра Великого: «Везде видим его в поте, в пыли, и не можем сами себя уверить, что бы един везде он, но многие, и не краткая жизнь, но десятки лет». И действительно, сам Ломоносов

трудился за десятерых. Он был и математиком, и химиком, и поэтом, и историком, и художником, занимаясь мозаикой. Поэтому справедливо назвал его А.С. Пушкин «первым русским университетом» [там же].

В приведенных примерах из биографии М.В. Ломоносова, составленной в начале XX века, показано, что жизнь ученого подчинялась «целевой детерминации бытия». Как отмечает Т.В. Писанова, «в языках и национальных культурах содержательный признак «отношение человека к труду» входит в ряд основополагающих абстрактных понятий». Кроме этого, «деятельное поведение человека, который руководствуется сознательными целями, находит одобрение в любом национальном сообществе» [Писанова 1997, с. 164].

Служение Отечеству как цель жизни ученого: телеологический аспект

С отношением к труду тесно связана следующая выделяемая составителями биографий сторона жизни исследователей, а именно служение Отечеству.

Ум и трудолюбие Ломоносова постоянно удивляли немцев:

- Если он с таким же прилежанием будет продолжать свои занятия, - отзывался о нем знаменитый в то время профессор Вольф, - то со временем, ***по возвращении в отечество, может принести пользу государству*** [Русские самородки 1910: 48]. Эти слова оказались пророческими, о чем свидетельствует вся дальнейшая жизнь М.В. Ломоносова.

В Петербург Ломоносов прибыл в июне 1741 года. С этого времени начинается разнообразная, кипучая деятельность Ломоносова на поприще науки и литературы. Трудный подготовительный путь, путь от крестьянской избы через русскую и заграничную школы, был уже пройден, необходимые знания приобретены. Теперь ***Ломоносову предстояло использовать свои дарования и знания для блага и славы России»*** [Русские самородки 1910, с.54].

В последнем высказывании прослеживается слияние точек зрения автора биографии и мыслей М.В. Ломоносова о своем предназначении, что нашло свое отражение в следующих строках:

Ломоносов блистательно выполнил поручение (привести в порядок минеральный кабинет) и ожидал, что его сделают профессором, чтобы он мог, как говорил сам, ***«юношество российское обучать»*** *и* ***«книги полезные составлять»*** [Русские самородки 1910, с.55].

В воспоминаниях о Д.Н. Ушакове, Г.О. Винокур приводит отрывок разговора, который состоялся между учителем и учеником:

– Дмитрий Николаевич, может быть, в самом деле, воспитать и выучить аспиранта, ученого – это больше для науки, чем толстая книжка. Дмитрий Николаевич посмотрел на меня со своей обычной проницательно-ласковой улыбкой, и я понял, что это действительно для него было так [Цейтлин 1965, с. 81-82].

В данном примере прослеживается отношение и автора воспоминаний, и Д.Н. Ушакова к ценности педагогической деятельности. Кроме этого, имплицитно представлено восприятие педагогической деятельности как служение науке. Как представляется, в данном случае речь идет «диалоговом характере вербальной коммуникации (опосредованной и непосредственной)», которая «обусловливает возникновение случайных смыслов в речевых произведениях и, следовательно, активизирует процессы самоорганизации индивидов как коммуницирующих систем» [Пищальникова, Герман 2008, с.25], что проявляется на уровне взаимовлияния всех участников академического дискурса.

Несомненно, интеллектуальная деятельность ученого вплетается в биографическое повествование посредством различных оценок. Рассмотрим некоторые примеры.

Созидающая личность лингвиста: интеллектуальный аспект

Заслуги Ломоносова сравнивают иногда с заслугами Петра Великого. Между этими двумя великими русскими людьми есть большое сходство. Петр Великий сделал Россию могущественной державой, ***Ломоносов первый усердно насаждал в ней знания и старался сделать ее просвещенной страной*** [Русские самородки 1910, с.66].

В данном примере прослеживается телеологический аспект, выраженный в наречии *усердно* – «оценочная характеристика чьих-либо действий как свидетельствующих о проявлении усердия». Последнее направлено на достижение определенной цели.

В следующем примере характеристика интеллектуальной деятельности представлена более рельефно:

Винокуру было свойственно философское отношение к науке, были присущи качества подлинного ученого – способность видеть перспективы развития науки, ее цели, умение решать частные вопросы в свете общих задач, умение подойти к самым сложным явлениям так, что становилась видной лежащая в их основе простота [Цейтлин 1965, с. 3].

Как представляется, приведенный пример свидетельствует о роли личности ученого в популяризации науки и научного результата (см.: [Герасимова 2017]). В следующем примере интеллектуальная деятельность ученого характеризуется через метафору:

Все в ней гармония, все диво – эта поэтическая строка неизменно всплывает в памяти, когда я думаю о Елене Самойловне Кубряковой. Прелестная, изящная, совершенная женственность – и ***необозримый океан знаний с бездонными глубинами их осмысления*** [С любовью к языку 2002].

В биографиях, написанных лингвистами, встречаются и автобиографические строки:

Настоящая книга очерков написана ученым-лингвистом, который ***от столкновения с творческими личными планетами больших ученых образовал новый научный мир****, научную школу самой человекоразмерной области – лингвистики эмоций* [Шаховский 2011, с. 5-6].

В связи с тем, что В.И. Шаховский описывает встречи с известными языковедами, повлиявшими на его личность, метафоризация интеллектуальной деятельности (*творческие личные планеты больших ученых*) неслучайна. Автор таким образом подчеркивает свое уважение к ученым, выражает им благодарность и раскрывает перед читателем тот вклад, который внесли языковеды в творческую деятельность В.И. Шаховского. Исследователь отмечает:

Книга написана и для людей, еще не приобщившихся к языковедческой науке, но способных воспринять мир моральных ценностей творческих личностей, для которых их любимое дело является работой, хобби и составляет всю их жизнь [Шаховский 2011, с. 5-6].

Личность ученого столь многогранна, что подчас невозможно выделить какую-либо отдельную сторону и признать ее доминирующей, или проводить лингвистический анализ ценностной составляющей творчества ученого, взяв за основу определенную грань. Вспомним в этой связи слова М.М. Бахтина из его работы «Искусство и ответственность», где автор пишет о том, что «три области человеческой культуры – наука, искусство и жизнь – обретают единство только в личности, которая приобщает их к своему единству».

Диалог личности ученого с *Другим*: онтология человеческих отношений

Как представляется, творческая личность ученого приобщает к своему единству и личность *Другого.* В настоящее время проблема *Другого* как участника академического дискурса получает детальную разработку в трудах О.А. Сулеймановой ([Сулейманова 2016], [Сулейманова 2018]), О.А. Сулеймановой и М.А. Фоминой [Сулейманова, Фомина 2016], [Сулейманова, Фомина 2017]. «Антропоцентричная парадигма и отражающие ее направления развития лингвистики, такие, как дискурсивная, позволяют

отрефлексировать взаимоотношения всех участников коммуникации, а также персонажей за кадром, *Других*, вовлекая их в коммуникацию и создавая обозначенную М.М. Бахтиным полифонию дискурса» [Сулейманова 2018, с. 181].

Обратимся к примерам:

Григорий Осипович был уверен, что значение человека состоит не только в том, что он сделал, что оставит после себя, но и в том, ***как он живет, как влияет на окружающих людей.*** *Его горячий интерес к людям и к избранной им науке рождал в нем внимательное и уважительное отношение к товарищам по работе и к своим ученикам. Он был широко образованным и необыкновенно обаятельным, добрым человеком.* ***И люди в его присутствии всегда раскрывались с лучшей стороны, больше верили в себя, смелее мыслили*** [Цейтлин 1965, с. 5].

И далее:

Г.О. Винокур был убежден, что настоящий ученый немыслим без своей научной школы, что невозможно в полной мере успешно заниматься научно-исследовательским трудом без педагогической работы или преподавательской деятельностью без научной. ***Именно поэтому он отдавал очень много времени и энергии педагогической работе со студентами и аспирантами.*** *Винокур был талантливым* ***учителем-воспитателем****, и у своих учеников он пользовался большим уважением и любовью* [Цейтлин 1965 с. 4–5].

В данных примерах отражено влияние личности Г.О. Винокура на его коллег и учеников. Это влияние носит морально-нравственный характер. Схожие черты находим и в воспоминаниях В.И. Шаховского об А.В. Кунине:

Александр Владимирович был очень добрый, душевный, щедрый человек, подаривший мне очень много личного времени и личной (семейной) теплоты. Я всегда уходил от него, думая о себе как-то… лучше. Александр Владимирович умел поднять самооценку собеседника [Шаховский 2011, с. 17].

Как показал анализ биографических текстов, практически все составители биографий, а также авторы воспоминаний указывают на способность творческой личности ученого открывать перед собеседником новые горизонты исследования, новые грани его собственной (собеседника) личности, возвышая его и вселяя надежду.

Составители биографий часто прибегают к цитированию высказываний ученого, что способствует косвенной портретизации лингвиста:

«В основе научного творчества должна находиться любовь, без этого просто невозможно творческое содружество», – неоднократно

говорила и говорит об этом Елена Самойловна [С любовью к языку, с. 487–488].

Как представляется, под «творческим содружеством» имеется в виду деятельный диалог с *Другим*.

Как показал анализ биографий, научно-педагогическое творчество ученого, его личностные качества, характер его влияния на других участников академического дискурса изображаются с помощью амальгамы оценочных средств, на основе рассмотрения которых можно сделать вывод о доминировании в биографиях этической, интеллектуальной и телеологической составляющих.

Как представляется, дальнейшее исследование аксиологического потенциала текстов биографий можно проводить на основе сравнения биографий ученых-представителей различных лингвокультур.

Список литературы

Герасимова С.А. Личность ученого в популяризации науки и научного результата: французская энциклопедия XVIII века // Наука в общественном диалоге: ценности, коммуникации, организация: материалы международной научной конференции. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. С. 56–58.

Даулетова В.А. Вербальные средства создания автоимиджа в политическом дискурсе: На материале русской и английской биографической прозы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 22 с.

Евсеева Ю.Н. Адресованность как определяющий фактор лексических и структурных особенностей текста биографии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 19 с.

Козлова О.В. Взаимосвязь интер- и метатекста как актуализация коммуникативных стратегий автора в немецком биографическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2010. 18 с.

Писанова Т.В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики: эстетические и этические оценки: Дис. … д-ра. филол. наук. М., 1997. 393 с.

Пищальникова В.А., Герман И.А. Речевая деятельность как составляющая процесса самоорганизации человека // Ментальность. Коммуникация. Перевод: Сб. статей памяти Федора Михайловича Березина (1931–2003). М.: РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч-информ. исслед.; Отд. языкознания, 2008. С. 8–27.

*Русские самородки в жизнеописаниях и изображе*ниях. Выпуск VII. Стихотворцы Кольцов, Ломоносов, Суриков. Санкт-Петербуг: Издание Училищнаго при Святейшем Синоде Совета, 1910. 99 с.

С любовью к языку. Сборник научных трудов. Посвящается Кубряковой. Сборник научных трудов. Москва-Воронеж: ИЯ РАН, ВГУ, 2002. 492 с.

Сулейманова О.А. Академический диалог: дискурсивная интерпретация // Концепт и культура: диалоговое пространство культуры: языковая личность. Текст. Дискурс. Сб. статей VI международной научной конференции. 2016. С. 519–524.

Сулейманова О.А., Фомина М.А. Взаимодействие участников акта коммуникации в академическом дискурсе // Лингвокультурное пространство туристического дискурса: универсальные, национальные и региональные приоритеты и направления: Материалы международной научно-практической конференции. Барнаул, 2017. С. 151–157.

Сулейманова О.А. Диалог с *Другим* в академическом дискурсе // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик Материалы Первой международной конференции. М.: Языки народов мира, 2016. С. 539–547.

Сулейманова О.А., Фомина М.А. Партиципанты акта коммуникации в академическом дискурсе // Грамматические категории в контрастивном аспекте сборник научных статей по материалам международной конференции: в 2х частях. Московский городской педагогический университет, 2016. С. 186–192.

Сулейманова О.А. Академический дискурс как непрерывный диалог с *Другим* // Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия. – М.: ЛЕНАНД, 2018. С. 180–198.

Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 144 с.

Терпугова А.В. Биографический текст как объект лингвистического исследования: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 26 с.

Цейтлин Р.М. Григорий Осипович Винокур. М.: Изд-во Московского университета, 1965. 94 с.

Шаховский В.И. Отечественная лингвистика в лицах: Азбука человечности. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 96 с.

Ясинская М.Б. Лексические заимствования в Петровскую эпоху и языковая личность: На материале историко-биографической прозы князя Б.И. Куракина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 25 с.

УДК: 81-1

Вязигина С.Ю.

Аватар как смысловой элемент самопрезентации в интернет-блогах

Омский государственный технический университет,
Россия, Омск, viazigina_s@mail.ru

Аннотация. Современная блогосфера представляет собой новый способ массового общения в Интернете, имеющий ряд особенностей, отличающих данный тип взаимодействия от акта реального общения коммуникантов. Одним из важных смыслообразующих элементов акта самопрезентации в интернет-блоге является аватар автора дневника. Изучение данного явления требует детального исследования, поскольку графическое представление пользователя создается автором лично и несет в себе дополнительную к сообщению смысловую и эмоциональную нагрузку.

Ключевые слова: аватар; интернет-блог; самопрезентация; воздействие.

Vyazigina S.Ju.

Avatar as a semantic element of self-presentation in Internet blogs

Omsk State Technical University,
Russia, Omsk, viazigina_s@mail.ru

Abstract. Modern blogosphere is a new way of mass communication on the Internet, which has a number of features that distinguish this type of interaction from the act of real communication. One of the important semantic elements of the self-presentation act in a blog is the author's avatar. This phenomenon requires a detailed study, since the user's graphical representation is created by the author personally and carries a semantic and emotional load that is additional to the message.

Keywords: avatar; Internet blog; self-presentation; metaphysics of time.

Согласно общепринятой трактовке понятия «самопрезентация», предложенной Ж. Тедеши и М. Риессом, данное явление рассматривается как осознанное поведение, направленное на создание определенного впечатления о себе у окружающих [Семенова 2005]. До недавнего времени и в отечественной, и в западной психологии и психолингвистике акт самопрезентации рассматривался в масштабах реального взаимодействия коммуникантов. Однако в условиях технического прогресса и глобализации появляются и развиваются новые способы массового общения в Интернете, представленного

различными социальными группами, имеющими свои психологические и языковые особенности.

В процессе регистрации в системе пользователю необходимо указать минимальный объем информации о себе. Уже на этом этапе коммуникации выявляется основная особенность самопрезентации в интернет-блогах — возможность умышленного изменения персональных данных пользователем с целью произвести необходимое блогеру впечатление на оппонентов, оставаясь при этом инкогнито. Одной из основных составляющих самопрезентации в интернет-блогах, требующих особого внимания, является аватар автора дневника. По своей сути «аватар» (также «аватарка», «ава») является графическим представлением пользователя, созданным им самим. Это может быть обычная фотография самого блогера или стандартная картинка, предложенная сервисом программы. Аватар — это «виртуальный двойник» пользователя. Его основная цель заключается в создании максимально точного впечатления о пользователе посредством передачи информации о его внешности, внутреннем духовном мире и даже социальном статусе. Аватаром может быть анимированная или статичная картинка, размещенная на стартовой странице дневника. В процессе дальнейшей коммуникации это изображение будет располагаться рядом с каждым сообщением блогера, что способствует упрощению восприятия информации, напрямую ассоциируя сообщения с их автором.

На наш взгляд, смысловое наполнение графического изображения, выбранного пользователем, представляет дополнительные возможности для интерпретирования его самопрезентации, а также особенностей конструирования им своей веб-личности.

В данной статье исследуется специфика выбора аватара пользователями русскоязычной блогосферы. В процессе исследования мы наблюдали за двумя экспериментальными группами блогеров, каждая из которых состояла из пятнадцати пользователей, зарегистрированных на платформе русскоязычной версии Livejournal.com в течение месяца с начала нашего исследования. Первая группа была представлена интернет-дневниками анонимно зарегистрированных пользователей, ведущих свои дневники под вымышленными именами. В качестве аватара в данной группе использовались различного рода графические изображения. Вторая группа состояла из интернет-дневников, авторы которых при регистрации указали свои личные данные в полном объеме. Аватары этих авторов представляли собой личные фотографии (как правило, портретные снимки) авторов, что определялось и по другим фотографиям, выкладываемым авторами в своих дневниках. Тематика и

стиль повествования в блогах были различными. В каждой группе преобладали блоги-размышления, касающиеся в основном новостей политики, экономики и культуры. Присутствовали и дневники, посвященные личным путешествиям автора. Авторы двух интернет дневников публиковали в блогах свои художественные сочинения. Аватары всех анонимных пользователей были представлены статичными графическими изображениями, так или иначе отражающими тематику и цель ведения блогов. Подавляющее большинство дневников этой группы было представлено интернет-блогами политической тематики. В девяти дневниках авторы выбирали для аватара, как правило, достаточно агрессивные картинки. В основном встречались изображения национального государственного флага или политического лидера страны, интересы которой отстаивал или оспаривал автор в полемике с другими блогерами. Также встречались изображения известных политических деятелей, представленных как в уничижительно-шуточном, так и в серьезном образе. В возрастной категории (в дневниках, где возраст был указан) до двадцати пяти лет среди мужчин активно использовались образы рыцарей в стиле фэнтези. Женская аудитория в основном подражала стереотипным образам красоты, навязанным современной массовой поп-культурой. Аватары трех дневников, посвященных туристическим путешествиям автора, представляли собой картинки с изображением природы. В двух дневниках, имеющих большое количество читателей и, как результат, высокий рейтинг, авторы систематично меняли свои аватары.

Автор блога с художественными произведениями использовал для аватара портреты русских писателей, преимущественно XIX в.а, что указывало на литературные предпочтения самого автора дневника. Также такая практика положительно воздействовала на читателей, непроизвольно сопоставляющих литературные произведения, выложенные в интернет-блоге, не с их реальным автором, а с известными писателями, изображенными на аватаре. Рейтинг этого дневника был высоким в сравнении с официально зарегистрированным блогом, на аватаре которого был выставлен портрет блогера.

Для аватаров официальных блогов, посвященных обсуждению политических проблем, блогеры, как правило, выбирали официально-деловой стиль фотографий. Так же как и в дневниках анонимных пользователей, в указанной группе активно использовались государственные символы: флаги, столичные правительственные здания, политические лидеры различных партий. Как правило, на всех фотографиях присутствовало изображение автора блога. Таким образом, блогер, отстаивающий определенную политическую позицию,

ассоциировал себя с соответствующим политическим движением. Аватары интернет-дневников, посвященных туризму, культуре и размышлениям на различные темы, представляли собой как любительские снимки, на которых не всегда встречалось изображение автора дневника, так и предложенные программой анимированные и статичные заставки. Частота смены аватара также напрямую зависела от популярности интернет-дневника среди читателей. Автор дневника с художественными произведениями предпочел использовать свою личную фотографию, которую он не менял за время нашего наблюдения. И только за месяц до окончания ведения своего дневника блогер удалил свою фотографию, оставив аватар без изображения. Рейтинг посещаемости указанного интернет-блога постепенно снижался.

Исследование особенностей самопрезентации является актуальным, но малоизученным, особенно в нашей стране, вопросом. Так, зарубежными учеными (И. Гофман, М. Снайдер, Т. Иттман и т.д.) сделан основной вклад в исследование данной проблемы [Некрасова 2007, с.122]. Тем не менее, данный аспект вызывает все больший интерес со стороны современных отечественных исследователей. В частности, в работе Е.В. Михайловой представлены теоретические подходы к исследованию данной проблемы [Михайлова 2006, с.36]. Сущность и основные характеристики самопрезентации описаны в работе Н.А. Некрасовой и У.С. Некрасовой [Некрасова 2007, с.122]. О влиянии культурного начала индивида на самопрезентацию в виртуальной среде сказано в работе А.В. Чистякова [Чистяков 2006, стр. 31]. Особенностям web-самопрезентации представителей разных культур посвящена работа М.С. Романовой [Романова 2009, с.91], а также работа А.И. Затулий и Е.М. Бурнаевой [Затулий 2012, с.297]. Специфика выбора графического изображения для web-самопрезентации описана в работе Д.С. Быльевой [Быльева 2014 с.261]. Психологическим особенностям восприятия виртуального собеседника другими участниками web-коммуникации посвящена работа Ю.Е. Зайцевой [Зайцева 2012 с.134]. О прагматическом потенциале аватара, как обязательного элемента web-самопрезентации, способствующем установлению контакта, привлечению внимания других пользователей и т.д., сказано в работе Ю.А. Антонова и С.А. Демина [Антонов 2010 с.15].

Следует отметить, что во всех указанных исследованиях рассматриваются лишь частные случаи данного вопроса, что делает изучение самопрезентации в электронной среде актуальным и значимым направлением.

По результатам нашего исследования при анализе интернет-блогов обеих групп можно выделить следующие особенности.

Для группы анонимно зарегистрированных блогеров, указывающих в качестве аватара не личное фото, а графическое изображение, содержащее оскорбительные элементы, была характерна большая свобода высказываний. Категоричная форма выражения коммуникантов, зачастую использующих ненормативную лексику и оскорбления, соответствовала выбранному ими изображению. Такое сочетание графического элемента и сообщения помогает коммуниканту быть услышанным другими, привлекая внимание к своей персоне через оскорбления и ненормативное речевое поведение, что является одной из особенностей самопрезентации в виртуальных дневниках, представляющей собой своеобразный способ борьбы с рядом психологических комплексов посредством ведения «параллельной жизни». Также существование в Сети инкогнито позволяет самореализоваться за счет поведения, невозможного в повседневной жизни.

Группа, состоящая из пятнадцати официально зарегистрированных людей, не скрывающих свое изображение, в целом была представлена пользователями с определенным уровнем образования и культуры, багажом знаний и достаточно развитыми языковыми способностями. К такому выводу мы пришли, анализируя тексты статей в блогах этих авторов. Однако спустя пять месяцев с момента нашего наблюдения три блогера перестали вести записи, а у четырех пользователей постепенно снижалась активность ведения дневника.

На наш взгляд, основная причина такого явления может заключаться в двойственной природе интернет-блога. В отличие от бумажного дневника, в который обычно заносится информация личного характера и который ведется автором исключительно для себя самого, электронный дневник создается для того, чтобы представлять свои убеждения, выражать свои идеи и обосновывать свою позицию по определенным вопросам перед посторонними людьми, зачастую в большинстве своем совершенно незнакомыми автору. В связи с этим блогеры, не собравшие вокруг себя постоянных читателей, со временем потеряли интерес к этой деятельности. Причем речь в данном случае идет, как правило, о скандальной популярности дневника, а не о наличии должного количества единомышленников. Подтверждением этому является тот факт, что три политических блога заработали высокий рейтинг популярности именно за счет резкой критики в своих комментариях популярной для данного временного периода политической позиции.

В целом, наблюдая в течение девяти месяцев за первоначальным выбором аватара и последующей сменой изображения тридцатью пользователями, официально и анонимно зарегистрированными на интернет-платформе Livejournal.com, мы пришли к выводу, что грамотный выбор графического изображения во многом влияет на успех ведения блога, заключающийся в его популярности среди читателей.

Все средства самопрезентации, используемые обеими группами блогеров для конструирования своей веб-личности, являются индикаторами психофизических характеристик самого пользователя и, как результат, отражают психическое здоровье личности виртуальной. В этой связи анонимность коммуникации в блогах предоставляет широкие возможности для самопрезентации пользователя, позволяя сконструировать новую идентичность, стать тем, кем хочется, создать о себе желаемое впечатление, варьируя такие личные данные, как пол, возраст, внешность и т. д. В связи с этим общение в блогосфере можно рассматривать не как межличностную коммуникацию, а как общение виртуальных образов, представленных реальными людьми.

Аватар – графическое изображение, являющееся представлением в интернет-блогах реального человека, – наиболее полно в сравнении с другими техниками отражает сущность, внешность и характер своего хозяина. Проанализировав аватары двух групп пользователей, мы сделали выводы о предпочтениях и стереотипах современных блогеров. С точки зрения гендерной принадлежности прослеживается идеализация действительности в обеих группах, однако особо ярко данная тенденция проявляется в группе анонимно зарегистрированных блогеров, аватары которых представлены графическими изображениями, а не реальными фотографиями авторов. Для женской аудитории подбор аватара для своей страницы базировался в первую очередь на принципе красоты, стремлении к идеальной внешности в соответствии с современными модными тенденциями, о чем свидетельствует достаточное количество картинок с типичными «рекламными» образами девушек модельной внешности и «суперменами» в группе анонимных пользователей. В свою очередь, у мужской аудитории таким принципом выступил принцип «силы». Указанные гендерные предпочтения были неоднократно отмечены исследователями [Затулий 2012, с. 299].

В группе официально зарегистрированных блогеров аватары авторов в основном были представлены портретными фотографиями, выполненными в официально-деловом стиле. Наличие подобного рода изображений рядом с комментарием автора придает тексту большую убедительность, что указывает на воздействующую функцию графического оформления интернет-блога.

Эмоциональная открытость общения, которая явно прослеживается в комментариях к статьям блогов, поиск в этой среде новых контактов и единомышленников, желание любым способом обратить на себя внимание и быть услышанным способствуют росту популярности интернет-блогов среди современных пользователей и, как результат, использованию данной программы не только в целях коммуникации, но и в качестве инструмента организации и контроля, что, в свою очередь, свидетельствует о необходимости более детального изучения всех составляющих блоговой коммуникации, в частности особенностей самопрезентации в интернет-дневниках.

Список литературы

Антонов Ю.А., Дёмин С.А. Аватар как элемент самопрезентации в социальной сети // Лингвокультурология. 2010. № 4. С. 15–20.

Быльева Д.С. Аватар как индивидуальный выбор средства самоидентификации // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2014. №1. С. 261–269.

Зайцева Ю.Е. Образ самопрезентации (аватара) как фактор формирования первичного доверия/недоверия субъекту интернет-коммуникации // Вестн. СПбГУ. Сер. 12. Социология. 2012. №1. С. 134–143.

Затулий А.И., Бурнаева Е.М. Гендерные идеалы: особенности самопрезентации пользователей интернета // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2012. С. 297–304.

Михайлова Е.В. Обучение самопрезентации. Гос. ун-т – Высшая школа экономики. 2-е изд. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. 249 с.

Некрасова Н.А., Некрасова У.С. Самопрезентация: Сущность и основные характеристики / /Успехи современного естествознания. 2007. № 11. С. 122–124.

Остапенко И.А. Гендерная идентичность и самопрезентация в Интернет- коммуникации: Социально-философский анализ: автореф. дис. канд. филос. наук. Ростов- на-Дону, 2004. 20 с.

Романова М.С. Псевдонимы в немецких и русских чатах // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. Т. 2. № 3. С. 91–93.

Семенова Л.Н. Технология самопрезентации: учебно-методический комплекс. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2005. 54 с.

Соколова-Бауш Е.А. Самопрезентация как фактор формирования впечатления о коммуникаторе и реципиенте: автореф. дис. канд. психологич. наук. М., 1999. 22 с.

Чистяков А.В. Самопрезентация личности в культурном пространстве Интернета // ИЗВУЗ. Серия: Общественные науки, 2006. № 4. С. 25–31.

Шевченко И.С. Вариативность самопрезентации личности в Интернет-общении: Дис. канд. психологич. наук. Казань, 2002. 23 с.

УДК: 81-42

Ефименко Е.А.

Национальная специфика вербализации концепта «HEIM» в австрийском художественном дискурсе

Московский государственный лингвистический университет,
Россия, Москва, kifir81@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена описанию ключевого концепта австрийской лингвокультуры „Heim“ («отчий дом») на материале австрийской малой прозы второй половины XX века и его роли в представлении австрийских этнических ценностей. Особое внимание уделяется особенностям вербализации концепта „Heim“ и средствам его репрезентации в австрийском художественном дискурсе.

Ключевые слова: этнические ценности, концепт, вербальная репрезентация, национальная специфика, австрийская малая проза.

Efimenko E.A.

National specificity of verbalization of the concept "HEIM" in Austrian literature

Moscow State Linguistic University,
Russia, Moscow, kifir81@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the description of the concept „Heim“(„native home“) as the key concept of Austrian linguistic culture on the material of Austrian small prose of the second half of the 20th century and its role in the representation of Austrian ethnic values. Special attention is paid to the peculiarities of verbalization of the concept „Heim“ and the means of its representation in Austrian literature.

Keywords: ethnic values, concept, verbalization, national specificity, Austrian small prose.

Исследование специфики структуры и содержания картины мира представителей различных лингвокультур является одной из актуальных задач современного языкознания. Решение этой задачи

возможно лишь в результате детального рассмотрения базовых концептов, при этом эффективным способом установления структуры и содержания концепта является анализ его вербальной репрезентации.

В культуре каждого народа всегда присутствует нечто общечеловеческое и этнонациональное. Система этнических ценностей формируется исторически, в процессе коллективной жизнедеятельности и, как отмечала Рут Бенедикт, в силу тех или иных обстоятельств исторической судьбы этносов некоторые ценностные ориентации отходят на второй план, другие, напротив, становятся особенно важными в судьбе народа, определяя его культурное своеобразие [Benedict 1934].

В системе ценностей австрийской лингвокультуры ценность «Heimat» (Родина) в силу исторически сложившихся причин обладает наибольшей аксиологической ценностью и реализуется через представления о доме. «Дом», будучи универсальной доминантой, является одним из ключевых концептов в любой культуре и не раз становился объектом исследования, в частности в русской [Медведева 2001, Валеева 2010], немецкой [Базылова 2010, Чеснокова 2014] и даже в китайской языковой картине мира [Матназаров, Хоречко 2015]. Концепт «дом» уже исследовался ранее, например, в художественном дискурсе [Ланская 2005; Фещенко 2005; Богатова 2006; Слепцова 2009], на уровне фразеологии и паремиологии [Свицова 2004; Тимощенко 2007], однако он впервые становится объектом исследования в австрийской языковой картине мира на материале художественных текстов: австрийская проза малого жанра второй половины XX века ранее не подвергалась лингвокогнитивному анализу и долгое время рассматривалась как часть общенемецкой культуры.

Анализ произведений австрийских прозаиков второй половины XX века (I. Aichinger, I. Bachmann, A. Brandstetter, E. Canetti, H. Eisenreich, B. Frischmuth, G. Fritsch, G. Fussenegger, P. Handke, M. Haushofer, G. Jonke, O. Kokoschka, A. Kolleritsch, R. Menasse, F. Nabl, Ch. Nöstlinger, P. Rosei, M. Scharang, J. Schutting, P. Turrini и др.) позволил выявить особенности языковой картины мира австрийцев, установить эталоны и стереотипы национальной культуры, смоделировать основные характеристики мировидения языкового коллектива и личности, выявить национальную специфику понятия «отчий дом» („Heim“).

В австрийской лингвокультуре языковая репрезентация ментального представления о жилище, возводимом на своей территории, осуществляется посредством лексемы *das Heim*, которая восходит к общегерманскому языку-основе, где *heim* обозначало «дом, место жительства, родину» („Haus, Wohnort, Heimat“) и означало

«место, где можно обосноваться, поселиться; лагерь» („Ort, wo man sich niederlässt, Lager“) [HWb 1997, c. 276].

Сегодня отчий дом австрийцы обозначают либо понятием *das Heim, das Daheim („ein gemütliches Daheim“)* [ÖW 1999, c.244], либо чисто австрийским наречием *daheim („daheim bleiben“)* [ÖW 1999, c.244], встречающимся почти в каждом австрийском рассказе (иногда даже по нескольку раз) – *daheim:*

„Daheim“ ist in Österreich und in Süddeutschland das hauptsächlich gebrauchte Wort a) für „zu Hause“ und b) für „in der Heimat“. Jakob Ebner nennt in Wie sagt man in Österreich? Als Beispiel für (a) „Ich höre gar nichts von daheim!“ und für (b) „Warum ist er auch weg von daheim“ (в переводе: а) дома; б) на Родине)“ [Das österreichische Deutsch 2004, c.75].

„Daheim, daheim, wie gerne möchte ich heim…“ / Домой, домой, как же я хочу домой… (Перевод наш. – Е.Е.) [Ransmayr 1999, c.35].

„Daheim ist daheim. Auswärts ist auswärts.“ (A. Brandstetter. Der Heimvorteil) / Дом есть дом. Чужбина есть чужбина (Перевод наш. – *Е.Е.*) [Scharang 1984, c.257].

„Je mehr er herumreist, so sagt er, desto intensiver fühlt er sich in seiner Heimat daheim. … Daheim ist daheim, sagt ein Sprichwort. Aber manche sind daheim viel daheimer als andere.“ (G. Amanshauser. Daheim) / Чем больше он путешествует, так он говорит, тем больше он чувствует себя на Родине дома. … Дом есть дом, гласит поговорка. Однако многие сильнее чувствуют свою связь с домом, чем другие (Перевод наш. – *Е.Е.*) [Scharang 1984, c. 52, 53].

Анализ австрийской малой прозы второй половины XX века позволил сделать вывод о том, что концепт „Heim“ («отчий дом») охватывает шесть взаимосвязанных микрополей: „Wohnstätte / Bau“ («Жилище / здание»), „Heimbewohner“ («Люди, живущие в доме»), „Heimatland“ («Родная сторона»), „die vertraute Sprache“ («Родной язык»), „Gemütlichkeit / Ruhe“ («Уют / спокойствие»), „Geborgenheit / Sicherheit“ («Защищенность / безопасность»).

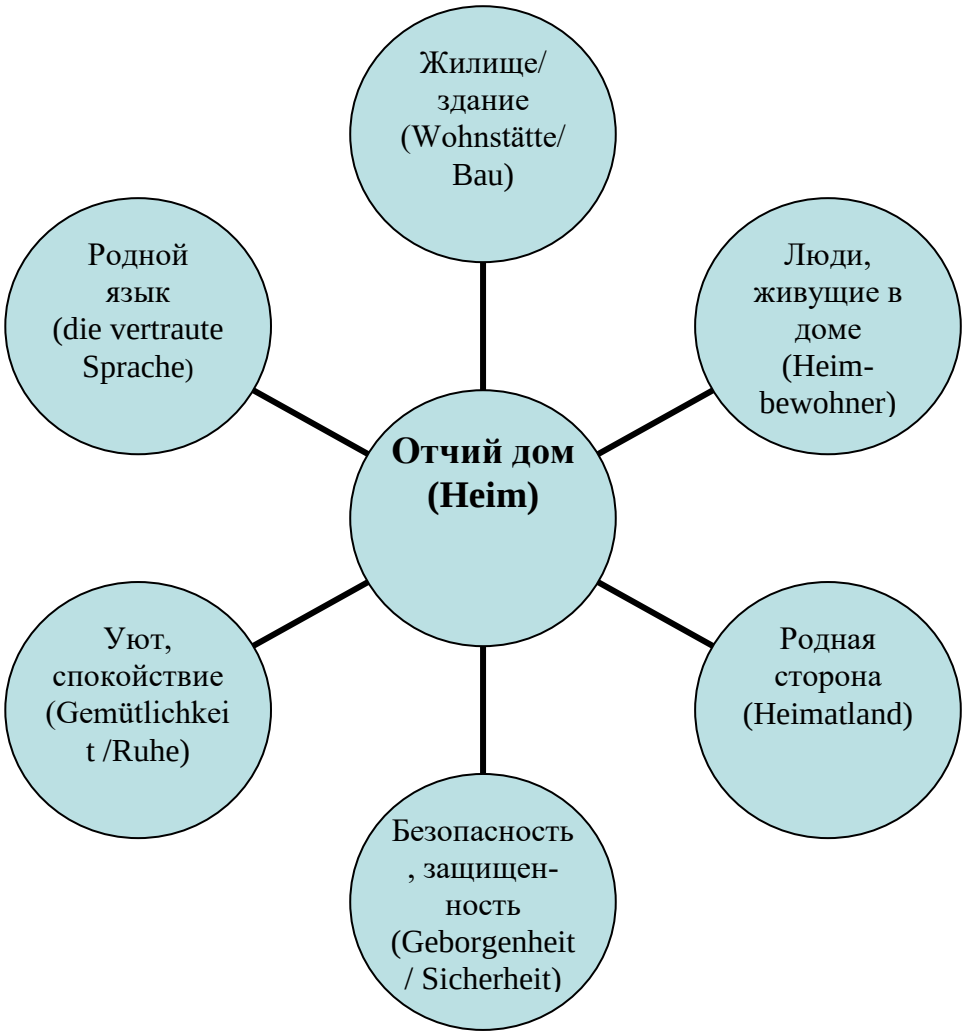

Схема 1. Структура концепта „Heim“ в австрийской языковой картине мира

Номинативное поле концепта „Heim“ («отчий дом») определяется как совокупность языковых средств, объективирующих концепт. Частотность единиц, объективирующих концепт, и регулярность именования понятия «отчий дом» в текстах австрийской малой прозы второй половины XX века в различных номинациях свидетельствует об актуализации концепта в национальной концептосфере австрийцев. «Аспект актуальности» концепта (термин Г.Г. Слышкина [Слышкин 2004, с. 6]) реализуется в большом количестве языковых единиц, являющихся средствами апелляции к данному концепту:

1. Прямые номинации (ключевое слово-репрезентант и его системные синонимы), например, *das Daheim, das Heim, das Zuhause, das Haus, das Häuschen, die Stube, der Raum, die Bude, das Zimmer, das Dorf*.

2. Производные номинации концепта (переносные и производные номинации отдельных когнитивных признаков концепта): *das Gehäuse*

‘раковина’, *ein sicheres Gehäuse, das Kerngehäuse* ‘гарантирующая безопасность скорлупа, раковина’; *die Wohnstatt* ‘обитель’; *das Haus der Freiheit* ‘дом, где предоставляют свободу действий’, *der Platz meiner Kindheit* ‘место, где прошло детство’, *das Haus meiner Geborgenheit* ‘дом, где я ощущаю себя в безопасности’.

3. Однокоренные слова, словообразовательно связанные с основными лексическими средствами вербализации концепта: *das Wirts-, Bauern-, Gast-, Landhaus* ‘дом’; *das Wohn-, Gast-, Turm-, Warte-, Schlaf-, Kinder, Eck-, Neben-, Stiegen-, Arbeits-, Schreib-, Badezimmer* ‘комната’; *der Wohn-, Arbeits-, der Schlafraum* ‘пространство’; *die Schreib-, Schlafstube* ‘комнатка’ и др.

4. Контекстуальные синонимы: *das Gasthaus* ,‘гостиница’, *die Hütte* ‘хижина, хибарка’, *das Cafe, das Kaffeehaus, die Konditorei* ‘кафе’; *das Dorf* ‘деревня’, *die Dorfheimat* ‘деревня, олицетворяющая родину’; *das Dorf und die Dorfleute* ‘деревня и ее жители’; *die Idylle* ‘идиллия’, *die Luft* ‘воздух’.

5. Окказиональные индивидуально-авторские номинации: *das Nest* ‘гнездо’, *der Käfig* ‘клетка’ (Б. Фришмут, Ф. Ортманн), *die Hütte* ‘хижина, хибарка’, *die Bude* разг. ‘хата’; ‘деревня’ (Х. фон Додерер, П. Туррини, А. Коллерич и др.); *der Hof und das Heim* ‘деревня, двор и дом’ (Х. фон Додерер); *die Ortschaft, der Marktflecken* ‘населенный пункт’ (Фр. Набль), *Österreich* ‘Австрия’ (П. Хандке, А. Брандштеттер); *der eigene Sprachraum* ‘свое языковое пространство’; *der Arbeitsraum, sein „Haus im Haus“* ‘кабинет, его «дом в доме»’; (П. Хандке); *das Heimatland, das Land der Kindheit* ‘Родина, страна детства’; (К. Х. Ваггерль); *die Heimat* ‘Родина’ (Ж. Амери); *der Hort der Stille* ‘оплот спокойствия’ (М. Мелль, Ф. Пакоста) и др.

6. Паремии (пословицы, поговорки, афоризмы), подтверждающие значимость образа «отчего дома»:

Trautes Heim, Glück allein / Мой дом – моя крепость;

Daheim ist daheim / Дом есть дом;

Gut gebunden ist halb zu Hause / Хорошее начало – половина дела;

Besser zu Haus ein Ranft Brot als in der Fremde eine ganze Kuh / Свой хлеб слаще чужого калача; Лучше свой кусок, чем чужой пирог;

Arbeiten, arbeiten, ein Haus bauen / Трудиться, трудиться, построить дом.

Понятие das Heim («отчий дом») репрезентирует «замкнутое» пространство, которое оказывается наиболее близким героям. В нем персонажи ощущают себя комфортно, и поэтому им дорожат. Наиболее значимый когнитивный признак ментального представления понятия «отчий дом» в австрийской картине мира – «родная сторона».

Основным эпитетом, сочетающимся с лексемой *das Heim*, является прилагательное *traut* ‘уютный’:

„*Herr Vogelsang geht in diesen kalten Morgen jedenfalls immer los, kehrt jedoch alle Abende niedergeschlagen und todmüde in sein trautes Heim zurück.“ (H.C. Artmann. Keine Zeit für Twrdik-Rosen) / Во всяком случае, в эти холодные дни утром господин Фогельзанг всегда уходит из дома, однако каждый вечер подавленный и смертельно усталый возвращается в свой уютный дом* (Перевод наш. – *Е.Е.*) [Österreichische Erzählungen des 20. Jahrhunderts 1987, с. 274]).

При этом das Heim в значении «отчий дом» вовсе не обязательно отсылает нас в понимании австрийцев к описанию некой постройки, имеющей четыре стены, пол и потолок, а, как правило, описывает родную деревню, ареал распространения родного языка, ставшую вторым домом кофейню. Таким образом, специфическими средствами вербализации концепта „Heim“ («отчий дом») в австрийской малой прозе второй половины XX века становятся кофейня / кафе и деревня / провинция.

Кофейня – это особый институт. Кофейни опоэтизированы и возведены в ранг государственного символа, а их посетители воспеты в многочисленных очерках, рассказах и воспоминаниях (Ф. Кафка, А. Полгар, А. Шнитцлер, Г. фон Хофмансталь, Й. Рот, Ф. Торберг и др.). Например, фельетонист Альфред Польгар разработал целую теорию „Cafe Central“. «Централист» Польгара – это «человек без свойств», лишь в кафе обретающий ощущение, что и у него есть подобие семьи, профессии, политической партии. Благодаря кафе он чувствует себя частичкой целого. Кафе для него – «эрзац реальности» [Зинченко 2007, с. 156].

Эссеист Герман Бар сравнивает венское кафе с «платоновской академией», а Стефан Цвейг называет кафе «лучшим местом воспитания». Оду кафе, как панацее от всех бед, поет в стихотворении «Кофейня» („Kaffeehaus“) Петер Альтенберг:

Тебя одолели заботы? Не всё ли равно, какие, – иди в кофейню!

Она не смогла прийти на свидание, пусть даже по очень серьезной причине? – В кофейню!

Башмаки износились? – В кофейню!

Получаешь четыреста в месяц, а тратишь пятьсот? – В кофейню!

Бережешь каждый грош и на всем экономишь? – В кофейню!

Ты – канцелярская крыса, а когда-то мечтал стать врачом? – В кофейню!

И ни одна не способна тебя понять? – В кофейню!

Ты мысленно готов покончить с жизнью? – В кофейню!

Все люди мерзки и внушают отвращение. Но без них невозможно? – В кофейню!

Везде закрыли кредит? – В кофейню! [ЕЛЖ 1997, с.21].

Венская кофейня подчиняет повседневную жизнь австрийцев особому ритму, в котором все стремится к покою. Пребывание в кафе подразумевает непринужденность, свободу и общительность, столь значимые для австрийской культуры. Кофейня ассоциируется с приятным расположением духа. Когда австрийцу хорошо, он говорит: *„Das ist ein Kaffeehaus für mich! Hier fühle ich mich gut, hier gefällt es mir“ / Здесь мне нравится, здесь я чувствую себя хорошо.*

В кафе приходят не только выпить чашечку кофе, обсудить актуальные темы, почитать, поиграть в шахматы, отдохнуть, но и поработать:

„*Das Wiener Kaffeehaus war tot, allemal sein morgenländisches Gepräge, sein universelles: als Umschlageplatz für Geschäfte, als halbes Büro, halbe Wohnung, als Hort schlampigen Wenigtuns, als Diskutier-, Kolportier-, Diffamierzentrale.*“ (Ulrich Becher. Kurz nach vier) / *Венское кафе было пусто; исчез присущий ему всегда восточный колорит, универсальные качества кафе: перевалочный пункт для решения вопросов, наполовину офис, наполовину квартира, оплот небрежного ничегонеделания, центр для дискуссий, рассказов, сплетен* [Scharang 1984, с. 36] (Перевод наш. – *Е.Е.*).

Для австрийца, и в особенности жителя Вены, кафе неотделимо от его повседневной жизни. Здесь он чувствует себя в обществе и в то же время наедине с самим собой, как дома: *„Die schönste Landschaft, die ich kenne, ist das Cafe! ...Das Cafe spielt in der Existenz des Wiener Volkes eine große Rolle: es ist gewissermaßen sein zweites Heim. Man geht weniger hin, um die Zeitung zu lesen und zu trinken, als vom Vorurteil befangen, dass der Tag ein verloren wäre, an dem man sich nicht im Cafe gesehen hätte.“ / Самый красивый пейзаж, который я знаю, это кафе! ...Кафе играет в жизни жителей Вены большую роль: оно своего рода второй дом. Туда идут не столько для того, чтобы почитать газету и выпить, сколько в замешательстве от того, что день прошёл зря, если вы не виделись в кафе* [Löwenthal 1997, с. 16] (Перевод наш. – *Е.Е.*).

О трепетном отношении австрийцев к кафе свидетельствует и любимая в Австрии поговорка: *ubi Bohne, ibi patria* / Там, где кофейные зерна, там и моя Родина.

Отметим, что австрийцы консервативны и хранят дань многовековым традициям. Они ценят размеренное течение времени, всегда готовы идти на компромисс, трепетно относятся к Родине и родному дому, не представляют своей жизни без австрийских кофеен и деревни, где прошло детство, где расположен милый сердцу дом:

„*Ein Mensch kann nicht überall daheim sein, zu Hause wohl, aber nicht daheim. Denn das Heimatland ist ja das Land der Kindheit, voll rätselhafter Klänge und magischer Bilder, die der Verstand nicht fasst, aber das Gemüt“ (K.H. Waggerl. Lob der Heimat) / Человек не может везде чувствовать себя как дома, он безусловно, может иметь ощущение дома, но не чувствовать себя как дома. Дело в том, что Родина – это ведь страна детства, полная загадочных звуков и таинственных картин, которые постигает не разум, а душа* [Leitner 2000, с. 27] (Перевод наш. – Е.Е.).

Большая часть населения Австрии проживает не в крупных городах (Вена, Инсбрук, Грац, Зальцбург, Линц), а в деревне и ее окрестностях [Koppensteiner 2010, с. 11]. На эту особенность еще в прошлом веке также обращал внимание Х. Вайгель: «Австрия насчитывает семь миллионов жителей, а точнее два миллиона проживает в Вене и пять миллионов в Сент Полтен. … Когда-то Сент Полтен был синонимом понятия «провинция», однако постепенно утратил это качество. Сент Полтен – это дружелюбный, активный город средней величины» [Weigel 1987, с. 72] (Перевод наш. – Е.Е.).

Таким образом, в силу исторически сложившихся традиций образ дома неразрывно связан с понятиями «деревня/провинция» (das Dorf / die Provinz): *Для австрийца «деревня – это нечто бóльшее, чем скопление домов»* (Перевод наш. – *Е.Е.*) [Kolleritsch 1995, с. 59].

В обыденной жизни австрийцы ценят уют родного дома (die Gemütlichkeit) и размеренный темп жизни:

„Diese Gemütlichkeit“, sagt er, „findest du nirgends im Ausland.“ (G. Amanshauser. Daheim) / «Это чувство уюта ты не найдешь нигде за пределами Австрии» (Перевод наш. – Е.Е.) [Scharang 1984, с. 55].

„Ruhe – das ist Österreich!“ (P. Handke. Der Chinese des Schmerzes) / «Покой – вот что такое Австрия!» (Перевод наш. – *Е.Е.*) [Handke 1983, с. 161].

Уют родного дома – die Gemütlichkeit – предполагает a) „das Gefühl der Behaglichkeit auslösende Atmosphäre“; b) zwanglose Geselligkeit; Ungezwungenheit; c) Ruhe, Gemächlichkeit) (чувство уюта, комфорта; непринужденное общение; естественная обстановка; покой, спокойствие) (Перевод наш. – *Е.Е.*) [DUWb 2001, с. 629].

Отметим, что стремление к уюту в доме объединяет немцев и австрийцев, однако «показательно, что довольно устойчивой ассоциацией с Gemütlichkeit в немецком сознании является австрийский стиль жизни: «*In Österreich sind die Leute noch gemütlich, sie können noch leben; die sprichwörtliche österreichische Gemütlichkeit; die urechte Wiener Gemütlichkeit; gemütliche österreichische Stimmung.* Эти высказывания немцев указывают на совершенно очевидную устойчивую связь в их

сознании понятий Gemütlichkeit и Österreich, Österreicher, österreichisch, Ferienhaus» [Кирсанова, Малыгин 2014, с. 114].

Кроме того, Т.В. Кирсанова и В.Т. Малыгин отмечают, что при исследовании вербальной репрезентации концепта Gemütlichkeit в австрийской и немецкой лингвокультурах «при универсальности понятийной основы концепта Gemütlichkeit в сопоставляемых лингвокультурах были обнаружены существенные различия в его периферийных частях, что свидетельствует о несовпадении ценностных характеристик и оценочных представлений австрийцев и немцев» [Кирсанова, Малыгин 2014, с. 113].

В частности, «с целью уточнения интерпретации концепта Gemütlichkeit был проведён ассоциативный эксперимент, в котором участвовали австрийцы и немцы. Респондентам было предложено зафиксировать их свободные ассоциации на слово-стимул Gemütlichkeit. Среди универсальных ассоциаций австрийцами и немцами чаще всего назывались следующие: *Ofen, Kamin, Kaminfeuer, Kerzen, Holzhäuser, Gartenzaun, Bademantel, Fotos, Kissen, Fernsehgerät, Sofa, Stammtisch, Adventszeit, Kleinstädte, Volksfeste, Ferienhaus* [Кирсанова, Малыгин 2014, с. 113].

Вместе с тем многочисленные ассоциации имеют ярко выраженную национально-культурную специфику. Как отмечают Т.В. Кирсанова, В.Т. Малыгин, у немецких информантов Gemütlichkeit чаще всего ассоциируется с понятиями: *Oktoberfest, Bier trinkende Bayern in Lederhosen, München als die Stadt der Gemütlichkeit, der deutsche Michel*. У австрийцев — другие ассоциации: *Kaffeehaus, Heuriger, Beisel, Wien, Wiener Walzer, Wiener Mizzi, lieber Augustin* [Малыгин 1994].

Таким образом, проведенный анализ австрийской малой прозы второй половины XX века позволил, во-первых, сделать вывод о том, что ключевым концептом австрийской лингвокультуры, широко представленным в изученном материале, является концепт „Heim“ («отчий дом»), во-вторых, выявить не только индивидуально-авторские знания об отчем доме, но и дополнить представления об универсальном концепте «дом» в австрийской языковой картине мира, в-третьих, сделать вывод о том, что представления о Родине и отчем доме являются значимыми этническими ценностями и неразрывно связаны с исторической памятью австрийского народа.

Средства репрезентации концепта „Heim“ («отчий дом») позволяют говорить о национальной специфике вербализации концепта в австрийском художественном дискурсе и подтверждают суждение том, что дом/отчий дом, представляющий ценность для всех народов, имеет свою специфику в каждом языке и культуре, так как

неповторимый индивидуальный облик любой культуры представляет собой результат особой, свойственной лишь данной культуре организации элементов опыта, которые сами представители культуры считают уникальными.

Список литературы

Базылова Л.А. Средства репрезентации концепта «Дом» в русском и немецком языках (на материале романа А.Г. Битова «Пушкинский дом» и его немецкоязычного перевода): автореф. дис. … канд. филол. наук. Брянск, 2010. 24 с.

Богатова С.М. Концепт «дом» как средство исследования художественной картины мира Вирджинии Вулф: Дис. … канд. филол. наук. Омск, 2006. 176 с.

Валеева Д.Р. Репрезентация концепта «ДОМ» в русской языковой картине мира: автореф. дис. … канд. филол. наук. Казань, 2010. 20 с.

Ежемесячный литературный журнал Нева. СПб.: Журнал «Нева», 1997. № 6–1. С. 21

Зинченко В.Г. Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2007. 224 с.

Кирсанова Т.В., Малыгин В.Т. Концепт GEMÜTLICHKEIT в австрийской лингвокультуре (на примере микрополя Behaglichkeit) // Вестник Новгородского Государственного Университета. №77. 2014. С. 112–114.

Ланская О.В. Концепт «дом» в языковой картине мира (на материале повести Л.Н. Толстого «Детство» и рассказа «Утро помещика»): автореф. дис. … канд. филол. наук. Липецк, 2005. 24 с.

Малыгин В.Т. Австрийский фразеологический словарь. СПб.: РГПУ, 1994. 231 с.

Матназаров Т.У., Хоречко У.В. Концепт «Дом» в русской и китайской языковых картинах мира // Молодой ученый. 2015. №5. С. 654–657. [Электронный ресурс] URL: https://moluch.ru/archive/85/16068/.

Медведева А.В. Концепт ДОМ в русской и английской концептосферах // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание / под ред. И.А. Стернина. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 102–106.

Свицова А.А. Лингвокультурная доминанта «дом – родина – чужбина» в русских и английских пословицах // Сб. науч. тр. Тверь: ТГУ, 2004. Вып. 3. С. 112–117.

Слепцова Е.В. Концепт «дом» в русской языковой картине мира и в тетралогии «Братья и сестры» Ф.А. Абрамова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2009. 25 с.

Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Волгоград, 2004. 39 с.

Тимощенко С.А. Лексико-семантическая экспликация концепта ДОМ в русской фразеологии и художественных текстах: Дис. … канд. филол. наук. Краснодар, 2007. 226 с.

Фещенко О.А. Концепт ДОМ в художественной картине мира М.И. Цветаевой (на материале прозаических текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2005. 25 с.

Чеснокова Л.В. Концепт «Heim» (дом, домашний очаг): убежище от экзистенциального страха в немецкой культуре // NOTA BENE. Философия и культура 5 (77), 2014. С. 719–724.

Benedict R. Patterns of Culture. Boston and New York: Houghton Mifflin and Company, 1934. 260 p.

Das österreichische Deutsch. Wie wir uns von unserem grossen Nachbarn unterscheiden. Ein illustriertes Handbuch. Robert Sedlaczek. Verlag Carl Ueberreuter, Wien, 2004. 496 S.

Deutsches Universalwörterbuch. 4., neu bearbeitete und erweiterte Auflage. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2001. 1892 S.

Handke P. Der Chinese des Schmerzes. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1983. 255 S.

Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache / bearb. von Günther Drosdowski. Band 7. Duden, Etymologie. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich; Dudenverlag, 1997. S. 276.

Kolleritsch A. Der letzte Österreicher. Salzburg und Wien: Residenz Verlag, 1995. 95 S.

Koppensteiner J. Österreich. Ein landeskundliches Lesebuch. 4., überarbeitete und aktualisierte Auflage. Wien: Praesens Verlag, 2010. 219 S.

Leitner G. Über Österreich zu schreiben ist schwer. Österreichische Schriftsteller über Literatur-Heimat-Politik. – Salzburg und Wien: Residenz Verlag, 2000. 255 S.

Löwenthal H.L. Ein Wiener zu sein Geschichte, Geschichten, Analysen. Wiener Vorlesungen im Rathaus. Band 56. Wien: Picus Verlag, 1997. 59 S.

Österreichische Erzählungen des 20. Jahrhunderts. Herausgegeben von Alois Brandstetter. Frankfurt am Main: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1987. 446 S.

Österreichisches Wörterbuch. 38. Auflage, Neubearbeitung. Mit den neuen amtlichen Regeln. Verlag Jugend & Volk, Wien, 1999. 800 S.

Ransmayr Ch. Der Weg nach Surabaya. Reportagen und kleine Prosa. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1997. 237 S.

Wörterbuch des österreichischen Deutsch. Deutsch in Österreich – österreichisches Deutsch. Wie sagt man in Österreich? / Ebner J. 4., völlig überarbeitete Auflage. Mannheim – Wien – Zürich: Dudenverlag, 2014. 477 S.

Scharang M. Geschichten aus der Geschichte Österreichs 1945-1983. Darmstadt: Hermann Luchterhand Verlag, 1984. 296 S.

Weigel H. Man kann nicht ruhig darüber reden. Umkreisung eines fatalen Thema. Wien: Verlag Styria, 1987. 141 S.

УДК: 81’23

Корнеева Е.А.

Особенности самопрезентации политиков различных темпераментов в ходе публичного выступления

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, Россия, Москва, elena-._@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению психотипов политиков на примере выступлений Д. Трампа и Т. Мэй в ходе пресс-конференции. В статье ставится задача рассмотреть характерные черты, свойственные типам личности политиков. Показано, что психологические характеристики индивида проявляются в его социальной деятельности, которая обусловлена различными условиями, таким образом поведение индивидов, а также их психотипы не являются схожими. Они имеют ряд особенностей, которые могут быть выявлены в результате анализа определенной ситуации и поведения индивида в ней.

Ключевые слова: личность, самопрезентация индивидов, психологический тип личности, темперамент, интроверсивный тип, экстраверсивный тип.

Korneeva E.A.

Peculiarities of self-presentation of politicians of different temperaments during a public speech

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation of the English lexicology department, Russia, Moscow, elena-._@mail.ru

Abstract. The article is about studying psychological types of politicians using the example of speeches of D. Trump and T. May during the press conference. It is shown that the psychological characteristics of the individual reveal in his social activities, which are conditioned by various conditions, thus the behaviour of individuals, as well as their psychotypes, are not similar. They have a number of

features that can be identified as a result of an analysis of a particular situation and the behavior of the individual in it.
Keywords: personality, self-presentation of individuals, psychological types of personality, temperament, introversion type, extraversive type.

Вступая в общение, люди помимо того, что транслируют друг другу информацию, выражают различное отношение к ней, а также к деятельности и коммуниканту. Каждый человек обладает характерными чертами, которые свойственны его типу личности, позволяющими по-разному действовать в той или иной ситуации общения. Эти черты можно определить в ходе публичного выступления и по совокупности их сделать вывод, каким типом личности обладает человек. Соотношение вербальных и невербальных характеристик самопрезентации оратора может дать представление о его психологическом типе личности. С точки зрения типологии К. Г. Юнга каждый человек имеет не только индивидуальные черты, но и черты, свойственные одному из психологических типов. Этот тип показывает относительно сильные и относительно слабые места в функционировании психики и тот стиль деятельности, который предпочтительнее для конкретного человека.

Для описания наблюдений за типами личности К.Г. Юнг ввел понятия, которые позволили применить аналитические методы к изучению психики. Юнг утверждал, что каждый человек изначально ориентирован на восприятие либо внешних сторон жизни (внимание преимущественно направлено на объекты внешнего мира), либо внутренних (внимание преимущественно направлено на субъект). Такие способы осознания мира, себя и своей связи с миром он назвал установками человеческой психики. Юнг определил их как экстраверсию и интроверсию: экстраверсия есть «переложение интереса вовне», от субъекта к объекту [Юнг 1998]; интроверсия – обращение интереса внутрь, когда «мотивирующая сила принадлежит, прежде всего, субъекту». Г. Айзенк к экстраверсии и интроверсии Юнга добавил эмоциональную устойчивость и неустойчивость (нейротизм).

В статье будет рассмотрена специфика коммуникативного поведения политических деятелей в условиях пресс-конференции, особенности самопрезентации политиков из Великобритании и Америки, связанные с различными речевыми стратегиями, обусловленными разными типами личности.

Материалом исследования служат выступления Дональда Трампа и Терезы Мэй на пресс-конференции по итогам переговоров, прошедших 27 января 2017 года в связи с вступлением Трампа на пост

Президента США. Лидеры двух стран обсудили ключевые вопросы международной политики, выразили уверенность в продолжении тесного сотрудничества, а премьер-министр Великобритании Тереза Мэй передала приглашение королевы Елизаветы II посетить страну с ответным визитом. Видеорепортаж, длительностью в 18 минут 17 секунд и объемом примерно в 3000 слов, опубликован Белым домом на сайте YouTube.

Мы учитывали, что подготовленные выступления политиков не вполне проявляют специфику личности политика, его темперамент, особенности подачи информации, так как текст может быть подготовлен заранее, и часто не самим политиком. Наиболее надежным источником в таких случаях могут стать брифинги, пресс-конференции, проводимые в рамках встреч с журналистами или жителями страны для сообщения какой-либо общественно значимой новости. В ходе таких мероприятий организация или отдельная личность, непосредственно связанные с этой новостью или поводом, дают свои комментарии по актуальному вопросу. При этом основная задача выступления – формирование общественного мнения с помощью информирования.

Определенный психологический тип личности проявляется в определенных культурных условиях и в рамках базовых ценностей определенной лингвокультуры, поэтому наблюдается разнообразие самопрезентации индивидов [Гаришина 2010], под которой понимается особый вид социального поведения, позволяющий привлечь внимание аудитории, сформировать определенное мнение по какой-либо теме и заставить публику относиться к говорящему определенным образом. Это умение эффектно и выигрышно подавать себя, свой стиль общения, неповторимый образ [Ильин 2004]. И очень важным в самопрезентации считается язык тела – жесты, мимика. Важными также являются темп и манера речи, громкость голоса, интонация и четкость произношения [Козлов 2014]. Самопрезентация – это самораскрытие в межличностном общении через демонстрацию своих мыслей, характера и т. д. [Гаришина 2010]. Самопрезентация личности широко используется в массовой культуре, в политике, в бизнес-сфере, в образовательной деятельности, в социокультурной деятельности, менеджменте, маркетинге, рекламе и других сферах.

Речевая деятельность – функциональная система, направленная на достижение определенного результата, поэтому все ее компоненты подчинены достижению цели [Леонтьев 1974]. По мнению А.А. Леонтьева, становление и развитие речевой деятельности теснейшим образом связано со становлением и развитием всей личности в целом. Речевая деятельность является неотъемлемой составной частью личности человека, она вплетена в его сознание и является

одним из важнейших условий осуществления интеллектуальной деятельности (познание, осознание, аналитико-синтетическая деятельность, творчество) [Ефимова 2013].

Г. Айзенк предложил типологию темперамента, основанную на взаимодействии двух биполярных факторов, образующих, по его мнению, базовую структуру личности. В своем раннем исследовании Г. Айзенк выявил два основных параметра противопоставления типов людей: интроверсивный – экстраверсивный и нейротический – стабильный. Согласно этим независимым параметрам, людей можно разделить на четыре группы, каждая из которых представляет собой комбинацию нескольких типов. Понятия экстравертированности (характеристика индивдуально-психических различий человека, крайние полюса которой соответствуют направленности личности либо на мир внешних объектов (экстраверсия), либо на явления его собственного субъективного мира (интроверсия)) и нейротизма (понятие, характеризуемое эмоциональной неустойчивостью, тревогой, волнением, плохим самочувствием, вегетативными расстройствами; данный фактор также биполярен: эмоционально устойчивы – сангвиники и флегматики, эмоционально неустойчивы – холерики и меланхолики) связаны с понятием темперамента [Батаршев 2001]. В теории Г. Айзенка акцентируется, что элементы личности могут быть расположены иерархически. Каждая суперчерта (тип) состоит из нескольких черт. Черты, в свою очередь, состоят из многочисленных привычных реакций, которые формируются из множества специфических реакций. Также он придает особое значение концептуальной ясности и точным измерениям своих теоретических концепций [Хьелл, Зиглер 2003]. Исследования Г. Айзенка выявили, что экстравертам (сангвиникам и холерикам) свойственны общительность, импульсивность, гибкое поведение, большая инициатива, высокая социальная адаптивность, но малая настойчивость, а интровертам (флегматикам и меланхоликам) – наблюдательность, замкнутость, склонность к самоанализу, затруднение социальной адаптации, фиксация интересов на явлениях собственного внутреннего мира, социальная пассивность при достаточной настойчивости [Батаршев 2001]. Г. Айзенк использовал для диагностики свойств и типов темперамента специальные тест-опросники, применить которые мы не можем по объективным причинам. Однако мы попытаемся установить связь между типом темперамента и характером речевой деятельности политиков, опираясь на модель Г. Айзенка и иные сведения.

Гипотеза

Соотношение вербальных и невербальных характеристик самопрезентации оратора может дать представление о его

психологическом типе личности. Первичное наблюдение за вербальными и невербальными характеристиками самопрезентации названных политиков позволило предположить, что Тереза Мэй является интровертом, а Дональд Трамп – экстравертом. Эту гипотезу мы и попытаемся доказать в ходе анализа.

Исследование

Тереза Мэй и Дональд Трамп выступают с подготовленной монологической речью в сходных условиях, т.е. в присутствии журналистов и телекамер, и со сходной целью: информировать об итогах прошедших переговоров. Сопоставление двух личностей будет осуществляться при помощи анализа (1) специфики ситуации общения, (2) характера аргументации в высказываниях политиков, (3) логики построения текста, (4) исследования роли эмоциональных элементов в речи и (5) специфики жестов. На первый взгляд, Дональд Трамп является стабильным экстравертом: лидер, беззаботный, веселый, разговорчивый, общительный, дружелюбный, тогда как Тереза Мэй – невротичный интроверт: тревожный, замкнутый, тихий, рассудительный [Хьелл, Зиглер 2003]. Тереза Мэй нанесла первый визит в Соединенные Штаты Америки после инаугурации Дональда Трампа. В начале конференции, когда оба политических деятеля, согласно протоколу проведения подобных мероприятий, высказывают слова благодарности, устанавливают направления дальнейшего совместного сотрудничества, часто обращаются к тексту выступления, говорят достаточно медленно, жестикуляция практически не используется. При этом Дональд Трамп менее скован, в его речи проявляются элементы спонтанности.

Анализируя виды аргументации, применяемые коммуникантами, можно заметить существенные различия в выборе стратегий убеждения. Интроверт Мэй ищет подтверждения своих слов в том, что уже упомянул Трамп: *As the President himself has said, the relationship of the United States with Mexico is a matter of the United States and Mexico.* / Как уже сказал господин президент, отношения Соединенных Штатов и Мексики – дело Соединенных Штатов и Мексики. Трамп же ссылается на предыдущий опыт, как свой, так и государства в целом. Необходимо отметить, что Трамп очень часто использует формулировку *I will be representing the American people very, very strongly, very forcefully…* / Я буду представлять интересы народа Америки со всей решительностью и энергией. Это можно легко объяснить, т.к. недавно Трамп официально стал президентом США, ему необходимо утвердить и удержать свои позиции, внушив людям идею о том, что он – сильный, энергичный, исполнительный политик.

Рассмотрим две ситуации. Первая связана с отношением к введению и ослаблению санкций, а вторая – с выходом Великобритании из Европейского союза и обращении к НАТО. Отвечать на вопросы начинает Трамп.

«*Well, I hear a call was set up, Steve, and we'll as far as the sanctions very early to be talking about that… but we look to have a great relationship with all countries ideally that won't necessarily happen, unfortunately, probably, won't happen with many countries, but if we could have as we do with Prime Minister May and the relationship that we've all developed just by being with each other and have lunch-time, and we've really had some very interesting talks and very productive talks but if we could have a great relationship with Russia and China and with all countries. I'm all for that that would be a tremendous asset. No guarantees but if we can that would be a positive not a negative…*» Тереза Мэй отвечает: «*We have as far as the United Kingdom is concerned on sanctions for Russia in relation to their activities in the Ukraine, we've been very clear that we want to see the Minsk agreement fully implemented. We believe the sanctions should continue until we see that Minsk agreement fully implemented and we've been continuing to argue that inside the European Union…*». Трамп иногда ссылается на свой жизненный опыт: он упоминает о том, что мать жила в Шотландии, что он никогда не думал о президентской должности. В ходе ответов на вопросы журналистов Трамп уверенно высказывает свое мнение по тому или иному поводу, редко отходит от заданной темы, тогда как Тереза Мэй ссылается на Трампа, постоянно поворачивается к нему, ищет подтверждения своих слов, использует конструкции *The President has mentioned…*; *As the President himself has said*; *Mr. President, I think that you said.*

Интровертам, как правило, некомфортно находиться на массовом мероприятии. Прежде чем выразить какую-то мысль, ему необходимо подумать, он немногословен и сдержан в проявлениях, вдумчив и рассудителен. Все эти характеристики проявляются в поведении Мэй, которая ищет поддержки со стороны Трампа, более активного и с легкостью находящего подходящие слова. Она часто повторяет слова, сбивается, начинает одну мысль и, не закончив ее, начинает другую, пытается почувствовать себя увереннее в большом зале с журналистами и камерами за счет поддержки Трампа.

Актуальна эмоциональная составляющая речи политиков. Политическая коммуникация широко использует эмоционально нагруженные слова и выражения, чтобы создать нужное отношение публики к тому или иному объекту или явлению. *I'm honored… /* Я удостоен чести… *I'm so pleased… /* Мне так приятно… *Together America and the United Kingdom are a <u>beacon</u> for prosperity and the rule of law;*

Great days lie ahead for our two peoples… ; It's a really great honour / Это действительно большая честь *I'm all for that.*

Трамп уверенно ведет себя с журналистами, легко отвечает на их вопросы, не прибегая к помощи текста, находящегося перед ним. Он шутит, говорит уверенно, старается не отходить от темы, быстро возвращается к ней. Он раскован и уверен в себе, смотрит вперед, на слушателей, в камеру, на журналистов; Трампу комфортно среди людей, он общителен, импульсивен. Отвечая журналистам, Мэй жестикулирует: она водит в воздухе левой рукой, как бы указывая на границы предложений, постановку логических ударений в них, так как она говорит о возможных итогах проведения данной конференции, их встречи и дискуссии, касающейся важных мировых проблем. Часто политики копируют жесты друг друга, что говорит о желании, стремлении пойти навстречу, достигнуть согласия (вышеописанный жест Мэй Трамп повторяет зеркально правой рукой). Политики поворачиваются друг к другу, указывают ладонью на того, о ком говорят, что также может свидетельствовать об установлении контакта, согласии с тем, о чем говорил политический деятель до этого. Во время вводной части своей речи Трамп крепко держится за кафедру перед собой; затем, отвечая на вопросы журналистов, он подтверждает свои слова жестами; говоря о неуверенности в том, какими будут отношения между США и Россией, а также другими странами, он разводит руками, как бы задавая вопрос: «Что же я могу сделать?» Часто Трамп использует жест «О'кей», или кружок, образуемый пальцами руки (он носит название *кольцо*). В англоязычных странах и большинстве стран Европы он означает 'все в порядке'. Один из журналистов решил задать вопрос о том, какими будут взаимоотношения политиков, обладающих такими разными темпераментами: «*It's a question to both of you, people are fascinated to know how you're going to get on with each other, you're so different, the hard-working daughter of a vicar, the brash TV extrovert*». Трамп отмечает: «*Actually, I am not as brash as you might think and I can tell you that I think we're going to get along very well. You know, it's interesting because I am a people person, I think, you're also, Teresa*». Каждый из политиков использует свои стратегии убеждения, выбирает определенный набор выразительных средств, способы аргументирования, тексты их выступлений выстроены по определенной логике. Результаты анализа показывают, что Трамп является стабильным экстравертом: лидер, беззаботный, веселый, разговорчивый, общительный, дружелюбный, а Тереза Мэй – невротичный интроверт: тревожный, замкнутый, тихий, рассудительный.

Список литературы

Айзенк Г. Парадоксы психологии. М.: Эксмо, 2009. 352 с.

Айзен Г. Проверьте свои способности. М.: Мир, 1972. 174 с.

Айзенк Г. Структура личности. М.: Ювента, 1999. 464 с.

Батаршев А.В. Темперамент и характер: Психологическая диагностика. М.: Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2001. 336 с.

Бутовская М.Л. Язык тела: природа и культура. М.: Научный мир, 2004. 437 с.

Гаришина Т.Р. Техника личной презентации. М.: Московская финансово-промышленная академия, 2010. 56 с.

Ефимова Н.С. Основы общей психологии. М.: ИД «ФОРУМ» – ИНФРА-М, 2013. 289 с.

Ильин Е.П. Психология индивидуальных различий. СПб.: Питер, 2004. 701 с.

Козлов Н.И. Самопрезентация: как преподнести себя и произвести нужное впечатление // Психологос. Энциклопедия практической психологии. 2014. [Электронный ресурс] http://www.psychologos.ru/articles/view/samoprezentaciya-dvoe-zn--kak-prepodnesti-sebya-i-proizvesti-nuzhnoe-vpechatlenie.

Леонтьев, А.А. Основы теории речевой деятельности. М.: Наука, 1974. 368 с.

Маклаков А.Г. Общая психология. СПб: Питер Пресс, 2008. 580 с.

Хьелл Л. Теории личности / Л. Хьелл, Д. Зиглер. СПб.: Питер, 2003. 608 с.

Юнг К.Г. Психологические типы (1923) // Психологические типы / под общ. ред. В. В. Зеленского. М.: Университетская книга, 1998. С. 608– 624.

УДК: 81’42

Косиченко Е.Ф.

Конструирование события в художественном тексте (на материале произведения Д. Барнса «Попугай Флобера»)

Московский государственный лингвистический университет,
Россия, Москва, ekosichenko@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена выявлению способов конструирования события в произведении художественной литературы. Анализ повести Д. Барнса «Попугай Флобера» выполнен в рамках интерпретативного подхода к категории события и позволяет продемонстрировать, что даже самое незначительное происшествие способно приобрести статус центрального события и предопределить дальнейшее развитие сюжета благодаря введению в фокус внимания эпизода, предшествующего центральному событию и / или эпизода, следующего за ним.

Ключевые слова: художественный текст; нарратив; событие; структурообразование; композиционно-идейная структура текста; жанр.

Kosichenko E.F.

Creating an event in fiction (a linguo-semiotic analysis of ‘Flaubert’s Parrot’ by J. Barnes)

Moscow State Linguistic University,
Russia, Moscow, ekosichenko@gmail.com

Abstract. The article aims to reveal means of constructing events in literary fiction, and develops an interpretative approach to the category of event. An analysis of J. Barnes’ book ‘Flaubert’s Parrot’ shows that, once placed in a new semiotic context, even a minor occurrence can achieve the status of the main event and determine the development of the plot. It is stressed that the main event is produced by placing the focus on the episodes that precede the main event and follow it.

Keywords: fiction; narration; event; text structure; composition; text message; genre.

Проблема событийности широко исследуется современной отечественной лингвистикой, в том числе на материале художественных текстов [Гусейнова 2016, Ирисханова 2015, Карпенко 2017, Киосе 2016]; при этом часто понятие «событие» увязывается с понятием «нарратив», которое в широком смысле понимается как последовательное изложение взаимосвязанных событий.

В данной статье категория события рассматривается на материале художественного нарратива и в рамках интерпретативного подхода к

событийности, согласно которому в современном мире событие заключается не в том, чтобы произойти, а в том, чтобы быть произведенным, в связи с чем происходящие события весьма недостоверны и маловероятны [Бодрияр 2014]. Опора на интерпретативный подход позволяет продемонстрировать, что не все события, составляющие художественный нарратив, равнозначны с точки зрения своей роли в структурообразовании и в передаче идейного содержания произведения, в связи с чем в каждом повествовании можно выделить центральное (главное) событие, которому подчинены все предшествующие и/или последующие события. Примечательно, что на первый взгляд главное событие может и не иметь особой ценностной значимости, и его главенствующая роль выявляется только в результате лингво-семиотического анализа текста, через установление логико-смысловых связей между различными событиями.

При том, что главное событие может практически выводиться из фокуса внимания, события, наиболее тесно связанные с ним – предсобытие и постсобытие – как правило, представляют собой наиболее акцентируемые позиции текста; они получают в тексте подробное описание и таким образом выступают средством конструирования и интерпретации главного события. Это позволяет рассматривать событие, предсобытие и постсобытие в качестве основных структур текста, определяющих его пространственно-временную и жанрово-стилистическую организацию, и понимать другие структурные элементы текста и другие события, составляющие художественный нарратив, как зависящие от того, каким именно образом пред- и постсобытия интерпретируют главное событие. Например, в центре повествования может находиться внезапный приезд племянника в дом дяди, что само по себе не сообщает ничего ни о композиционно-идейных, ни о жанрово-стилистических особенностях текста. В свою очередь, предсобытие и / или постсобытие, являясь наиболее информативными текстовыми позициями, определяют структурную организацию текста и одновременно намечают пути интерпретации главного события, в данном случае приезд племянника. В зависимости от того, каким образом предсобытие и / или постсобытие истолковывает центральное/главное событие, конкретный текст приобретает детективные, социальные, психологические, исторические, романтические, научно-фантастические или другие жанровые характеристики и соответствующую композиционно-идейную организацию.

Такой взгляд на понимание механизма конструирования главного события в художественном нарративе и его роли в структурообразовании предполагает применение лингвистических и

семиотических исследовательских методов при анализе текста, когда акцент переносится на изучение его структуры. В этой связи характерный для литературоведения поиск соответствий между некоторым описанным событием и, например, биографией автора, становится нерелевантным.

Обозначенные моменты – способность текста конструировать важное событие из самого тривиального эпизода и необходимость применения лингвосемиотических методов анализа, позволяющих выявить, каким образом идейное содержание произведения реализуется через его структуру, обусловили выбор в качестве материала исследования книги Д. Барнса «Попугай Флобера» (J. Barnes 'Flaubert's Parrot'). Темой книги является проблема литературной критики, которая, как замечает автор статьи в британской газете The Guardian, где размещены комментарии о книге Д. Барнса, часто предлагает профессиональный, но от этого не менее субъективный и нередко вводящий в заблуждение взгляд на причины и суть авторского замысла:

Julian Barnes's Flaubert's Parrot is an appropriate novel with which to begin a column on literary criticism, for ***literary criticism is one of its subjects*** *<...>* ***The critic is the professional misinterpreter****, with whose errors you might compare your own more tolerant or modest appreciation of fiction. <...>* ***Barnes passes to his narrator the anti-critical animus*** [Critical thinking – эл. ресурс].

Можно согласиться с высказанным в другой газетной публикации мнением о том, что в действительности сюжет книги «Попугай Флобера» – это исследование различных обстоятельств жизни французского писателя:

But research is the plot of the novel*. Braithwaite gives us an account of what he calls "the project" - his search for relics of his favourite writer* [Allusions of grandeur – эл. ресурс].

Вместе с тем важно добавить, что, являясь по сути литературоведческим, нацеленным на установление соответствий между некоторыми фактами из жизни французского писателя XIX века Г. Флобера и его произведениями, исследование Д. Барнса представляет существующую практику литературной критики в ироническом ключе. Средством, усиливающим иронический эффект, и одной из причин нашего обращения к книге «Попугай Флобера», является то, что в основу сюжетной линии положен крайне незначительный эпизод, ставший, тем не менее, главным событием всего произведения, а именно чучело попугая в музее Флобера.

Повествование начинается в тот момент, когда пожилой англичанин, врач по профессии, приезжает во Францию и останавливается в Руане в Нормандии. Местом начала действия

является один из памятников Флоберу, где французский писатель увековечен *в поношенных брюках, в жилетке, уставшим и отрешенным, со взглядом, направленным в сторону кафедрального собора*.

Six North Africans were playing boule beneath Flaubert's statue. <….> Let me start with the statue <…> *the floppy-tied, square-waistcoated, baggy-trousered,* straggle-moustached, *weary, aloof,* bequeathed image of the man. <> He *stares south from the place des Carmes towards the Cathedral* … [Barnes 2009, p.11].

Статуя стала поводом к рассуждениям повествователя о том, почему великие произведения заставляют людей гоняться за их авторами, почему авторов не оставляют в покое вопреки широко распространенному мнению (особенно во французской философии XX в. – *Е.К.*) о несущественности связи между личными обстоятельствами автора и его творчеством.

Why aren't the books enough*? Flaubert wanted them to be: few writers believed more in the objectivity of the written text and the insignificance of the writer's personality; yet still we disobediently pursue* [Barnes 2009, p.12].

Размышляя о Г. Флобере, повествователь вспоминает также о том, что французский писатель практически запрещал последующим поколениям уделять внимание своей личности, почти ничего, кроме книг, не оставив после себя.

The writer who disdainfully forbade posterity to take any personal interest in him. His statue was a retread; his house had been knocked down …<> [Barnes 2009, p.16].

Такие размышления и рассуждения повествователя, определяющие идейное содержание произведения, являются основными средствами конструирования предсобытия, делая его одним из наиболее важных структурных элементов текста. Следовательно, в состав предсобытия можно включить следующие компоненты: 1) памятник Флоберу в Руане; 2) обращение писателя к критикам с просьбой не пытаться исследовать его жизнь, а довольствоваться его произведениями.

Размышления рассказчика по поводу извечного стремления литературных критиков углубляться в подробности жизни автора, а также описание памятника и площади, на которой он расположен, подводят повествование к главному событию – Попугай в музее Флобера. Это событие является, на наш взгляд, структурной доминантой, определяющей направление и характер дальнейшего повествования, а также текстовой позицией, где формулируется и

конкретизируется основная тема произведения – абсурд литературной критики.

Обратимся к тексту повести. На третий день своего пребывания в городе повествователь оказался близ Университетского объединения больниц, часть которого отведена под музей истории медицины, и вплотную к которому примыкает музей Флобера. Пытаясь понять причины такого соседства, на первый взгляд, несовместимых объектов, повествователь зашел внутрь. Там, к своему удивлению, он увидел зеленого попугая, рядом с которым размещалась надпись, сообщающая о том, что этого попугая по имени Лулу Г. Флобер позаимствовал в музее Руана и держал его на своем столе, пока писал новеллу «Простая душа» («Un coeur simple»). Данный, на первый взгляд незначительный эпизод, ставший главным событием всего повествования, вписан в текст следующим образом:

Then I saw the parrot*. It sat in a small alcove, bright-green and perky-eyed, with its head at an inquiring angle* [Barnes 2009, p.16]. Известно, что важным персонажем новеллы «Простая душа» был попугай – единственное утешение главной героини по имени Фелиция. После смерти попугая Фелиция сделала из него чучело и посвящала ему молитвы, принимая попугая за голубя – христианский символ Святого Духа. Когда же настал ее час, она увидела огромного попугая, парящего над своей головой.

Сопоставив два факта: попугая на столе в период написания «Простой души» и символику попугая в новелле «Простая душа», повествователь пришел к выводу, что если подвергнуть птицу более глубокому толкованию, можно обнаружить скрытые параллели между жизнью Флобера и Фелиции. Оба были одиноки, в жизни обоих было много потерь; более глубокий анализ, как иронично сообщает рассказчик, позволяет усмотреть аналогию также в том, что Фелицию на мостовой сбил почтовый дилижанс, а Флобер упал прямо на мостовую при первом в своей жизни эпилептическом припадке. Эти аналогии побуждают повествователя продолжать цепочку умозаключений и наводят на мысль о возможности трактовать попугая как символ Слова, позволяя связать Попугая и Флобера, в результате чего выводится формула Фелиция+попугай=Флобер:

We can, if we wish (and if we disobey Flaubert), submit the bird to additional interpretation <…> [Barnes 2009, p.17].

Felicite+Loulou= Flaubert? Not exactly, but you could claim that he is present in both of them [Barnes 2009, p.18].

Таким образом, главным событием текста является событие «Попугай в музее Флобера». Следующий за данным событием эпизод, где содержится детальное изложение размышлений повествователя

относительно возможности логически истолковать роль попугая в творчестве Г. Флобера как связующее звено между автором и одной из его героинь, с одной стороны, и как сущности, символизирующей Слово, с другой стороны, составляет основу постсобытия. Подчеркнем, что постсобытием является не вся череда последующих событий, а только один эпизод, в котором автор размышляет о значимости попугая. Являясь средством интерпретации главного события, постсобытие отчасти дублирует предсобытие, способствуя развитию основной темы произведения, но в более специфическом виде и на более конкретном материале. Характерные для предсобытия общие рассуждения о том, что произведения – самое важное наследие автора, дополняются абсурдными выводами, согласно которым творчество Г. Флобера может быть сведено к формуле Felicite+Loulou = Flaubert. В этом свете главное событие «Попугай в музее Флобера» предстает как еще больший абсурд, а произведение приобретает ироническую стилистику.

Представляя собой структуру, интерпретирующую главное событие и во многом определяющую специфику реализации идейного содержания произведения, постсобытие определяет также последовательность и значимость всех других событий. Так, в поисках ответа на свои вопросы повествователь прибывает в местечко Круассе, где от резиденции Флобера остался только одноэтажный гостевой домик, войдя в который повествователь увидел еще одного попугая:

Then I saw it. *Crouched on top of a high cupboard was another parrot* [Barnes 2009, p. 21].

Это происшествие ставит повествователя в тупик и вынуждает его начать целое расследование, направленное на установление подлинности двух попугаев, однако, в отличие от эпизода встречи с первым попугаем, данный эпизод имеет в тексте статус второстепенного события:

How do you compare two parrots, one already idealized by memory and metaphor, the other a squawking intruder? My initial response was ***that the second seemed less authentic*** *than the first* <…> [Barnes 2009, p. 21].

Первая часть книги Д. Барнса «Попугай Флобера» заканчивается тем, что повествователь решает написать письма знающим людям с просьбой помочь разобраться, который из двух попугаев стоял на столе Флобера в период написания новеллы «Простая душа»:

I wrote letters to various academics who might know if either of the parrots had been properly authenticated <…> I hoped to get my replies quite soon <…> [Barnes 2009, p. 22].

Вторая часть произведения (главы 2-14) раскрывает некоторые подробности жизни и смерти Флобера, а также выстраивает параллель между судьбой французского писателя и жизнью самого

повествователя. В структурно-смысловом отношении разнообразные события, изложенные в этих главах, подчинены событию «Попугай в музее Флобера».

В заключительной пятнадцатой главе, которая называется «And the Parrot …», повествователь вновь возвращается к теме попугая, что еще раз доказывает первоочередную значимость события для всего произведения. Важно, что в своих рассуждениях повествователь акцентирует тривиальность эпизода «Попугай в музее», подчеркивая, что центральным событием произведения художественной литературы, как и любого другого семиотического продукта, может стать самое незначительное происшествие:

And the parrot? Well, it took me almost two years to solve the Case of the Stuffed Parrot. The letters I had written after first returning from Ruen produced nothing useful; some of them weren't even answered. Anyone would have thought I was a crank, a senile amateur scholar **hooked on trivial** and pathetically trying to make a name for himself <…> [Barnes 2009, p. 180].

Проведенный анализ показывает, что структура художественного произведения, а именно его композиционное построение, жанрово-стилистические характеристики и идейно-художественное содержание, зависят от того, каким образом предсобытие, постсобытие, а также (хотя и в меньшей степени) другие события интерпретируют главное событие. При этом в качестве главного события может выступить самый незначительный эпизод, который конструируется через введение в фокус внимания наиболее тесно связанных с ним элементов текста, за счет чего он приобретает значимость и знаковость. Эти текстовые элементы – эпизоды, подводящие к главному событию и / или являющиеся его непосредственным результатом – создают уникальность семиотической реальности произведения художественной литературы.

Список литературы

Бодрияр Ж. Судьбоносные события. Библиотека электронной литературы, 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%91/bodrijyar-zhan/prozrachnostj-zla/6.

Ирисханова О.К. Объекты и события природы в аспекте социального знания: цефалопод или супермама? // Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы / Вестник МГЛУ. – Вып. 6 (717), Серия «Языкознание и литературоведение». М.: МГЛУ, 2015. С. 239–250.

Гусейнова И.А. Разворот в архаике, или К вопросу о месте и роли ретрособытия в литературном дискурсе // Событие в коммуникации

и когниции. Вестник Моск. гос. лингвист. ун-та. Вып. 7 (746). Серия: Языкознание. Москва: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016. С. 50–56. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://libranet.linguanet.ru/prk/Vest/746-7n.pdf.

Карпенко Е.И. Сценарное моделирование в лингвокультурологии // Вестник Моск. гос. лингвист. ун-та. Вып. 6 (777). Гуманитарные науки. – Москва: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017. С. 123–132. [Электронный ресурс]. Режим доступа]: http://libranet.linguanet.ru/prk/Vest/6_777.pdf

Киосе М.И. Событийность в текстовых моделях непрямого наименования // События в коммуникации и когниции. Вестник Моск.гос. лингвист. ун-та. Вып. 7 (746). Серия: Языкознание. Москва: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016. С. 105–115. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://libranet.linguanet.ru/prk/Vest/746-7n.pdf.

Allusions of grandeur // The Guardian. [Электронный ресурс]. https://www.theguardian.com/books/2005/oct/01/julianbarnes.gustaveflaubert

Barnes J. Flaubert's Parrot. – London: Vintage Books, 2009. 190 p.

Critical thinking // The Guardian. https://www.theguardian.com/books/2005/sep/24/julianbarnes.gustaveflaubert

УДК: 811.112.5

Лобанова Ю.С.

Отражение свойств пространства и пространственных отношений средствами адъективной лексики (на материале английского языка)

Алтайский государственный университет, Рубцовский институт (филиал), Россия, Барнаул, j-lobanova@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы функционирования прилагательных пространственной семантики в плане их потенциала для развития вторичных переносных значений. Автор анализирует особенности отражения свойств пространства посредством адъективной лексики современного английского языка и описывает различные виды метафорических переносов, основанных на пространственных значениях, а также определяет роль антропоцентрического фактора в процессе вторичной номинации пространственных признаков.

Ключевые слова: английский язык; пространственные отношения; отражение свойств пространства.

Lobanova Y.S.

Reflection of spacial properties and spacial relations by means of adjectival vocabulary (based on the material of the English language)

Altai State University, Rubtsovsk Institute (branch),
Russia, Barnaul, j-lobanova@yandex.ru

Abstract. The article dwells on the functioning of English adjectives of spacial semantics in terms of their potential to develop secondary transferred meanings. The author analyses peculiarities of reflecting spacial properties and spacial relations by means of adjectival vocabulary of the modern English language and describes various kinds of metaphorical transfers based on spacial meanings, as well as determines the role of the human factor in the process of secondary linguistic nomination of spatial properties.

Keywords: the English language; spacial relations; reflection of spacial properties

Категория пространства привлекает внимание многих исследователей-лингвистов, поскольку именно пространство «оказывается в основе формирования многих типов номинаций, относящихся к другим, непространственным сферам» [Сабурова 2005, с.42]. Для обыденного сознания пространство выступает, как нечто реальное, наблюдаемое и даже осязаемое. Можно утверждать, что пространственную интерпретацию получают в нашем сознании все реалии: предметы, живые существа, состояния, отношения, свойства и признаки.

То, что пространственные характеристики концептуализируются с помощью специальных языковых единиц, демонстрирует их значимость для носителя языка. В формах языка закреплены результаты познавательной и преобразующей деятельности человека, «с самого начала направленной на осознание им своего места в окружающем пространственном и временном мире, поддающемся прямому чувственному восприятию и воздействию» [Ибрагимова 1992, с. 64]. Как отмечает В.Л. Ибрагимова, «категория пространства в языке получает сложную репрезентацию на всех знаковых уровнях языка: лексическое выражение эта категория находит в системе существительных, прилагательных, наречий, глаголов; морфологическое – в приставках и предложно-падежных формах имен; синтаксическое – в конструкциях с глаголами определенных классов» [Ибрагимова 1992, с. 71].

Изучение пространственной лексики в совокупности прямых и переносных значений является логическим продолжением и развитием исследований в рамках системно-структурного подхода к языку, проведенных Е.С. Яковлевой, В.Л. Ибрагимовой, А.Н. Журинским и другими учеными. Несмотря на большое количество исследований, посвященных языковой номинации пространственных характеристик, определительные пространственные модели, как правило, рассматриваются как периферийные, в отличие от объектных, субъектных и предикатных пространственных моделей. Однако пространственные прилагательные, по нашему мнению, составляют довольно объемную и значимую группу пространственной лексики, на базе которой формируются различные номинативные переносные значения.

Пространственные прилагательные, в силу общей предназначенности прилагательного для называния свойств и признаков, мыслимых в отвлечении от предметов [Харитончик 1986, с.12], противопоставляются в этом аспекте другим классам признаковых слов, в частности, существительным и глаголам пространственной семантики. Существительные в силу своей номинативности могут обозначать локальные понятия (*place, point, exit, entrance* и т.д.). Как известно, к признакам пространства можно отнести протяженность, связность, непрерывность, структурность, трехмерность (многомерность) мира и т.д. Протяженность пространства, трактуемая наукой как сосуществование в пространстве различных объектов и объединение их в конфигурации, ориентация их относительно друг друга, может быть представлена с помощью пространственных прилагательных как взаимодействие симметрично расположенных объектов. Например: *outward / inward (внешний / внутренний), onshore / offshore (прибрежный / расположенный далеко от берега), marine / submarine (водный / подводный), right / left (правый / левый)* и другие.

Понятие протяженности любой системы логически связано с понятием расстояния. Однако точное расстояние между объектами в самом прилагательном не выражается. Например, несмотря на то, что значение ‘расположенный близко’ приписывается ряду адъективных аффиксов *(near- , -side)*, информация о расстоянии, на котором находятся объекты, получается человеком из общей картины мира. Расстояние относительно, и его оценка как далекого или близкого производится в зависимости от контекстных условий. Ситуацию может также осложнить тот факт, что то, что находится рядом с говорящим, может находиться далеко от слушающего. В пространственном прилагательном, образованном от существительного, называющего небольшой с точки зрения говорящего объект, расстояние фиксируется

как небольшое *(bedside, next-door)*, а в прилагательном с производящим словом, называющим крупный объект, расстояние оценивается как большое *(near-earth, river-side, near-orbital)*. Аффиксы в таких случаях лишь структурируют пространство.

Структура фрагментов геометрического пространства, описываемого с помощью пространственных прилагательных, находится в тесной связи с его протяженностью. Трехмерное геометрическое пространство в языке представлено как сосуществование объектов в двух плоскостях: горизонтальной и вертикальной. Для вербализации данной характеристики пространства используются параметрические пространственные прилагательные. Наиболее значимыми для структурирования пространства являются, на наш взгляд, антонимические пары параметрических прилагательных *high (tall) / low; deep / shallow; long / short; wide (broad) / narrow; right / left, front / back.*

Вербализация и осмысление вертикальной пространственной координаты, как правило, не вызывает трудностей у говорящего и слушающего, поскольку параметрические признаки "*up / down"* физически одинаково верны для всех людей. Для отражения в вертикальной плоскости, помимо вышеупомянутых параметрических прилагательных, используются производные прилагательные с целым комплексом специальных словообразовательных средств (приставки *up-*, *down-*, *over-*, *under-*, *sub-*), что еще раз подтверждает вывод о том, что вертикальное измерение является центральным с точки зрения носителя любого языка.

Для получения информации о горизонтальном расположении предметов подключаются знания о картине мира, а ориентация в горизонтальной плоскости задается относительно объекта, заданного в производящем слове *(transcontinental, cross-town, interplanetary).* Вербализация и осмысление горизонтальной пространственной координаты представляются более сложными для коммуникантов. В частности, многими исследователями было доказано, что дети сначала овладевают параметрическими признаками *up / down*, а затем – *front / back* и *right / left*. Говоря о главенстве вертикальной оси над фронтальной и латеральной, следует отметить, что в ситуации, где человеку необходимо охарактеризовать объект, имеющий высоту и длину, он в первую очередь дает вертикальную характеристику объекта: *She was a tall slim girl.*

Как известно, психологическое восприятие человеком реального материального пространства отличается от объективированных знаний о нем. Следовательно, необходимо отметить субъективный характер пространства, описываемого с помощью определительной

пространственной модели. На выражение его свойств влияет антропоцентризм языковой системы и наивные представления об устройстве мира.

В частности, понятие размеров материальных предметов (которые являются составляющими элементами восприятия пространства), выражается пространственными прилагательными *big, large, great, little, short, deep, shallow, broad, narrow, high, low* и пр. Данные размерные прилагательные отличаются высокой частотностью употребления и развитой полисемией. В их значениях, передающих параметрическую оценку по признаку «большой – малый», отразилось то обстоятельство, что при определении размеров предметов человек исходит из своего реального положения в пространстве, принимая себя за точку отсчета направления измерения (напр., *deep pond/cave – shallow pool/pit*). Важным является также и то, что для каждой однородной группы предметов в сознании человека существует шкала размерных признаков (ср.^ *a big flea, a small elephant*), причем точка нормы не специфицируется значениями прилагательных.

Особенностью семантики размерных прилагательных является их способность обозначать не только размеры, но и объем, форму, расстояние, площадь и другие пространственные признаки, которыми, очевидно, дополнялось понятие размера в ходе познавательной деятельности человека. Анализ первичных значений размерных прилагательных показывает, что эти значения состоят из нескольких сем. Так, дефиниционный анализ прямого параметрического значения прилагательного *long* (по данным нескольких толковых словарей) выявил, что в его дефинициях взаимодействуют семы distance ‘расстояние’ (*long sight*), length ‘длина’ (*a long skirt*), height ‘высота, рост’ (*a long lean suitor*), space unlimited ‘неограниченное пространство’ (*a long place to swim*) и др.

Характерно, что прилагательные, обозначающие бóльшие параметрические признаки, обладают бóльшим количеством сем, что также обусловлено способностью человеческого сознания выделять нечто большее как важное. Так, обозначение мер длины, расстояния, глубины, высоты и т.п. в высказывании берут на себя прилагательные, выражающие большее измерение указанных признаков (напр., *How long is it? How far is it?* /а не *short, near*/; *20 feet deep* /а не *shallow*/; *5 floors high* /а не *low*/). Можно предполагать, что преимущественное употребление прилагательных высокой степени признака обусловлено большей актуальностью для человека преувеличения, прагматически направленного на то, чтобы сделать высказывание более убедительным для слушателя.

Большое количество проанализированных нами контекстов, содержащих пространственные прилагательные, показало, что функции пространственных прилагательных не ограничены сферой пространственного атрибута, т.е. данная группа адъективной лексики может быть включена в разряд номинативных единиц. Семантическая ёмкость и контекстуальная обусловленность значения прилагательного позволяет формировать на базе пространственного значения множество других, выражать оттенки смысла и совмещать разные типы значений в одном слове. При этом в процессе преобразования пространственной семантики активной следует признать роль процесса метафоризации.

Понятийный компонент концепта «пространство» окружен различными образными ассоциациями. Как отмечает Т.В. Цивьян, «усваивая строго регламентируемую и достаточно абстрактную классификацию пространственно-временных показателей, человек учится ориентировке в окружающем мире – сначала конкретной, в реальном пространстве, а затем, переходя на наиболее высокую ступень, отраженную в пространственной метафоре, – в пространстве духовном, контролирующем и определяющем его пребывание в этом мире» (цит. по: [Ибрагимова 1992, с.91]).

Метафоризация на основе переосмысления восприятия пространства, будучи одной из основополагающих понятийных категорий, прочно утвердилась в языке как способ номинации. Метафоры пространственного характера являются реализацией принципа антропоцентризма в языке, который выражается в том, что «сам выбор того или иного основания для метафоры связан со способностью человека соизмерять все новое для него по своему образу или подобию или же по пространственно воспринимаемым объектам, с которыми человек имеет дело в практической деятельности, в жизненном опыте» [Алпатов 1993, с.60].

Адъективные пространственные метафоры широко используются в языке. Они применяются, например, для обозначения психических качеств человека, которые могут быть выражены такими пространственными прилагательными, как *smooth, uneven, broad, closed, deep, shallow, straight, external.* При этом пространственные атрибуты могут быть отнесены как к характеристике личности в целом (*open character*), так и к отдельному ее аспекту (*deep feeling*), а также к результату деятельности личности (*a deep thought, a flat joke*).

Прилагательные, связанные с параметризацией пространственных отношений, могут переходить в темпоральную сферу (*a long walk, a close event, distant prospects, high noon, a high summer*). По нашему мнению, такая взаимосвязь темпоральных и пространственных значений отражает органическое единство пространства и времени.

Прилагательные, относящиеся к пространственным размерам объекта, воспринимаемым зрением, могут использоваться для дифференциации звучания (*a high note, a low voice*). В этой связи следует отметить, что, говоря о семантике прилагательных, Н.Д. Арутюнова отмечает, что «среди значений, порожденных чувственным восприятием мира, наиболее развиты и тонко дифференцированы понятийные эквиваленты зрительных впечатлений. Зрительное восприятие мира играет большую роль в формировании понятийной сферы и соответственно языковой семантики. ″Зрительная″ семантика достаточно четко расчленена. Лексика же, относящаяся к результатам незрительных восприятий, сравнительно бедна» [Арутюнова 1999, с.42]. По-видимому, использование параметрического прилагательного в данном случае компенсирует этот недостаток.

При анализе метафорических значений пространственных прилагательных важным оказывается выделение оценочного смысла, поскольку акт оценки является одним из составляющих компонентов чувственно-образного восприятия мира. При этом метафоризация как способ выражения вновь познаваемого через уже познанное актуализирует оценочные смыслы, отражая сущность познаваемого. О.П. Ермакова отмечает, что пространство в исходной ситуации непосредственно с оценкой не связано, но физическая природа пространства влияет на оценочный компонент в семантической структуре пространственной метафоры [Ермакова 2000, с.294].

Например, психологическое состояние человека метафорически именуется на основе переосмысления пространственной семантики отсутствия предметов в каком-либо вместилище. Исходное значение прилагательного *‘empty’ – «пустой, ничем не заполненный»* (*an empty room*), а метафорическое значение – *«в состоянии душевной опустошенности»* (*an empty soul, empty arguments, an empty promise*). В метафорическом значении данное прилагательное приобретает отрицательный оценочный смысл, таким образом, незаполненное пространство связывается со смыслами «бесполезный, непривлекательный». В данном случае дескриптивно-оценочное содержание исходного значения, содержащее информацию практического характера, является основанием для эмоциональной оценки в метафорическом наименовании. В этом и проявляется особая природа метафорической оценки, когда через призму пространственного значения оцениваются непространственные явления, например, сфера чувств, социальной жизни и т.д.

Определяя оценку ситуации, отраженную в метафорическом имени, также нужно иметь в виду, что семантика метафорического выражения может быть оценочна либо сама по себе, либо оценочный

смысл метафорического выражения может быть определен только в контексте. Такого рода контекстуально обусловленные метафорические выражения Е.М. Вольф называет квазиоценочными [Вольф 1978, с. 17]. Например, в метафорических выражениях *a deep feeling, deep thought* оценочная семантика выражается в самом пространственном прилагательном, поскольку данные интеллектуальные проявления осознаются как обладающие глубиной содержания, касающиеся сущности явлений, проникающие в них, что в принципе оценивается положительно. В других случаях, например, в метафорических выражениях *deep respect, deep delight*, определяющее влияние на оценку оказывает семантика именуемого состояния: понятия *'respect (уважение)', 'delight (восторг)'* оцениваются нами положительно, и сильное проявление уважения /восторга/, метафорически выраженное посредством интерпретации пространственной лексемы *'deep'*, также оценивается положительно. Семантика пространственного прилагательного *deep* лишь усиливает оценку, поэтому в данном контексте метафора квазиоценочна.

Анализ метафорических переносов позволяет определить отношение носителей языка к пространству и выявить значимые параметры при восприятии пространства. Своеобразие направленности метафорических переносов явилось основанием для объединения пространственных прилагательных в группы на основе общности метафорически моделируемого пространственного образа в рамках двух семантических классов – «пространство-среда» и «пространство-организация».

В семантический класс «пространство-среда» объединяются прилагательные, в исходном значении обозначающие некую пространственную целостность, выделенность для человека объектов в пространстве одной из природных стихий. В рамках этого класса мы выделили группы «природные стихии» (*earthbound, heavenly, underwater*) и «заполненность» (*empty, full, colmplete*). Результаты проведенного анализа показывают, что семантика земного пространства связана с образами обыденных, грубых чувств и желаний (*earthbound passions*), в то время как семантика небесного пространства является основой осмысления образов высоких, непорочных чувств и мыслей (*a heavenly creature*). На основе семантики пустого пространства создаются образы ложности, необоснованности, одиночества, бесполезности (*empty words, devastated life*), а семантика наполненного пространства связана с передачей степени проявления чувств, содержательности и предельности (*a full power*).

В семантический класс «пространство – организация» объединяются прилагательные, в исходном значении объединяющие

значения протяженности, трехмерности, структурности, непрерывности и дискретности пространства. Нами выделено пять пространственных групп в пределах этого класса: «расстояние от наблюдателя» (*close, distant, faraway*), «координационные параметры» (*low, high*), «размер» (*big, immense, small, tiny)*, «геометрическая форма» (*round, square, straight, shapeless*) и «граница» (*unlimited, boundless, infinite*).

Анализ всего спектра метафорических переносов позволяет сделать вывод о том, что пространственная семантика служит основанием для номинации явлений психологической (*empty soul, deep sorrow*), социальной (*a distant relative, a low income, a high position*), ментальной (*shallow mind, deep knowledge*), физической (*a deep night*), темпоральной (*faraway dreams, next weekend*) и символической (*a heavenly look*) понятийных сфер.

Список литературы

Алпатов В.М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходе к языку // Вопросы языкознания. 1993. №3. С. 58–67.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 1999. I–XV. 896 с.

Вольф Е.М. Грамматика и семантика прилагательного. М.: Наука, 1978. 200с.

Ермакова О.П. Пространственные метафоры в русском языке // Логический анализ языка. Языки пространств М.: Языки русской культуры, 2000. С. 289– 298.

Ибрагимова В.Л. Семантика глаголов пространственной локализации в современном русском языке. Уфа, Изд-е БГУ, 1992. 172с.

Сабурова Н.А. Пространство в русском языковом сознании: концептуализация пути // Вестник МГУ. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. №2. С.47–57.

Харитончик З.А. Имена прилагательные в лексико-грамматической системе английского языка. Минск: Выш. шк., 1986. 96 с.

УДК: 81’42

Масленникова Е.М.

Текст как концептуализация и категоризация мира (Прикладные аспекты психолингвистики и когнитологии)

Тверской государственный университет,
Россия, Тверь e-maslennikova@inbox.ru

Аннотация. Концептуализация действительности обусловлена спецификой языковой картины мира. Художественный текст выступает как лингвокультурный маркер языковой личности его создателя и национальной ментальности в целом. Личностные особенности восприятия позволяют читателю строить собственную проекцию текста, выбирать вектор понимания и определять систему доминант текста относительно момента «я–здесь–и–для–меня». В статье обсуждаются особенности вторичной концептуализации Мира текста при переводе.

Ключевые слова: текст, Мир текста, понимание, перевод, концептуализация, категоризация.

Maslennikova E.M.

The world’s conceptualization and categorization in texts (Applied aspects of psycholinguistics and cognition)

Tver State University,
Russia, Tver e-maslennikova@inbox.ru

Abstract. Conceptualization of reality is influenced by specific features of the linguistic world view. The literary text is considered as a linguistic and cultural marker of the linguistic personality of its creator and national mentality. Personal peculiarities of perception allow readers to make up their individual projections of the text, choose the vector of understanding and determine the system of dominants with reference to the statement “what does this text mean for me at present?”. The article discusses peculiarities of the secondary conceptualization of the World of the text that takes place in the act of translation.

Keywords: text, worlds of text, understanding, translation, conceptualization, categorization.

Художественный текст выступает как лингвокультурный маркер языковой личности его создателя и национальной ментальности, поэтому его допустимо рассматривать как «текст, подводящий итоги особого периода в концептуализации и категоризации выбранного в нем фрагмента мира» [Кубрякова 2009, с. 23]. В значительной степени понимание зависит от личности понимающего. Личностные особенности восприятия позволяют читателю строить собственную проекцию текста, выбирать вектор понимания и определять систему

текстовых доминант относительно момента «я–здесь–и–для–меня». При этом возможно смещение эмоционально-смысловых доминант текста. Читатель становится носителем значения и смысла (смысловой парадигмы) текста. Через деформацию смысловой нагрузки становится возможной деформация текста как целого.

Если «реальная действительность презентируется в ментальной деятельности индивида как система концептов», то «функциональную деятельность по становлению и интерпретации смысла» активирует СЛОВО [Пищальникова 2003, с. 118]. Например, шекспироведы пытались определить цвет кожи и расовую принадлежность шекспировского Отелло, основываясь на реплике Родриго, назвавшего его *the thicklips* ‘толстогубый’: *What a full fortune does the thicklips owe / If he can carry’t thus!* (W. Shakespeare. Othello, The Moor of Venice). А.Л. Соколовский опровергал версию о «негритянских» корнях Отелло, причисляя его к маврам главным образом по эстетическим соображениям («...это совершенно опровергается не только эстетическимъ чувствомъ, не допускающимъ, чтобъ человѣкъ съ такой возвышенной и развитой душой, какъ Отелло, могъ принадлежатъ къ забитому и неспособному негритянскому племени, но и указаніемъ самой драмы, гдѣ прямо сказано, что онъ былъ мавръ» [Соколовский 1913, с. 234]). Исследователи установили, что о времена Шекспира словом *мавр* обозначали без различия всех жителей северных областей Африки – арабов, берберов, негров, а эпитет *толстогубый* может относиться только к последним. Поэтому вероятно, что Шекспир представлял себе Отелло скорее как негра, а не как араба.

Поскольку слово задает читателю выбор направления «развертывания» всего текста, то споры о расовой принадлежности Отелло легко разрешаются, если обратить внимание на авторские подсказки. В «лошадином» контексте всей реплики из первой сцены первого акта трагедии прилагательное *Barbary* используется не в значении ‘варварский, дикий’, а ‘берберийский’ (*a Barbary horse*), а, как известно, арабские скакуны всегда высоко ценились: *... you’ll have your daughter covered with a Barbary horse; you’ll have your nephews neigh to you; you’ll have coursers for cousins and gennets for germans* (W. Shakespeare. Othello, The Moor of Venice). Арабы и берберы завоевали Иберийский полуостров, поэтому отца Дездемоны пугают получением в качестве будущих родственников (*germans* ‘свойственники’, *cousin* ‘двоюродный брат или сестра; родственник’) представителей животного мира: *gennets* (*gennet* ‘низкорослая порода испанских лошадей’ или ‘ослица’) и *coursers* (*courser* ‘быстроногий боевой конь, рысак’). Все переводчики выстраивают систему родственных «лошадиных» отношений: *рысаки – двоюродные братья* (П.И. Вейнберг,

А.Д. Радлова), *племянники* (Н.Х. Кетчер), *потомки* (М.М. Морозов), просто *в роду* (Б. Пастернак), *кузены, родственники* (М. Лозинский), *кровная родня* (О. Сорока); *иноходцы – племянники* (П.И. Вейнберг), *братья* (Н.Х. Кетчер), *свойственники* (П.А. Каншин), *потомки* (М.М. Морозов), *дядя* (Б.Н. Лейтин). Отсылка к испанскому происхождению породы лошадей присутствует только в нескольких переводах: *испанские жеребцы – свойственниками* (А.Д. Радлова), *испанская кобыла* (Б.Н. Лейтин), *породнитесь с испанскими лошадками и с ослами* (В. Рапопорт, 2000). Текст может упрощаться: *родня состояла из скакунов* (П.А. Каншин), *табун рысаков и иноходцев был вашими внучатами и родственниками* (А.Л. Соколовский). Вводятся привычные термины родства: *иметь коней зятьями и кобыл золовками* (П.А. Кусков). О. Сорока строит игру слов на двух значениях прилагательного *кровный*, которое указывает на общее происхождение от одних родителей, а также используется по отношению к породистым животным: *кровные рысаки станут вам кровной родней*.

Текст перевода, являясь по отношению к оригиналу вторичным и опосредованным, также становится его инокультурной реструктуризацией. Одной из причин, приводящей к инокультурной реструктуризации, является фактор адресата, т.е. параметры и характеристики вторичного читателя или, шире, всей вторичной аудитории, на которую ориентируется переводчик в своей деятельности. Английское детское стихотворение «This is the house that Jack built» знакомо большинству русскоязычных читателей по переводу С.Я. Маршака, превратившему несчастную и покинутую девицу (*the maiden all forlorn*), которая доит корову, в *седую и строгую старушку*-коровницу. В доме из текста С.Я. Маршака хранится *пшеница*, а не требующийся для производства пива и эля солод (*malt*). Если в оригинале девицу и поцеловавшую ее оборванца (*the man all tattered and torn*) венчает бритый и стриженый священник (*the priest all shaven and shorn*), то в переводе *толстый и ленивый пастух бранится* с *коровницей*. Полностью изменилась вся ситуация: вместо любовной истории со счастливым концом показаны будни сельской жизни.

Активизатором той или иной координаты ментального пространства становится именно слово, которое выводит на образ, ситуацию, прецедентный феномен, соответствующий код культуры и т.д. С другой стороны, особое значение приобретают ценностные ориентации автора и «его» читателя и то, что определяется социальным контекстом.

В ситуации перевода как двуязычной текстовой коммуникации членение концептуального пространства оригинала осуществляется в зависимости от направленности переводческой рефлексии.

Анонимный автор двух статей об особенностях жанра басни в России, опубликованных английским журналом «Fraser's magazine for Town and Country» [Russian Fabulists 1839, 1842], иллюстрировал свои положения собственными переводами басен, но при этом часть переведенных им басен И.А. Крылова подверглась инокультурной реструктуризации. Например, героями басни «Зеркало и обезьяна» являются *Мартышка* (*Мартышка, в Зеркале увидя образ свой*) и *Медведь*. Когда *Мартышка*, увидев свое изображение в зеркале, начинает обсуждать кумушек, то *Медведь* предлагает ей обратить внимание на себя (*Не лучше ль на себя, кума, оборотиться*). Появление в качестве действующих лиц новых героев *Pug* 'мопс' и *Puss* 'кошечка, киска' (*Pug call'd to Puss to come and take a peep*) объяснимо тем, что долгое время среди английской знати было модным содержать мопсов как домашних комнатных любимцев. В переводе *Pug* 'мопс', а представителей данной породы декоративных собак отличает характерный внешний вид (короткая тупая морда, широкая нижняя челюсть, морщины на лбу, близко посаженные глаза), говорит, что считает такой странный вид проклятием (*For my part, with vexation I should burst, / Were I with such a visage cursed*). Перевод, где 32 строки, оказался длиннее 20 строк оригинала. В отдельную строфу выделен спор между *Pug* и *Pussy*: *Кошечке* не удалось убедить *Monca* в том, что зеркало отражает его собственную странную фигуру (*a queer figure in the glass*). Если *Мартышка* видит недостатки *кумушек-кривляк*, то в переводе мопс *Pug* оказывается тщеславным в отношении своей внешности (*Maintaining that resemblance none / Was 'tween that figure and his own*). В занимающей отдельную строфу морали басни баснописец порицает неспособность общества покончить со взяточничеством (*Что Климыч на руку нечист, все это знают*), а перевод высмеивает неспособность увидеть собственные недостатки и приводящее к самолюбованию чрезмерное тщеславие (*vanity*), что делает человека тупицей (*a dunce*).

Таких примеров много в мире: *Не любит узнавать никто себя в сатире.* *Я даже видел то вчера:* *Что Климыч на руку нечист, все это знают;* *Про взятки Климычу читают,* *А он украдкою кивает на Петра*. И.А. Крылов. Зеркало и Обезьяна (1815)	*So are there many, you'll agree,* *Their own defects who ne'er can see.* *To find out who is meant they try;* *But never to themselves apply* *What chiefly is for them intended.* *By vanity each one defended,* *Wrapp'd up in his self-love's content,* *Protests his neighbour must be meant;* *And wonders he can be so great a dunce* *As the resemblance not to see at once*. I. Krilov. The Monkey and the Mirror (Anonymous translator, 1842)

Объектом этнопсихолингвистики является национально-культурная специфика речевой деятельности, речевого общения и языкового сознания. Этнопсихолингвистика как отдельное научное направление, сформировавшееся в рамках психолингвистики, сосредотачивается на «отражении национально-специфических компонентов культуры в речевой деятельности, которые могут быть выделены в любом из социальных видов среды как лингвокультурной общности» [Пищальникова 2007, с. 24]. К перспективным направлениям научных исследований XXI века относятся психолингвокультурология и когнитивная лингвокультурология [Красных 2017], позволяющие проводить анализ когнитивных механизмов смыслообразования с учетом национально-культурной детерминированности языкового сознания. Кроме предметной формы культуры, существуют ментальные или психические образы культурных предметов, а «значения о языке и мире исчерпывают содержание сознания, это содержание формируется в процессе присвоения культуры и является ментальной формой культуры наряду с ее предметной и деятельностной формами» [Тарасов 2000, с. 50].

Словарная статья о культурном переводе («Cultural translation») из энциклопедии по переводоведению «Routledge Encyclopedia of Translation Studies» [Sturge 2011] определяет его цель как передачу культурных различий или культурной специфики оригинала, когда текст перевода представляет читателю из другой, принимающей культуры культуру, в которой был создан оригинал. При этом переводчику предстоит установить ценностные доминанты исходного текста и степень их (не)приемлемости для вторичной аудитории, выбрать средства передачи определительных отношений, уточнить лексико-грамматические свойства слов и характеристики связей слов относительно контекста, построить концептуальный образец и т.д. Также он выбирает стратегии нейтрализации, экзотикации, доместикации, форенизации, адаптации и другие, которым он будет следовать в своей деятельности. Он проводит оценочную концептуализацию и оценочную категоризацию с тем, чтобы «встроить» получаемый вторичный опосредованный текст в другую систему координат. Например, оказавшись в трактире, Чичиков *сел на диван, подложивши себе за спину подушку*. Выбор в качестве варианта *pillow* ‘подушка’ или *cushion* ‘диванная подушка’ зависит от установленных межконцептуальных связей: *pillow* ↔ *cushion*. Оба предмета имеют общие совпадающие характеристики (‘набитая чем-то мягким наволочка из ткани’). Однако их отличительные признаки не отмечены в дефинициях из англо-русских словарей [Oxford... 1995 и др.], но включены в англо-английские словари [The Concise Oxford

Dictionary 1995; Longman Dictionary 2003 и др.], где предметы различаются по выполняемой ими функции: имеющая прямоугольную форму *pillow* предназначена для сна, а на *cushion* опираются для удобства и *cushion* можно положить на стул или на пол.

Исходя из представления о сознании индивида как о поле интерпретации личностных смыслов художественного текста, В.А. Пищальникова подчеркивает, что в этом случае «личностный смысл объединяет различные представления о какой-либо реалии – от визуальных до вербальных», а «каждый признак реалии, отраженной в личностном смысле, может стать знаком ее и вызывать ассоциации, связанные с данной реалией» [Пищальникова 2010, с. 44]. В английском детском стишке «Dance to your Daddy» отец обещает привести сыну рыбку (*fishie*) под названием *herring* ‘сельдь, селедка’ (*You shall get a herring when the boat comes hame*) и подарить одежду – *coatie* ‘курточка’ и *a pair of breeches* ‘бриджи’ (*You shall get a coatie* / *And a pair of breeches*), когда лодка вернется в родной порт (*when the boat comes in*). В переводе В. Лунина меняется набор подарков в пределах заявленной оригиналом морском тематики: это – *морской конек, матроска* и *брюки в полоску*.

Упоминаемые в художественных текстах реалии быта связаны с определенным историческим периодом и в обыденном сознании носителей языка имеют хронологическую привязку, часто составляя особый словарь отдельной лингвокультуры. Богатые герои из произведений русских авторов XIX века часто выбирают в качестве средства передвижения *коляску*, под которой имеется в виду ‘барская ездовая повозка с половинчатым верхом и на пружинах’ [Даль 1996]. Современные словари русского языка не упоминают о сословном ограничении на использовании данного предмета: *коляска* – ‘рессорный четырехколесный экипаж с откидным верхом’ [Ожегов 1986]. В качестве эквивалента для *коляски* русско-английские словари обычно предлагают *carriage* ‘экипаж, карета, коляска’ и *barouche* ‘ландо, четырехместная коляска’. Переводчица романа «Анна Каренина» Л.Н. К. Гарнетт не стала акцентировать внимание на виде экипажа, предпочитая в большинстве случаев в качестве эквивалента для *коляски* исключительно *carriage*, что в принципе не противоречит параметрам категории «средство передвижения», но с точки зрения оценочной категоризации объекта не может быть признано вполне точным: *...он велел закладывать коляску...* ↔ *... he gave orders for the carriage...*; *... чтобы закладывали поскорей коляску тройкой...* а ↔ *... to have out the carriage and three horses as quick as they can...*; Ср.: *... тебе карету подаст Кондратий...* ↔ *... Kondraty will take you in the carriage*.

В комментариях к своему переводу «Мертвых душ» К. Инглиш /,

отмечая важность для Н.В. Гоголя описания видов транспорта, которыми пользуются его герои (*бричка*, *дребезжалка*, *дрожки*, *кибитка*, *колесосвистка*, *коляска*, *линейка*, *обоз*, *пролетка*, *рыдван*, *тарантас*, *телега*, *тележка*, *тройка*, *экипаж*), считает, что для многих современных русскоязычных читателей эти слова могут оказаться малознакомыми. Тем не менее, снятие при переводе маркированности слова (временной; контекстуальной; контекстуально-временной; историко-культурной и т.д.) в художественном тексте делает его стилистически нейтральным.

Поскольку процесс вторичной категоризации находится под непосредственным влиянием хронологического фактора, современному переводчику могут помочь национальные корпуса языков, программы типа «Google Ngram Viewer» (http://books.google.com/ngrams), позволяющие на основе графиков частотности языковых единиц выявить и проследить типы маркированности СЛОВА в художественном тексте. Несомненную помощь окажут двуязычные словари, чья публикация близка ко времени выхода книги, что позволит переводчику выйти на лингвокультурные ассоциации и подтексты, стоящие за СЛОВОМ. Например, русско-английский словарь («Vocabulary») из грамматики «A Grammar of the Russian Language» [Morfill 1889] предлагает для реалии *коляска* варианты *open carriage* ‘открытый экипаж’ и *calèche* ‘экипаж, карета’, заимствованное из французского языка *caléche* ‘коляска’.

Графики, построенные с помощью программы «Google Ngram Viewer» для *open carriage*, *calèche* и *barouche*, показывают, что за период с 1800 по 2000 гг. пики частотности для *open carriage* и *barouche* практически совпадают по общему корпусу англоязычных текстов и по подкорпусам британского варианта английского языка, американского варианта английского языка и англоязычной беллетристики. В первой половине XIX века «лидирует» существительное *barouche* ‘ландо, четырехместная коляска’, которое в 1868 году начинает «обгонять» *open carriage* ‘открытый экипаж’. Однако именно *calèche* помогает представить вид модного на рубеже XVIII–XIX вв. четырехколесного рессорного экипажа с откидным верхом.

...dirent les témoins qui bientôt aperçurent dans la route une calèche de voyage attelée de quatre chevaux et menée par deux postillons↔ ... said the seconds, who soon descried a caleche coming along the road...; *... сказали секунданты, увидев вскоре на пути дорожную коляску*; *... сказали секунданты и вскоре увидели экипаж с четверкой лошадей в упряжке.*
Примечательно, что первые переводчики поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» выбирали *calash* ‘коляска’ в качестве ближайшего эквивалента для *брички* или *коляски*: *Издали тащилась еще колясчонка <...>*

черномазый еще оставался и щупал что-то в бричке, разговаривая тут же со слугою и махая в то же время ехавшей за ними коляске ↔ At a distance, a second miserable looking empty vehicle <...> whilst his darker companion remained below, seeking for something in his britchka, and speaking to the servant. At the same time he made signs with his hand to the driver of the other vehicle, which was now gradually approaching. Home life in Russia (Translated by K. Lach Szyrma, 1854); *In the distance an empty calash was loitering along <...> while the dark one remained fumbling for something in the britchka, as he talked to the servant, and motioned to the advancing calash*. N.V. Gogol. Tchitchikoff's journeys; or, Dead souls (Translated by I. Hapgood, 1886); *In the distance an empty calash was coming along <...> the dark one remained fumbling for something in the britchka, talking to the servant and pointing to the advancing calash*. N.V. Gogol. Dead souls (Translated by S. Graham, 1915). Частотность для *calèche* 'экипаж, карета' характеризуется резкими взлетами и падениями: наиболее часто это слово встречается в мемуарах и воспоминаниях о заграничных путешествиях, в особенности по франкоговорящим регионам мира. Не удивительно, что в англоязычной художественной литературе *calèche* становится своеобразным маркером чуждости. Имеющиеся в художественном тексте типы маркированности слова (временная; контекстуальная; контекстуально-временная; культурная; историко-культурная; интертекстуальная) предполагают наличие эмоциональной оценочности. За отдельными словами в синхронии и диахронии закрепляются целостные и ценностные комбинации мотивов и глубинных связей, установить которые становится возможным с помощью национальных корпусов языка. Национальные корпуса языков, программы типа «Google Ngram Viewer» (http://books.google.com/ngrams) позволяют не только языковых единиц выявить и проследить типы маркированности слова в тексте, но также определить эквивалентность и лакунарность социальных норм, нашедших свое отражение в слове.

Список литературы

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. СПб.: ТОО «Диамант», 1996.

Красных В.В. Психолингвокультурология и когнитивная лингвокультурология // (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем. М.: Гнозис, 2017. С. 183–261.

Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: вместо введения // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский

дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. С. 11–24.
Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1986. 797 с.
Пищальникова В.А. История и теория психолингвистики. Ч. 3. Психопоэтика. М.: АСОХ, 2010. 144 с.
Пищальникова В.А. История и теория психолингвистики: Курс лекций. М.: Московский гос. лингвистический ун-т, 2007. Ч. 2. Этнопсихолингвистика. 228 с.
Пищальникова В.А. Эмоциональная доминанта текста: переводческий аспект // Эмотивный код языка и его реализация. Волгоград: Перемена, 2003. С. 117–120.
Соколянский А.Л. Сочинения Вильама Шекспира в переводе и объяснении А.Л. Соколовскаго. В XII т. С.-Петербургъ, 1913: Издание г-на А. Ф. Маркса. Т.1.
Тарасов Е.Ф. Язык как средство трансляции культуры // Язык как средство трансляции культуры. М.: Наука, 2000. С. 45–53.
Longman Dictionary of Contemporary English. London: Pierson Education Limited, 2003. 1950 p.
Morfill W.R. A grammar of the Russian language. Oxford: Clarendon press, 1889. 168 p.
Oxford Russian Dictionary. М.: Изд-во «Прогресс-Академия»; Смоленск «Полиграмма», 1995. 1340 p.
Russian Fabulists, with Specimens // Fraser's magazine for Town and Country. 1839. Vol. XIX. January to June. P. 153–163.
Russian Fabulists, with Specimens. Second article // Fraser's magazine for Town and Country. 1842. Vol. XXV (Jan.–June). P. 238–250.
Sturge K. Cultural translation // Routledge Encyclopedia of Translation Studies. 2nd edition. London; New York: Routledge Taylor & Francis Group, 2011. P. 67–70.
The Concise Oxford Dictionary. Oxford: Oxford Univ. Press, 1995. 1673 p.

УДК: 81-13

Мягкова Е.Ю.

Навык чтения и проблемы понимания текста

Тверской институт экологии и права,
Россия, Тверь, elenamyagkova@mail.ru

Аннотация. Вопросы функциональной неграмотности рассматриваются в связи со спецификой формирования навыка чтения как основы понимания текста. Важность обучения чтению и письму обсуждается в контексте современной системы образования,

особенностей социализации в условиях превалирования аудиовизуальной информации, а также в связи с отсутствием у обучаемых необходимых предметных знаний.
Ключевые слова: навык чтения, функциональная грамотность/неграмотность, слабые читатели, угадывающее чтение, внутренняя грамматика, метаязык, предметные знания.

Myagkova E.Yu.
Reading skill and text understanding

Tver Institute of Economics and law,
Russia, Tver, elenamyagkova@mail.ru

Abstract. Defective reading skill is discussed as one of the most important causes of functional illiteracy. Nonreaders are unable not only to understand written texts but to function normally in everyday and professional environment. Problems of defective reading skill formation are connected with modern educational system specifics, electronic gadgets and lack of background knowledge.
Keywords: reading skill, functional literacy/illiteracy, nonreaders, misreading, inner grammar, metalanguage, background knowledge.

В процессе социализации в настоящее время определяющими являются не только доступность и многообразие товаров потребления и услуг, но и состояние образовательной системы, отсутствие целенаправленной языковой политики со стороны государства и пр. «Реформа» системы образования привела к подмене реальных результатов образования формальными показателями, а это постепенно приводит к увеличению количества людей, не умеющих читать и считать, а главное – не умеющих понимать тексты. Снижение статуса родного языка способствует снижению уровня общей грамотности и приводит к *функциональной неграмотности*, которая проявляется в недостаточной сформированности речевых умений, ведущих к неправильному пониманию и искажению смысла при восприятии чужих мыслей и к нечёткой передаче собственных [Безрукова – эл. ресурс]. В результате человек становится в той или иной степени неподготовленным к выполнению возложенных на него функций [там же]. Важно отметить, что функциональная неграмотность связана, прежде всего, с речевой деятельностью: язык неразрывно связан с мышлением и, следовательно, со всеми сферами деятельности человека (прямо или опосредованно). А речевая деятельность современного человека непосредственно связана, в первую очередь, с умением читать, писать и считать в уме. Устный счёт развивает у детей инициативу, сообразительность, изобретательность, внимание, память, мышление (см., например: [Барвин 2002]). Письмо и чтение – базовые школьные

навыки, без эффективного владения которыми дальнейшее обучение затруднено или просто невозможно.

Более того, это – сложнейшие интегративные навыки, объединяющие в единую структуру деятельности все высшие психические функции – внимание, восприятие, память, мышление [Безруких 2009]. М.М. Безруких подчеркивает, что обучение тактике письма и технике чтения не имеет самостоятельной ценности, если не приводят к письменной речи, не создаёт потребность в ней, не даёт навыки собственно письменной речи. Л.С. Выготский, говоря о культурно-историческом смысле обучения ребенка письму и чтению, главным считал культурное развитие ребенка, которое базируется на формировании навыков письма как начального этапа обучения письменной речи. Напомним, что Л.С. Выготский подчеркивал отличие собственно письменной речи от техники письма и утверждал, что «чисто механическая способность читать скорее задерживает, чем продвигает вперед культурное развитие ребенка» [Выготский 1083, с. 198].

В.П. Чудинова [Чудинова 2007] основной характеристикой «слабых читателей» считает то, что им скучно и утомительно читать. Но у них есть и другие типичные особенности: ошибки в чтении. Эти читатели не всегда могут правильно соотнести букву алфавита с соответствующим звуком, что, во-первых, приводит к тому, что для того чтобы понять прочитанный текст им приходится делать паузы, а, во-вторых, ведет к угадыванию. Понятно, что даже небольшие ошибки с заменой и перестановкой букв приводят к изменению смысла текста. Хотя многие школьники могут читать вполне грамотно в фонетическом отношении, слова и образы ничего для них не значат. Они читают только потому, что должны. Следовательно, «ущербным» у таких читателей является и письмо, ведь эти навыки составляют две стороны одного процесса, поскольку в их основе лежат одни и те же психофизиологические процессы (см. табл. 1).

Таблица 1. Основные психофизиологические процессы, составляющие основу деятельности при письме и чтении (по [Безруких 2009])

ПИСЬМО	ЧТЕНИЕ
Развитие речи	Развитие речи
Фонетико-фонематическое восприятие	Фонетико-фонематическое восприятие
Произвольная организация и регуляция деятельности	Произвольная организация и регуляция деятельности
Внимание (избирательное внимание)	Внимание (избирательное внимание)
Восприятие (дифференцированное, помехоустойчивость, константность)	Восприятие (дифференцированное, помехоустойчивость, константность)
Зрительная память, зрительный контроль и коррекция	Зрительная память, зрительный контроль и коррекция
Зрительно-пространственное восприятие	Зрительно-пространственное восприятие
Рабочая память	Рабочая память
Зрительно-моторные координации	Координация и регуляция артикуляционных движений
Фиксация позы (тоническое напряжение)	
Координация движений пальцев	
Нервно-мышечная интеграция	
Звуко-буквенный анализ (перевод фонемы в графему)	Последовательное «слияние» фонем (звуков)

М.М. Безруких подчеркивает, что процесс чтения очень сложен, а способность различать и называть буквы – только один элемент этого процесса (чаще бывает, что помнит ребенок далеко не все буквы) [Безруких 2009]. Большое значение здесь имеет сформированность механизмов внимания, памяти, произвольной регуляции деятельности. Ребёнок должен уметь не только различать буквы, но и удерживать внимание, сохранять в памяти предыдущую букву, пока анализируется следующая и т.п. Часто ребёнок, на первых порах пытавшийся читать, начинает категорически отказываться это делать из-за давления на него родителей. Но иногда, если его всё же заставляют читать, ребёнок на самом деле дифференцирует одну-две буквы в начале слова, а затем пытается это слово угадать. Таким образом формируется нерациональный, неэффективный механизм чтения. Переучить ребёнка будет очень сложно, и чаще всего это не удаётся, а трудности чтения могут остаться на всю жизнь. Т.Д. Жукова утверждает, что если до 12 лет ребенка не научили понимать то, что он читает, он пополняет функционально неграмотную и неэффективную часть населения [Жукова – эл. ресурс]. По статистике 2/3 американских школьников, которые не умеют нормально читать к концу четвёртого класса, впоследствии оказываются в тюрьме или живут на пособие – этот

период становится своеобразным «водоразделом»: если человек не научился читать в детстве, то примерно в 78% случаев он никогда этому не научится [Literacy statistics – эл. ресурс]. Появившийся у практиков термин «угадывающее» чтение характеризует неэффективный вариант формирования этого навыка [Безруких 2009]. Личный педагогический опыт позволяет засвидетельствовать, что результаты такого неэффективного навыка действительно наблюдаются со всей очевидностью у современных студентов при изучении иностранного языка: этим уже достаточно взрослым людям приходится с гораздо большим трудом осваивать звукобуквенные отношения, учиться удерживать внимание, сохранять в памяти прочитанное и т.д.

Кроме того, результаты экспериментов и многолетние наблюдения подтверждают, что функциональная неграмотность связана, в первую очередь, с отсутствием или недостатком «предметных» знаний, а ведь мы живем в мире предметных, а не лексических значений [Леонтьев 2000]. Современное состояние «отвлеченности» от предметного мира обусловлено, с одной стороны, спецификой жизненных обстоятельств в плане засилья электронных гаджетов, создающих «виртуальную реальность». Преобладающая аудиовизуальная информация значительно легче осваивается и легкодоступна. Как показывают исследования последних лет, например, работа Т.В. Кружилиной [Кружилина 2014], преобладание визуальной информации в жизни детей младшего школьного возраста без «целенаправленной организации игровой, предметной и образовательной деятельности в дошкольном возрасте с целью формирования речевой способности» наносит ребенку непоправимый вред (в частности, ведет к снижению уровня сформированности способности понимания текста). В жизни взрослых, как считает Т.А. Филиппова, «не последнюю роль в том, что мы всё меньше и меньше читаем, … играет и телевидение. А конкретно – огромное количество телеканалов и… пульт дистанционного управления. /…/ При постоянном переключении с канала на канал картинка, воспринимаемая зрителем, оказывается составленной из отрывков программ, идущих параллельно по разным каналам. Зритель словно «монтирует» свою собственную передачу из кусочков разнородного видеоматериала» [Филиппова – эл. ресурс]. Значительный ущерб целостному восприятию наносит реклама, которая перебивает сюжет и переключает внимание, а также изобилие сериалов, которые можно смотреть чуть ли не с любого места. В результате «за последние пару лет наметилась тенденция: школьники теряют способность следить за сюжетом и поступками героев. Они практически потеряли навыки пересказа прочитанного текста» [там же]. Отметим, что все, кто так или иначе затрагивает тему влияния телевидения и гаджетов на состояние

функциональной грамотности современного человека, считают, что «подобные явления будут только нарастать» [там же].

Кроме того, негативную роль играют программы школьного и вузовского обучения, ставящие во главу угла не учащегося, а предмет как совокупность знаний. Способы оценки этих знаний, а, следовательно, и сам процесс обучения, не сосредоточены на формировании переносимых навыков, т.е. «живого знания» [Зинченко 1999], которое формирует личность и способствует её развитию. Значительный вред с этой точки зрения приносит формальное, без понимания со стороны педагогов и чиновников использование балльно-рейтинговой системы оценки знаний.

Опыт преподавания языка показывает, что «живое знание» может быть сформировано, например, в ходе работы по моделированию естественного метаязыка (внутренней грамматики). Например, в рамках курса обучения переводу по методу В.В. Милашевича [Милашевич 1998] обучаемым предлагается модельный язык так называемой логической грамматики, на котором может быть прочитано или построено практически любое высказывание. Такой язык охватывает практически все разделы грамматики (например, на языке моделей фразы *Машина везет людей*, *Куздра кудрячит бокрёнка*, *Человек читает книгу* выглядят одинаково: КТО ДЕЛАЕТ ЧТО). Опыт работы с методом показывает, что в процессе овладения моделями (элементами внутреннего метаязыка, или внутренней грамматики) обучаемые научаются удерживать внимание (поскольку при построении модели важны «работающие» «мелкие детали»), сопоставлять элементы, сохранять в памяти логику высказывания – т.е. в какой-то мере восполняют недостатки, о которых говорилось выше. Отметим также, что наблюдения последних лет свидетельствуют о значительном ухудшении способности обучаемых удерживать в памяти логику высказывания, формировать устойчивые ассоциации и логические связки, творчески использовать модели для построения словосочетаний и целых предложений.

Понятно, что чтение (во всех его аспектах) зависит от процесса социализации (см., например: [Мягкова 2017]), а решение проблем в этой сфере требует объединения усилий представителей самых разных научных направлений: «Сейчас особенно необходимы фундаментальные, междисциплинарные исследования процесса чтения, функциональной грамотности (и неграмотности) юных и взрослых, изучение психологических, педагогических и иных аспектов читательской деятельности» [Чудинова 2007, с. 132].

Результаты многочисленных исследований показывают, что те, кто читает, отличаются от тех, кто не читает, уровнем развития

интеллекта [Плотников 1999]. Сравнение групп подростков («активных читателей» и «пассивных читателей») демонстрируют, что «книгочеи (и те, кто просто любит читать) более грамотно и более четко ориентируются не только в книжной культуре, но и во всем комплексе медиа в целом – в информационном пространстве они также более полноценно используют свой досуг для получения интересной информации, самообразования и в целом для развития личности» [Чудинова 2007, с. 160].

Кроме того, приходится согласиться с мнением о том, что «у нас в стране произошла подмена понятий: понятие информационной грамотности отождествили с понятием компьютерной грамотности» [там же]. Поскольку в образовательных стандартах высшей школы компетенции, связанные с информационной грамотностью, а также основные универсальные компетенции (способность к восприятию, обобщению, анализу информации, постановке цели и выбору путей ее достижения; умение логически верно, аргументированно и ясно строить устную и письменную речь; стремление к саморазвитию, повышению своей квалификации) связаны с уровнем читательской грамотности [Бершадская 2012], приходится признать, что базовые навыки чтения имеют основополагающее значение для всего дальнейшего обучения и развития человека.

Но по результатам оценки знаний подростков по программе PISA (The Program for International Student Assessment) школьники из стран – лидеров в сфере высшего образования демонстрируют отнюдь не самые высокие результаты. Как считает М. Бершадская, это свидетельствует о наличии у образовательных систем США, России и ряда ведущих европейских стран серьезных проблем [Results From the 2000… – эл. ресурс]. PISA – это международная система оценки, которая имеет целью определить уровень способностей пятнадцатилетних подростков в сфере чтения, математики и естественных наук, а также измеряет общие компетенции, такие как стратегии обучения. Концепция этой системы оценки знаний основана на предположении о том, что к пятнадцати годам молодые люди должны иметь достаточный опыт, который позволил бы им достигнуть определённого уровня грамотности в чтении, математике и естественных науках, поэтому выполнение контрольных заданий в системе PISA предполагает использование навыков, восприятия, обобщения и анализа информации, навыков работы с текстом, построения высказывания и пр. [там же].

С точки зрения психолингвистики проблема чтения непосредственно связана с проблемой понимания текста, которая становится особенно актуальной в ходе обучения иностранному языку: на занятиях становится очевидным неумение студентов (речь идет о

студентах первого-второго курсов неязыковых факультетов) работать с текстом [Мягкова 2017]. Однако именно на таких занятиях преподаватель-исследователь получает материал для анализа стратегий и опор, используемых в процессе извлечения информации из текста, а также для оценки способности понимать текст.

Одной из методик исследования понимания текста является поиск и исправление ошибок [Мягкова 2015]. Ошибки можно распределить по группам, например, ошибки в форме слова, ошибки в порядке слов, нарушение логики высказывания (см. табл. 2).

Таблица 2. Типичные ошибки

Тип ошибки	Группа	Примеры
Форма слова	Форма глагола	Ищите коляску? У нас – на любой вкус!
	Выбор паронима	Храм 18-го века также придается запустению. Россияне потеряли интерес к поддержанным автомобилям.
	Незнание слова	Я учусь на заочном отделении юристпруденции.
	Падежная форма	Красноярцы обеспокоены сложившейся ситуацией, о чем неустанно делятся в социальных сетях. Объявляется о свободной дискуссии.
Порядок слов	Место определяемого слова и определения или придаточного определительного	Корабль, предназначенный для полета на Альфу Центавра, планируется разработать на основе замысла группы физиков из Калифорнии во главе с Филипом Лубиным, о котором они рассказали в прошлом году. Современное состояние обучения устному диалогическому общению китайских филологов. На Камчатке заметили бурого белого медвежонка
	Место слов *только*, *скорее, не только, но и* и др.	Один из федеральных чиновников рассказал, что премии, скорее, не являются поощрением, а частью зарплаты. Суд может не только обязать родителей удалить фото из Facebook, но и выплатить дочери денежную компенсацию за моральный ущерб. На борту автобуса не всё было отнюдь благополучно.
	Прямое и косвенное дополнение	Особенности понимания старшими школьниками фразеологизмов. Как обманывают магазины перед Новым годом
Нарушение логики		На Кавказе во многих районах здания не рассчитаны на мощные землетрясения, поэтому

высказывания		этот регион подвержен сейсмическому риску. К счастью, животное быстро потеряло интерес к необычному для него предмету, поскольку стоимость «вкусного» оборудования составляет 200 тысяч долларов, передает «Си-Би-Эс ньюз». Здесь много узких окон-бойниц (это такие широкие окна с ажурной деревянной резьбой).

В работе [Мягкова 2017] описываются результаты обсуждения одного из таких примеров в группе студентов. В ходе анализа короткого предложения обнаружилось, что для его понимания студентам не хватило, с одной стороны, элементарных фоновых знаний. Например, в предложении «На Камчатке заметили белого бурого медвежонка» слово *Камчатка*, которое должно было подсказать, какое из двух прилагательных является названием породы животного, а какое – название цвета, не воспринималось как подсказка: студенты просто не знали, что это такое, где находится, и какие медведи там живут. С другой стороны, непонимание было обусловлено неумением анализировать письменный текст в виду недостаточной сформированности внутренней грамматики (см.: [Мягкова 2014]). Опыт работы с таким типом заданий на занятиях даёт основания заключить, что причиной непонимания во многих случаях оказывается элементарное неумение читать: в процессе озвучивания текста или чтения про себя студенты не обращают внимания на детали (часто – отдельные буквы и/или части слов, а также «маленькие» слова, такие как предлоги, союзы, артикли). При чтении текста на иностранном языке начинает работать «угадывающее» чтение, когда студенты «не видят» отдельные буквы и части слов, а «додумывают» их, чтобы быстрее справиться с заданием. Другая беда – отсутствие предметных знаний. Например, ответом на вопрос «Куда впадает Волга?» стал вопрос «А как это “впадает”?» (диалог имел место в стоящей на Волге Твери). К сожалению, это не случайность: коллеги привели подобные примеры на материале общения со студентами в других регионах России. Например, живущие на побережье Кольского залива студенты в ответ на вопрос «А какое у вас здесь море?» сказали: «Что вы, у нас никакого моря нет, у нас только залив».

Имеет смысл указать и на то, что, если подобные задания выполняются в течение достаточно большой части занятия (например, студентам предлагается ещё ряд предложений для исправления ошибок с последующим их обсуждением), то на каждое следующее предложение затрачивается меньше времени, и создаётся впечатление, что в дальнейшем студенты будут действовать по такому принципу. Однако на следующем занятии (а на неязыковых факультетах студенты

имеют 2-4 часа иностранного языка в неделю) иногда приходится начинать всё сначала. При этом очевидно, что при выполнении домашнего задания, предназначенного на закрепление материала занятия, студенты действовали по старой привычке.

К сожалению, программы школьного обучения, не предусматривают обеспечения нормального становления навыков чтения, например, показателем качества чтения может выступать скорость, при этом главная цель чтения, понимание, остаётся не достигнутой. Постоянные споры о содержании школьного чтения привели к сокращению списков книг для обязательного чтения, что часто оправдывается сложностью классической литературы, устаревшим языком классических произведений и пр. По этому поводу А.В. Гладкий совершенно справедливо замечает: «Главная ошибка … в том, что состояние глубокой деградации, когда прочесть роман в 1000 страниц – непосильный труд для 16-летнего юноши, … считают нормальным. /…/ Если …состояние деградации будет признано нормой, это неминуемо приведет к тому, что вся классическая литература (и не только русская) будет забыта, … а главным чтением для всех от мала до велика, не исключая кандидатов и докторов любых наук, станут рекламные объявления. Отсюда дальнейший вывод: нам предлагают считать нормой малограмотность» [Гладкий – эл. ресурс].

Каковы перспективы в преодолении функциональной неграмотности? Стоит согласиться с мнением тех, кто считает необходимым изменить отношение к организации образования: «Мы должны понять, как учить людей учиться, как научить извлекать информацию из быстро меняющегося внешнего мира. Этой информации такое количество, что на самом деле почти все равно, есть она или нет... Мы понимаем, что невозможно прочитать все статьи, которые выходят по твоей «узкой» специальности, нужны кроме того и комбинированные, конвергентные знания. Количество «фактов» растет стремительно, а понимание – гораздо, несопоставимо медленнее» [Черниговская, с. 17]. С.П. Капица говорил о необходимости перейти *от образования знания к образованию понимания*: «… знания очень легко получить – из интернета, из разных источников, их слишком много, и они слишком подвижны, а понимание – это то, что остается. Основная задача настоящего образования – научить пониманию» [Сергей Капица… – эл. ресурс].

Конечно, сказать легче, чем сделать. Но для начала хорошо хотя бы задуматься об этом. В теоретическом смысле, как представляется, это означает необходимость дальнейшего исследования чтения как одного из основных аспектов грамотности. Думаю, следует согласиться с мнением генерального директора ЮНЕСКО Ирины Боковой, которая

считает, что «грамотность – это не просто первостепенный вопрос образования, а самая главная инвестиция в будущее, а также первый шаг по направлению ко всем новым формам грамотности, которые будут необходимы в двадцать первом веке» [What would… – эл. ресурс].

Список литературы

Баврин И.И. Избранные задачи С.А. Рачинского для умственного счета. М.: Московский психолого-социальный институт, 2002. 48 с.

Безруких М.М. Трудности обучения в начальной школе. Причины, диагностика, комплексная помощь. М.: Эксмо, 2009. 464 с.

Безрукова В.С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). [Электронный ресурс]. URL: http://refdb.ru/look/2054801.html.

Бершадская М. Функциональная грамотность школьников и проблемы высшей школы // Отечественные записки: журнал для медленного чтения. Выпуск журнала № 4 (49) 2012. [Электронный ресурс] URL: http://www.strana-oz.ru/2012/4/funkcionalnaya--gramotnost-shkolnikov-i-problemy-vysshey-shkoly.

Выготский Л.С. Собрание сочинений в 6 томах. Том 3. Проблемы развития психики. М.: Педагогика,1983. 368 с.

Гладкий А.В. Деградация образования: Открытое письмо Александру Костинскому, автору и ведущему программ «Образование» радио «Свобода». Современные проблемы: Библиотека им. Елены Евдокимовой. [Электронный ресурс] URL: http://modernproblems.org.ru/education/60-kostinsky.html?showall=1

Жукова Т.Д. Функциональная неграмотность – бич XXI века? [Электронный ресурс]. URL: http://geopolitics.by/analytics /funkcionalnaya-negramotnost-bich-xxi-veka.

Зинченко В.П. Проблема внешнего и внутреннего и становление образа себя и мира // Первые чтения памяти В.В. Давыдова. Сборник выступлений. Рига – Москва, 1999. С.18–30.

Капица С.П. Россию превращают в страну дураков // Аргументы и Факты, № 37. 2009. [Электронный ресурс]. URL: http://www.aif.ru/society/13372.

Кружилина Т.В. Понимание текста детьми дошкольного возраста с учетом факторов социального окружения ребенка (экспериментальное исследование): автореф. дис. … канд. филол. наук. Тверь, 2014. 19 с.

Леонтьев А.А. Лекция для студентов 4 курса иняза КГПУ 26 апреля 2000 г. [Конспект].

Милашевич В.В. Обучение научно-техническому переводу с английского языка. Логическое изучение грамматики: методические рекомендации. Владивосток, 1988. 38 с.

Мягкова Е.Ю. «Внутренняя грамматика» и грамматическая ошибка // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология», 2014. № 4. С. 230–235.

Мягкова Е.Ю. Моделирование внутреннего метаязыка как средство диагностики функциональной неграмотности // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. / под общ. ред. А.А. Залевской. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2015. С. 44-51.

Мягкова Е.Ю. Где живёт бурый белый медвежонок, или Чтение и проблема понимания текста // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. № 4, 2017. С. 145-151.

Плотников С.Н. Чтение и экология культуры // Homo legens: Памяти Сергея Николаевича Плотникова (1929-1995). М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 3-62.

Сергей Капица: «Россию превращают в страну дураков» // Аргументы и факты. URL: http://www.aif.ru/society/13372

Филиппова Т.А. «Попрыгунчики» разучились думать? [Электронный ресурс]. URL: http:Ж.agniyoganeverydaylife.desforumssirg.viewtipic.php=687=724.

Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание М.: Языки славянской культуры, 2013. 148 с.

Чудинова В.П. Детское чтение. Негативные последствия развития медиасреды // Дети и культура. М.: КомКнига, 2007. С. 131-164.

Literacy statistics. [Электронный ресурс] // Begin to read. http://www.begintoread.com/research/literacystatistics.html

Outcomes of learning: Results form the 2000 Program for International Student Assessment of 15-year-old in reading, mathematics and science literacy. Statistical analysis report, December 2001 / Lemke M., Lippman L., Bairu Gh., Calsyn Ch. et al. [Электронный ресурс]. URL: https://nces.ed.gov/pubsearch/pubsinfo.asp?pubid=2002115

What would a more literate world look like? // The Conversation. [Электронный ресурс]. URL: https://theconversation.com/what-would-a-more-literate-world-look-like-18420.

УДК: 811-11

Панкратьева Е.С.

«Корабль дураков» С. Бранта как лингвовизуальный комплекс

Московский государственный лингвистический университет,
Россия, Москва, helene-sergeevna@yandex.ru

Аннотация. Произведение С. Бранта «Корабль дураков», впервые изданное на немецком языке в 1494 г., представляет собой острую сатиру, беспощадно обличающую и высмеивающую различные недостатки и пороки современников автора. Поэму дополняют яркие иллюстрации, большинство из которых были гравированы А. Дюрером. В статье рассматривается специфика взаимодействия вербальных и иконических составляющих сатирического шедевра XV в. Особое внимание уделяется особенностям визуализации устойчивых словесных комплексов, являющихся неотъемлемой частью произведения С. Бранта.

Ключевые слова: мультимодальность; семиотически осложненный текст; устойчивый словесный комплекс; фразеологическая единица; сатирическая поэма.

Pankratieva E.S.

“The ship of fools” by S. Brant as a linguo-visual complex

Moscow State Linguistic University,
Russia, Moscow, helene-sergeevna@yandex.ru

Abstract. The poem by S. Brant “The Ship of Fools” published in German first in 1494 is a sharp satire which brings out and mercilessly mocks at various demerits and vices of the author’s contemporaries. The edition contains illustrations most of which are woodcuts by A. Dürer. The article looks at specific interaction of verbal and non-verbal components of the satiric masterpiece of the 15th century. Special attention is paid to the peculiarities of visual representation of set lexical units which are an integral part of Brant’s work.

Keywords: multimodality, semiotically complex text, a set lexical unit, idiom, a satirical allegory.

Одним из наиболее актуальных направлений современной лингвистики является исследование текста в рамках полимодального (или мультимодального) подхода, при котором анализируется корреляция различных по своей природе семиотических систем: вербальные и иконические компоненты образуют единое структурно-смысловое пространство, оказывающее на реципиента комплексное прагматическое воздействие.

Стоит отметить, что особенности взаимодействия вербальных и изобразительных знаков в настоящее время изучаются прежде всего на синхронном уровне с привлечением современного языкового и

изобразительного материала (например, комиксы, плакаты, карикатуры, интернет-мемы, открытки и т. п.). Однако не менее значимым представляется рассмотрение специфики сочетания семиотически гетерогенных составляющих в более ранних периодах развития языка, так как это позволяет по-новому взглянуть на теорию мультимодальности и расширить ее границы. Наибольший интерес с этой точки зрения вызывает анализ семиотически осложненных первых печатных текстов.

Известно, что изобретение книгопечатания оказало большое влияние не только на языковые процессы, но и на развитие культуры, поскольку способствовало популяризации чтения и распространению текстов массовой литературы совершенно различных жанров, особенно гуманистической направленности.

Ярким представителем раннего немецкого гуманизма является известный писатель, ученый, дипломированный юрист, профессор Себастиан Брант (ок. 1457 – 1521). Его сатирическую поэму «Корабль дураков» («Narrenschiff») можно назвать одним из наиболее самобытных произведений немецкой гуманистической литературы. Она была опубликована в 1494 г., вскоре после изобретения книгопечатания, в г. Базеле и сразу же завоевала огромную популярность, в том числе и потому, что была написана не на латыни, а на родном для автора немецком языке. В течение только XVI в. поэма была переведена на многие европейские языки и выдержала не менее двадцати шести изданий, став таким образом доступной широкому кругу читателей. Сам С. Брант считается родоначальником так называемой «литературы о дураках» (*Narrenliteratur*), так как его книга послужила стимулом для написания других подобных не менее известных произведений, в частности «Похвалы глупости» Эразма Роттердамского.

Написанная простым и доступным языком, поэма С. Бранта повествует о более сотни разновидностей человеческой глупости. Автор высмеивает «дурацкое» поведение своих современников и обличает различные пороки, которые не искоренены и сегодня, такие как распутство, жадность, невежество, волокитство, стяжательство, корыстолюбие, хвастовство, подхалимство, неправильное воспитание детей и т.п. – все это находит отражение в названиях глав произведения, например, «О дурном родительском примере», «О соблазнах глупости», «Ночные похождения», «О самовлюбленности», «О застольном невежестве», «О злых женах», «О фальши и надувательстве» и др. Как отмечал сам С. Брант в предисловии, его книга написана «ради пользы и благого поучения, для увещевания и поощрения мудрости, здравомыслия и добрых нравов, а также ради искоренения глупости, слепоты и дурацких предрассудков и во имя исправления рода

человеческого»[1] [Брант 1984, с. 25]. Острый язык сатирика, его умение метко описать характерные бытовые сцены делают произведение С. Бранта «Корабль дураков» актуальным и в наши дни.

Однако внимание читателя фокусируется не только на тексте поэмы, но и на гравюрах, которыми дополнена каждая глава книги. Считается, что большинство картин были выполнены выдающимся художником Северного Возрождения и мастером искусства ксилографии Альбрехтом Дюрером.

Изображения наглядно иллюстрируют содержание главы произведения, также они подкреплены трехстишием (терцетом), который относится и к картине, и к тексту, являясь своего рода связующим звеном между ними. В качестве примера возьмем иллюстрацию к главе 18 «Vom Dienst zweier Herren» («О слугах двух господ»). На ней изображен держащий в руках охотничий рожок и копье дурак (о чем свидетельствует шутовской колпак с колокольчиками), позади которого два зайца убегают в противоположных направлениях; охотничья собака, уподобляясь своему хозяину, гонится за одним зайцем, но смотрит в сторону второго (рис. 1). В самой главе речь идет о том, что не стоит пытаться служить двум господам сразу или выполнять два дела одновременно. Тем самым картина представляет собой образный комментарий к тексту произведения. При этом сопровождающий рисунок терцет поясняет смысл изображенного и воспринимается в определенном единстве с текстом. Таким образом, назидательные послания сатирического «зерцала» С. Бранта имеют «вдвойне» дидактический характер: с одной стороны, писатель, мастерски играя со словом, изобличает человеческое неразумие, а с другой – привлекающие внимание и запоминающиеся гравюры позволяют читателю как можно яснее представить себе то, о чем говорится в книге.

Очевидное взаимодействие вербальных и иконических знаков позволяет рассматривать «Корабль дураков» как лингвовизуальный феномен. Вероятно, данное обстоятельство вызвано чрезмерным визуальным характером культуры позднего Средневековья, поскольку, по мнению Й. Хейзинги, человек исследуемой эпохи мыслил исключительно в зрительных представлениях, а все, что он хотел выразить, вкладывал в зрительный образ. То есть, «склонность к непосредственной передаче внешнего, зримого находила более сильное и более совершенное выражение средствами живописи, нежели средствами литературы» [Хейзинга 1995, с. 283].

[1] Здесь и далее перевод частей произведения Л. Пеньковского из [Брант 1984].

Рис. 1. Der setzt zwei Hasen sich zum Ziel, /Wer zweien Herren dienen will / Und ladet auf sich allzuviel (К двум господам слугой наняться – За парой зайцев сразу гнаться: Полезно в глупости сознаться!)

Немалое значение для рассматриваемого периода приобрела визуализация устойчивых словесных комплексов, а также различных дидактических изречений не только в публикуемых книгах, но и на полотнах известных немецких и нидерландских художников XV–XVII вв.: Иеронима Босха, Питера Брейгеля Старшего, Альбрехта Дюрера, Альбрехта Альтдорфера, Якоба Йорданса, Яна Стена и многих других. Это вызвано тем, что в немецкоязычном ареале представленная эпоха является «золотым веком» употребления устойчивых единиц, так как в анализируемое время издается большое количество сборников пословиц и поговорок, возрастает обращение к фразеологизмам в литературе.

Большинство иллюстраций к «Кораблю дураков» так или иначе визуализируют устойчивые словесные комплексы, по всей видимости, активно употребляемые современниками С. Бранта. Указанная выше гравюра не является исключением, поскольку и на картине, и в терцете обыгрывается прямое и переносное значение сразу двух фразеологических единиц *zwei Herren dienen* ‘служить двум господам’ и *Wer auf zwei Hasen zielt, trifft keinen* ‘За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь’. При этом автор литературного произведения прибегает в терцете к приему дефразеологизации, намеренному нарушению внутренних семантических и структурных связей устойчивых единиц (подобный прием подтверждает факт существования и использования рассматриваемых фразеологизмов на

данном историческом этапе развития языка), а художник рисует буквальные значения фразем. Таким образом, изобразительные средства дополняют содержание книги и способствуют более полному раскрытию содержания фразеологизмов.

Многие устойчивые словесные комплексы с точки зрения современного языка не являются мотивированными. Однако можно предположить, что в более ранние периоды развития языка подобные идиомы имели мотивированное значение, т. е. обладали опосредованной выводимостью содержания из семантики слов-компонентов фразеологической единицы. Х. Бургер вслед за Л. Рерихом считает, что фразеологизм *(jemandem) durch die Finger sehen* ‘смотреть сквозь пальцы’, т. е. «сознательно не обращать внимания на чье-либо некорректное поведение», в ранненововерхненемецкий период, в отличие от современного немецкого языка, был мотивирован. Об этом, возможно, свидетельствует гравюра к главе 33 анализируемого в настоящей статье произведения «Von Ehebruch» («О прелюбодеянии») (рис.2). Исследователи предполагают, в рассматриваемое время мог даже существовать соответствующий жест, который лег в основу значения фразеологизма [Burger 2012, c. 28].

Рис. 2. Wer durch die fynger sehen kan / Vnd loßt syn frow eym andern man / Do lacht die katz die müß süsß an. (Где смотрит муж сквозь пальцы, там / Жену с чужим он сводит сам: /Там кошке смех и плач мышам.)

На представленной гравюре мы видим дурака, который, закрыв лицо рукой с широко расставленными пальцами (буквальное изображение фразеологизма *durch die Finger sehen*), сидит за столом, а его жена с улыбкой проводит соломинкой по рту (иллюстрация другого

идиоматического выражения e*inem das Hälmlein durch das Maul streichen* ‘льстить, умасливать кого-л.’). В нижней части картины кошка преследует мышей и уже поймала одну из них, что также является представлением устойчивой единицы, а именно *ein Katz- und Mausspiel* ‘игра в кошки-мышки’ или *mit jemandem Katz und Maus spielen* ‘играть с кем-то в кошки-мышки’. Последний фразеологизм со значением «пытаться кого-л. перехитрить, обнадеживать, держать в неведении о своем решении» восходит к поведению кошки по отношению к пойманной мыши: часто кошка какое-то время играет со своей жертвой, позволяя как бы убежать, чтобы потом съесть ее. У М. Лютера встречается выражение *Der Katzen Spiel ist der Mäuse Tod* («Игра кошки – смерть мышам») [redensarten-index.de]. Гравюра к главе произведения дополнена соответствующим терцетом, в котором, однако, дефразеологизируются значения лишь двух единиц: *смотреть сквозь пальцы* и *игра в кошки-мышки*.

Необходимо уточнить, что в рассматриваемый период большое значение получило распространение смеховой или карнавальной культуры, что, в свою очередь, повлекло за собой появление различных игровых форм, так как игра позволяет смягчить негативный подтекст сказанного или увиденного, а также снять запреты с некоторых табуированных форм. Карнавал породил и понятие «перевернутый» мир, в котором все поставлено с ног на голову. Сюжеты «изнаночного» мира воплотились в гротескных, зачастую абсурдных комических формах, в основном это проявилось в нарушении привычных человеку «разумных» представлений, подчеркивании бессмысленности многих поступков и выполнении бесполезных, бесцельных работ и напрасных дел. Отсюда и характерная для позднего Средневековья фигура шута или дурака, сочетающая в себе наряду с комическими и дидактические элементы.

С уверенностью можно предположить, что обращение авторов эпохи к языковой (в частности, фразеологической) игре также обусловлено игровым характером данного периода, ведь дефразеологизация представляет собой не что иное, как игру. Художник же, используя визуальные образы фразем, то есть абстрактных понятий, обыгрывает их прямое и переносное значения, то есть, подобно авторам литературных произведений, прибегает к приему дефразеологизации (точнее двойной актуализации), только в другой семиотической системе. При этом заложенный в структуре фразеологических единиц некий алогизм семантики, основанный на неожиданном сочетании слов – компонентов идиомы, привлекает внимание художников и позволяет им визуализировать внутреннюю форму фразеологизма, так как таким

образом намного легче передать аллегорию «перевернутого мира» и выразить абсурдность человеческих поступков.

В этой связи интересным представляется рассмотреть гравюру к главе 33 «Vom Frauenhüten» («О караульщиках своих жен»), на которой изображены дураки, выполняющие бессмысленные действия: один наливает воду в колодец, другой моет кирпичи, третий охраняет стрекоз. Из окна, под которым написано «hüt fast» (рус. «Следи хорошенько»), за ними наблюдает улыбающаяся женщина (рис. 3).

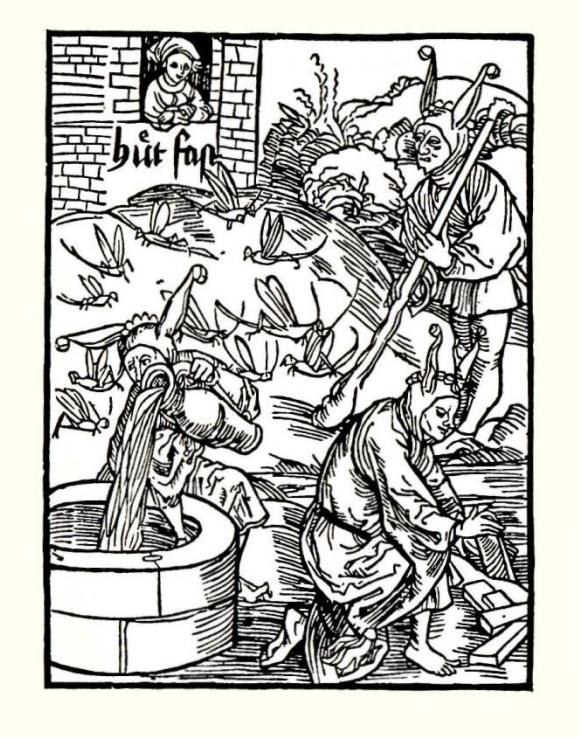

Рис. 3. Heuschrecken hütet an der Sonnen / Und Wasser schüttet in den Bronnen, Wer hütet die Frau, so er gewonnen. (Кто охранять стрекоз возьмется / Иль воду наливать в колодцы, /Пусть за женой следить берется.)

Тем самым из картины и сопровождающего ее терцета следует, что следить за набожностью жены является бесполезным занятием. Отметим, что известный собиратель пословиц и поговорок XVI в. Себастиан Франк включил выражение *Weiber hüten* ‘следить за женами’ в список фразеологизмов с общим значением «Vergebne arbeyt» («Напрасная работа») [Franck 1548, с. 144]. Очевидно, что за счет создаваемого комического эффекта в произведение вкладывается глубокий назидательный смысл. По утверждению Й. Хейзинги, искусство Средневековья «еще неразрывно связано с жизнью» [Хейзинга 1995, с. 249], поэтому подобные художественные произведения показывают огромное стремление мастеров отразить на холсте или бумаге жизнь того времени и мудрость народа, заложенную в устойчивых сочетаниях. Впрочем, вербально-визуальное единство произведения и картины проявляется и в том, что, не зная словесного

толкования фразеологических единиц, невозможно верно интерпретировать гравюру.

Таким образом, сатирическая поэма С. Бранта «Корабль дураков», мастерски проиллюстрированная молодым А. Дюрером, представляет собой семиотически осложненный комплекс, позволяющий интегрировать вербальные и невербальные средства в единое коммуникативное целое. При этом использование семиотически гетерогенного текстуального пространства значительно упрощает задачу формирования в сознании реципиента определенного образа того или иного предмета или явления, создавая у него четкое представление о действительности и побуждая совершать правильные продуманные поступки. Кроме того, комбинирование вербальных и иконических знаков в тексте произведения способствует усилению его прагматического воздействия, так как обращающие на себя внимание визуальные образы проще воспринимаются человеком и помогают интерпретировать сатирический замысел писателя, уточняя и развивая его.

Список литературы

Брант С. Корабль дураков: Избранные сатиры. М.: Худож. лит., 1984. 270 с., ил.

Хейзинга Й. Осень средневековья: Соч. в 3-х тт. Т.1: Пер. с нидерланд. Вступ. ст. и общ. ред. Уколовой В. И. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. 416 с.

Franck S. Sprichwörter Schöne Weise Klugreden: Darinnen Teutscher vnnd anderer Spraachenn Höflicheit Zier Höhste Vernunfft vnd Klugheit Was auch zu Ewiger vnnd zeitlicher Weißheit Tugent Kunst vnd Wesen dienet gespürt vnd begriffen. Von Alten vnd Newen beschriben Jn ettliche Tausennt zusamen bracht. Egenolff, 1548. 364 S.

Brant S. Das Narrenschiff. Leipzig, 1877. [Электронный ресурс]. URL: http://www.zeno.org/nid/20004592468.

Burger H. Genese und Wandel des idiomatischen Bildes. // Formelhaftigkeit in Text und Bild. Herausgegeben von Natalia Filatkina, Birgit Ulrike Münch und Ane Kleine-Engel. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2012. 302 S.

redensarten-index.de [Электронный ресурс]. URL: http://redensarten-index.de (дата обращения: 10.05.2018).

УДК: 811.134.2

Попова Е.А.

Колоративы испанского языка как источник трудностей в межкультурной коммуникации

Московский государственный лингвистический университет,
Россия, Москва, o-genia@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности дополнительной семантики колоративов (лексики со значением цвета) в пиренейском и ряде латиноамериканских национальных вариантов испанского языка. Проводится сопоставительный анализ значений наиболее частотных прилагательных со значением цвета в Испании и разных странах Латинской Америки. Выделяются основные лексико-семантические группы, в рамках которых происходит функционирование испанской колоративной лексики. Особое внимание уделяется анализу цветового спектра, охватываемого многозначным прилагательным *tinto*, исследуется его этимология. В каждой лексико-семантической группе рассматриваются процессы, обуславливающие появление у цветовых прилагательных дополнительных значений. Приводятся примеры возможных трудностей и «ловушек» в межкультурной коммуникации, связанных с межвариантными отличиями в значениях колоративов. Делается вывод о необходимости дальнейшего, более детального изучения подобной лексики с целью предупреждения коммуникативных трудностей и неудач.

Ключевые слова: колоративы, испанский язык, семантика, лингвострановедение, коммуникация, трудности.

Popova E.A.

Spanish colour vocabulary as a source of difficulties in intercultural communication

Moscow State Linguistic University,
Russia, Moscow, o-genia@yandex.ru

The article is dedicated to additional meanings of colour vocabulary in the Pyrenean and several Latin American varieties of the Spanish language. It deals with a comparative analysis of semantics of the most frequent colour adjectives in Spain and different Latin American countries. The focus is laid on basic lexico-semantic groups where Spanish colour vocabulary functions. Special attention is paid to the analysis of colour spectrum nominated by the polysemantic adjective *tinto,* including its etymology. In each lexico-semantic group we consider processes which determine the appearance of additional meanings of colour adjectives. We draw examples of possible difficulties and “traps” in intercultural communication, connected with inter-variational differences in the meaning of colour vocabulary. We make

conclusions about the necessity of further detailed investigation of such vocabulary in order to prevent communication difficulties and failures.

Keywords: colour vocabulary, Spanish language, semantics, linguoculturology, communication, difficulties.

Поскольку язык отражает историко-политические, природно-географические, социально-экономические особенности страны-носителя и мировосприятие, культурные традиции ее народа, исследование вопросов взаимодействия разных культур является актуальным направлением современной лингвистики. Развитие теории лингвострановедения обусловило появление страноведчески ориентированной лингвистики, задачей которой выступает «поиск национально-содержательных созначений слов и выражений, их культурных компонентов, коннотаций и национально-специфических ассоциаций» [Верещагин, Костомаров 1976, с. 12]. Знание культурообусловленной семантики как источника явных и скрытых коммуникативных трудностей является обязательным условием успешной межъязыковой коммуникации, где тесно переплетаются языковые и экстралингвистические факторы.

В рамках изучения испанского языка как полинационального одной из причин культурно-языковых сложностей становится дополнительная семантика лексических единиц со значением цвета в его национальных вариантах. Цель настоящей статьи – рассмотреть особенности дополнительных значений ряда колоративов с точки зрения их функционирования в межкультурной коммуникации. Для анализа спектра значений в испаноязычных культурах нами были выбраны 16 прилагательных с основной семантикой цвета: *negro* ‘черный’, *blanco* ‘белый’, *rojo* ‘красный / рыжий’, *colorado* ‘красный / рыжий’, ‘цветной’, *amarillo* («желтый»), *verde* ‘зеленый’, *azul* ‘синий / голубой’, *celeste* ‘небесно-)голубой’, *morado* ‘фиолетовый’, *lila* ‘сиреневый’, *violeta* ‘фиолетовый’, *marrón* ‘коричневый’, *pardo* ‘коричневый / бурый’, ‘серый’, *rosado* ‘розовый’, *naranja* ‘оранжевый’, *tinto* ‘(темно-)красный / рыжий’, ‘черный’).

На многозначность некоторых из приведенных лексем (*colorado, pardo, tinto*) сразу указывает невозможность их точного перевода. Один из создателей теории лингвострановедения Г. Д. Томахин отмечает, что раскрыть значение слова и обеспечить его адекватное восприятие в актах межкультурной коммуникации можно только через фоновые знания культурно-исторического характера [Томахин 1980, с. 15]. Данное утверждение в полной мере касается особенностей лексики цветообозначений в разных «стандартах» испанского языка.

Так, классическим примером источника межкультурных «ловушек» выступает слово *tinto*: словарь Испанской королевской академии определяют его как *color rojo oscuro* ‘темно-красный цвет’ [Diccionario de la lengua española], однако его актуализация в речи зависит от описываемого данным словом объекта. Характеризуя вино, *tinto* обозначает красный цвет (Испания), а кофе – черный (Колумбия), поэтому, заказывая в кафе *un tinto*, вы получите напиток в зависимости от того, в какой стране находитесь.

Словарь трудностей Испанской королевской академии [Diccionario panhispánico de dudas] в статье о данном цвете указывает на неправильность использования прилагательного *rojo* ‘красный’ по отношению к вину, но не предупреждает о том, что в Колумбии к вину *tinto* не имеет никакого отношения. Словарь, таким образом, делает акцент на преодолении собственно языковых, а не культурно-языковых сложностей. Более того, характеризуя особенности природы в разных странах Латинской Америки, *tinto* может обозначать синий сандал – ценное красильное вещество, которое в Мескике получают из так называемого «кровавого» дерева (тоже – *el palo tinto*), или рыжую глину (Гондурас) [Diccionario de americanismos]. Существует также устойчивое выражение *ojo en tinta* ‘синяк под глазом’ (букв. ‘глаз в чернилах’, используется в Боливии) [Richard 2006, p. 379], на примере которого можно проследить весь спектр цветов, охватываемый указанным словом.

В данном случае источником такой многозначности выступает этимология слова, корень которого восходит к латинскому *tinctus* («крашеный») и к индоевропейскому **teng-* («погружать») [Diccionario Etimológico español en línea]. По сути, *tinto/-a* как субстантивированное прилагательное обозначает нечто, погруженное в краску, некий крашеный объект. Интересно проследить значения некоторых дериватов данного слова в разных странах: например, *tintero* в Испании ‘чернильница’, а в Колумбии ‘кофейник’; *tintillo* испанское ‘розовое вино’ (букв. ‘красненькое’) и пуэрториканская ‘жареная кукуруза’» (букв. ‘черненькая’) [Diccionario de americanismos].

Этимологический анализ помогает понять и особенности семантики прилагательного *pardo* (‘коричневый’, ‘бурый’, ‘серый’), образованного от латинского *(leo) pardus* (‘леопард’, букв. – ‘лев с темными пятнами’) и первоначально обозначавшего темный окрас пятен, который отличал леопарда от льва. С течением времени латинская лексема *pardus* стала использоваться для характеристики окраса лошадей и далее – любой вещи. В свою очередь, *pardus* является фонетической модификацией прилагательного *pallidus* ‘желтоватый’ (по отношению к человеку – ‘желтолицый’), что объясняет коричневые

оттенки цвета [Diccionario Etimológico español en línea]. Таким образом, при характеристике человека *pardo* означает ‘мулат’, цвета – ‘бурый или коричневый цвет’, а неба, туч или пасмурного дня – ‘серый’. Благодаря наличию семантики серого цвета прилагательное используется и в метафорическом значении – «хмурый», «мрачный» [Электронный словарь Multitran]. Необходимо отметить, что применительно к оттенку кожи *pardo* актуализируется только в латиноамериканских странах (согласно словарю под ред. Р. Ришара, в Боливии, Уругвае и Венесуэле; для Эквадора дается помета «устаревшее»), преимущественно – в уничижительных контекстах [Richard 2006, p. 401].

Можно утверждать, что основным источником дополнительной семантики колоративов выступают культурные реалии разных испаноязычных стран. В этом смысле примечательны, например, названия денежных знаков: *rojo* («красный») – банкнота в 1000 костариканских колонов [Diccionario Asihablamos], *amarillo* ‘желтый’ – аргентинская банкнота в 100 песо до 1935 г. [Richard 2006, p. 42]. *Verde(s)* ‘зеленый’ – панамериканское обозначение в разговорной речи долларов США, а в Аргентине «зеленым деревом» (*palo verde*) метафорически называют миллион американских долларов. Эта метафора вошла в современную аргентинскую речь из криминального жаргона лунфардо.

Дополнительные значения субстантивированных цветовых прилагательных часто обусловлены метонимическим переносом. Так, названия политических партий появившись благодаря цветовой символике военных частей, на основе которых они исторически сформировались: *los colorados* ‘красные’ – название умеренно-консервативной партии современного Уругвая и либеральной – Гондураса. В указанных странах так называемые «национальные партии» носят имена «белых» (*los blancos*) и «синих» (*los azules*) соответственно [Richard 2006].

К этой же категории можно отнести обозначение представителей некоторых профессий (рода деятельности), получивших свое название в зависимости от цвета формы: *celeste(s)* («небесно-голубые») – это игроки и болельщики национальной сборной по футболу в Уругвае (команда *La Celeste*), *morado(s)* («фиолетовые») – национальной сборной Коста-Рики (команда *Los Morados*), а *azul(es)* – университетской сборной Сантьяго де Чили. Полицейских в Боливии и Чили называют *verde(s)* («зеленые») [Diccionario de americanismos], а в Мексике – *azul(es)* или *azulejo(s)* («синие») [Richard 2006, p. 61]. Интересно отметить, что *azulejo* в Чили, Аргентине и Уругвае – это черно-белая масть лошади с голубым отливом; в Эквадоре – птица с

голубым оперением на теле и синим на хвосте; в Доминиканской республике – плодовое растение с цветами синеватого цвета [Diccionario de americanismos], а в Боливии и Коста Рике – искра [Рогулина 2006, с. 76]. В рамках лексико-семантической группы «Флора и фауна» можно проследить, насколько по-разному воспринимают окружающий мир представители разных культур: «фиолетовым деревом» (*morado*) называют каучук в Венесуэле, но в Колумбии это дерево с сиреневыми цветами, которое в Мексике именуют «розовым» (*rosado*) [Diccionario de americanismos].

Можно составить целый список латиноамериканских видов животных, в составе названий которых звучат прилагательные «черный» или «белый». Например, «белое лицо» (*cara blanca*) – это обезьянка-капуцин в Коста Рике и в Колумбии. C*abeza blanca* («белая голова») – так называют, с одной стороны, американскую кошку «ягуаранди», а другой – знаменитого американского белого орла в Мексике и США. Последнего также именуют «белым хвостом» (*cola blanca*), поскольку как голова, так и хвост у птицы – белого цвета. В Испании *cola blanca* – это универсальный клей типа ПВА, и в данном случае перед нами – пример метафорического переноса. Метафоры цвета встречаются и в названиях животных: «черный лис» (*zorro negro*) – енот (Коста Рика), «черный тигр» (*tigre negro*) – кошка-оцелот (Венесуэла) и др.

Многие испанские колоративы выступают средством эвфемии в следующих лексико-семантических группах: 1) оскорбления (*amarillo* («желтый») – «трус» на Кубе; *lila* («сиреневый») – «дурак» в Испании); 2) алкоголь и наркотики (в Эль Сальвадоре *lila* («сиреневый») – «кокаин», *verde* («зеленый») – «пиво», а *verde limón* («лимонно-зеленый») – «марихуана плохого качества»); 3) табуированные части тела (*morado* («фиолетовый») – зад в Эль Сальвадоре, *negro* («черный») – в Никарагуа, *marrón* («коричневый» – в Аргентине); *naranja(s)* – женская грудь / «яйца», Эль Сальвадор) [Diccionario de americanismos]; 4) негативные действия и эмоции: *verde* («зеленый») – общеиспан. «развратный»; *celeste* («небесно-голубой») – «ревность» в Гватемале; *violeta* («фиолетовый») – «насильник» в Аргентине.

Незнание колоративных эвфемизмов может стать причиной коммуникативных сбоев и неловких ситуаций: так, в Никарагуа и Венесуэле *marrón* («коричневый») – это кофе с небольшим количеством молока, тогда как в Аргентине – эвфемизм, обозначающий зад. Примечательно также, что лексема *violeta*, не будучи зафиксированной в словарях в значении «насильник», частотно используется, по свидетельствам носителей языка, не только в разговорной речи, но и в текстах СМИ: *Desesperación y bronca con los violeta* («Отчаяние и

ненависть к насильникам») [www.soyboca.com.ar] – не зная специфики значения, по подобному заголовку невозможно представить себе, о чем пойдет речь в статье. Необходимо отметить, что и *celeste*, и *violeta* в данном случае получают дополнительные значения по созвучию с заменяемыми лексемами (*celeste* vs. *celoso, celos* – «ревнивый», «ревность»; *violeta* vs. *violador* – «насильник») и иллюстрируют явление парономазии.

Источником трудностей в межкультурном общении также могут выступать цветовые ассоциации в разных испаноязычных странах. В Испании, например, бордовый цвет имеет положительную коннотацию, будучи исторически связан с символами королевской власти, тогда как в Мексике это – цвет траура. Отрицательные ассоциации с черным цветом и уничижительное использование субстантивированного прилагательного *negro* («черный») в большинстве стран Латинской Америки связаны с этноисторическим фактором, однако в Аргентине *negro/-a* – ласковое обращение супругов друг к другу или дружеское – в компании (последнее также характерно для Кубы), вне зависимости от расовой принадлежности. Подобные культурные особенности необходимо учитывать при обучении испанскому языку, сочетая языковой материал с экстралингвистической информацией, что способствует предупреждению и преодолению коммуникативных трудностей.

В данной статье была рассмотрена лишь небольшая часть узуальных лексико-семантических групп, в которых функционируют испанские колоративы («Пища», «Деньги», «Политические партии», «Флора и фауна», «Род занятий / Профессии» и др.). В рамках проведенного анализа можно сделать вывод о том, что, с точки зрения механизмов появления дополнительной семантики у прилагательных со значением цвета, в первую очередь, выделяются метонимический и метафорический перенос; в редких случаях отмечается явление парономазии. Обращение к этимологии слова помогает понять не только его современные значения, но и особенности межвариантных различий в их актуализации.

В заключение подчеркнем, что владение информацией о национально-культурных особенностях дополнительной семантики прилагательных цвета в разных испаноязычных странах приобретает особое значение при подготовке специалистов иностранного языка различного профиля, позволяя повысить не только их языковую, но и культурную компетенцию. Более детальное межвариантное изучение колоративов испанского языка является актуальным и для нефилологической аудитории, поскольку знание их особенностей повышает эффективность межкультурных контактов.

Список литературы

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1976. 248 с.

Рогулина Е.Э. Национально-культурная семантика цвета в испанской фразеологии: Дис. … канд. филол. наук. М.: 2006. 226 с.

Томахин Г.Д. Понятие лингвострановедения. Его лингвистические и лингводидактические основы // Иностранные языки в школе. М., 1980. С. 43–65.

Электронный словарь Multitran. URL: http://multitran.ru.

Desesperación y bronca con los violeta // Soyboca 28.03.2014. URL: http://www.soyboca.com.ar/2014/03/28/desesperacion_y_bronca_con_los_violeta_violadores_seriales_del_estatuto.htm.

Diccionario Asihablamos. URL: http://asihablamos.com.

Diccionario de americanismos. Real Academia Española. URL: http://lema.rae.es/damer/.

Diccionario de la lengua española. Real Academia Española. URL: http://rae.es/ .

Diccionario Etimológico español en línea. URL: http://etimologias.dechile.net/ *Diccionario panhispánico de dudas.* Real Academia Española. URL: http://www.rae.es/recursos/diccionarios/dpd.

Richard R., et al. Diccionario de hispanoamericanismos no recogidos por la Real Academia (Formas homónimas, polisémicas y otras derivaciones morfosemánticas). Madrid: Lavel, S.A., 2006. 600 p.

УДК: 81’23

Попова О.В.

Количественная оценка как параметр анализа речи политика

Московский государственный лингвистический университет,
Россия, Москва, domolgi@rambler.ru

Аннотация. В статье анализируется частотность и характер представления количественной оценки в предвыборных дебатах как показатель типа личности политика. Количественная оценка может быть выражена различными языковыми средствами и использоваться с различными коммуникативными целями. Анализ количественных оценок и характер их использования участниками предвыборных дебатов показывает, что преобладание оценок с точным численным содержанием указывает на рациональность и стремление к объективности, а использование приблизительных и

метафорических оценок свидетельствует о высоком уровне эмоциональности, что позволяет выделить два типа коммуникативного поведения: 1) «экстравертированный», с опорой на количественные оценки из разнообразных внешних источников (опросы общественного мнения, переписи населения, статистические данные; 2) «интровертированный» тип коммуникативного поведения, когда количественные оценки имеют источником не статистические данные, а единичные случаи, часто связанные с личным опытом коммуниканта.

Ключевые слова: количественная оценка, тип личности, политический дискурс, аргументация.

Popova O.V.

Quantitative evaluation as a parameter of political speech analysis

Moscow State Linguistic University,
Russia, Moscow, domolgi@rambler.ru

Abstract. The article studies the use of quantitative evaluation in political debate in reference to individual argumentative strategies. The analysis of the researched material, the televised debate of the UK parliamentary election campaign of 2017, reveals two possible forms of communicative behaviour: the extraverted type relies on using quantitative evaluation from a wide range of external sources, such as statistics, censuses and opinion polls, while the introverted type tends to rely on data gained through personal experience, such as talking to people from the constituency.

Keywords: quantitative evaluation, personality type, political discourse, argumentation.

С точки зрения логики, высказывания могут быть дескриптивными и оценочными. Дескриптивные предложения описывают реальность такой, какой она является или не является, оценочные же представляют, что автор высказывания считает ценным, плохим или безразличным [Ивин 1970]. В лингвистической теории аргументации рассматриваются четыре типа оценок: количественные оценки (К-оценки) – суждения о количестве чего-либо в связи с принятием решений; прототипические оценки (П-оценки) – суждения о том, много или мало-чего-либо); гомеостатические/целевые оценки (Г-оценки) – суждения о достаточности или недостаточности чего-либо для достижения цели; и общие оценки (О-оценки) – суждения о том, хорошо или плохо что-либо [Баранов 1990]. Под количественной оценкой в публичном выступлении мы понимаем такое высказывание, которое содержит ответ на вопрос «сколько?», «как много?». Количественная оценка может быть выражена различными языковыми средствами: точным количественным или порядковым числительным; процентным соотношением; счетными лексемами «десятки», «тысячи», «миллионы», «миллиарды»;

существительными с количественным значением «половина», «треть»; собирательным существительным «большинство»; синтаксическими структурами число + из + число, всего/только + число, один/одна + of + существительное; выражением *a number of* в значении «несколько», прилагательным *only* ‘единственный’.

Количественная оценка используется для того, чтобы оказать влияние на процесс принятия решения адресатом, а в условиях политического дискурса – чтобы побудить избирателя проголосовать за ту или иную сторону политического процесса (отдельного политика, партию или партийную коалицию). Мы полагаем, что частотность и характер представления количественной оценки может служить показателем типа личности политика, поскольку предпочитаемые стратегии убеждения указывают на преобладание рационального или эмоционального компонента в структуре личности, а также свидетельствуют об экстраверсии или интроверсии коммуниканта.

Цель исследования – определить, каким образом представители британского политического спектра используют количественные оценки в своей аргументации в ходе предвыборных теледебатов. Материал исследования – предвыборные дебаты, состоявшиеся в эфире телеканала BBC 31 мая 2017 года (общее время звучания 1 час 30 минут 33 секунды). Дебаты представляют собой сложное речевое событие регламентированной формы, имеющее целью убедить слушателей проголосовать за ту или иную партию или кандидата; в дебатах реализуются такие речевые жанры как программная речь, речь в прениях, обращение [Паршина 2002]. В соответствии со спецификой этой формы коммуникации ведущий выступает в качестве модератора, предлагая вопрос для обсуждения, участники высказывают свою точку зрения.

В дебатах 2017 г. участвовали кандидаты от семи партий: министр внутренних дел Эмбер Радд от правящей Консервативной партии, лидер лейбористов Джереми Корбин, Тим Фаррон от партии либеральных демократов (Liberal Democrats), представитель партии зеленых (the Green Party) Кэролайн Лукас, Лианн Вуд от партии Уэльса (Plaid Cumry), Ангус Робертсон от Шотландской Национальной Партии (SNP) и Пол Наттолл от Партии Независимости Соединенного Королевства (UKIP). Всем кандидатам была предоставлена возможность выступить со вступительным обращением к аудитории (opening statement) в порядке, определенном жребием; затем присутствующие зрители зачитывали свои вопросы; порядок ответов участников в основном определялся ведущим, хотя высказывания могли прерываться оппонентами. Всего в ходе дебатов были затронуты шесть вопросов: 1) уровень жизни работающего населения (10.20 – 24.40 минута записи,

14 минут 20 секунд звучания), 2) обеспечение страны трудовыми ресурсами в свете предстоящего выхода Великобритании из Евросоюза и отношение к иммиграции (24.50 – 38.10, 14 минут 40 секунд звучания), 3) способы финансирования сектора государственных услуг (38.15 – 50.20, 12 минут 05 секунд звучания), 4) безопасность в стране и в мире (50.40 – 1.08.10, 18 минут 50 секунд звучания), 5) изменение климата и выход американского президента из соглашения по его предотвращению (1.08.15 – 1.15.28, 7 минут 13 секунд звучания), 6) требования к личностным качествам лидера в текущих обстоятельствах (1.15.35 – 1.25.25, 10 минут 10 секунд звучания).

Материал исследования показывает, что в ходе дебатов количественные оценки использовались со следующими целями: 1) для описания проблемной ситуации в настоящем или возможности таковой в будущем (ответственность имплицитно или эксплицитно возлагается на политических противников; 2) для констатации достижений как собственной партии в целом, так и отдельных политиков; 3) для дискредитации оппонента; 4) в качестве предвыборного обещания; 5) для описания продолжительности нежелательной ситуации; 6) для описания личностных и профессиональных качеств; 7) чтобы напомнить о близости или значимости какого-либо события; 8) чтобы подчеркнуть значимость международного соглашения или сложность многосторонних переговоров.

Вступительное обращение Эмбер Радд, выступающей от Консервативной партии, содержит количественную оценку в первом же предложении: *In eight days you have a vital choice to make about who you want to lead the country. – Через восемь дней вам предстоит сделать жизненно важный выбор относительно того, кто будет управлять страной*. Эмбер Радд не только напоминает аудитории о близости и значимости предстоящих выборов, но и призывает их сделать правильный выбор из семи кандидатов: *Now there are seven of us here tonight ... But the only question to consider is who should be in number 10 to steer Britain to a brighter future. – Итак, нас семеро сегодня… Но единственный вопрос, на который нужно ответить - это кто займет Даунинг-стрит, 10 чтобы повести Британию к лучшему будущему*. Точные цифры (восемь дней, семь кандидатов), использованные в самом начале программной речи, служат тому, чтобы настроить зрителей на серьезный лад, подчеркнуть важность предстоящего им выбора. В ходе прений с другими кандидатами Эмбер Радд, как представитель правящей партии, пользуется количественными оценками, прежде всего, для констатации достижений собственной Консервативной партии. В аргументации Э. Радд преобладают количественные оценки в форме точных числовых выражений, что

указывает на ее стремление быть объективной и беспристрастной в оценивании действий своей партии. В то же время эффективность политики Консервативной партии в сложных условиях экономической рецессии выражается при помощи оценки, в которой количественный компонент уходит на второй план, а центральное место занимает общая оценка «крупнейший кризис»: *In the run to 2009 we had one of the largest peace time recessions. We've managed to rebuild the economy since then (накануне 2009 г. у нас был один из крупнейших экономических кризисов мирного времени. С тех пор мы сумели восстановить экономику*). Э. Радд прибегает к количественным оценкам, говоря не только о партии в целом, но и о личных профессиональных качествах и опыте, своих и лидера партии Терезы Мэй: *As Home Secretary… I spent about two hours a day looking at them [warrants] seeing the real damage that some of these terrorists want to do us (В качестве министра внутренних дел… я почти два часа в день проводила за чтением [докладов] и видела, какой ущерб хотели нанести нам террористы). She delivered 35 different opt-outs, she knows how to negotiate a deliver for the European Union (Она добилась решения по 35 пунктам, она знает, как вести переговоры с Европейским союзом)*. Количественные оценки используются, чтобы подчеркнуть важность международных переговоров, в которых доводилось участвовать представителям Консервативной партии, и в то же время высказать сомнения в способности политических соперников справиться с подобной ответственностью*: I led to the UK delegation to get that international agreement of 180 different countries pledging to that reduction (Я возглавляла британскую делегацию на переговорах, которые привели к тому, что 180 разных стран взяли на себя такие обязательства); How can he go into negotiations with 27 different countries with such a weak team?(Как он может вступать в переговоры с 27 разными странами, имея такую слабую команду?)* Количественные оценки как способ дискредитации оппонента представлены и в следующем примере: *Jeremy Corbyn has had a no-confidence vote against him which four out of five of his MPs wouldn't support him (Джереми Корбин получил вотум недоверия, когда четверо из пяти депутатов от его партии отказались его поддержать).* Э. Радд обвиняет Джереми Корбина в отсутствии поддержки со стороны собственных партнеров по партии (четверо из пяти депутатов его партии его не поддерживают). Как представитель правящей партии, Э. Радд предпочитает не говорить о существующих проблемах, хотя и признает шаткое положение лиц, чьи интересы затронуты выходом Великобритании из Евросоюза: *What we're concerned about are the four million, so there's three million here and there's one million UK citizens in the rest of the European Union (Нас*

волнует судьба четырех миллионов, трех миллионов живущих здесь и одного миллиона британских граждан, живущих в других странах ЕС). При этом она прогнозирует нежелательную ситуацию в будущем, в случае победы ее основного политического соперника, не способного, по ее мнению, вести переговоры с 27 членами ЕС: *But the sure way to bust our economy, to lead to danger, is … to have the sort of leader like Jeremy Corbyn, … who would create just confusion when trying to deal with the twenty seven EU member states.* Э. Радд высказывает только одно предвыборное обещание с точной количественной оценкой: *we're going to continue to take people out of taxes making sure that the amount you can earn before you have to pay tax rises to twelve and a half thousand pounds*.

Лидер оппозиционной Лейбористской партии предсказуемо критикует текущее положение вещей и политику правящей партии, при этом он приводит конкретные цифры, говоря об экономическом положении работающего населения: *Six million people are earning less than the living wage, a million on zero hours contracts; Public sector workers have had a pay cut of at least fourteen percent*; о социальном неравенстве между рядовыми работниками и управленцами: *a massive gap… between those at work and those at the top; it's times 186 between those on the shop floor and those in the boardroom.* Точные количественные выражения, во-первых, подчеркивают его осведомленность о социальных проблемах страны, а во-вторых, указывают на высокую значимость социальной справедливости в его ценностной шкале. С другой стороны, менее точная оценка *We have millions of our children living in poverty (миллионы наших детей живут в бедности)* звучит более эмоционально, чем сухие цифры, отражая эмоциональную вовлеченность оратора в данную проблему. Корбин в некоторых случаях открыто возлагает ответственность за неудовлетворительное состояние дел на политических оппонентов: *Living standards have fallen in the past seven years under the coalition government with the Liberal Democrats and Tories and now under the Tory government itself;* в других случаях собственно количественная оценка *(последние) семь лет* указывает на продолжительность и источник текущих проблем: *Public sector workers have had a pay cut of at least fourteen percent over the past seven years; there are fewer police officers around than there were seven years ago.* Количественная оценка также служит для предостережения избирателя о последствиях голосования за партию оппонента: *Conservatives want five more years of cuts to our vital public services); This government's proposing another sixty billion in tax giveaways in the next five years.* Стремясь дискредитировать оппонента, Корбин также напоминает о количестве сокращений (20 тысяч) среди полиции в те годы, когда Э. Радд возглавляла министерство внутренних

дел: *Under Amber Rudd's time as Home Secretary and Teresa May before that 20000 police officers have lost their jobs; I said 20 000 have been cut by the Conservative government.* В качестве собственных достижений оппозиционный лидер предъявляет только наличие продуманной программы: *We have made a number of very clear spending commitments in our manifesto*; и в ответ на упрек со стороны Э. Радд об отсутствии поддержки среди однопартийцев Корбин называет количество людей, избравших его лидером лейбористов: *300 000 people elected me to lead this party.* В своих предвыборных обещаниях лидер лейбористов также задействует конкретные цифры. Представитель партии UKIP Пол Наттол, также как Джереми Корбин, в своих предвыборных обещаниях опирается на точные цифры: *we solve it where we put 20 000 police officers back on the beat 4000 more on the border force, we tighten our borders, seven thousand new prison officers because radicalization is right within our prisons*. Количественные оценки отражают текущие и будущие проблемы, которые наиболее волнуют политика, причем в центре его интересов находятся вопросы миграции и безопасности. Лидер Партии Независимости Объединенного Королевства обеспокоен неконтролируемым ростом населения (*if we carry on on the road that we are on, we'll have a population of 80 million by the middle of this century).* Число въезжающих в страну мигрантов П. Наттол описывает при помощи метафорической оценки: *A city the size of Hull came to this country net. That's going to be a Birmingham over a five year period)*. Hull (Kingston-upon-Hull) – город в восточном Йоркшире с населением 256,406 человек (на 2011г.) [Kingston-upon-Hull – эл. ресурс], Бирмингем – город с более чем миллионным населением. С ростом населения и миграцией Пол Наттол связывает экономические проблемы: *we are already having to build a house every seven minutes simply to keep up with the numbers of people coming to this country*; а также проблемы безопасности: он опасается проникновения в страну радикальных исламистов и упрекает мусульманское население в недостаточном желании сотрудничать с правоохранительными органами: *there's possible 23 000 jihadists out there who want to do us harm; only one of eight referrals to prevent come from within the Muslim community*. Примечательно, что П. Наттол не стремится дискредитировать своих политических оппонентов и открыто возложить на них вину за проблемы с безопасностью, он даже использует местоимение «мы», некоторым образом разделяя ответственность с правящей партией: *I can't believe that we've allowed 350 jihadists to return to our country from Lybia and Syria*. Возможное объяснение кроется в том, что представитель националистической партии, которая всегда считалась маргинальной в британском

политическом спектре, стремится подчеркнуть близость своей программы к предвыборным обещаниям респектабельной Консервативной партии, которая трижды включала в свою программу пункт о сокращении иммиграции до десятков тысяч: *Amber for example, her party have said on three manifestos now that they are going to get immigration down to the tens of thousands)*. Преимущество партии UKIP, мнению ее лидера, заключается в том, что они – единственная партия, способная осуществить это намерение, что, по его словам со ссылкой на данные опросов, соответствует пожеланиям большинства британцев: *There's only one party on this platform tonight who will see real curb of immigration which is by the way what the majority of British people want, poll after poll shows).*

Материал дебатов показывает, что, несмотря на кардинальные различия в политических взглядах и ценностях, все три политика пользуются сходными стратегиями убеждения: критикуя оппонентов, констатируя собственные достижения, давая предвыборные обещания, они опираются на конкретные цифры, факты, статистику, стремясь к объективности, рациональности и непредвзятости. В качестве аргументов они приводят данные из внешних источников.

Однако представитель либеральных демократов Тим Фаррон демонстрирует несколько иную манеру обращения с количественными оценками, которая вербализуется в той части дискуссии, где речь идет об уровне жизни населения: *economics is about people, it's not about figures (экономика про людей, а не про цифры*). Рассуждая об экономических трудностях, с которыми сталкиваются британцы, Тим Фаррон обращается не к статистическим данным о минимальной зарплате и уровне налогов, а говорит о собственном, личном опыте общения со своими избирателями: *I've been helping two people in constituency … both of whom were chief executives of different companies in the not-too –distant past*. Он использует приблизительную количественную оценку *one or two steps 'один-два шага'*, чтобы подчеркнуть близость к людям, понимание их проблем: *any one of us is only one or two steps from being in need at any given time.* Взгляд на проблему здравоохранения также подается через призму личного опыта, а именно болезни и смерти матери: *to me the NHS is personal, not political. My mom… passing away in a ward just two floors away from the ward where she'd given birth to me*. Как и другие участники дебатов, представляющие партии, не находящиеся у власти, Тим Фаррон пользуется количественными оценками в предвыборных обещаниях: *we will give an additional 300 million pounds to police (мы дадим дополнительно 300 миллионов фунтов полиции); we'd invest that money 3.6 million. billion into child care for the under the two-year-olds, 5.6 billion*

for the 9 month to two-year-olds to make sure parents have got the ability to go out to work. В последнем примере сделанная Т. Фарроном оговорка – *millions* вместо *billions*, безусловно, может быть случайностью, но, с другой стороны, может свидетельствовать об общей невнимательности коммуниканта к цифрам, к численным показателям.

Показательно и еще одно отличие Т. Фаррона как политика, находящегося вне власти. В отличие от Дж. Корбина и П. Наттола, активно критикующих текущее положение дел в стране и политику правящей партии, Т. Фаррон склонен замечать скорее положительные, чем отрицательные стороны: *they may use the powers they already have: the temporary exclusion orders which exists now, only one has been used in the last two years*. Он отмечает профессионализм спецслужб, «бессчетное количество раз» предотвращавших опасные правонарушения: *that just reminds you of how safe our police and our security services keep us. The countless times those kinds of outrages have been prevented.* В вопросе изменения климата Т. Фаррон также отмечает благоприятные перспективы для страны, так как возобновляемые источники энергии могут обеспечить энергетическую независимость, причем у Британии уже есть определенные успехи в данной сфере – 95% ветряных и приливных электростанций производятся внутри страны. Но в целом Т. Фаррон озабочен не столько текущим положением вещей, сколько перспективами на будущее: *you are looking at a billion pound cost to our national health service because …you will have thousands and thousands of pensioners from Europe returning to the United Kingdom.* Т. Фаррон выступает против ксенофобии; в этом случае количественная оценка используется политиком для выражения эмоции: сочувствия к несправедливо оскорбленному человеку: *last week a middle-aged Asian man on his way home from work was abused and called racist names and called a terrorist. He had just finished fifty hours saving lives after the Manchester bomb, he was a doctor*. В ответ на слова П. Наттола о том, что иммигранты якобы отказываются сотрудничать с полицией, Фаррон напоминает, что о совершенном преступлении от мусульманской общины поступило пять заявлений: *You know, Paul, that the murder last Monday was reported five separate occasions …by the Muslime community… they want safety just as anybody else.* Мы видим, что в качестве подтверждения своей позиции используется не статистика, но единичный случай.

Что касается стратегии дискредитации оппонента, Т. Фаррону свойственно критиковать не политический курс Консервативной партии, а лично Терезу Мэй, причем обвинения в неуважении к избирателю и постановке неразумных, невыполнимых целей связываются с длительностью пребывания Консервативной партии у

власти: *She wants five years as Prime Minister and she thinks you'll give it to her no questions asked; Do we need as I'm afraid Prime Minister has done for the last seven years first as Home Secretary and then Prime Minister set completely barmy bogus targets that she fails to meet every single year?* Т. Фаррон снова ссылается на личный опыт, вспоминая годы собственной юности, которая пришлась на время правления Консервативной партии: *Half my mates' parents out of work at any given time.*

Таким образом, хотя в абсолютном выражении частотность использования количественных оценок у Т. Фаррона (21 пример на 1,5 часа звучания) сопоставима с частотностью трех других участников (Пол Наттол 24 примера использования на 1,5 часа звучания, Эмбер Радд 21 пример на 1,5 часа, Джереми Корбин 25 примеров на 1,5 часа), можно говорить о двух разных типах коммуникативного поведения с точки зрения применения в аргументации количественных оценок. Речевое поведение трех первых коммуникантов можно назвать «экстравертированным»: оно обращено к внешним источникам информации, цифрам, фактам, статистическим данным, стремится к объективности и относится к сфере рационального воздействия. В речи Т. Фаррона количественные показатели скорее служат тому, чтобы передать субъективные представления коммуниканта о реальном мире, его личное отношение к предмету дискуссии, т.е. воздействие оказывается и на рациональное восприятие, и на эмоции слушателя.

В речевом поведении представительницы партии зеленых Кэролайн Лукас 15 количественных оценок на 1,5 часа звучания, т.е. оценки отмеченного типа представлены в меньшем количестве, чем у ее оппонентов. К. Лукас использует численные данные при обсуждении текущих проблем, таких, например, как уровень бедности: *we are the fifth biggest economy in the world and yet we are a country that has four million children living in poverty; We are a country where a million food parcels were given out last year. That is just simply quite wrong*. Однако можно заметить, что воздействие на аудиторию осуществляется не столько за счет дескриптивного содержания количественных оценок *пятая экономика мира – четыре миллиона детей, живущих в бедности*, сколько за счет их противопоставления, т.е. аргументация в данном случае базируется на эмоциональном, а не рациональном воздействии. Другая проблема, занимающая К. Лукас, – это активная вовлеченность Британии в мировую торговлю оружием: *why is Britain the second biggest arms dealer in the world, why are we selling 22 of the 30 countries on the government's own Human Rights watch list? Why did we make 10 times more in arms sales for Saudi Arabia than we gave to YemenПочему мы заработали на продаже оружия Саудовской Аравии в десять раз*

больше, чем потратили на помощь Йемену? Торговля оружием воспринимается коммуникантом как антиценность, особенно в контексте продажи оружия двадцати двум из тридцати государств, внесенных в список неправительственной организации Human Rights Watch как неблагополучных с точки зрения соблюдения прав человека. Аргументация, несмотря на использование количественных оценок, скорее эмоциональна, основана на риторических приемах, акцентирующих противопоставление. Как и Т. Фаррону, представительнице Зеленой партии свойственно рассматривать проблемы общества, вставая на точку зрения отдельного человека: *I see that is from a man … he hasn't got his mobility scooter and he hasn't had it for six weeks.* В данном примере количественная оценка подчеркивает эмоциональные переживания коммуниканта при обсуждении социальных проблем (обеспечение инвалидов средствами передвижения). В следующем примере *free movement has been the most wonderful gift, the ability to travel and work and live and love in 27 other member states* количественная оценка помогает выразить положительные эмоции: членство в Евросоюзе предстает как источник радости для каждого отдельного человека.

Предвыборные обещания К. Лукас принимают форму количественных выражений лишь в отдельных случаях: *we will scrap nuclear weapons, that would give us around 130 billion minimum over the next 30 years (мы откажемся от ядерного оружия, это даст нам как минимум 130 миллиардов в следующие 30 лет), need to lead two-thirds of all know fossil fuel in the ground if we'd had any hope of avoiding catastrophic climate change*, причем касаются они амбициозных и долгосрочных планов, таких как избавление от ядерного оружия и отказ от извлечения двух третей известного ископаемого топлива, т.е. их реализация маловероятна в течение одного избирательного цикла.

А. Робертсон использовал всего десять количественных оценок за 1,5 часа дебатов. Оценки с точными числовыми выражениями прозвучали в ответ на прямой вопрос ведущей об объеме планируемого финансирования государственных услуг в программе Шотландской партии: *it's actually 128 billion …118 billion and 10 billion in funds*. Предполагаемый источник финансирования – повышение налогов с 45 до 50 пенсов: *10 billion in funds to be raised through taxation largely through the 45 to 50 pence tax raise (10 миллиардов фондов можно получить из налогов, главным образом, подняв налог с 45 до 50 пенсов); we are in favour of the highest earners seeing their taxes rising from 45 to 50p.* Количественные оценки *50% энергии из возобновляемых источников, третья партия в Палате Общин* используются для выражения эмоции – гордости за успехи своего региона и своей партии:

I'm delighted that more than 50 % of all electricity generated in Scotland is now through renewables; as leader of the SNP in the House of Commons, the third party in the House of Commons, I am proud that we have led effective opposition. Можно сказать, что количественные оценки в речи А. Робертсона выполняют лишь вспомогательную роль, подкрепляя силу воздействия общих оценок «неправильно», «не нужно»: *what was wrong was spending 13 times more bombing that country than helping to rebuild it; it was a totally unnecessary election and the only reason Teresa May called it was that she thought she was going to have a massive majority*.

В речи лидера партии Уэльса всего 7 количественных оценок на 1,5 часа звучания, причем, как правило, они не содержат точных численных показателей: *for a hundred years Wales has voted Labour, it hasn't stopped Tory rule; that is one of the reasons we are less safe (это одна из причин ослабления безопасности), Plaid Cumry is the only party putting Wales on the agenda*. Точные количественные оценки используются лишь в тех случаях, когда речь заходит о том, что связано с личным опытом Лианн Вуд, одно время работавшей в полиции: *policing has been cut by twenty per cent*, а также о попытках ее партии отменить контракты без фиксированного количества часов: *My party Plaid Cumry has tried in years on seven different occasions to abolish zero hours contracts.*

Анализ количественных оценок и характер их использования участниками предвыборных дебатов позволяет выделить следующие типы коммуникативного поведения: 1) «экстравертированный» – использует количественные оценки, опирающиеся на широкий спектр численных показателей, из разнообразных внешних источников (опросы общественного мнения, переписи населения, статистические данные, экспертные оценки), интенсивность (частотность) использования количественных оценок коррелирует со степенью интереса к обсуждаемой проблематике. Преобладание оценок с точным численным содержанием указывает на такую личностную черту, как рациональность и стремление к объективности, а использование приблизительных и метафорических оценок свидетельствует об уровне эмоциональности. На этом основании можно сделать предположение, что коммуниканты, придерживающиеся подобного стиля аргументации, могут обладать темпераментом сангвиника (если эмоциональная устойчивость оценивается как высокая, как в случае Э. Радд и Дж. Корбина) или холерика (повышенный уровень эмоциональности, П. Наттол). 2) «Интровертированный» тип коммуникативного поведения, когда количественные оценки представляют не статистические данные, а единичные случаи, часто связанные с личным опытом коммуниканта. Частные проблемы отдельного человека

представляются как проблемы общества в целом, оценки зачастую субъективны и служат скорее эмоциональной, чем рациональной аргументации. Предполагаемый тип темперамента – флегматик (при условии высокой эмоциональной устойчивости) или меланхолик.

Список литературы

Баранов А.Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): Дис. … доктора филол. наук, Москва, 1990. 378 с.

Ивин А. А. Основания логики оценок. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1970. 229 с.

Паршина О.Н. Специфика жанровой формы теледебатов // Жанры речи: Сборник научных статей. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2002. Вып. 3. С. 231–235.

Kingston upon Hull // Encyclopedia Britannica Online [Электронный ресурс] URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Kingston_upon_Hull.

Birmingham // Encyclopedia Britannica Online [Электронный ресурс] URL: https://www.britannica.com/place/Birmingham-England.

УДК: 82-92:34

Скотникова Т.А.

Сравнения как средство реализации эмотивности немецких газетно-публицистических текстов на правовую тематику

Московский государственный лингвистический университет, Россия, Москва, tati2137@mail.ru

Аннотация. В данной статье проводится анализ немецких газетно-публицистических текстов с точки зрения использования в них сравнений как средства реализации эмотивности. Сравнения, построенные на прямой аналогии между внутренним эмоциональным состоянием адресанта и объектом сравнения, рассматриваются как механизм лингвистического обеспечения эмоционального отношения автора к складывающимся правовым ситуациям и способствуют преодолению языкового барьера в общении между специалистом и неспециалистом.

Ключевые слова: субъект сравнения; объект сравнения; основание сравнения; признак сравнения; сравнительная стратегия; экспликация эмоциональной оценки; компаративный образ.

Scotnikova T.A.

Comparison as a means of implementating emotivity in German law texts of public style

Moscow State Linguistic University,
Russia, Moscow, tati2137@mail.ru

Abstract. The article analyses the emotive aspect of German publicistic texts demonstrating that comparisons play an important role in mass media law discourse. Comparisons are built on the direct analogy between the inner emotional state of the addressant and the object of comparison and are regarded as a mechanism of linguistic implementation of the author's emotional attitude to law situations, making possible the crossing of linguistic barrier in communication between experts and laymen.

Keywords: subject of comparison, object of comparison, foundation of comparison, feature of comparison, the comparative strategy, explication of emotional evaluation, the comparative image.

Введение

В статье рассматриваются сравнения в немецких газетно-публицистических текстах на правовую тематику как средства выражения эмоциональности (эмотивности), призванного обеспечить доступность предметно-специальной информации для неоднородной аудитории читателей, предварительно не подготовленной к восприятию терминологии права. Исследование особенностей функционирования сравнений в статьях, отражающих важные события из области права, представлено на материале одного из авторитетных и наиболее часто цитируемых немецких журналов „Дер Шпигель“. Публикации этого немецкого еженедельника рассчитаны на читателя, склонного к критическому анализу и рефлексии, и отличаются особенным экспрессивным стилем. Однако язык права и юридическая терминология слишком сложны для большинства читателей, не подготовленных к восприятию предметно-специальной информации, поэтому одним из актуальных вопросов лингвистических исследований остается проблема языкового барьера при общении между специалистом и неспециалистом.

Особенности функционирования газетно-публицистических текстов на правовую тематику

Основные функции газетно-публицистических текстов на правовую тематику определяют такие их качества, как доступность содержания текстов для предварительно не подготовленного читателя, минимальная зависимость от контекста. Газетно-публицистические тексты как средство информации и убеждения рассчитаны на массовую

и очень неоднородную аудиторию**,** «которую они должны удержать, заставить себя читать» [Арнольд 1990, с. 266].

Г.Я. Солганик, выделяя в качестве главной функции публицистической речи функцию воздействия, пишет, что специфика газетно-публицистического стиля определена основными отличительными чертами языка газеты, такими как «социальная оценочность, коммуникативная общезначимость, особый характер экспрессивности [Солганик 1981, с.13]. Автор подчеркивает, что «передаваемое в ходе массовой коммуникации содержание доступно всем членам общества без каких-либо ограничений… Язык газеты должен быть коммуникативно общезначимым, т.е. ясным, точным, кратким и выразительным» [там же, с. 12].

Конструктивным принципом организации средств языка в газетно-публицистическом стиле, обеспечивающем выполнение основных функций СМИ, традиционно признается принцип чередования стандартных и экспрессивных сегментов речи. «Модель газетного языка раскрывается как обязательное и прямолинейно-постоянное соотнесение стандартизированных и экспрессивных сегментов цепи, их чередование и контрастирование…» [Костомаров 1971, с. 57]. Чередование стандарта и экспрессии, – функция части сложной системы, какой является газетно-публицистический стиль.

Специфика осуществления комплексной задачи информирования и воздействия на массовую аудиторию в газетно-публицистических текстах на правовую тематику обусловлена отбором и организацией средств предметно-специального языка права, отвечающих за фактуальную насыщенность изложения, с одной стороны, и эмоциональностью, выражением авторского отношения к содержанию, с другой стороны. Вся информация проходит сквозь призму сознания каждого конкретного читателя. Познавательная ценность информации будет различной в зависимости от фоновых знаний адресата, его подготовленности к восприятию сообщения, жизненного опыта данного человека, статуса и других социальных и психологических особенностей.

В проанализированных нами газетно-публицистических текстах эмоционально-оценочное авторское отношение к вопросам из области права выражается с помощью сравнений, выступающих средством популяризации правовой тематики и обеспечения доступности содержания любому гражданину общества, потенциальному участнику правовых отношений.

Структура сравнительной стратегии. Сравнительная модель «X как Y»

Субъектами проанализированных нами сравнений выступают события, играющие ключевую роль в урегулировании международных отношений (например, Всемирная конференции по борьбе против расизма в Женеве – die Antirassismuskonferenz in Genf), международные судебные инстанции (например, Международный уголовный суд в Гааге – der Internationale Strafgerichtshof in den Haag (der IStGH), Европейский суд по правам человека в Страсбурге – der Europäische Gerichtshof für Menschenrechte in Straßburg (der EGMR), Международный суд ООН в Гааге - der Internationale Gerichtshof (der IGh) in den Haag), а также проводимая ими практика судопроизводства. В качестве объектов сравнения журналисты используют животных, персонажи художественной литературы, самого человека. Основанием сравнения является то, что признак сравнения полагается равновыраженным признаку объекта.

Сравнительная стратегия часто используется для сообщения о своих чувствах и представляет собой проведение прямой аналогии между внутренним эмоциональным состоянием и объектом сравнения/референтом или референциальной областью. В основе сравнительной аналогии лежит модель «X как Y», в соответствии с которой целевой субъект сопоставляется с первоначальным объектом и наделяется признаками или качествами последнего [Schwarz-Friesel 2007, с. 200].

Рассмотрим применение описанной выше модели сравнительной аналогии на примере статьи, посвященной очередному конфликту между решениями немецких судов и решениями Европейского суда по правам человека в Страсбурге. Судьи в Страсбурге обвинили Германию в нарушении прав немецких преступников, отбывающих превентивное заключение. Эта мера наказания применяется в ФРГ против особо опасных рецидивистов и представляет собой пожизненное содержание рецидивиста под стражей по истечении срока, определенного ему судом тюремного заключения. ЕСПЧ выразил возмущение тем, что в ФРГ бессрочно под стражей содержат более 300 опасных преступников, отбывающих превентивное заключение, и потребовал от немецких властей их освобождения из-под стражи.

Автор стремился не только установить внешнее сходство между судом и лабораторией, в которой проводится удивительный эксперимент, но и обнаружил такие отличительные черты в работе Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), как дискуссионность результатов, экспериментальный характер его деятельности. Подобные характеристики не подходят под описание судебной инстанции, которая призвана вершить судьбы людей, четко следуя букве закона. Используя данную эмотему, представленную необычной для читателя

сравнительной конструкцией, автор в оригинальной форме выражает свое внутреннее эмоционально-оценочное отношение, характеризующееся негодованием и некоторой долей иронии в связи с постоянными конфликтами между ЕСПЧ и конституционными судами (КС) других государств, в частности КС ФРГ.

Mit seinen gläsernen Rotunden, den auf Stelzen ruhenden Verhandlungssälen und den farbenfrohen Gängen wirkt der EGMR *wie ein futuristisches Versuchslabor* (Der Spiegel 53/2009).

Со своими стеклянными ротондами, покоящимися на столбах залами судебных заседаний и разноцветными коридорами Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) представляется *как футуристическая исследовательская лаборатория*.

Und als Organ des Europarats – einer Vereinigung, die sich der Einhaltung der Europäischen Menschenrechtskonvention verpflichtet hat und der 47 Staaten angehören – ist es in der Tat *ein erstaunliches Experiment*: 47 Richter, aus jedem Mitgliedsland einer, *wachen* über die Menschenrechte, von den Kanarischen Inseln bis nach Sibirien. Und anders als beim Pendant auf EU-Ebene, dem Europäischen Gerichtshof in Luxemburg, darf sich jeder Bürger persönlich bei den Straßburger Richtern beschweren. Jeder Staat muss sich deren Urteil *beugen*“ (Der Spiegel 53/2009).

В качестве органа Совета Европы – объединения, которое обязалось соблюдать Европейскую конвенцию по правам человека и которому принадлежат 47 государств – это, действительно, *удивительный эксперимент*: 47 судей, по одному от каждого государства-члена ЕС, *стоят на страже* прав человека от Канарских островов до Сибири. В отличие от аналогичной структуры на уровне ЕС, Европейского суда в Люксембурге, каждый гражданин может лично подать жалобу судьям в Страсбурге. Каждое государство должно склониться перед их решением.

Использование лексических единиц с отрицательной семантикой сопровождается созданием нового усилительного значения, связанного с основным значением, что способствует более яркой экспликации негативного эмоционально-оценочного отношения автора к безнадежным поискам путей примирения между судьями ЕСПЧ и КС, несмотря на конструктивный диалог, который длится не один год. По рангу ЕСПЧ стоит выше судебных инстанций государств-членов Совета Европы и является последней инстанцией в вопросах по правам человека как для членов ЕС в отдельности, так и для Евросоюза в целом. Поэтому семантика слов sich beugen – закабаляться, подчиняться, abwatschen – дать пощечину (см. пример ниже) приобретает в данном контексте дополнительное значение за счет актуализации ассоциативных связей и выражает негативные чувства

немецких судей: унижения, обиды за страну и стыда, вызванные критикой и нетерпимым отношением ЕСПЧ к национальному суверенитету ФРГ.

Dass Staaten des ehemaligen Ostblocks, bei der Ausübung von Demokratie und Rechtspflege noch unausgereift, von Straßburg des Öfteren auf den Mindeststandard in Sachen Menschenrechte hingewiesen werden, erscheint verständlich. Dass die Bundesrepublik vom EGMR *abgewatscht* wird, steht für eine neue Epoche. Recht macht weniger denn je an den Grenzen des Nationalstaats halt: Es wird mehr und mehr international, europäisch, gar weltumspannend geprägt. Und das führt zu Konflikten (Der Spiegel 53/2009).

Тот факт, что Страсбург часто ссылается на минимальные нормы в вопросах соблюдения прав человека в государствах бывшего восточного блока, незрелых в осуществлении демократии и правосудия, кажется понятным. Однако, *пощечина*, которую ФРГ получила от ЕСПЧ, открывает новую эпоху их отношений. Право, как никогда ранее, не останавливается на границах национального государства: оно становится более и более интернациональным, европейским, всемирным. А это приводит к конфликтам.

Сравнение, основанное на выборе подходящего объекта

В статье о вооруженном конфликте в Уганде автор подчеркивает важность задач, входящих в компетенцию Международного уголовного суда (МУС) в г. Гааге – правового института, занимающегося преследованием лиц, ответственных за геноцид, военные преступления и преступления против человечности. Автор «сигнализирует», что действия МУС по выдаче ордера на арест членов вооруженного формирования в Уганде, обвиняемых в похищении тысяч детей, которых они насильно вербовали в свои ряды, являются закономерным и неотвратимым следствием данных преступных деяний.

По мнению Н.Д. Арутюновой, «сравнение производится не с целью установления степени схожести объектов, а ради выбора объекта, наиболее подходящего для осуществления той или иной задачи» [Арутюнова 1990, с. 31]**. С**равнение МУС с торшером и со световой рекламой, которая видна всему миру и не может быть отключена, олицетворяет неизбежность свершения справедливого правосудия и служит объективации эмоционально-оценочного отношения автора к делу о жестоких убийствах, которое должно быть рассмотрено в суде по всей строгости закона с вынесением справедливого приговора.

Das Konzept Vergebung unterminiert den Anspruch des Weltgerichts, Recht und Gerechtigkeit als etwas Unausweichliches gerade in den von Gewalt verwüsteten Staaten der Dritten Welt zu installieren. *Das Signal aus*

den Haag, so drückt es der deutsche IStGH-Richter (des Internationalen Strafgerichtshofs) Hans-Peter Klaus aus, müsse eine „*weltweit ständig sichtbare Leuchtreklame*“ gegen die Gesetzlosigkeit sein, man könne es nicht „*einfach ausschalten wie eine Stehlampe, die man nicht mehr sehen will* (Der Spiegel 3/2009).

Концепт прощения подрывает требование мирового суда об обязательном установлении правосудия и справедливости как раз в опустошенных насилием странах третьего мира. *Сигнал из Гааги* должен быть, по выражению судьи Международного Уголовного суда в г. Гааге Ханса-Петера Клауса, «*постоянно обозримой для всего мира световой рекламой*» против беззакония, *которую нельзя отключить, как торшер, при желании больше ее не видеть*.

Усиление прагматического потенциала излагаемого материала достигается также за счет использования различных видов повторов и перечислений. Эмоциональная нагруженность семантических повторов не приводит к однообразию, а скорее способствует утверждению общего эмотивного звучания текста.

Die meisten sind Kindersoldaten, entführt, gequält und zum Kampf gezwungen (Der Spiegel 3/2009).

Большинство солдат – похищенные дети, которых пытали и заставили воевать.

Вариативность компаративных образов и объектов

Использование компаративных образов «человек – человек» и «человек – животное» в сравнениях основано на уподоблении некоторых типологических признаков сфер действительности. Н.Д. Арутюнова считает, что «возможности уподобления безграничны и предопределены особенностями изменчивого восприятия действительности разными субъектами, с одной стороны, и неисчерпаемостью признаков воспринимаемых объектов – с другой» [там же, с. 9].

Und wenn manchem die Konferenz *als Mischung aus Schülerparlament und Schlangengrube* vorkommen mag – das hier ist kein Spiel. Im Nahen Osten liegt wieder ein Krieg in der Luft. Deshalb *der Ernst und die Penetranz* der Lobbyisten (Der Spiegel 18/2009).

И даже если некоторым эта конференция представляется *как смешение школьного парламента и змеиного логова* – ясно, что это не игра. На Ближнем Востоке назревает новая война. Поэтому лоббисты так *серьезны обеспокоены.*

Произошедший на конференции в Женеве скандал рассматривается как кризис толерантности и неумение и нежелание ряда стран Запада решать вопросы религиозных и межнациональных противоречий. Автор выражает оценку участников конференции,

подразделяя их на две группы. С одной стороны, это покинувшие зал заседания делегаты некоторых западных государств, проявившие низкий уровень владения дипломатическим искусством, которых автор сравнивает со школьниками. А с другой стороны, это представители мусульманских стран во главе с президентом Ирана, которые своими антиизраильскими изречениями вызывают у автора неприятные ассоциации, связанные со скоплением змей.

Таким образом, наряду с экспликацией эмоциональной оценки описанного события дескриптивным путем, прослеживается четкая авторская позиция: изложение сути поднятой проблемы осуществляется пристрастно, с учетом ее общественной значимости. Точно выбранная эмоциональная тональность разговора, увеличивающая воздействующую силу рационально-логической аргументации, определение настроения адресатов текста способствует формированию мнения читателей: читатель с большей вероятностью поверит точке зрения автора, изменит свою эмоциональную установку, представление о данной проблеме и, возможно, свои действия.

В интервью, которое дал журналу «Шпигель» профессор Гамбургского университета Томас Бруа, эксперт в области публичного и международного права, используется зооморфное сравнение Европы с беззубым тигром, журналист апеллирует к распространенному образу *ein zahnloser Tiger*. С одной стороны, это хищное животное, представляющее собой опасность, а с другой стороны, отсутствие зубов говорит о лишь некоторой степени опасности в связи с ограниченностью его способностей. Данный стереотип, а скорее его преломление вследствие сопоставления с Европой, имеет своей целью отразить противоречивые ассоциации, связанные с определенными качествами, присущими международному сообществу в лице Евросоюза, такими как мощь, сила, широкий спектр рычагов власти, с одной стороны, и бессилие, слабость, ограниченность полномочий и влияния, с другой стороны.

Bruha: Sicher, und deshalb halte ich derartige Sanktionen für unwahrscheinlich. Zunächst wird es politische Reaktionen geben.

SPIEGEL ONLINE: Europa - nicht mehr als *ein zahnloser Tiger*? Bruha: Würde ich nicht sagen, weil Russland seinerseits auf gute Beziehungen zur Europäischen Union angewiesen ist (aus einem Interview des Experten Thomas Bruha In SPIEGELONLINE 25.08.2006.// www. spiegel.de).

Бруа: Конечно, и я думаю, что такие санкции вряд ли возможны. Сначала последует политическая реакция.

ШПИГЕЛЬ ОНЛАЙН: Европа – больше не *беззубый тигр*?

Бруа: Я бы не сказал, потому что Россия со своей стороны зависит от хороших отношений с Европейским Союзом.

Сравниваемые понятия акцентируют внимание читателей не только на информативной стороне сообщения, но и на создаваемом образе. Данный образ не обязательно должен быть негативным, однако соотнесение денотата описываемой ситуации с денотатом объекта сравнения производит «семантический взрыв» [Кобозева 2003], основной целью которого и является передача отрицательного отношения автора к обсуждаемой проблеме.

В интервью с премьер-министром Турции Реджепом Эрдоганом, в ходе которого затрагивается один из ключевых вопросов, стоящих на повестке грядущего десятилетия, является ли Турция европейской страной и будет ли она принята в ЕС, футбол используется автором в качестве компаративного объекта. Немецкий журналист употребил в интервью термин «геноцид» и в своих вопросах показал, что не ставит под сомнение факт геноцида армян, совершенного Османской империей. Однако Эрдоган продолжал отрицать данное историческое событие, хотя в процессе вступления Турции в ЕС, по мнению многих представителей турецкой интеллигенции, необходимо признание наличия данного исторического факта и установления отношений с Арменией.

Die Türkei hat 1959 ihren Antrag auf assoziirte Mitgliedschaft in der EWG gestellt. Das ist 51 Jahre her. <…> Heute sind wir kein Land mehr, das eine Mitgliedschaft in der EU nur anstrebt – wir verhandeln bereits um diese Vollmitgliedschaft. Wenn uns heute Vorschläge gemacht werden, die vom verabredeten Rahmen dieser Verhandlungen abweichen, dann ist das genauso *abwegig, als wenn Sie mitten in einem Fußballspiel die Elfmeterregeln ändern würden* (Der Spiegel 13/2010).

Турция представила свою заявку на ассоциируемое членство в ЕЭС в 1959 году. То есть 51 год назад. … Сегодня мы уже не страна, претендующая на членство в ЕС – мы ведем переговоры о полном членстве. Если нам сегодня делают предложения, которые отличаются от согласованных в рамках этих переговоров установок, то это *так же нелепо, как если бы вы во время футбольного матча изменили правило об 11-метровой отметке.*

Заключение

Использование эмотем, представленных сравнительными конструкциями, в качестве компонента содержания публикаций на правовую тематику является мощным средством формирования и поддержания читательского интереса. Анализ газетно-публицистических текстов показал, что смысл высказывания с них актуализируется за счет эмотивно-оценочных лексических единиц.

Декодирование лингвистических приемов в виде сравнений, использованных в газетно-публицистических правовых текстах, позволяет вникнуть в реальный замысел автора. Созданный лингвистическими средствами подтекст как составная часть реального смысла текста выполняет традиционно свойственные ему в жанре функции. В статье как основополагающем жанре исследуемого нами материала этой функцией является стилистический механизм убеждения. Таким образом, использование сравнений в изучаемых типах текста подчинено передаче определенного прагматического отношения.

Список литературы

Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования). М.: Просвещение, 1990. 300 с.

Арутюнова Н.Д. Тождество и подобие: заметки о взаимодействии концептов // Тождество и подобие; сравнение и самоидентификация. М.: АН СССР, Ин-т языкознания, 1990. С. 7–33.

Кобозева И.М. Интенциональный и когнитивный аспекты смысла высказывания. М.: Изд-во МГУ, 2003. 92 с.

Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. Некоторые особенности языка современной газетной публицистики. Издательство Московского университета, 1971. 267 с.

Солганик Г.Я. Лексика газеты: Учебное пособие для вузов по спец. «Журналистика». М.: Высшая школа, 1981. 112 с.

Schwarz-Friesel M. Sprache und Emotion. Tübingen u. Basel: A. Francke Verlag, 2007. 401 S.

УДК: 81’42

Стародубова О.Ю.

Метаморфозы авторской модальности и понимание текста

Московский государственный лингвистический университет,
Россия, Москва, oystarodubova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию текстовой художественной действительности как конструкта ценностной авторской системы. Проблема методов понимания, аутентичности авторской модальности и читательского восприятия в эпоху антропоцентризма является наиболее значимой, т.к. позволяет определить аксиологические константы. Методика аналитического чтения, включающая анализ затекстовых механизмов порождения субъектной организации в пространственно-временном континууме, позволяет привести автора и читателя к одному знаменателю – пониманию.

Ключевые слова: текст, авторская модальность, аналитическое чтение, интерпретация, пространственно-временная система координат, субъектная организация текста, аутентичность, антропоцентризм, интертекстуальность, психологические и лингвистические механизмы текстопорождения.

Starodubova O.Yu.

Metamorphoses of author’s modality and understanding of the text

Moscow State Linguistic University
Russia, Moscow, oystarodubova@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of textual artistic reality as a construct of an author’s value system. The problem of methods of understanding, authenticity of author's modality and reader's perception in the epoch of anthropocentrism is the most significant one, since it allows determining axiological constants. The method of analytical reading, including analysis of the contextual mechanisms of the generation of the subject organization in the space-time continuum, allows the author and the reader to be brought to the same denominator – understanding.

Keywords: text, author's modality, analytical reading, interpretation, space-temporal coordinate system, subject text organization, authenticity, anthropocentrism, intertextuality, psychological and linguistic mechanisms of text generation.

В действительности все не так, как на самом деле
А. Экзюпери
Ибо всегда следует постигать не слова, а то, что они означают
Климент Александрийский

Понимание – необходимое условие комфортной и продуктивной жизни личности, несмотря на то, что в современной западной философии ставится под сомнение сам факт существования личности. Это представление о человеке не ново. По убеждению древних греков, человек – это субъект или объект, некое материальное воплощение эйдоса – эманация (истечение космических идей), обретшая плоть, нечто, в буквальном переводе с греческого, подброшенное, это сома – тело, лишенное самосознания, существующее в пределах коллективистского пространства теологического дискурса. Согласно такой концепции, сценарий каждого подобного тела предопределен, и задача воплощенной эманации – достойная реализация этого замысла ради торжества Космоса, глобального порядка, гармонии [Лосев 1997]. К этому всегда стремилось человечество. Но означенные представления недолго составляли счастье греков, ведь человеку свойственно ошибаться. Коллективная гармония была разрушена, и каждый сам, выйдя из колыбели цивилизации, отправился на поиски своего космоса, индивидуального. Наступила эпоха антропоцентризма. Так кто же мы теперь? Субъекты, Объекты или Личности, а может, просто белковые тела? Как бы человек ни именовал себя, он не может существовать вне феномена понимания, а вселенная – это все же не просто набор белковых тел, движимых инстинктом, совокупность миров, Платоновых пещер, замкнутых экосистем. Вспомним известное – cogito ergo sum. А мыслить – значит созидать. Каждый из нас создает комфортную среду, свое реальное и воображаемое пространство, своеобразный текст жизни, определяя свое место в этом мире, в системе координат, занимая определенную нишу, дающую ощущение стабильности. Что ее создает? Понимание происходящего, и не только с позиции дескриптивизма окружающей среды, но и умения адаптироваться к быстро меняющимся современным обстоятельствам, претерпевая метаморфозы вместе с картиной мира, перестраивая Платонову пещеру, конструируя свой мир.

С точки зрения *когнитивной лингвистики*, человек не описывает мир при помощи языка, а конструирует его в своем сознании. В каком-то смысле все люди (субъекты) делятся на тех, кто строит, и тех, кто пользуется. Созидает художник, потребляет удобное обыватель. Такова исходная типология субъектов (при всем многообразии всегда представленных концептуально оппозицией) эпохи антропоцентризма (она же потребительская). Прежде чем заимствовать чужую модель действительности, сетку социальных отношений, ценностные константы, нужно ее понять и только затем принять. В этом смысле наука со всеми новациями и технологиями бывает бессильна, и только художник как ценностный субъект и его мир может помочь с выбором архитектуры смысла жизни. Именно поэтому искусство в широком

смысле (ведь художественное полотно или музыкальное произведение – это тоже текст, который нужно учиться понимать) становится объектом пристального внимания лингвистов всех направлений, литературоведов, философов, психологов, которые находят в нем ответы на многие важные вопросы. При этом смысл текста перестает быть прерогативой только литературоведов, а лингвисты встраивают изучение этого объекта в новую антропоцентристскую парадигму, изучая не только и не столько форму, сколько *бытие человека в ней*. Замечательно описала ситуацию маргинальной (на современном этапе) лингвистической парадигмы Н.Д. Арутюнова: «знаковая теория предложения, связав его с миром, пустила по миру, – оторвала от хозяина – человека». Замечателен и ответ Г.А. Золотовой (как диалог эпох, парадигм, сменяющих друг друга) на это высказывание: «Сейчас хозяин-человек разными путями в разных концепциях возвращается в науку о языке. Это важнейшая и нелегкая задача – вернуть человека в лингвистику на подобающее ему место» [Золотова, с. 107].

Каков же механизм создания этого конструкта, с одной стороны, и ключи его декодирования – с другой? Существует множество методик понимания, интерпретации текста, ни одна из которых не является всеобъемлющей, исчерпывающей, самодостаточной и абсолютно объективной, и задача исследователя в этом смысле заключается в том, чтобы попытаться найти тот ориентир, который является отправной точкой, исходным моментом психолингвистического механизма порождения текста, позволяющий максимально объемно, панорамно видеть архитектуру, несущую конструкцию здания под названием авторская модель мира.

Если исходить из того, что текст – это модель действительности, авторский мир, то в нем непременно должны быть *время, пространство и субъекты,* которые образуют ту самую несущую конструкцию, эксплицируемую при помощи ресурсов языка.

По убеждению Н. Хомского, язык нам дан не для коммуникации – он является средством сложно организованного процесса мышления, в ходе которого и происходит конструирование модели мира. Героиня одного современного фильма отвечая на вопрос о том, где она живет, сказала – «в мыслях». Что это значит? Человек в любую эпоху глобально одинок, а потому он населяет свой мир субъектами, каждый из которых становится конкретным, а потому понятным читателю носителем некоего смысла – позитивного или иного, отношение к которому (авторская модальность) находит текстовое воплощение.

Предлагаемая методика аналитического чтения, включающая анализ затекстовых механизмов порождения субъектной организации в пространственно-временном континууме, позволяет привести автора и

читателя к одному знаменателю – пониманию. Интерпретации текста сквозь призму субъектной организации в диахронии историко-культурной (энциклопедической) пресуппозиции – это тот ориентир, которому подчинен весь арсенал языковых средств выражения смысла – от фоносемантики, графических ресурсов до лингвистических принципов композиции. *В* каждом субъекте заложен инвариантный смысл авторской эпистемологии. Субъект при этом (герой, повествователь, рассказчик и т.д.) становится концентрированным фрагментом авторской модальности, в нем постепенно концептуализируется некая ценностная константа, с одной стороны, а с другой, он сам становится ступенью концептаулизации смысла, его референтом, а антропоним – прецедентным именем. Например, героиня одноименной новеллы П. Мериме «Кармен» в современной действительности, уже помимо воли автора, становится прецедентным именем, носителем концепта свободы, феминности – такова эпоха, затекстовая действительность, по законам которой живет автор и его творение. Указанная методика представляется относительно объективным способом трактовки гипертекста – творчества автора. Например, М.Ю. Сидорова [Сидорова, О Чжон Хюн 2014] выделяет четыре типизированных эксплицитных субъекта – носителей концептов – в творчестве Б. Окуджавы (художник, женщина, аристократ, солдат), которые являются ключом к пониманию творчества автора и его ценностных констант. О роли автора текста говорил еще Ф. Ницше «Образы лирика… не что иное, как он сам и только как бы различные объективации его самого, отчего он, будучи центром, вокруг которого вращается этот мир, и вправе вымолвить Я; но только это Я… представляет собою единственное вообще истинно сущее и вечное, покоящееся в основе вещей Я, сквозь отображения которого взор лирического гения проникает в основу вещей» [Ницше 1990, с.57]. При этом духовное становится содержанием предметности (денотата, референта), благодаря чему текст и его герои оживают.

В качестве иллюстративного материала обратимся к текстам, созданным в разных национальных контекстах, политических и философских дискурсах, в разные эпохи для того, чтобы проследить изменения лингвопсихологических механизмов моделирования текстовой реальности и ее субъектной организации, а также обратим внимание на то, какие метаморфозы претерпевает авторский конструкт в связи с привходящими обстоятельствами.

28 ноября (10 декабря) 1866 года Ф.И. Тютчев, служивший около двадцати лет на дипломатическом поприще, но не утративший национальной идентичности, пишет философское стихотворение, которое можно назвать дипломатической нотой, – «Умом Россию не

понять». Произведение является вызовом, ответом западному и прозападному восприятию Отечества и в то же время способом актуализации в сознании читателя патриотической константы, которая должна быть встроена в картину мира каждого, что является залогом процветания государства и граждан. Судьба и репутация России небезразличны автору.

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить.

В письме И. Аксакову автор с горечью пишет о том, что в правительственных кругах нет доминанты патриотизма. Все творчество Ф.И. Тютчева было пронизано глубокой верой в идею исключительности России, ее великую миссию, в то, что именно Великая Русь сплотит все славянские народы и станет всеславянской державой. Такова пресуппозиция – историко-культурный контекст, который определенным образом задает формат субъектной организации лирического текста, представленный концептуальной оппозицией *своего и чужого* (патриотического и антипатриотического), которая обнаруживает и философское преломление в противостоянии рационального и эмоционального постижения действительности.

Стихотворение содержит культурный код России и ключ к ее пониманию, сосредоточенный в субъектной организации. Грамматика невыраженного субъекта усиливает вечность и значимость концепта патриотизма: инфинитивные формы глагола с отрицательной модальностью в первой части текста и утвердительной – во второй организуют композиционный принцип антитезы, который является и смысловым центром произведения. Лексическое наполнение и архаическая стилистика органично дополняют вечное противостояние рационального и эмоционального. Субъект вербализованной мысли аккумулирует концепт патриотизма, становится персонифицированным его выражением. Кроме того, в стихотворении представлен и зримый, осязаемый, персонифицированный субъект, который изначально был объектом пристального внимания имплицитно присутствующего лирического героя, – Россия, в которую «можно только верить». Открывает текстовое пространство отрицательный компонент обозначенной оппозиции (*умом*), что означает уничижение жалких попыток примитивным разумом объяснить всю широту русской души), а закрывает – позитивный (*верить*). Все эти смыслы предназначены читателю, и авторская модальность становится очевидной именно потому, что получает субъектные очертания, т.е. за всем этим отчетливо виден определенный тип героя, поиском которого в любую эпоху

озабочен автор. Стихотворение пронизывают и другого плана антиномии – внутрикультурные, но также диктуемые характером историко-культурной пресуппозиции: утверждение невозможности понимания России традиционными, рациональными, стандартными методами обусловлено национальными особенностями. Противоречие между христианским равенством и крепостничеством порождает особую ментальность, картину мира русского человека, которая задает и особенности характера субъекта – загадку души.

При эксплицированной бессубъектности текст представляет собой скрытый диалог. Вспомним, что М. Бахтин говорит о принципиальной, как минимум, диалогичности текста, а от себя добавим, что любое произведение в принципе *полисубъектно*, поскольку в мир, смоделированный автором, включается читатель, само повествование принадлежит лирическому герою, рассказчику и т.д., сквозь призму сознания которого воспринимается происходящее, а условный монолог при ближайшем рассмотрении трансформируется в диалог (полилог) или дискуссию с оппозиционным собеседником [Бахтин1992]. Так, в стихотворении Ф.И. Тютчева закадровый лирический герой становится латентным субъектом, в терминах риторики претендующим на роль коммуникатора, способного вести за собой, вычленяющего из информативного хаоса объективной действительности (историко-культурной пресуппозиции враждебности всего окружающего мира – России) ценностные ориентиры, дающие читателю твердую почву под ногами.

В начале XX в. в России происходит смена ценностной парадигмы, сознание носителя идеи исключительной судьбы сменяется хаосом: все привычное, традиционное требует пересмотра, т.к. не дает ощущение стабильного понимания происходящего. В связи с этим происходят метаморфозы авторской модальности и, как следствие, изменения субъектной организации художественного мира. И если в эпоху Ф.И. Тютчева автор – уверенный оратор, лидер, руководитель, твердо убежденный в своей правоте, имеющий ясную патриотическую национальную гражданскую позицию, способный вести за собой в пределах вполне земной объективной действительности, то следующая эпоха порождает совсем иной характер и автора, и его героя. Это слабый одинокий человек, всячески подчеркивающий свою природу, уходящий в параллельные миры, ностальгирующий по прошлому, созидающий свою модель мира на основе оппозиции существующему, но в то же время берущий за основу идеальный образ реальности. Это тоже ценностный конструкт, но уже иного плана: сконцентрированность на внутренней жизни, наполненной

устойчивыми стереотипами – залог некоей стабильности, помогающей преодолеть кризисные моменты истории.

Вспомним известный цикл стихотворений С. Есенина «Персидские мотивы», где автор, спасаясь от жестоко разочаровавшей его действительности бегством, погружается в таинственный древний мир – *имитация,* созданная для него друзьями, населяя его близкими по духу. Текст по-прежнему полисубъектен, но это уже глубоко личностные взаимоотношения, сфера которых видится единственно незыблемой, константной в пространстве хаоса жизни. В другом произведении поэта – «Черный человек» – заявленная в виде диалогов полисубъектность, формирующая оппозицию *своего и чужого*, нейтрализуется в конце произведения и оставляет лирического героя в облике, до боли знакомом, наедине с самим собой и разбитым зеркалом – одиночество – болезнь цивилизации, несмотря ни на какие технологии, НТП и пр. Задача автора в этом случае заключается в том, чтобы привлечь внимание к проблеме и попытаться указать направление выхода из кризиса, обозначив вектор поиска героя нового времени.

В начале XX в. в Западной Европе возникает дадаизм как искусство поиска нового языка общения с публикой, аутентичного современной действительности. Художнику важно понимание зрителя, читателя, а потому активно идет поиск новых форм и в живописи, и в литературе. Например, средством критики действительности, которая превращает человека в послушную марионетку, становится та самая полисубъектность, но исполненная в технике коллажа: на полотне произвольно закреплены вырезанные из газет почти одинаковые женские лица с густым макияжем и ноги в туфлях на высоких каблуках. За всем этим множеством – эпатажный протест аутентичным действительности знаковым языком, говорящий о том, что человеческая природа вообще и женская в особенности являются объектом манипуляции. Нам навязывают стандарты красоты, правильности, престижности и т.д., и все это – демонстрация *концепта чужого* – чуждого человеческой природе, а значит о ней не следует забывать (фоном этого искусственного, эклектического, диссонансного является природный водоем как напоминание о человеческой природе и ее первоисточнике) – предупреждают автор картины «Да-данди коллаж, фотомонтаж» (1919) Ханна Хек, исполненной в указанной технике. Или снова полисубъектное произведение Ф. Супо «Магнитные поля» 1919 г., построенное по принципу языкового эпатажа. Текст представляет собой грамматически неупорядоченный поток сознания субъектов (или субъекта?), демонстрирующий его раздробленность, а значит –

потерянность человека в хаосе событий мировых войн и финансовых и политических революций.

Полисубъектен и импрессионистический мир О. Мандельштама в стихотворении 1932 г., повествующем о глубоком обмороке сирени, где оппозиция представлена противопоставлением *Художника и всех остальных* – представителей власти, быта. Например, «*свисток иль хлыст*» – атрибуты тоталитарного дискурса, власти или еще: «*повара на кухне готовят жирных голубей*» – отнюдь не поэтические субъекты во множественном числе. Заметим, что последние составляют эксплицитно более многочисленную часть оппозиции. Так О. Мандельштам фиксирует реально существующую опасность утраты генома Гомера в современном ему мире через множественность негатива (статусное именование субъекта или даже атрибутивное, при котором герой выполняет роль детали глобального социально-политического интерьера). Но если присмотреться повнимательнее, то тут же читатель заметит местоимение *нам: «Художник нам изобразил…»* – известный прием интимизации, объединяющий субъекта, глубоко ценимого автором, с читателем, который априори принимает означенный ценностный конструкт от автора с благодарностью за включенность его в новую модель реальности. Примечательно, что подобная субъектная организация актуализирует в нашем сознании стереотипную ситуацию экскурсии – так происходит знакомство читателя с новым миром, в котором уже помимо воли Художника что-то смутное угадывается и «*хозяйничает шмель*», замыкающий ряд эксплицированных субъектов стихотворения. А ведь это принципиально невозможный в технике импрессионизма объект изображения, значит, картина оживает, и в этом ценностный авторский конструкт, наполненный творчеством как спасением от хаоса событий, мыслей и тотального одиночества человека. Не следует забывать, что за всем этим наблюдает другая группа субъектов – закадровая: экскурсовод как компетентный лидер, ведущий зрителей в незыблемый мир природы и искусства, ведь жизнь коротка, а искусство вечно. А потому Человек перестает быть одиноким, погружаясь в пространство текста.

В этом и заключается глобальное назначение истинного Творца, Демиурга – сконструировать ценностный ориентир, способный стать опорой для формирования картины мира реального субъекта, который сможет на указанной автором основе определить *свое и чужое*.

Ф. Кафка – иная национальная ментальность, казалось бы, что может быть общего? Но его знаменитые «Превращение», «Верхом на ведре» и др. – о том же: *антитеза своего и чужого* преобразуется в эпохальное противостояние *Человека и Потребителя.* При этом герои-субъекты лишены имен, а, значит, из их конструкта автор вымывает

национальный компонент, расширяя рамки проблемы до мирового, глобального масштаба. Пространственно-временная организация рассказа «Верхом на ведре» вербализует *концептуальную метафору верха*, сфера которого закрепляется традиционно во всех национальных культурах за духовностью, нематериальностью, человечностью, и *низа,* также стандартно занимающего нишу быта – земную, материальную, ограниченную. Герой-носитель концепта *Человек* покидает земное пространство, взмывая в небо верхом на ведре, символизирующем коня – единственный по-настоящему живой субъект в авторском конструкте (железо, из которого сделано ведро, теплее и человечнее тех, кто в зимнюю ночь отказывается дать умирающему уголь в долг для обогрева). Архитектура смысла очевидна читателю: герой погибает именно потому, что человек вытесняется из пространства товарообменных отношений, уступая место *производителю и потребителю* как единственно возможной субъектной оппозиции. Мир бинарен, и третий оказывается лишним, геном Гомера выпадает из ДНК человека. Именно об этом на фоне происходящих в Западной Европе и в особенности в Германии событий (зарождающийся фашизм) предупреждает Ф. Кафка, давая столь мрачную проекцию судьбы субъекта - носителя *концепта Человек*.

Таким образом, национальная пресуппозиция и вненациональные исторические процессы предопределяют образ автора и, диктуя фоновую оппозицию субъектной организации, продуцируют необходимую составляющую имплицита ценностной картины мира. А потому художники слова, выполняя глобальное назначение искусства и реализуя данную природой потребность, конструируют свои миры, с комфортной ценностной для человека средой. Но эти миры не однородны, все зависит от обстоятельств: иногда это бегство, как у С. Есенина, иногда открытый протест, резкая критика. Отправной точкой в этом случае является историко-культурный национальный и мировой контекст – та пресуппозиция, которая закладывает точку отсчета сопротивления обстоятельствам, ведь любой текст – своего рода протест против реальной действительности – в открытой форме или имплицитно. При этом сама личность автора, который всегда оставляет следы своего присутствия, также претерпевает известные изменения – от созидателя ценностного концепта, выделенного как субстрат из реальной действительности (Ф.И. Тютчев например), до радикального антитекстуалиста (Д. Пригов) – разрушителя стереотипов, стандартов общественного устройства, который создает ситуацию глубокого когнитивного диссонанса в сознании читателя (в том числе при помощи субъектной организации) с целью преодоления рамок тоталитарного дискурса, прокрустова ложа смысла, Платоновой пещеры, в которой

десятки лет просуществовал советский гражданин. И только в таком языке искусства автор видит выход из замкнутого круга непонимания.

Все это находит свое выражение в системе субъектной организации текста, которая, в свою очередь, становится ключом к пониманию инвариантных смыслов концептуальной оппозиции *свое – чужое*. Количество видимых, обозреваемых в тексте, эксплицированных субъектов, может (и чаще бывает именно так) не совпадать с реальным – имплицитным, несомненно, при этом следует учитывать интерпретационный коридор, ведь, по справедливому замечанию М. Цветаевой, читатель – соавтор, а потому приращение смысла в зависимости от читательского контекста эпохи – это объективный показатель того, что творение автора живет уже независимо от его воли, во внеположенной создателем действительности.

Понимание культуры и ее стержня связано с текстом, который, являясь феноменом культуры, хранит ментальную информацию (грамматикализованный концепт), и одновременно становится катализатором мыслительных процессов. «Вне текста нет ничего» – трудно не согласиться с утверждением Жака Деррида, французского философа и теоретика литературы эпохи деструктивизма, постмодерна, по утверждению которого весь мир следует воспринимать как текст (гипертекст), модель реальности, а язык, вне зависимости от сферы своего применения, функционирует по своим законам, и мир постигается человеком лишь в виде «литературного» дискурса. «Художественная литература – едва ли не важнейший предмет понимания, способный серьезно повлиять на внутренний мир человека» [Брудный 1998, с.103].

Список литературы

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

Бахтин М.М. Из черновых тетрадей / Публикация Кожинова В.В./ Подготовка текстов В.И. Словецкого // Литературная учеба. 1992. Кн.5–6.

Брудный А.А. Психологическая герменевтика. М.: Лабиринт, 1998. 336с.

Золотова Г.А. «Грамматика как наука о человеке» // Русский язык в научном освещении. №1. М., 2001. С. 107–113.

Лосев А.Ф. 12 тезисов об античной культуре // Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. и др. Античная литература: учебник для высшей школы / Под ред. А.А. Тахо-Годи. 5-е изд. М.: ЧеРо, 1997. 543 с.

Ницше Ф. Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. Т.1. М.: Мысль, 1990. 830 с.

Хомский Н. Современные исследования по теории врожденных идей // Философия языка / Ред.-сост. Дж.Р. Серл. М.: Едиториал УРСС, 2004. С.36–60.

УДК: 81’42

Трошина Н.Н.

Понимание и трансформация текста: Школа А.И. Новикова

Институт научной информации по общественным наукам РАН, Россия, Москва, troshinat@mail.ru

Аннотация. В статье кратко излагается модель процесса понимания текста, разработанная А.И. Новиковым, в которой дифференцируются понятия «содержание текста» и «смысл текста». Показано значение этой модели для оценки сохранения информации в тексте при различных видах его структурной трансформации и получении вторичных текстов – аннотаций, рефератов, переводов и т.д.

Ключевые слова: школа А.И. Новикова; психолингвистика текста; содержание текста; смысл текста; первичный текст; вторичный текст; информационная структура текста.

Troshina N.N.

Understanding and transformation of text: A.I. Novikov’s scientific school

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow, troshinat@mail.ru

Abstract. The paper gives a brief description of A. I. Novikov's model of the process of understanding the text in which the concepts of "text content" and "meaning of the text" are differentiated. The significance of this concept for the detection of text transformation strategies, including the generation of secondary texts (abstracts, annotations, translations), is shown.

Keywords: A.I. Novikov's school; psycholinguistics of the text; text content; text meaning; primary text; secondary text; information structure of the text.

Моделирование процесса понимания текста находилась в центре научных исследований А.И. Новикова (1938–2003) – профессора, доктора филологических наук, заведующего отделом прикладной лингвистики Института языкознания РАН, разработавшего теорию информационного соотношения первичного и вторичных текстов (аннотаций, переводов, рефератов, обзоров, рецензий и т.д.) – соотношения их содержания и информационной структуры. При этом

информационная структура текста понималась как совокупное значение его языковых единиц, организованное в соответствии с коммуникативной целью отправителя текста. Эта структура соотносима с его содержанием, т.е. мыслительным образованием, возбуждаемым «в интеллекте непосредственно под воздействием совокупности языковых средств текста, а также дополнительной информации, привлекаемой для его понимания» [Новиков 2007, с. 6], т.е. выводного знания.

Понимание текста не заканчивается переработкой текстовой информации: «Оно продолжается на уровне мышления, в результате чего непосредственный результат понимания данного текста, возбуждая различные связи и отношения, ‘обрастает’ дополнительными компонентами не только познавательного, но и эмоционального, субъективного, прагматического характера» [Новиков 2007, с. 6]. Эти дополнительные компоненты участвуют в формировании смысла текста. К этому заключению, позволившему дифференцировать понятия «содержание текста» и «смысл текста», А.И. Новиков пришел в 80-х гг. XX века и сформулировал в определении, ставшим классическим: «Если содержание текста – это проекция текста на сознание, то смысл – это проекция сознания на текст» [Новиков 2007, с. 6].

В концепции А.И. Новикова понимание текста рассматривается в тесной связи с его основными характеристиками как вербального феномена и, прежде всего, с информативностью и целостностью. В книге «Текст и его смысловые доминанты» читаем: «Результатом … понимания, как известно, является формирование в сознании реципиента целостного образа содержания, в котором реализуется информационный аспект текста. Но никакого понимания не произойдет, если за организацией, пусть и самой совершенной, ничего не стоит в содержательном плане, вследствие чего адресат не может соотнести данный текст с тем или иным фрагментом реальной действительности, с определенной реальной ситуацией, описываемой в тексте. Поэтому можно считать, что переход от внешней формы текста к его содержанию, несущему определенную информацию об окружающей нас действительности и совершающийся в процессе понимания, является обязательным. Такой переход непосредственно связан с тем фундаментальным свойством текста, который можно назвать **информативностью** (выделено автором. – *Н.Т.*). Это свойство является наиболее общим признаком текста, определяющим все другие его свойства, в том числе и целостность» [Новиков 2007, с. 113].

Помимо теоретической концепции, А.И. Новиков разработал два метода, позволяющих выявить информационную структуру текста и сопоставить в этом плане первичный и вторичный тексты:

1) метод построения встречного текста, т. е. «набора вербализованных реакций реципиента, возникающих в его сознании в процессе восприятия и осмысления текстовой информации» [Текст и его понимание 2010, с. 31]. Таким образом, под «встречным текстом» понималась совокупность вербальных реакций реципиента на воспринимаемую им текстовую информацию, которая играет роль стимула. Применение этого метода в ходе экспериментальных исследований позволил выявить несколько видов стратегий обработки испытуемыми текстовой информации в соответствии с их индивидуальными особенностями, объемом знаний, а также типологической и тематической спецификой текстов.

2) метод составления денотатного графа текста, т.е. иерархического дерева, отражающего денотатную структуру текста. Денотатами являются единицы содержания текста. Такой граф представляет собой «свернутое эксплицитное отображение структуры содержания текста, которой могут соответствовать различные языковые формы» [Новиков, Нестерова 1991, с. 61].

Этот метод нашел применение в работах пермских последователей А.И. Новикова – сотрудников Пермского национального исследовательского политехнического университета: 1) при решении задач, связанных с искусственным интеллектом; с этой целью разработана модель автоматического построения денотатного графа гипертекста как модели предметной области интеллектуальной системы; 2) в практике обучения студентов в техническом вузе: строится денотатный граф, возникающий в сознании студента как проекция изучаемого учебного материала, на основании чего оценивается уровень понимания студентом теоретического материала, который был дан на лекции.

Таким образом, А.И. Новиков предложил не только эвристически ценную, но и практически чрезвычайно полезную теорию, позволяющую обрабатывать и сопоставлять первичные и вторичные тексты на предмет сохранности информационной структуры при трансформации первичного текста во вторичный.

Список литературы

Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты. М., 2007. 223 с.

Новиков А.И., Нестерова Н.М. Реферативный перевод научно-технических текстов. М., 1991. 148 с

Текст и его понимание: Теоретико-экспериментальное исследование в русле интегративного подхода / Пешкова Н.П., Авакян А.А., Кирсанова И.В., Рыбка И.Н. Уфа, 2010. 268 с.

УДК: 81’42

Хитина М.В.

Исследование возможности применения метода позитивного анализа текста (На материале твитов)

Московский государственный лингвистический университет,
Россия, Москва, khitina49@mail.ru

Аннотация. Исследуются тексты социальной сети «Twitter». Результаты исследования показали, что метод позиционного анализа не очень подходит для анализа короткого текста, особенно если его разделять на предложения.

Ключевые слова: твитер; текст; комментарий.

Khitina M.V.

Research of texts positive analysis method implementation on tweets

Moscow State Linguistic University,
Russia, Moscow, khitina49@mail.ru

Abstract. The paper explores text represented on the social-network site Twitter. The results of the research argue that the method of positive analysis poorly corresponds with the aims of evaluating short text, especially if it is divided into utterances.

Keywords: tweeter; text; comment.

Данная работа посвящена исследованию одной из самых популярных социальных сетей Twitter. Анализировались сообщения публичных лиц, лично ведущих свои аккаунты в сети. Эксперимент предполагал изучение возможности применения метода позиционного анализа текста для исследования твитов (анализ «золотого сечения»). Особенностью твитов является ограничение по объему (140 символов для одного сообщения), а также компрессия на всех языковых уровнях, активное применение хэштегов.

Введение

Пропорция золотого сечения - это такое отношение трех отрезков, при котором меньший отрезок так относится к большему, как больший ко всему. Позиции текста (указатели-константы), в которых наблюдалось увеличение элементов симметрии, получили название «сильных», а те, в которых наблюдалось увеличение элементов асимметрии - «слабых» позиций [Белоусов, Блазнова, 2005]. Координаты данных позиций коррелируют с серией пропорций «золотого сечения».

Результатом самоорганизации текста как системы, по мнению ряда авторов, являются аттракторы. Точечные аттракторы представляют собой точечные области, находящиеся: в определенных координатах

текста: 0,236 и 0,618 от целого. Это гармонический центр зоны начала (ГЦн) и гармонический центр всего текста (ГЦ). Циклические аттракторы являются механизмом, устанавливающим дистантную связь различных единиц текста, при этом гармонизация элементов, связанных друг с другом, происходит в пространстве целого. Под креативным аттрактором (КА) понимается интервал с самой большой плотностью циклических связей, который несет в себе важный смысл текста и создает различные возможности для его интерпретации [Москальчук, 1998].

Кроме позиций ГЦ и ГЦн выделен ряд других позиций текста: позиция зачина (пропорция 0,146), абсолютно слабая позиция первая (далее - АСПl) и абсолютно слабая позиция вторая (далее - АСП2) (откладываются в пропорции от ГЦ на 0,236 вправо и влево). И, наконец, абсолютное начало (Абс.н.) и абсолютный конец текста (Абс.к.) [Корбут, 1994]. Область гармонического центра, а также области абсолютного начала и абсолютного конца образуют содержательный стержень текста-инварианта. В сильных позициях с большей вероятностью представлена наиболее значимая информация.

Исследование

В данной работе представлен анализ текстов малого объема (более 100 твитов публичных лиц - оппозиционеров и журналистов - на разные темы). Все вычисления проводились при помощи специально подготовленной программы. Код был написан на Python 3.5+ (версии). «Абс.н., Абс.к., ГЦн, ГЦ - называются позициями и в пространстве текста имеют протяженность равную словоформе. Например, Абс.н - занимает место первой словоформы текста. Зачин, АСП1, АСП2 являются срезами и в текстовом пространстве приходятся на «разъеме» между словоформами. АСП1, АСП2 являются границами позиционных зон текста: зоны начала (Абс.н. - АСП1), зоны гармонического центра (АСП1 - АСП2) и зоны конца (АСП2 - Абс.к.)». Рассмотрим пример:

Оппозиция попросила у власти разрешения на протест. Власть поломалась немного и согласилась. Торжество суверенной демократии!

В твите 12 словоформ: Абсолютное начало – 1; Зачин – 3; Гармонический центр зоны начала – 4; Гармонический центр – 5; АСП1 – 8; АСП2 – 10; Абсолютный конец – 12. По этой программе были проанализированы отобранные твиты.

Сравним результаты применения метода позиционного анализа с субъективными данными испытуемых. Сначала проанализируем каждое предложение, затем твит целиком. Анализ твитов по предложениям дает почти полное совпадение результатов испытуемых и данных применения метода позиционного анализа. Возможно, причиной является маленькое количество словоформ в твите. Так, в предложении

из 4 словоформ все позиции текста соответствуют всем словам. Если же рассматривать твит целиком, то каждый испытуемый выбирает наиболее важную для него словоформу.

Анализ твитов показал, что метод позиционного анализа не очень подходит для анализа короткого текста, особенно если его разделять на предложения. Возможно, причина следующая – важными становятся все слова, а на некоторых маркируются несколькими позициями одновременно. Так, словоформа *Торжество* в предложении одновременно представляет: 1) абсолютное начало 2) гармонический центр зоны начала и 3) зачин.

Таким образом, в предложении каждое слово является ГЦ, или АСП, или зачином, что позволяет говорить, что в твитах не может быть незначимых слов.

Твиты представляют собой своего рода «выжимку» из более крупного текста. Искусственное ограничение количества символов требует от автора изложения самой важной, по его мнению, информации. Однако если анализировать твит целиком, считая его единым сообщением, которым оно (по философии сервиса) и является, то ситуация меняется. В данном случае нет фиксации позиций на одном слове, но возникает другая проблема. Предположим, что выписав только позиционно маркированные слова, мы получаем сообщение, содержащее самые важные словоформы. Пример:

Оппозиция (у) власти разрешения (на)протест. Немного. Торжество Демократии!

Субъективно хочется передвинуть зачин влево, на «*попросила*», а также выделить словосочетание «*власть поломалась*». В последнем предложении позиционно выделены основные смысловые единицы. К сожалению, этот случай не единственный (возможно, это закономерность). Причина, отчасти, в том, что имеет место инверсия, а слова расставляются случайным образом.

В сети также существует практика разбиения одного сообщения на несколько. В конце, как правило, указывается, какой частью единого сообщения данный твит является и из скольких частей он состоит. Для проведения анализа надо четко определить, что является сообщением (это череда твитов с единым смыслом и тематикой или каждый твит существует отдельно). В качестве примера рассмотрим «составной» твит, соединив два разных твита в один:

Если так даже Генпрокуратура считает, как считать нам.

Особенно умилительно звучат слова "... могут красть еще 125 млрд."

Сотни тысяч пенсий, сотни тысяч родительских пособий, сотни тысяч зарплат.

Как и в предыдущем случае, здесь присутствует наложение абсолютного начала и зачина на слово «*Если*» и ГЦ зоны начала и АСП1 на слово «*генпрокуратура*», зачина и ГЦ зоны начала на «*умилительно*» и «*тысяч*». Для данного сообщения позиционный анализ представляется приемлемым, но только при разделении твита на предложения, а с «составным» твитом метод не работает (пропускаются важные словоформы).

Выводы

Следует отметить, что метод позиционного анализа показал неоднозначные результаты. С одной стороны, исследуя твиты по предложениям, мы получаем следующее: каждая словоформа маркируется одновременно несколькими позициями текста, не задействованные участки отсутствуют. То есть можно говорить о том, что твиты – это своего рода реферат. Исходными могут быть события, статьи и т.д., комментируемые пользователем. Основанием, позволяющим так полагать, является то, что в результате применения метода отсутствуют неинформативные участки. Применение метода позиционного анализа для целого твита (при игнорировании разделительных знаков) также дает неоднозначную картину. В одних случаях можно видеть успешный результат применения метода, в других – нет. Данные, полученные от испытуемых, отличаются от результатов применения метода. Каждый из испытуемых выбирал наиболее значимые единицы, которые не всегда совпадали с позиционно маркированными. Все зависело от интерпретации, а также от того, кто интерпретирует (чем сложнее текст, тем разнообразнее интерпретация).

При подготовке использовались материалы, полученные в магистерской диссертации А.И. Борденюка, выполненной под руководством автора статьи.

Список литературы

Белоусов К.И., Блазнова Н.А. Введение в экспериментальную лингвистику: Учебное пособие. - М.: Изд. Флинта: Наука, 2005. – 136 с.

Корбут А.Ю. Повтор как средство структурной организации художественного прозаического текста (элементы симметрии): дис. канд. филол. наук - Иркутск, 1994. - 139 с.

Москальчук Г.Г. Элементы структурной самоорганизации текста / Известия Алтайского государственного университета. История. Педагогика. Философия. Филология. - Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1998. № 3. - С. 117 - 124.

УДК: 81’23

Шевченко С.Н.

Метод непрямого шкалирования в исследовании поэтической коннотации (на примере русской поэтической картины мира)

Старооскольский филиал Российского государственного геологоразведочного университета, Россия, Старый Оскол, floradale@mail.ru

Аннотация. Цель статьи – показать особенности формирования и функционирования поэтической коннотации в национальной языковой картине мира. Исследование выявляет некоторые факторы, влияющие на появление у слов поэтических коннотативных значений. Для решения поставленных задач используется психолингвистический метод непрямого шкалирования. В статье описываются отдельные этапы эксперимента и его результаты. Приводится методика определения степени выраженности поэтической коннотации у слов, выявления *поэтизмов*, *антипоэтизмов*, *нейтральной коннотации*.

Ключевые слова: поэтическая коннотация; психолингвистическое шкалирование; синонимический ряд в поэтической картине мира; фоносемантика; антипоэтизм.

Shevchenko S.N.

Indirect scaling in studying poetic connotation (on the example of the Russian poetic worldview)

Starooskolsky branch of the Russian state geological prospecting University, Russia, Stary Oskol, Russia, floradale@mail.ru

Abstract. The aim of the work is to show the features of the formation and functioning of poetic connotation in the national language worldview. The research reveals some factors influencing the development of poetic connotative meanings. It focuses on the psycholinguistic method of indirect scaling. The stages of the experiment and its results are described and analised. The article presents the method of psycholinguistic recording of the intensity of poetic connotation and identifying poetic words, antipoetic words, neutral connotation.

Keywords: poetic connotation; psycholinguistic scaling; synonymic set in the poetic worldview; phonosemantics; antipoetic word.

Введение

Мы обратились к психолингвистическому эксперименту с целью анализа поэтической коннотации слова, а именно: выявления наличия у лексем языка особой стилистической окраски и определения степени ее выраженности. Поэтичность в данном случае понимается как «особое экспрессивное качество языка» [Винокур 1959, с. 389]. В лексикографических источниках особым образом помечены только абсолютные поэтизмы, встречающиеся, как правило, в лирических

текстах, в то время как объем и характер значений коннотативного слоя слов, не входящих в число выделенных поэтизмов, не определен и не закреплен в словарях. Методы психолингвистики могут оказаться эффективными в исследовании поэтической коннотации, хотя их потенциал в решении данной задачи пока до конца не раскрыт.

Различные слова языка демонстрируют разную степень выраженности поэтической коннотации, что приводит к более частому использованию в лирике одних слов и к ограничению в использовании других. Если поэтизмы встречаются преимущественно в стихотворениях, то не входящие в их число слова могут быть характерны как для поэзии, так и для прочих стилей и жанров языка, но слово ведет себя неодинаково в разных языковых ситуациях, «слово в поэзии "крупнее" этого же слова в общеязыковом тексте» [Лотман 1996, с. 91]. Некоторые лексические единицы не имеют выраженной поэтической коннотации и востребованы только в определенных коммуникативных ситуациях, редко встречаясь в поэзии. Степень проявления коннотативной окраски лексики может варьировать от низкой до высокой.

Поводом обращения к теме исследования поэтической коннотации слов послужил то, что при переводе с одного языка на другой близкие по денотативному значению лексемы могут значительно расходиться по коннотативному значению.

Исследование

Выбор психолингвистических инструментов и методики исследования поэтической коннотации

Поскольку большинство слов языка потенциально может обнаруживаться в поэтической речи (одни чаще, другие реже), то это приводит к мысли о том, что практически все слова имеют поэтическую коннотацию или стилистическую окраску, но демонстрируют разную степень ее выраженности. Для определения объема параметра или степени проявленности тех или иных характеристик в психолингвистике успешно используется метод шкалирования, позволяющий ранжировать слова по убыванию или возрастанию параметров, которыми они характеризуются. Ясность теоретического представления не всегда приводит к возможности практической реализации. На практике метод должен быть эффективным, в частности, понятным для респондентов, легким в использовании, не вызывать у опрашиваемых сомнений и долгих размышлений. В нашем случае на начальном этапе подготовки эксперимента было очевидно, что если просить испытуемых присвоить цифру определенному слову в зависимости от степени выраженности поэтической коннотации по шкале от одного до трех или от одного до пяти, то опрашиваемые могут

испытывать затруднения, поскольку не определены критерии каждой цифры, не ясно, где провести границу между интенсивностью, выраженной единицей или двойкой и т.д. В результате при использовании данного метода мы можем получить случайные показатели, не обусловленные определенными характеристиками (опрашиваемые могут присваивать словам цифровые значения наугад). Кроме того, в отсутствии четко определенных критериев разные респонденты могут выбрать для себя разные тактики присвоения числовых характеристик, что повлияет на объективность общей картины при обобщении данных.

С учетом вышесказанного мы отказались от прямого метода шкалирования, когда анкетируемые сами строят дифференцированные шкалы с числовыми значениями. Более эффективным представляется предложенный нами метод непрямого шкалирования, в ходе которого шкала создается исследователем в результате обработки данных, не связанных напрямую с использованием чисел в процессе опроса.

В ходе эксперимента стимульный материал подавался синонимическими рядами. Опрашиваемым предлагалось выбрать из цепочки слов-синонимов от одной до трех лексем с наиболее выраженной поэтической коннотацией. Задание по отбору нескольких слов из ряда, во-первых, менее трудоемко для опрашиваемых, чем присвоение числового номера каждому слову, выполняется значительно быстрее, без долгих раздумий и колебаний, во-вторых, минимизируется количество случайных, не обусловленных вескими причинами ответов, в-третьих, такой подход позволяет исследователю за короткое время успешно обработать большой объем экспериментального материала. Использованный нами метод непрямого шкалирования дает возможность в итоге получить шкалы с цифровыми показателями, которые составляются самим исследователем на основе подсчета частотности упоминания того или иного слова как имеющего, по мнению опрашиваемых, выраженную поэтическую коннотацию.

Был использован и противоположный подход – в некоторых случаях (при исследовании длинных синонимических рядов) опрашиваемым предлагалось выбрать неподходящие или малоподходящие для поэтического языка слова, т.е. антипоэтизмы.

Эффективность выбранной методики подтверждается успешным опытом ее практического применения. В нашем случае участники эксперимента работали быстро, без затруднений, колебаний, недовольства. Респонденты не задавали вопросов о смысле и скрытых целях производимых действий, других уточняющих вопросов. Все это свидетельствует о действенности и надежности выбранных методов,

результаты которых, в том числе по названным причинам, можно считать достоверными.

Большое значение для успешного проведения эксперимента имеет постановка вопроса в ходе анкетирования. Поскольку не все опрашиваемые ясно осознают смысл выражения *поэтическая коннотация*, формулировка задания имела понятную широкому кругу участников форму: *Выберите, на ваш взгляд, наиболее подходящие слова, которые могут быть использованы при написании красивого стихотворения*.

Отбор материала для исследования

Материалом для исследования послужили синонимические ряды, составленные на основе лексики, обозначающей по большей части компоненты природы или имеющей отношение к описанию природы. Тема природы была выбрана, поскольку она широко представлена в концептуальном содержании лирики, а созерцание природы характерно для поэтического мышления и языка.

Опросник делился на три блока: в первом находились длинные синонимические ряды, во втором – ряды небольшой длины, в третьем – короткие. Опрашиваемые должны были выбрать в первой части два – три наиболее поэтичных слова, во второй – не больше двух слов, в третьей – только одно. После этого в первой части им предлагалось выбрать один – два антипоэтизма – наименее подходящие для поэзии слова.

Материал был подобран в соответствии с целями и задачами эксперимента. Необходимо было выявить факторы, влияющие на возникновение поэтической коннотации. Результаты эксперимента должны были дать ответы на следующие вопросы.

1. Оказывают ли концептуальные представления на формирование поэтической коннотации, т.е. приводит ли положительная оценка реальности к формированию поэтической стилистической окраски у слов, используемых для обозначения этой реальности?

2. Влияют ли звуковые особенности слова на создание поэтической коннотации?

3. Какую роль играет знание / незнание о предмете в появлении стилистической окраски? Для решения этого вопроса были привлечены обозначения реалий, не характерных для русской картины мира (заимствования из американской поэзии), с целью выяснения отношения респондентов к словам, не используемым широко в русском языке и часто даже им незнакомым.

4. Оказывает ли традиция поэтического языка влияние на функционирование поэтической коннотации, иными словами, приводит ли ситуативное употребление традиционных поэтизмов языка к

субъективному наполнению смыслами коннотативного слоя данных языковых единиц?

Учитывая поставленные задачи, синонимические цепочки были составлены как из частотных для русского языка слов, так и из слов, традиционно встречающихся в английском языке (в частности, американском).

Синонимия в нашем случае представлена достаточно развернутыми рядами (от трех до четырнадцати единиц в цепочке), в которые входят не только близкие по денотативному значению слова, но также широко использовались гиперонимы и гипонимы, поскольку в поэтическом мышлении, в отличие от научного, замена одних на другие редко приводит к существенному изменению смысла. С научной точки зрения такие синонимические ряды содержат слова, не являющиеся эквивалентами, однако для поэтической картины мира различие между *лесом, рощей, березами* или *деревьями* зачастую несущественно, поскольку все они могут рассматриваться как языковые знаки обобщенного представления о древесных насаждениях. Если научная картина мира стремиться дать точные представления об объективной действительности, то поэтическая направлена на передачу субъективных эмоций и отношений к миру, а реальность видится несколько иллюзорно, в результате смещаются и смешиваются смыслы. «Сущность поэтической структуры в том, что она заведомо несинонимические и неэквивалентные единицы употребляет как синонимы и адекваты» [Лотман 1996, с.132].

Некоторые синонимические ряды были выстроены из имен существительных, обозначающих крупные природные образования. В их число вошли концепты, вербализованные с помощью синонимических рядов: *небо*, *солнце*, *древесные насаждения* (*леса*), *возвышающиеся участки земли* (*холмы*), *открытые безлесые участки земли* (*поля, долины*). Существительными представлены также категории *птицы* и *запах*. В то же время в качестве материала были использованы концепты цветовых характеристик, номинированных прилагательными (и их синонимами): *золотой, синий, черный, красный*. В число единиц рассмотрения вошли концепты, связанные с эпитетами: *печальный, сильный, поразительный*. Анкета содержала один элемент предикации – глагол *освещать* и его синонимы.

Что касается иностранных слов, в опросник были включены названия распространенных в Северной Америке деревьев: *бука, платанов, катальп*; названия обитающих там птиц: *сиалий (лазурных птиц), красных кардиналов, козодоев*; цветообозначений, распространенных в английском языке: *шафранового, кобальтового, гагатового*.

Контингент испытуемых

В роли респондентов выступили студенты в возрасте 17–19 лет, представители обоих полов. Гендерные различия в данном эксперименте не исследовались.

Интерпретация результатов эксперимента

В ходе анализа полученных данных в первую очередь оценивалась их валидность. Результаты эксперимента можно считать высоко информативными, если отчетливо прослеживаются те или иные выявленные закономерности, а количество случайных ответов, не вполне обусловленных психологическими и языковыми причинами, выбранных «наугад», незначительно. Одним из подтверждений достоверности полученных данных является обнаруженная почти полная зеркальность в возрастании/убывании показателей в двух блоках ответов: 1) блоке на выбор наиболее поэтичных слов; 2) блоке на выбор антипоэтичной лексики. Например, при описании безлесых открытых участков земли респонденты расположили первые четыре слова цепочки по убыванию объема поэтической коннотации следующим образом: *долины* (41), *луга* (25), *луговые дали* (23), *поля* (22). Когда же они выбирали антипоэтичные слова, то ранжированный список по возрастанию числовых показателей получился почти зеркальным предыдущему: *долины* (0), *луга* (3), *поля* (3), *луговые дали* (6). В случае с холмистыми участками земли наблюдалась полная зеркальность, дифференциация первых трех лексем выглядит следующим образом: *холмы* (42/0), *пригорки* (33/9), *курганы* (23/18) – первая цифра означает частоту при выборе слов с поэтической коннотаций, вторая – частоту при выборе слов, в которых она отсутствует.

Иностранные слова (номинирующие реалии американской природы и американского языка) в целом продемонстрировали низкую степень наполнения стилистической поэтической краской. Предложенные на рассмотрение деревья *платаны*, *катальпы* и *бук* почти не упоминались респондентами как поэтические. Из названий птиц антипоэтичными для русской поэзии оказались *красные кардиналы* и *козодои*. Не нашли себе места в воображаемом «красивом стихотворении» типичные для английского языка цвета: *гагатовый* и *кобальтовый*. Данный факт может свидетельствовать о том, что отражение быта в традиции языка оказывает влияние на мышление и отношение к действительности: отсутствие слов и представлений в языковой картине мира снижает возможности «прочтения» в лексемах стилистических значений. Один респондент заметил, что отвечая на вопросы анкеты, он пытался воспроизвести в памяти знакомые стихотворения (на русском языке) и сделать отбор слов на их основе.

Для исследования роли звуковой оболочки лексемы – фоносемантики – отбирались незнакомые респондентам слова, чтобы избежать влияния других факторов, таких как традиция языка или концептуальных образов. Последние могут нести в себе уже ту или иную эмоциональную оценку. Опрашиваемым было предложно оценить поэтический потенциал слов, обозначающих незнакомых для них птиц. Английские *bluebirds* были даны в двух вариантах перевода: *сиалии* и *лазурные птицы*, в число птиц входили также *whippoorwills*, переведенные как *козодои* и *redbirds / красные кардиналы*. Все русские слова незнакомы / малознакомы респондентам, образ птиц не может повлиять на восприятие лексемы, но данные слова заняли разные места в полученном ранжированном списке. Неблагозвучное слово *козодои* ни разу не было упомянуто опрашиваемыми как поэтическое. Значительный поэтизм имени *лазурная птица* (пятое ранжированное место среди четырнадцати имен разных птиц) может быть вызван наличием в словосочетании слова *лазурная*, которое относится в русском языке к абсолютным поэтизмам. Но другое название той же птицы *сиалия* совершенно незнакомо респондентам, тем не менее, они данное имя рассматривают как наделенное достаточно выраженной поэтической коннотацией, помещая его между *жаворонками* и *малиновками* (13 – 9 – 8), находя оболочку слова довольно благозвучной. Похожая ситуация наблюдается с цветообозначением *шафрановый*. Хотя в русском языке это слово не распространено широко и опрашиваемые затрудняются с уточнением оттенка, они все же находят в нем достаточно выраженную поэтическую окраску (для сравнения: *шафрановый* – 21, *золотой* – 22). Причина этого кроется в особом звучании слова, которое передает некоторую семантическую информацию. Таким образом, на основе анализа восприятия иностранных заимствований можно сделать вывод, что звуковая форма слова может оказывать влияние на формирование его поэтической коннотации.

Для ответа на вопрос о влиянии на формирование поэтической коннотации знания о предмете мы ввели в опросник слово *птицы*. Результаты анкетирования показали, что распространенные в городах и всем знакомые *голуби* и *воробьи* не воспринимаются респондентами поэтически. Малознакомые или совсем незнакомые опрашиваемым *сойки* и *иволги* (респонденты испытывают затруднения с их описанием в связи с отсутствием концептуального образа) в языковой картине мира обладают более выраженной поэтической коннотацией. Возможно, в некоторых случаях поэтичность связана с фактором неожиданности, загадочности и инаковости, хотя он все же не является решающим,

поскольку лидерами опроса стали известные всем в той или иной степени *ласточки* (показатель 28) и *соловьи* (23).

Шкалирование в исследовании поэтической коннотации убедительно показало, что значимыми средствами поэтического языка являются метафора и иносказание. Опрашиваемым был предложен выбор между прямыми и метафорическими обозначениями цвета. Прямые обозначения заняли нижние пороги шкал, в то время как переносные уверенно набрали высокие показатели. Например, в обозначении *синего* получена следующая шкала: *лазурный* – 40; *васильковый* – 17; *бирюзовый* – 16; *сапфировый* – 15; *голубой* – 11; *синий* – 9; *кобальтовый* – 1. Слова обыденного лексикона, по мнению опрашиваемых, менее поэтичны, чем слова, не входящие в активный состав повседневного языка: слово *солнце* имеет показатель поэтичности 15, в то время как *светило* – 21; обыденное *небо* – 7, а *небосвод* – 23; *запах* – 1 и *аромат* – 36. В ходе эксперимента была также доказана роль морфологии, в частности, суффиксов в формировании поэтической коннотации. На полученной дифференцированной шкале слова с уменьшительными суффиксами имеют более высокие показатели: *золотистый* – 33, *золотой* – 22; *солнышко* – 19, *солнце* – 15; *березки* – 27, *березы* только 16.

Не на всех шкалах слова располагаются равноудаленно друг от друга. На некоторых между лидером и последующими словами имеются значительные расстояния. Это свидетельствует о высокой степени выраженности поэтической коннотации ведущего слова, резко смещенного относительно остальных, что происходит в результате приоритетного массового выбора его участниками опроса. Можно говорить о том, что «коннотативное в поэтическом знаке становится денотативным в знаке языковом в процессе существования поэтического знака во времени» [Степанов 2007], и это связано с формированием абсолютных поэтизмов. В ходе эксперимента были выявлены следующие: *лазурный, озарены*, *могучий, чарующий*, демонстрирующие выраженное смещение по дифференцированной шкале.

Среди абсолютных антипоэтизмов выделяется дерево *бук*, имеющее выраженное смещение по шкале антипоэтизмов, ч о отличает его английского *beech,* которое активно используется в лирике. Это еще раз подтверждает, что национальная картина мира оказывает влияние на формирование поэтической коннотации, а объем значения эквивалентных по денотату словах расходится в разных языках.

В ходе анализа экспериментальных данных было выявлено незначительное количество слов, которые не подчиняются принципу

зеркальности (*малиновки, воробьи*). Такие языковые единицы обладают нейтральной стилистической коннотацией.

Выводы

В лирике поэтическая коннотация слов может быть выражена с разной интенсивностью, на крайних полюсах находятся поэтизмы и антипоэтизмы, которые могут демонстрировать значительное смещение относительно других слов по дифференцированной шкале. В языке обнаруживается небольшое количество единиц с нейтральной коннотацией.

Метод непрямого шкалирования показал себя эффективным в исследовании поэтической коннотации. Обращение к нему позволило утверждать, что:

1) национальная картина мира оказывает влияние на формирование поэтической коннотации, в разных языках эквивалентные по денотату слова могут быть неэквивалентны по стилистической коннотации;

2) звуковая оболочка слова вносит вклад в функционирование поэтизмов, человек обращается к звукосимволизму, в том числе при отсутствии четкого концептуального представления;

3) среди прочих факторов, влияющих на существование коннотативной краски у слова, важным является поэтическая традиция национального языка;

4) наличие ясного концептуального представления не является необходимым условием функционирования поэтической коннотации: в некоторых случаях его отсутствие препятствует формированию поэтической коннотации, в других случаях – способствует (размытые значения старинных и заимствованных слов могут усиливать эффект иллюзорности и восприниматься поэтически);

5) концептуальное восприятие мира не всегда синхронно восприятию языковой поэтической картины мира: субъективные оценки двух миров могут расходиться;

6) к усилению степени поэтичности приводит непрямая номинация: метафоричность, иносказательность; а также некоторые морфологические средства (уменьшительные суффиксы).

Проведенное исследование ставит дальнейшие задачи перед лингвистикой, в числе которых: сопоставительное изучение данных психолингвистического эксперимента и корпусов лирики с целью выявления динамики в структуре коннотативных слоев значений, а также социолингвистическое исследование варьирования представлений о поэтической коннотации в разных социальных группах.

Список литературы

Винокур Г.О. Понятие поэтического языка // Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. С. 388–393.

Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста. СПб.: Искусство-СПб, 1996. 846 с.

Степанов М.С. Денотация и коннотация в поэтическом дискурсе: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2007 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://cheloveknauka.com/denotatsiya-i-konnotatsiya-v-poeticheskom-diskurse.

ПРОБЛЕМЫ ПРИКЛАДНОЙ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК: 81’23

Степыкин Н.И.

Анализ и интерпретация ассоциативного поля «ДОЛГ»: контекстный подход

Юго-Западный государственный университет,
Россия, Курск, nikolakursk@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема анализа и интерпретации ассоциативных данных. Автор демонстрирует преимущества контекстного подхода к данной проблеме на примере ассоциативного поля «долг».

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, ассоциативное поле, реакция, стимул, контекст, долг.

Stepykin N.I.

Analysis and interpretation of associative field "DUTY": Contextual approach

Southwest State Unive,
Russia, Kursk, nikolakursk@yandex.ru

Abstract. This paper focuses on the problem of data analysis and interpretation of the free associative experiment, demonstrating the advantages of contextual approach to this problem on the example of the associative field "duty".

Keywords: associative experiment, associative field, reaction, stimulus, context, duty.

Вербальные ассоциации являются предметом исследования представителей различных наук: психологии, психолингвистики,

логики, теории коммуникации и др. Однако до сих пор нет единого подхода к проблеме анализа и интерпретации ассоциативных данных: существует множество классификаций ассоциатов, основанных на тех или иных признаках, при этом большинство типологий не имеет единого критерия, на основании которого систематизированы реакции.

С каких же позиций изучать соотношение *стимул – реакция*? Ассоциативная связь *стимул – реакция* двусторонняя, двунаправленная. Если *стимул* (S) определяет *реакцию* (R), то R тоже определяет S. Однонаправленная связь (S определяет R, а R не определяет S) в принципе противоречит языковой реальности и содержанию понятия «связь».

Перспективным представляется изучение ассоциативного поля (далее АП. – *Н.С.*) в рамках текстоцентрического подхода. Ассоциативные поля – это не просто «лексические множества, объединенные информантом по ассоциации со словом-стимулом» [Залевская 1992, с.60], а потенциальный массив различных текстов-реакций (или фрагментов таких текстов), которые вступают в парадигматические отношения со словами-стимулами, являясь своеобразной перифразой (чаще всего развернутой) к этому слову-стимулу [Сахарный 1989].

Так, И.Г. Овчинникова рассматривает стратегию построения «текста» вербальных ассоциаций как одну из разновидностей стратегии построения целого текста [Овчинникова 1994]. Эксперимент И.Г. Овчинниковой, в котором она попыталась подтвердить положение Дж. Миллера об ассоциативной паре как акте предикации и выявить типологию этих предикаций, продемонстрировал, что парадигматическая пара ограничивает не столько собственно семантику лексического состава, сколько его лексико-грамматические особенности, тем самым жестко детерминируя структуру предложения и слабо предопределяя его возможное лексическое наполнение. Синтагматические ассоциативные пары задают параметры развернутой номинации наименее жестко. Стимул и реакция в синтагматической ассоциативной паре обычно выступают в предложении как единая неоднословная номинация, как одна номинативная или предикативная единица. Функционирование этой пары в пределах одной синтагмы не определяет структуру предложения в целом и нежестко ограничивает его лексический состав. При этом сочетание заданного стимула с синтагматического типа реакцией накладывают ограничения на появление в предложении других реакций из ассоциативного поля, исключая наиболее частотные. Тематические ассоциативные пары выступают как своего рода ключевые слова. Стимул и реакция тематической ассоциативной пары представляют собой фрагмент некой

более крупной номинации, а также задают параметры некоторой ситуации или множества ситуаций. Типологические особенности тематической пары не позволяют ей детерминировать структуру предложения, но довольно жестко ограничивают ее лексическое наполнение [Овчинникова 1994, с. 76–77].

Однако насколько правомерны полученные выводы, основанные на делении реакций на парадигматические, синтагматические и тематические? По Г.А. Мартиновичу, «получаемая таким образом трехчленная классификация вербальных ассоциаций, с одной стороны, оказывается разнородной, так как в ней в один ряд произвольно выстраиваются разнопризнаковые группы – члены деления общего понятия (синтагматика – парадигматика – тематика), с другой – она практически никак не отражает категориальных признаков ассоциаций вообще и, следовательно, никак не соотносится с их основной (общепринятой) классификацией, оторвана от этой классификации» [Мартинович 1997, с. 5].

Эффективно систематизировать компоненты АП, опираясь на потенциальные контекстные ситуации, с которыми респондент связывает слово-стимул.

Гипотеза: АП слова – один из возможных способов получения данных о содержательной структуре слова. Компоненты ассоциативного поля отражают потенциальные контекстные ситуации, в которых вербализуется слово-стимул, детализируя содержание коллективного обыденного сознания носителей языка.

С целью выявления состава ассоциативного поля *долг* нами был проведен свободный ассоциативный эксперимент.

Состав участников эксперимента

В эксперименте добровольно приняли участие 100 носителей русского языка, возраст которых варьируется в пределах 17 – 25 лет. При этом отбор испытуемых производился произвольно. Тот факт, что в эксперименте приняло участие 100 человек, делает полученные результаты валидными. Эксперимент проводился в 2017 г. в г. Курске. Испытуемыми явились студенты Юго-Западного государственного университета, обучающиеся на разных факультетах и специальностях. Определяющим при выборе информантов был тот факт, что к 17–25 годам «становление языковой личности в основном завершается, и, значит, в ассоциациях находит отражение сформировавшаяся языковая способность участника эксперимента» [Караулов 1994, с. 192]. Немаловажно и то, что, по мнению Ю.Н. Караулова, относительная стабильность языковой способности носителей языка (в частности, словарный запас, ценностные и прагматические установки, формально-комбинаторные возможности) может служить основой для

характеристики массового сознания в российском обществе на ближайшие 20 – 30 лет, т.е. на период, когда нынешние испытуемые будут составлять активное ядро общества [там же].

Экспериментальный материал

При подготовке эксперимента была составлена анкета. В задании предлагалось записать первые возникшие вербальные реакции на обозначенные стимулы. Опираясь на данные РАС, мы добавили в анкету по четыре слова-стимула, входящих в структуру АП *долг (деньги, честь, гражданский, выполнен)* и по 5 произвольно отобранных слов-дистракторов, – слов разных частей речи, отобранных, как и требует методика проведения ассоциативного эксперимента, произвольно.

Порядок проведения эксперимента

Ассоциативный эксперимент проводился с испытуемыми в индивидуальном порядке и коллективно. Носителям русского языка экспериментальный материал предъявлялся в виде печатной анкеты или в электронном варианте.

В тексте инструкции, который предварял перечень стимулов в каждой анкете, указывалось, что испытуемые должны реагировать на предъявляемый стимул первым пришедшим на ум словом, принадлежащим к любой части речи. Для определения сбалансированности выборки по возрастному, социальному и гендерному параметрам испытуемым также предлагалось указать в отдельных графах свой возраст, пол и образование.

При предъявлении анкеты в печатном варианте осуществлялся контроль времени выполнения задания (1 минута 30 секунд на заполнение одной анкеты). Если анкета предлагалась в электронном варианте, испытуемых просили реагировать сразу же, не обдумывая варианты ответа.

Результаты эксперимента

В результате эксперимента нами были получены следующие реакции на стимул *долг: деньги 24, служба 8, ответственность 7, перед отечеством 7, перед семьёй 6, Родина 5, честь 5, семья 4, дружба 3, служба Родине 3, армия, банк, бомж, важность, взять на время, выборы, выполнять, государства, гражданский, денежный, дно жизни, займ, зарабатывать деньги, затраты, зовёт, карточный, кредит, любовь, необходимость, нервозность, нужно, обеспечивать семью, общественный, отдать, перед родителями, платежом, платежом красен, плохо, погасить, поручительство, работа, ребёнок, серьёзность, совесть, страна, страшно, супружеский, тяжело, учёба, хозяйство, хорошо работать* – 100+53+0+42, где первое число – общее

количество реакций, второе – количество разных реакций, третье – индикатор отказов и четвёртое – показатель единичных реакций.

Представим модель АП *долг* в графическом виде:

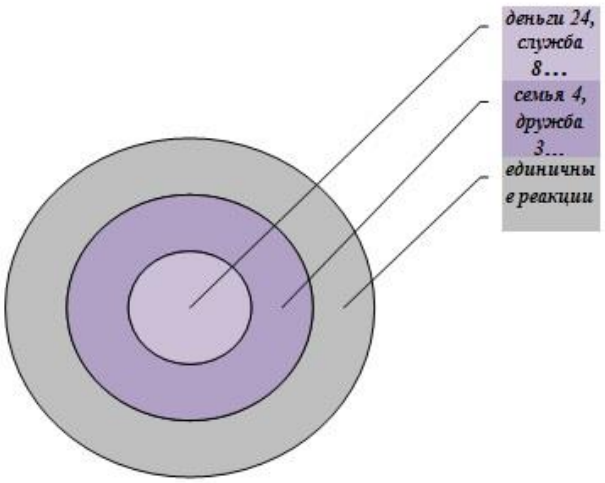

Рис. 1. Модель ассоциативного поля *долг*

Очевидно, что для представителей русской лингвокультуры стимул *долг* вызывает ассоциации, связанные с контекстной ситуацией «Финансы», о чем свидетельствуют реакции *деньги, банк, взять на время, государства, денежный, займ, зарабатывать деньги, затраты, карточный, кредит, обеспечивать семью, погасить, поручительство* и т.д.

Обратившись к национальному корпусу русского языка, рассмотрим реализацию стимула «долг» и обозначенных выше компонентов ассоциативного поля: *В то время как руководство России просит в* ***долг деньги*** *на Западе, оно свои собственные капиталы с помощью таких личностей, как Тарасов, прячет от населения за рубежом!* ; Завтра заложу свои часы в ломбарде и постараюсь **взять на время деньги** в землячестве; Эти заграничные **денежные** получения определяются вышеупомянутыми уплатами по **долгам**, **займам**, **затрате** капиталов и т.п. [НКРЯ – эл. ресурс].

Ассоциаты *перед семьёй, семья, обеспечивать семью, перед родителями, ребенок, супружеский* потенциально образуют контекстную ситуацию «Семейные отношения»: ***Долг перед семьей****, детьми я считаю священным»; У меня потому что всегда на первом плане был* ***долг, семья****. Не задумывался я и над тем, как бы мне исполнить* ***долг перед родителями****…* [НКРЯ – эл. ресурс].

Контекстная ситуация «Служебный и гражданский долг» формируется в результате следующих реакций: *служба 8, выборы, гражданский, общественный, работа*: *Правопорядок, основанный на*

такой духовности, на абсолютных положительных заповедях, гармонично содержит в себе ***гражданский и общественный долг, ответственность*** *и* ***совесть****, отвечает потребностям устойчивого и полноценно развивающегося общества; В самых различных географических и климатических условиях сотрудники 6-го управления добросовестно выполняют свой служебный и* ***гражданский долг****; Но у отца на первом месте –* ***общественный долг****, он спешит на пожар, тушит его с дружиной, и так он увлёкся, что не заметил, как загорелся магазин его хозяина, Алешинского* [НКРЯ – эл. ресурс].

Также нами были выявлены ассоциаты, которые можно отнести к контекстной ситуации «Актуализация морально-этических категорий»: *ответственность, честь, дружба, любовь, совесть.* Приведем примеры реализации данных компонентов в контексте: *Если говорят слова:* ***долг, честь****, обязательность, порядочность, благородство, внимательность, отзывчивость, чуткость, ум, образованность, обаяние, верность, – и так далее, пришлось бы перечислять весь длиннющий ряд самых лучших человеческих качеств, то это все она, Мери; Убивающий из ревности, или ты, вяжущий петлю для самого себя, – я зову вас обоих, дети гибнущего века: приходите, пошляки и мечтатели, отцы семейств, лелеющие дочерей честные мещане, люди, верные традициям, подчиненные нормам* ***чести****,* ***долга****,* ***любви****, боящиеся крови и беспорядка, дорогие мои – солдаты и генералы – двинем походом!* [НКРЯ – эл. ресурс].

Также непосредственным долгом являются воинские обязанности, и реакции *перед отечеством, Родина, служба Родине, армия* являются тому подтверждением: *Этот фильм – не просто шпионский, он гораздо глубже – о чувстве* ***долга****, о* ***Родине*** *говорит понятнее, чем какие-нибудь проповеди на эту тему; Вы, вместе с воинами Красной* ***Армии****, до конца исполнили свой* ***долг****, разгромили агрессора, вернули народам Европы мир и свободу* [НКРЯ – эл. ресурс].

Исследуемый концепт в ряде случаев вызывает у русских респондентов негативные эмоции, о чем свидетельствуют реакции *бомж, дно жизни, нервозность, плохо, страшно, тяжело*: *Слушая, как бездарно соревнуются в речевых изысках торговцы, зазывающие покупателей,* ***бомжи****, не отягощённые* ***долгом*** *и трудом, развлекают вокзальную публику с подлинным вдохновением; Разве же уследишь за погружением на* ***дно жизни****, когда его совершают сто тысяч московских* ***бомжей****?; А есть возможность ослабить зависимость от российских энергоносителей,* ***долги*** *за которые* ***тяжело*** *давят на украинскую экономику?;* ***Денег*** *осталось только-только на метро, а* ***долгов*** *накопилось столько, что и вспомнить* ***страшно****; За то время он успел проиграть Гаврику в* ***долг*** *столько, что* ***страшно*** *было подумать;*

Как и в случае с частными лицами, ***нервозность*** *на банковском рынке ускорила процесс перехода бизнеса в крупные кредитные организации: ведь корпоративные клиенты в отличие от частных вкладчиков редко получают свои средства из обанкротившегося* ***банка****, соответственно, и реагируют на все проблемы они острее* [НКРЯ – эл. ресурс].

Таким образом, компоненты ассоциативного поля отражают контекстные ситуации, с которыми респондент связывает слово-стимул. Наиболее типичными контекстными ситуациями, в которых актуализируются компоненты АП «долг», являются «Финансы», «Морально-этические категории», «Служебный и гражданский долг», «Воинский долг», «Долг как нечто негативное». В каждой из обозначенных контекстных ситуаций подтверждается: «все, что есть в речи, текстах, так или иначе отражается в языковом сознании людей и формирует это сознание, а все, что есть в языковом сознании людей так или иначе реализуется (или, по крайней мере, всегда может реализоваться, готово реализоваться) в речи, текстах …» [Мартинович 1997, с. 34].

Список литературы

Залевская А.А. Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования: Монография / А.А. Залевская. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1992. 136 с.

Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов и др. М.: Помовский и партнёры. 1994. Кн. 1.

Мартинович Г.А. Вербальные ассоциации в ассоциативном эксперименте. СПб, 1997. 72 с.

Овчинникова И. Г. Ассоциации и высказывание. Структура и семантика [Текст]: учебное пособие по спецкурсу / Овчинникова И. Г. Пермь: Издательство Пермского университета, 1994. 124 с.

Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику [Текст]: Курс лекций / Л.В. Сахарный. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 184 с.

НКРЯ = Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] URL: http://ruscorpora.ru/ (Дата обращения: 27.04.2018)

УДК: 811.1

Залипаева Ж.П.

Категория «темпоральности» и ее отражение в национальном языковом сознании (на примере французского языка)

Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского, Россия, Брянск, zhanzalp@gmail.com

Аннотация. В статье освещаются вопросы отражения категории «темпоральности» в национальном языковом сознании. На примере проведенного ассоциативного эксперимента с респондентами-носителями французского языка анализируются факторы, влияющие на индивидуальное восприятие темпорального значения в языковых единицах разного уровня: от слова и словосочетания до идиомы.

Ключевые слова: темпоральность; время; языковое сознание; ассоциативный эксперимент; французский язык.

Zalipaeva Zh.P.

The category «temporality» and its reflection in the national linguistic consciousness (in the context of the French language)

Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky, Russia, Bryansk, zhanzalp@gmail.com

Abstract. The article highlights issues of reflecting the category of temporality in the national linguistic consciousness. Taking into account the results of the associative experiment held, the author analyses factors that influence the individual perception of the temporal meaning in different linguistic units – from a single word and a set of words to idioms.

Keywords: temporality; time; linguistic consciousness; associative experiment; French language.

Время – самая большая ценность, которой владеет человечество. В лингвистике, в частности в психолингвистике, понятие «время» неразрывно связано с термином «темпоральность». Под темпоральностью понимается «временная сущность явлений, порожденная динамикой их особенного движения, в отличие от тех временных характеристик, которые определяются отношением движения данного явления к историческим, астрономическим, биологическим, физическим и другим временным координатам, взаимосвязь моментов времени» [Современная западная философия 1991, с. 298]. Следовательно, к термину «темпоральность» и его деривату «темпоральный» «можно обращаться при качественном

изучении временных свойств и связей материального мира» [Национальная философская энциклопедия – эл. ресурс].

В современном мире субъективное отношение к понятиям «время» и «темпоральность» отличается в зависимости от воздействия разных факторов. К объективным причинам, оказывающим влияние на индивидуальное восприятие темпоральности, можно отнести национальную принадлежность, возраст, уровень образования и, в определенной степени, гендерную принадлежность. Согласно Ричарду Льюису, известному лингвисту и журналисту, восприятие времени определяется национальными стереотипами и типом мышления. Например, представители монохроничных народов (северные американцы, швейцарцы, немцы, англичане, австрийцы и скандинавы) воспринимают время и связанные с ним действия линейно, поэтому успех, с их точки зрения, напрямую зависит от количества времени, потраченного на конкретную цель. Представители южно-европейских стран (итальянцы, французы, испанцы) относятся к времени как к многоплановому явлению, которым можно манипулировать с учетом поставленных множественных задач [Lewis, 2014].

Молодые люди воспринимают время и связанные с ним явления как нечто мимолетное, быстротечное, утекающее, поэтому позволяют себе ‘тратить, убивать’ его. Люди пожилого и более преклонного возраста стараются ‘ценить’, ‘экономить’ время, так как они уже осознают ограниченность времени в своей жизни.

Поскольку понятия ‘время’ и ‘темпоральность’ могут быть выражены при помощи языковых единиц разных уровней: слов, словосочетаний с прямы и переносным значением, идиоматическими выражениями, то представляется необходимым попытаться определить особенности индивидуального восприятия темпоральности. Для достижения поставленной цели был выбран ассоциативный эксперимент, так как он считается достаточно «эффективным способом исследования языкового сознания и его национально-культурной специфики» [Архипова 2011:7].

Гипотеза эксперимента. Мы предполагаем, что национальная принадлежность и возраст респондентов оказывают непосредственное влияние на восприятие и осознание темпоральных и временных отношений.

Участники эксперимента. Эксперимент проводился среди носителей французского языка, проживающих на территории Франции большую часть своей жизни. В эксперименте приняли участие 8 испытуемых (далее ии.), отобранных по рандомному принципу: 6 женщин и 2 мужчин (75% и 25% от общего числа соответственно). Участники эксперимента принадлежат к двум возрастным категориям –

респонденты старше 65 лет (4 человека) и в возрасте от 26 до 36 лет (4 человека). Уровень образования, профессиональная и гендерная принадлежность не принимались во внимание в процессе подведения итогов эксперимента.

Ход эксперимента. В процессе проведения ассоциативного эксперимента участникам была предложена анкеты со стимулами (8 единиц), содержащими в своем значении сему темпоральности. Время ответов на вопросы не ограничивалось. Задача эксперимента заключалась в том, чтобы испытуемые предложили ассоциации, возникающие при встрече с предложенными языковыми единицами. Участники использовали метод субъективного дефинирования.

Лингвистический материал эксперимента. В качестве языкового материала для проведения ассоциативного эксперимента были предложены 9 стимулов, которые содержат в своем значении как ярко выраженную сему темпоральности (стимулы 1, 2, 7, 9), так и косвенно или частично сохраняли ее (стимулы 3, 4, 5, 6, 8). Стимул 1 *le temps* ‘время’ является существительным, используемым в прямом значении[2]. Стимул 2 *age d'or* ‘золотой век, старость’ относится к группе идиоматических выражений, так как его значение не выводится из значений составляющих его компонентов. Во французском языке данная идиома используется для характеристики определенного возрастного периода человека, а именно, глубоко пожилого возраста или старости. Стимулы 3 и 4 *passer à la trappe* ‘1. пройти через люк; 2. перен. забыть, забросить, предать забвению’ и *passer à l'éponge* ‘1. стереть губкой; 2. перен. предать забвению’ являются глагольно-субстантивными словосочетаниями, функционирующими в современном французском языке в одном из двух значений. В обоих случаях значение темпоральности содержится, в первую очередь, в глагольной лексеме passer – ‘2. проходить (о времени)’. Стимул 5 *de vieille souche* содержит лексему темпоральности в адъективной лексеме *vieille* – ‘старый’ и трактуется лексикографическими источниками как выражение с возможным прямым значением ‘из старого пня’ и метафорически переосмысленным значением ‘старой закалки, из старинного рода, родовитый’. Стимул 6 *entre chien et loup* является идиомой, используемой для обозначения части суток – ‘в сумерках, в сумерки’. Значение темпоральности содержится в целостном значении оборота, так как оно не мотивировано и не выводится из значений его компонентов. Стимулы 7 и 9 *à la Pâque ou à la Trinité* и *quand les poules auront des dents* также являются идиоматическими выражениями со значением ‘никогда’. Стимул 8 *mangeur de temps* можно представить как субстантивное

[2] Здесь и далее значения языковых единиц даны при помощи французско-русского словаря [Французско-русский словарь онлайн – эл. ресурс].

выражение с метафорически переосмысленным значением ‘пожиратель времени’.

Результаты эксперимента. Анализ субъективных индивидуальных реакций на предложенные стимулы позволил прийти к следующим выводам.

1. Все испытуемые гораздо быстрее справились с поиском подходящей темпоральной ассоциации, когда предложенный стимул оказался одиночной лексемой (стимул 1 *le temps – ‘время’),* причем предложенные ассоциации подтвердили гипотезу о влиянии возрастного фактора на отношение к понятию «время». У респондентов старшего возраста время ‘летит’ (и.1), ‘проходит слишком быстро’ (и.2), ‘находится повсюду’ (и.8), в то время как молодые участники эксперимента ассоциировали время со смертью (и.7), конкретными предметами (часами) (и.2). Кроме того, ассоциации всех респондентов содержат темпоральный компонент «скоротечность/конечность времени/ бесконечность времени».

2. Стимулы, структурно представляющие собой субстантивные словосочетания с переосмысленным значением – *age d'or* ‘золотой век, старость’, *de vieille souche* ‘старинный, родовитый’, *entre chien et loup* ‘в сумерках’ и *mangeur de temps* ‘пожиратель времени’, не всегда вызывали лингвистически верные ассоциации. Участники часто прибегали к субъективно-индивидуальным ассоциациям, вызванным личными пристрастиями, например, *age d'or* – видеоигра «Age of impire» (и.3) или Жерар Филипп, любимый актер, снявшийся в фильме с одноименным названием (и.6), *entre chien et loup* – красота вечернего неба (и.4); *de vieille souche* – старинный генетический процесс (и.7); *mangeur de temps* – хромолитография (и.6). В целом, большинство испытуемых успешно справились с поставленной задачей и смогли предложить ассоциации, которые отвечали поставленным требованиям – верность толкования и сохранение темпоральности в значении предложенных языковых единиц. Таким образом, большинство респондентов выделили сему «возраста» в стимуле 2 *age d'or* и сему обозначения части суток в выражении *entre chien et loup.* Несмотря на то, что оба выражения являются идиоматическими, почти все респонденты, независимо от возрастной группы, знают их и имеют подходящий набор субъективных ассоциаций, содержащих сему темпоральности.

Наибольшее затруднение у респондентов вызвали стимулы 5 и 7 (*de vieille souche и mangeur de temps).* В ряде случаев респонденты вышеуказанных возрастных групп не могли предложить ни одной ассоциации или реагировали только на прямое значение компонентов устойчивых словосочетаний. Следовательно, мы можем говорить не только об ограниченном функционировании данных идиом в современном французском языке, но и о частичной утрате темпорального значения для обывателя.

3. Анализ субъективно-индивидуальных ассоциаций на словосочетания *passer à la trappe* ‘простить, забыть’ и *passer à l'éponge* ‘предать забвению’, содержащих в своем составе глагольную лексему passer с темпоральным значением, показывает, что респонденты обеих возрастных групп имеют слабое представление о метафорическом значении данных выражений и не имеют никакого представления об их семантической связи с категорией темпоральности. Индивидуальные ассоциации, предоставленные испытуемыми для выражения *passer à la trappe,* были связаны с понятиями ‘*ловушка*’ (ии. 2,5,6), ‘*дверь*’ (ии.3,7) ‘*очередь*’ (и.4.). Субъективные ассоциации, предложенные респондентами для оборота *passer à l'éponge*, можно разделить на две группы исходя из возраста респондента. Испытуемые старшего возраста предложили такие варианты, которые частично совпадают с метафорическим значением темпоральности исходного стимула. Представители же молодого поколения увидели прямую связь с персонажем популярного мультфильма Губка-Боб Квадратные Штаны (*Bob l’éponge* – ии. 3, 7). Таким образом, несмотря на тот факт, что глагольные словосочетания включают в свой состав глагольную лексему со значением темпоральности, участники эксперимента не нашли подходящих ассоциаций, отражающих метафорическое значение темпоральности данных выражений.

Идиоматические выражения, по своей структуре совпадающие с предложением, являются самым сложным заданием для подбора субъективно-индивидуальных ассоциаций. Идиомы *à la Pâque ou à la Trinité* и *Quand les poules auront des dents* могут считаться фразеологическими синонимами, поскольку обозначают темпоральное понятие «никогда». Реакции испытуемых резко отличаются. Идиома *Quand les poules auront des dents* знакома 90% респондентов, поэтому их ассоциативные реакции включают варианты ‘никогда’ (5 ии.), бесконечность (1и.), содержащие сему темпоральности. Напротив, идиома *à la Pâque ou à la Trinité* с синонимичным значением вызывает у 75% участников эксперимента субъективные религиозные ассоциации, поскольку респонденты принимают во внимание ни целостное значение выражения, а значения имен собственных *la Pâque ‘Пасха’* и *la Trinité* ‘Троица’. Можно наблюдать как прямые ассоциации с религией (Иисус – и. 5), так и косвенные (шоколад, шоколадные яйца – ии. 4,7). Только два респондента старшего возраста знают значение последнего выражения.

Выводы. Проведенный ассоциативный эксперимент подтвердил гипотезу исследования, а именно, национальная принадлежность и возраст могут считаться одними из решающих факторов, оказывающих влияние на восприятие и осознание темпоральных и временных отношений. Таким образом, мы можем утверждать, что люди старшей возрастной категории имеют более глубокое представление о темпоральных и временных отношениях на лексическом и фразеологическом уровне

языка по сравнению с представителями молодого поколения. Принадлежность к французской языковой культуре и сознанию способствует разнонаправленному, не линейному восприятию категорий времени и темпоральности.

Список литературы

Архипова С.В. Ассоциативный эксперимент в психолингвистике // Вестник Бурятского университета. 2011. № 11. С.6–9.

Национальная философская энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://terme.ru

Словарь. Современная западная философия / под ред. В.Н. Садовского. М.: Изд. полит. литер. 1991. 550 с.

Lewis R. How Different Cultures Understand Time [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.businessinsider.com/how-different-cultures-understand-time-2014-5.

Французско-русский словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.glosbe.com/fr/ru/.

УДК: 81’23

Ионова С.В.

Ощущения и чувства: к проблеме достоверности вербализации

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,
Россия, Москва, sionova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о достоверности вербальных обозначений эмоциональных явлений и сферы человеческих ощущений. Данные явления рассматриваются как предмет речи, имеющий специфические качества: динамичность, кластерность, вариативность способов выражения. Демонстрируется, что аппроксимация как неустранимое качество языкового представления эмоций и ощущений в речи проявляется в разной степени: а) при выборе им речевых форм вербализации наблюдаемых ситуаций; б) при пересказе изображенных в тексте ситуаций; в) при подборе субъектом языкового знака непосредственно переживаемых ощущений.

Ключевые слова: чувство; ощущение; смешанные эмоции; лингвистика эмоций; достоверность; наблюдение; пересказ; аппаратные исследования.

Ionova S.V.

Feeling and Senses: to the problem of veracity of verbalization

State Institute of Russian language. A.S. Pushkin,
Russia, Moscow, sionova@mail.ru

Abstract. The article analyses the veracity of verbal notations of emotional phenomena and the sphere of human senses. These phenomena are analyzed as a subject of speech, which has the specific qualities such as dynamism, clustering and the variability of modes of expression.

It is demonstrated that the approximation as an unavoidable quality of the linguistic representation of emotions and senses can be manifested in situations in different ways: a) the verbalization of the observed emotional situations; b) the retelling of the situations depicted in the text; c) the selection by the subject of the linguistic sign of directly experienced feelings.

Keywords: feeling; sense; mixed emotions; linguistics of emotions; veracity; observation; retelling; hardware research.

Интерес к эмоциям как неустранимому элементу человеческой психики и конституирующему признаку самой природы человека остается неизменно высоким на протяжении всей истории человеческой культуры (см. учения античных философов, труды В. фон Гумбольдта, К.Бюлера, Л.Вайсгербера Ш.Балли, Х.Шпербера, Щ. Эрдманна, Вандриеса Х., работы сторонников эстетики «эмотивизма», исследованиях отечественных психологов, лингвистов, психолингвистов). Ученые в разных аспектах изучают сферу человеческих чувств, ощущений, переживаний и особенности представления ее вербальными способами (см. обзоры: [Шаховский 2006; Ионова 2003]).

В лингвистике обосновано положение о том, что явления внутренней психической сферы человека являются особым объектом вербального изображения, подвергающимся значительной степени аппроксимации - приблизительности воспроизведения. Сфера внутренних ощущений и субъективных оценок такова, что свойства предметов и характер их воздействия на человека в описании разных субъектов могут иметь значительные расхождения, и даже в речи одного и того же лица повторные эмоциональные оценки предметов и ситуаций нередко значительно отличаются от первоначальных сведений. При этом качество вербализации явлений сферы внутренних переживаний часто имеет практически значимый смысл. Так, в правоохранительной сфере при сборе показаний и других юридически значимых сведений сотрудники следственных органов нередко

сталкиваются с данными об ощущениях и эмоциях, экстериоризованных переживающими их субъектами. Сопоставление самоотчетов разных субъектов приводит к закономерному выявлению в них значительных расхождений, на основании чего делается заключение о ложности или недостоверности показаний, в то время как речь в ряде случаев должна идти о добросовестном заблуждении человека.

По словам Х. Вайнриха, «ложь существует на свете», «она в нас и вокруг нас» [Вайнрих 1987, с. 44]. При этом существуют объективные причины лжи, а точнее, принципиальной аппроксиматичности выражения явлений психической сферы человека, которая находится «*вокруг нас*» и *«в нас*». Они касаются особенностей: а) языковой семантики (всякое значение растянуто, неопределенно, абстрактно), б) ее речевой актуализации (всякое значение слова социально) [Вайнрих 1987, с.46], в) отражаемых объектов нематериальной природы (они кластерны, динамичны, виртуальны, вариативны в плане выражения [КПС 1985, с.40]). В отличие от ментальных состояний, легко вербализуемых самим субъектом, субъективные переживания не всегда просто переводятся в слова [Апресян 993, с.27-30], а используемые языковые единицы могут в полной мере передать желаемое переживание, т.к. не все из них обязательно соотносятся с разными эмоциями и не все эмоции обязательно облекаются в словесную форму [Ортони, Клоур 1995, с. 323]. Таким образом, измерение сферы психологических состояний и объектов в терминах истинности / ложности неуместно в силу ее субъективности и вербальной неполноте, в связи с этим в применении к данным объектам речь идет о достоверности их объективации.

В психологических и лингвистических исследованиях принято выделять три степени достоверности содержания высказывания: нейтральную, категорическую и проблематическую [Palmer 1976]. В ситуациях обыденного общения при вербализации сферы материальных объектов в зависимости от того, как говорящий оценивает полноту своих знаний, высказывание может быть представлено как достоверное / недостоверное относительно возможного положения дел в действительности. При выражении сферы внутренних ощущений и чувств внутренних ощущений о достоверности / недостоверности выражения могут свидетельствовать такие речевые маркеры, как «*понял / не понял», «поверил / не поверил», «представил себе / не представил себе*», «*похоже / не похоже*» и др. В этом случае принимается допущение о возможности относительно точной передачи в речи сферы внутренних ощущений, отчасти игнорируется значительная роль субъективно-эмоциональных механизмов в протекании таких

когнитивных процессов, как восприятие, память, ассоциации, оценки [Симонов 1981; Психология 1984].

К внутренней сфере человека психологи относят физиологические ощущения, например, реакции на тактильные раздражения, которые относительно недавно стали предметом описания лингвистов (см., например, проект «Кросс-культурное исследование тактильной коммуникации: лингвистические, социальные и психоэмоциональные аспекты», осуществляемый в центре нейрокоммуникативных исследований Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина).

Представление о явлениях внутренней жизни человека могут формироваться на основе различных косвенных проявлений: а) языка эмоций (слов, называющих эмоции), б) данных самоотчетов (описания переживаемых эмоций), в) поведенческих данных (выражения эмоций), г) физиологических данных (симптоматических проявлений). Использование одновременно нескольких каналов получения информации о внутренних переживаниях способно повысить степень ее достоверности и верифицируемости.

В психологии эмоций давно существует положение о том, что любой предмет отражения существует неотделимо от своих свойств и таким образом некоторые предметы и явления образуют устойчивые повторяющиеся сочетания. Поскольку опыт повторяется в некоторых ситуациях, которые становятся типичными, человек способен реагировать не только на те предметы и явления, которые появляются перед его взором в данный момент, но и на всю ситуацию в целом. В связи с этим ситуация начинает восприниматься как эмоционально маркированная, а в качестве ее маркеров могут рассматриваться предметы и явления, относящиеся к ее предметной концептуальной области. Таким образом, при обозначении психологических переживаний, помимо их типичных проявлений, зафиксированных в семантике и форме слов разных частей речи (*радость, горе, удивление, приятно, больно* и др.), должны учитываться иные способы их объективации: а) указание на известную ситуацию, в которой возникает эмоциональное явление, б) сравнение этого эмоционального явления с похожим на него другим, знакомым явлением; в) описание симптоматики чувств. В лексикографической концепции сценариев эмоций Ю.Д. Апресяна, называются такие их составляющие: а) первопричина эмоции, б) непосредственная причина эмоции, в) собственно эмоция, г) обусловленное эмоцией действие, д) внешнее проявление эмоций [Апресян, Апресян 1995, с. 368-369].

В ходе нашего исследования были проанализированы результаты вербализации внутренних переживаний человека разными способами,

осуществляемые в разных условиях: а) при выборе языковой единицы, наиболее адекватно передающей его собственные ощущения; б) при выборе речевых форм вербализации наблюдаемых переживаний; в) при пересказе изображенных в тексте переживаний.

1. **Обозначение собственных ощущений** стали предметом лингвистического исследования относительно недавно и обусловлены установлением в физиологии нейробиологических механизмов, лежащих в основе эмоциональных аспектов тактильного восприятия. За последние 30 лет в ряде междисциплинарных исследований было доказано существование второй, структурно и функционально обособленной системы кожной механорецепции, служащей не только для различения характеристик объектов внешней среды, но имеющих отношение к психическим, эмоциональным переживаниям человека [McGlone, Wessberg, JOlausson 2014, с. 737-55]. Эта система обеспечивает возникновение положительных эмоциональных ощущений в ответ на социальные тактильные контакты (прикосновения, объятия, поглаживания) [Варламов, Портнова, Макглоун 2014].

Значимость подобных междисциплинарных исследований определяется появлением возможности для осуществления объективного изучения с применением аппаратных методик реально переживаемых человеком ощущений.

Созданные первые психометрические инструменты, принимающие во внимание современные представления о тактильной системе, позволили ученым сделать вывод о том, что многие наши абстрактные понятия «вырастают» именно из этих первичных восприятий. Проведение исследований на первой в России установке для обеспечения роботизированной тактильной стимуляции в Государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина позволили провести процедуру верификации данных самоотчетом испытуемых, которые вербализовали свои внутренние ощущения.

Первые результаты таких исследований позволили во многом уточнить представления психологов и физиологов о роли социокультурного фактора в формировании эмоциональной картины мира и подтвердить тезис лингвистов о недостаточной степени достоверности выражения информации о внутренних переживаниях человека даже на уровне обыденных представлений. В то же время значимых расхождений в механизмах их объективации представителями разных лингвокультур выявлено не было.

Определенная ограниченность применения объективных данных аппаратного исследования внутренних ощущений на данном этапе связана с возможностью фиксации лишь положительных ощущений. Достаточных возможностей для фиксации отрицательных ощущений и

чувств, наиболее значимых для лингвистики, аппаратные методы предоставить пока не могут, данный аспект требует новых разработок отечественных и зарубежных ученых.

2. **Наблюдаемые эмоциональные ситуации** по характеру фиксации информации были разделены на статические (художественное изображение, фотоизображение, схематизированное и символическое изображение) и динамические (наблюдение за реальным протеканием переживаний, видеоизображение).

В ходе анализа статических изображений (фотоизображений) с зафиксированными на них мимическими и жестовыми знаками чувств и эмоций, переживаемых объектом, были получены данные, представляющие собой результаты опроса респондентов 18 – 35 лет, касающиеся наименования, описание и предполагаемого способа вербального выражения запечатленной на фото эмоции человека. Материалом для опроса послужило изображение президента США Д. Трампа, отражающее свойственную ему экспрессивную манеру публичного выступления.

В результате обработки полученных результатов было выявлено следующее.

Наименования изображенного психологического состояния оказались не только вариативными, но и включали противоположные интерпретации положительной или отрицательной модальности эмоций, характера психологического поведения человека, его уверенности – неуверенности (*вполне доволен ситуацией, озадаченный президент, он вновь уверен в себе, не сдержал злобы, победоносное настроение Трампа*). При этом испытуемыми постоянно делались попытки дифференцировать сложные и смешанные эмоции, их комплексы на составляющие (см.: *уверенность, победоносность, злоба*), объективно усиливающие неоднозначность в обозначении психического состояния объекта. Следует отметить, что в инструкции для испытуемых не указывалось на возможность обозначения ими комплексных чувств, самостоятельные попытки подобных обозначений с их стороны были единичны (например: *страшное и одновременно злое выражение лица уверенного в себе человека*).

Полученные описания изображенного психологического состояния включали метафорические образы (*фонарь, громовержец, Ельцын, котяра, бульдог*); сравнения (*как будто приготовился к прыжку, как будто хотел отыграться, как мальчишка во дворе*); характеристики речевого поведения (*выдавил из себя; злобно прошипел, уверенно чеканя слова*). При описании состояния объекта в большей степени сохранялась ориентация испытуемых на негативную модальность изображенной эмоции, выделение единообразных

семантических доминант, однако в соответствии со шкалой «уверенность - неуверенность» психологического состояния объекта лингвистические данные оказались противоречивыми. Для описательного способа вербализации психологического состояния характерны частотные смысловые интерпретации (*заранее не придумал, что хотел; главное чтобы не молчать; человек на перепутье; это для того, чтобы…*).

Выражаемое психологическое состояние в исследуемом материале передано преимущественно средствами междометий, модальных частиц, восклицательных высказываний (эмотивных структур предложений): *Йес-с!!!», Ы-ы, Вот как надо!, А я говорил!, Мы не позволим!, Учитесь!; Yippee!, Вот так!!! Fuck!; Bastard…* и др. Они составили большую группу обозначений семантики превосходства. Однако в составе этих средств выражения имеется достаточно часто встречающиеся вербальные знаки амбивалентных психических состояний (*Да!; Так вот!; Возможно, но…; Ха…),* которые без интонационной конкретизации являются эмоционально многозначными.

В целом при значительном сходстве в интерпретациях семантики изображенного состояния, вербализованного путем его непосредственного выражения, трудности при интерпретации исследователем возникают в связи с толкованием используемых испытуемыми единиц. Эти трудности являются неустранимыми вне дополнительных комментариев их авторов, что вносит элемент многозначности и неопределенности в понимание материала.

При динамическом характере наблюдаемых эмоциональных ситуаций способы вербализации информации сохраняются. Анализ изучаемого материала не показал принципиально новых результатов по сравнению с описанием статических изображений, однако он позволил выделить дополнительные признаки, которые следует учитывать исследователю при интерпретации данных о характере динамических эмоциональных ситуаций.

В качестве материала для анализа были использованы письменные описания школьниками конфликтной ситуации в классе. Обязательными условиями составления устного «отчета» учеников, которые фиксировались на видеозаписи, были даны в инструкциях перед написанием им текстов: возможность подумать и быть внимательными в своем описании ситуации; стремление к максимальной точности в описании фактов; ответственность за сообщаемые данные. Вероятным следствием указанных обстоятельств стало то, что все описания ситуации школьниками отличались краткостью, значительным сходством воспроизводимых действий

фигурантов и их последовательности, ограниченным числом воспроизведенных деталей, не относящихся к делу.

Лингвистические особенности воспроизведения динамической эмоциональной информации школьниками проявились в констатирующем характере их интерпретаций психического состояния учителя: *<учитель> была расстроена, классный руководитель всегда переживает за нас; ей было неприятно все это; она хотела добра; говорила строгие, но справедливые слова; была огорчена, умоляла.*

В анализируемом материале практически не проявились способы описания ситуации в динамике (*вначале, потом, затем, в конце разговора*), малочисленными являются используемые соотносимые формы глаголов (*была - стала, говорила – стала говорить, требовала – потребовала, всегда переживает – в этот момент переживала*), которые бы дифференцировали постоянные и ситуативные состояния учителя, демонстрировали развитие ее состояния. При этом модальность передаваемых эмоций степень их интенсивности в отчетах школьников не имели существенных расхождений, в них зафиксированы ряды повторяющихся лексем (*требовала строго, поругала, уговаривала, переживала, было неприятно).*

В ситуации повышенной рефлексии и ответственности за свои слова наметилась тенденция к унификации лексики описываемой эмоциональной ситуации, однако стремление к языковой точности обозначений часто исключает возможность использования говорящим описательных способов передачи эмоциональной информации, что в значительной степени снижает степень индивидуальности и семантической точности в изображении психического состояния (см. повторяющиеся лексемы, вероятно являющиеся следствием влияния со стороны взрослых: *говорила официально, желала добра*).

3. **Воссоздаваемые изображенных в тексте эмоциональных ситуаций** представляют собой пересказ ситуаций, передающих информацию о психологических переживания героя повествования.

Лингвистическая специфика исследуемого материала данного типа связана с возможностью использования говорящим эндолексики – лексических единиц, извлекаемых из текста [Новиков, 2007]. В качестве базового текста для пересказа использовался фрагмент с описанием состояния героя известной испытуемым истории, включающего в том числе такие предложения: *Дедушка поднял брови. Он недоумевал: что здесь происходит? Хотя в его глазах лучились смешинки, Барбос понял, что надо бежать*. Анализируемый материал - варианты свободного подробного пересказа текста школьниками младших классов, воспроизводимого в письменной форме.

Полученные тексты изложения продемонстрировали способность носителей языка с формирующимися языковой, речевой, текстовой компетенциями выделять в тексте и воспроизводить в собственной речи единицы, необходимые при вербализации психологических состояний (см., например: *в его глазах лучились смешинки, глаза лучились, он лучился, он сиял, его глаза сияли, сиял от радости, лучился от счастья, были смешинки* и др.).

В детских пересказах текста были отмечены следующие особенности: а) активное использование устойчивых и сравнительных оборотов для симптоматики состояний (*поднял брови, лучились смешинки, побагровел от ярости, похолодел испуга* и др.); б) некритическое использование вариантов устойчивых сочетаний, сравнительных оборотов и метафорических выражений, основанное на случайных стимулах (*поднял брови, брови поползли вверх, нахмурил брови, под мохнатыми бровями; шевелил бровями*); в) некритичная подмена эмотивной семантики слов и их сочетаний (*поднял брови и удивился, брови поползли вверх от ужаса нахмурил брови, разозлился под мохнатыми бровями, шевелил бровями, шевелил бровями, ничего не понимая*); г) искажение динамических характеристик психологических состояний (порядка их следования, перехода в новые состояния, взаимозависимостей).

В исследуемом материале в полной мере нашли подтверждение результаты проведенного нами ранее исследования [Ионова 2009], основанного на анализе текстов пересказа фрагмента литературного произведения взрослыми носителями языка, обладающими сформированными компетенциями и речевым опытом.

Нарушения точности воспроизведения информации о внутренней сфере человека – его чувствах и ощущениях - проявляются в ситуациях ее речевой и текстовой вербализации, а также в ситуациях их непосредственного наблюдения. Наиболее устойчивыми к воспроизведению являются обозначения действий, связанных с эмоциями (в том числе при повторном воспроизведении); наименее устойчивыми являются номинации (в том числе при повторном воспроизведении). В речи одного и того же лица повторные воспроизведенная эмоциональная информация отличаются от первоначальных сведений, воспроизведение эмоциональной информации по памяти может корректировать первичное воспроизведение в сторону его позитивной и негативной коррекции.

Неточность воспроизведения информации связана не столько с недостаточной сформированностью языковой и речевой компетенций говорящего, сколько с ошибками в построении эмоционального образа. Достоверность вербализации чувств и ощущений обеспечивается

действием когнитивных механизмов восполнения и корректировки построенного образа, опыта переживания человеком типичных психологических ситуаций, благодаря чему даже случайный стимул может послужить основой для начала формирования общих представлений о сфере внутреннего переживания, а его корректировка осуществляются в процессе введения дополнительных коммуникативных стимулов.

Список литературы

Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д. Метафора в семантическом представлении эмоций // ВЯ, 1993. № 3. С. 27–35.

Апресян Ю.Д. Избранные труды. Лексическая семантика. Т. 2. М.: Языки русской культуры. Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995.

Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 44–87.

Варламов А.А., Портнова Г.В., Макглоун Ф.Ф. С-тактильная система и нейробиологические механизмы «эмоционального» тактильного восприятия: история открытия и современное состояние исследований // Scholar.google, 2014 [Электронный ресурс] http://scholar.google.com/citations?user=T3rD8-YAAAAJ&hl=en.

Ионова С.В. Лингвистика эмоций: основные проблемы, результаты и перспективы // Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности. Волгоград: ЦРП «Центр», 2003. С. 6–19.

Ионова С.В. Эмотивность текстов вторичного воспроизведения // Язык и эмоции: номинативные и коммуникативные аспекты: Сб. науч. трудов к 70-летию В.И. Шаховского. Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2009. С. 4–8.

Краткий психологический словарь. М.: Политизат, 1985. 431 с.

Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты. М.: Инт-т яз-ния РАН, 2007. 224 с.

Психология эмоций / Под ред. В. К. Вилюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 288 с.

Симонов П.В. Эмоциональный мозг. М.: Наука, 1981. 216 с.

Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2006. 416 с.

McGlone, F., Wessberg, J., & Olausson, H. Discriminative and Affective Touch: Sensing and Feeling. Neuron, 2014. 82(4). – P.737–755.

Ortony A., Clore G., Collins A. The Cognitive Structure of Emotions, Cambridge, 1988.

Palmer F.R. Semantics: A New Outline. - Cambridge, 1976.

УДК: 81-119+304.3

Колесникова О.И., Королькова А.С.

Лингвокреативные способы убеждения в медиакартине одного дня (на материалах СМИ о здоровом образе жизни)

Вятский государственный университет,
Россия, Киров, kolesn2006@yandex.ru

Аннотация. Прагматика массово-информационного дискурса о стиле и образе жизни современного человека предполагает реализацию воздействующей целеустановки не только в стереотипных, но и в лингвокреативных знаках. Исследование медиадискурса и персуазивности как его категории позволяет обнаружить этноспецифичные средства выражения авторской интенции нестандартными знаками языка. Здоровый образ жизни в медиакоммуникации стал одним из ключевых трендов социокультурного развития. Репрезентация ментальных структур данного концепта в «медиакартине одного дня» разнообразна, но немногочисленна в ее лингвокреативной составляющей.

Ключевые слова: убеждение; лингвокреативность; прагматические средства; медиакартина дня; концепт; здоровый образ жизни

Kolesnikova O.I., Korolkova A.S.

Lingvocreative ways to Persuade in a Media picture of one day (on media materials about a healthy lifestyle)

Vyatka State University,
Russia, Kirov, kolesn2006@yandex.ru

Abstract. The pragmatics of the mass-information discourse about the style and lifestyle of modern man suggests the realization of an impacting goal-setting not only in stereotyped but also in linguo-creative signs. The study of media discourse and persuasiveness as its category allows us to find ethnically specific means of expressing the author's intent with nonstandard language signs. A healthy lifestyle in media communications has become one of the key trends in socio-cultural development. The representation of the mental structures of this concept in the "media picture of one day" is diverse, but not numerous in its linguistic-creative component.

Keywords: persuasion; lingual creativity; pragmatic means; media picture of the day; concept; healthy lifestyle.

Введение

Приоритетная роль медиатекстов в современной культуре, образовании, саморазвитии личности, их значимость во всех без исключения сферах жизнедеятельности человека общепризнанна.

Эффективность познавательного контента и его влияния на медиапотребителя обеспечивается за счет соответствия транслируемых в нем концептов представлениям читателей о достоверности, которая в первую свою очередь зависит от логических способов репрезентации рационального, точного и объективированного в ясных и понятных адресату средствах языка знания.

В разнообразном медийном пространстве современных текстов о здоровье прагмастилистические качества вербализации концепта «здоровый образ жизни» определяют направления интерпретации смысла сообщения в сознании адресата, выполняя разные задачи, в том числе функцию самоидентификации. «Овнешнение» в вербальном тексте концептуально значимых признаков любого понятия связано с национально-культурным фондом знаний субъектов речи и ее понимания. А.А. Залевская подчеркивает, что «семиозис как нейробиологическая способность человека возможен только на основе взаимодействия тела, мозга и культуры», так как реализуется «под контролем правил, устанавливаемым сообществом» [Залевская 2018, с. 24].

Можно предположить, что специфика концептуализации здорового образа жизни в медиадискурсе заключается прежде всего в ее ценностно-ориентирующей направленности. Являясь одним из «культурно-обусловленных компонентов образов мира» носителя языка [Красных 2016, с. 314], такой образ жизни отражает миропонимание наиболее «прогрессивных» носителей своей культуры. Будучи прагматически нацеленными на личностно и в то же время социально значимый результат (осознание потребности в заботе о долголетии, положительных изменениях в здоровье), репрезентанты данного концепта имеют разнообразный характер по способу вербализации тех или иных когнитивных признаков объекта (как стандартных, стереотипных, так и неординарных).

Однако не совсем ясно, в какой степени столь конкретная и прагматически четко ориентированная предметная область в ее лингвистическом представлении может быть отмечена чертами персуазивности, приобретая яркие, выделенные в дискурсе черты. Неизбежен вопрос: используются ли в медиадискурсе речевоздействующие средства, призванные, в частности, повысить уровень доверия адресата к информации? Если да, то важно определить, как и в любом дискурсе, креативный потенциал вербализаторов концепта «здоровый образ жизни». Одним из способов получения данных является портретирование дискурса в рамках конкретного временного среза, например, при появлении новых сообщений в СМИ о путях к здоровому образу жизни. Полученная «медиакартина одного

дня», а точнее, выявленные в ней знаки лингвокультуры, позволит определить этнокультурные характеристики репрезентантов концепта. Таким образом, цель статьи – охарактеризовать вербальные средства, создающие «медиакартину одного дня» в российском массово-информационном дискурсе о здоровом образе жизни.

Для достижения поставленной цели был проведен дискурс-анализ материала оперативных информационных медиасообщений в электронных медиа в рамках одного дня (25 апреля 2018 года).

Здоровый образ жизни как этнолингвокультурный концепт

Динамические когнитивные признаки концепта с точки зрения их модификации в постсоветском пространстве были рассмотрены в работе [Петкау 2015]. Ее автор определяет, что «здоровый образ жизни» включается в структуру более широкого понятия «здоровье», с которым находится в отношениях каузации. Сущностным признаком рассматриваемого компонента национальной концептосферы выступает «поведенческая деятельность человека по отношению к своему здоровью» [Петкау 2015, с. 6]. Вербализацию различных аспектов такой деятельности в рамках этнолингвокультурного исследования можно рассматривать как средство идентификации и узнавания обозначаемых предметов или явлений, связанных с ней.

Выявленные в процессе дискурс-анализа 99-ти новостных агрегаторов и сайтов СМИ факты подвергались когнитивному анализу для определения ведущих концептуально-семантических признаков исследуемого феномена. Опираясь на когнитивную основу, можно говорить о следующих понятийных составляющих концепта «здоровый образ жизни» (последовательность определяется по частотности в текстах СМИ в указанную выше дату):

- *«ЗОЖ как социальное явление»* с признаками «пропаганда здорового образа жизни, способы его осуществления, общегосударственная программа, социальное благополучие, социальная значимость здоровья» (47,3% всех фактов), например: *Среди ключевых направлений в этой работе* (в молодежной политике области – авт.) *были названы – популяризация семейных ценностей, спорта и здорового образа жизни, патриотическое воспитание подрастающего поколения* (РИА Новости).
- *Улучшение физического состояния организма* с признаками «занятия физической культурой, правильное чередование умственных и физических нагрузок»; «конкретные ежедневные действия: рациональное сбалансированное питание, чередование труда и активного отдыха, соблюдение правил личной гигиены, организация полноценного сна, закаливание, соблюдение режима дня»; «отказ от вредных привычек» (35,9%), например: *Главное – грамотно*

подходить к вопросу питания и тогда Вы убедитесь, что можно худеть комфортно, употребляя вкусную еду (Obozrevatel.ua).

- *Нравственно-ценностные ориентиры человека как основа ЗОЖ* с признаками «индивидуальная ответственность человека за состояние здоровья», «саморазвитие», «ЗОЖ как культурная ценность личности» (11,3%), например: *говорить о вредных привычках и здоровом образе жизни никогда не рано. Такие занятия – ещё один важный и результативный вклад в то, чтобы сформировать у ребёнка ценность здорового образа жизни, ответственное отношение к собственному здоровью и здоровью окружающих*» (Анапа Инфо).
- ***Меры по сохранению здоровья*** с признаками «активность», «сохранение здоровья», «охрана здоровья», «рачительное использование резервов здоровья» (5,5 %), например: *Возникновение опасного заболевания можно предотвратить профилактической работой и здоровым образом жизни* (Рязанские ведомости).

Таким образом, являясь этнокультурным феноменом коллективного сознания, исследуемый концепт репрезентируется, в основном, на уровне понятийно-логического осмысления, а его прагматическая реализация (убеждение) базируется на пропаганде идей (в том числе идеи о здоровой нации) и информировании общественности о заботе государства о гражданах и конкретных мерах по осуществлению социальной программы.

Лингвокреативная интерпретация концепта «здоровый образ жизни» в медиадискурсе

Статистический анализ полученных фактов свидетельствует о том, что идентификация значений компонентов ментального образования «здоровый образ жизни», в основном, не предполагает широкомасштабной лингвокреативной интерпретации. Тем не менее в рамках каждого из названных признаков обнаружен целый ряд случаев реализации в медиадискурсе прагматической задачи убеждения адресата в креативном ключе. К ним относятся прежде всего имена собственные – экспрессивные номинации мероприятий (акций, конкурсов, семинаров), выступающие как прагматонимы, то есть заголовочные наименования, привлекающие внимание адресата и стимулирующие желание присоединиться к активной деятельности. В медиакартине дня представлены:

- императивы: *«**Начни** с себя»* (фестиваль здорового образа жизни и саморазвития), *«**Выбери** жизнь»* (бесплатная горячая линия по лечению зависимостей);

- метафоры: *«Тюменская область – **территория** здорового образа жизни!»* (марафон), *«Антитабачный **патруль**»* (студенческое движение); *«**Марафон** здоровья»* (тема школьного урока);
- метонимические знаки: ***«зеленый»** спортивный зал*, *«Праздник **Клубники**»* (фестиваль «семейного досуга, здорового образа жизни, здоровой еды, появления первых ягод и фруктов»), *возродить «**рыбные** четверги»*;
- стихотворные фразы: *«Папа, мама, я – спортивная семья»* (городской конкурс)*, «ЗОЖ, привет! Вредным привычкам – нет!»* (флешмоб);
- эмотивы: *«Здоровым жить **здорово**»* (городской конкурс театрализованных миниатюр);
- компрессивы: акции *«На работу на велосипеде», «Сигарету на конфеты»*;
- варваризмы, свидетельствующие о «приеме» инокультурных идей: площадки ***street-workout***.

Если сравнить данные факты со стереотипными наименованиями (например: Такие меры предусмотрены приоритетным проектом *«Формирование у россиян здорового образа жизни»*, всероссийский полумарафон *«Забег»*, антинаркотический месячник *«Здоровый образ жизни»*), то очевидны следующие их качества, свидетельствующие о персуазивности репрезентантов концепта. Это прагматическая нацеленность на эффективность способов концептуализации феномена, диалогичность, субъективация, переход знака из номинативной сферы в речевоздействующую.

Медиакартину дня дополняет 1) такой характерный факт лингвокреативного осмысления, как оценочные номинации (***бум** фитнеса и здорового образа жизни),* вошедший в моду в 1980-е годы «в *качестве ответа на **безудержное** веселье 60-70-х с их обильным потреблением алкоголя и наркотиков*»; 2) стереотипные эмотивы (*В выходные дни на лыжной базе «Динамо» до самого вечера – **полный аншлаг.** / Неизвестно, какой эффект в таком состоянии дали бы воспоминания об **алкогольном угаре**);* 3) алогичные смещения «*70-е годы – это **очень пьющее время**. Сейчас молодежь занимается йогой и ведет здоровый образ жизни, а нам не повезло с нашими мужчинами).*

Кроме того, на страницах блогов (например, livejournal, Аристократка, Fashion&Life и других) были собраны креатемы, в которых фиксируется субъективно-оценочное восприятие того или иного факта, связанного преимущественно со вторым по частотности признаком – «*Улучшение физического состояния организма».* В основном, это репрезентанты негативно-оценочного отношения, выходящие за границы стереотипного, по данным новостного контента, одобрения. Чересчур озабоченные физическими упражнениями

субъекты часто получают неодобрительную оценку в шутливой тональности: ***фитоняшки*** (😉Фитоняшка – это девушка, следящая за своей фигурой и активно занимающаяся фитнесом, Афиша Саратов). Им противопоставляются ***бодипозитивные люди***, ***бодипозитивщицы***, то есть *женщины, разделяющие* ***идеи этого «бодипозитива»***. Таким образом, люди, увеличивающие свой вес и наращивающие массу тела, получают прямо противоположную стереотипной оценку. Отношение к вегетарианству репрезентируется усеченными номинациями ***веганы, веганство, вегонеудачники***, люди с ***веганским телом,*** а также ***бананосипедист.*** Окказиональный глагол ***йогирует*** также показывает слегка насмешливое отношение к стремящимся к вечной молодости и здоровью субъектам.

Дискуссия

Как заметил А.В. Олянич, сопоставляя интерес к текстам в доинформационную и современную эпоху, если раньше текст «по большей части был ценен своей эстетической составляющей, то в наши дни вектор отношения к информации меняется в прагматическую и этическую сторону [Олянич 2014, с. 44]. Можно согласиться с исследователем, что сейчас, и особенно в когнитивной плоскости предмета данной статьи, текст важен как источник информации, «релевантной для получения выгоды и обеспечения выживания» [там же]: приведенное суждение, спроецированное в рамки нашего исследовательского материала, в конечном счете имеет буквальный смысл, проясняя прагматическую цель восприятия адресатом смысла текстов о здоровом образе жизни. Получение выгоды (здесь – знаний о способах обретения долгой и разумной жизни, как и знаний о способах выживания) превращается в самоцель читателя медиа. Важно отметить, что субъект, обращающийся к информации подобного рода, либо испытывает потребность в улучшении состояния тела, души и в целом – здоровья, либо, поддавшись моде, стремится не отстать от современных течений и остаться в «мэйнстриме». На уровне адресанта осознание данных прагматических мотивов адресата не могут не «задавать» лингвистические параметры текстов, сообщающих субъекту восприятия, как именно можно достичь желаемого результата. Информация должна быть подана точно, логично, доступно («доходчиво»). И действительно, в целом установленный факт преобладания рациональных способов передачи полезных, практически действенных знаний о путях самосовершенствования, приобретения соответствующего опыта адекватен изложенным задачам адресанта. Об этом свидетельствуют статистические данные лингвокогнитивного анализа текстов о здоровом образе (стиле) жизни и концептуально-семантический анализ их единиц. Однако другие наши исследования,

проведенные несколько лет назад на материале публичного делового (экономического) дискурса (см., например: [Колесникова, Козлова 2013], позволяют считать, что ключевые фрагменты «финансово-экономической картины мира», и особенно в кризисный период, в массовой коммуникации репрезентируются лингвокреативными средствами. Это подтверждает собранная нами методом сплошной выборки база языковых фактов из серьезных деловых журналов («РЦБ», «Финанс», «Бизнес-журнал» и т.д.) за 2008-2009 гг.

По наблюдениям исследователей, в процессе эволюции лингвокультурного концепта его семантическая структура усложняется: к понятийному содержанию концепта добавляются языковая и образная составляющая, «включающая культурно значимые символические и ценностные смыслы» [Воркачев 2014, с. 65]. Стратегия убеждения, в русле которой вербализуется «культурно отмеченный» смысл и реализуется персуазивность, ранее была названа нами *прагмаэстетической стратегией***.** Было установлено, что для «усиления» своей позиции субъект выбирает средства, представляющиеся ему оптимальными. Такие средства являются продуктами языково-творческого реконструирования реальности и имеют черты вторичного семиозиса.

Осложненность способа выражения смысла, степень «завуалированности» подразумеваемого объекта и репрезентируемых в речевом сообщении когнитивных признаках концепта невысока. Известно, что чем выше этот коэффициент, тем сложнее операция по нахождению эквивалентной смысловой замены языковому знаку в сознании адресата медиадискурса. При пропаганде здорового образа жизни данный признак не релевантен. Однако установлено наличие эффективных речевых сигналов, активизирующих эмоциональный отклик у реципиента и апеллирующих к эстетико-речевой сфере рецептивного сознания, хотя еще один параметр – *степень «насыщенности» текста эстетическими сигналами-креатемами* – в новостном дискурсе также не отличается высоким показателем.

Итак, к информативной коммуникативной тональности (по типологии В.И. Карасика) даже в массово-информационном дискурсе о здоровом образе жизни сегодня «подстраивается» фасцинативная, свойственная речевому поведению, целью которого является получение удовольствия. Следующая характеристика этого вида отсылает скорее к художественному дискурсу: «фасцинативное восприятие сообщения представляет собой эстетическое переживание содержания и формы текста либо способа его презентации» [Карасик 2017, с. 78]. К примеру, фраза заголовка публикации *Что такое вегетарианство и «с чем его едят»?* (Young space) вызывает улыбку и «обещает» легкое и приятное

знакомство с новой и полезной информацией. Наложение смысловых векторов во фразеологизме обеспечивает коммуникативный успех (привлекает внимание, помогает осознать потребность в получении информации этого рода и влияет на решение эту информацию прибрести).

Если рассматривать креативный знак как рефлексив на какое-либо событие и, вслед за В.И. Шаховским, считать его «общественным комментатором и фиксатором» этого события [Шаховский 2016, с. 328], то следует признать, что применительно к медиадискурсу о здоровом образе жизни в официальных СМИ креатемы создают – на фоне нейтрального –положительно маркированное поле, оставляя носителя лингвокультуры в поле лингвкоэкологичности и убежденности в том, что *образ жизни* ***должен быть*** *(не здоровым, а)* ***счастливым****. А* ***счастье****,* как подчеркнул президент (по данным одного из медиатекстов), *кроется* ***в здоровье.***

Заключение

Исследование показало, что лингвокреативные средства репрезентации концепта «здоровый образ жизни» в официальном массово-информационном дискурсе не отличаются частотностью. В силу их обращенности к этнокультурной памяти, фоновым знаниям и стереотипам, такие средства не создают ощущения регламентированности, принуждения, обязательности или императивности. Основываясь на доверии адресата к медиаисточникам, они ориентированы на адресата, его социокультурные потребности и активно привлекают к взаимодействию всех заинтересованных субъектов. Создание эмоциональной тональности дискурса нацелено на формирование положительного отношения адресата к конкретным действиям по оздоровлению социума.

Креатемы могут способствовать более эффективному восприятию информации о здоровом образе жизни благодаря формированию ментального стереотипа нестереотипными средствами языка. Влияя на интеллектуально-эмоциональную сферу личности адресата, лингвокреативные факты медиадискурса мотивируют его к здоровому образу жизни или предлагают адекватные оценки своего поведения. Креативный потенциал вербализаторов концепта «здоровый образ жизни» в массово-информационном дискурсе, по данным медиакартины одного дня, служит задаче единения усилий членов социума по преобразованию отношения каждого к своей жизни как к непреходящей индивидуальной ценности, которую можно сохранить общими усилиями.

Напротив, в блогосфере стереотипы имеют тенденцию к разрушению. Об этом свидетельствуют оценочные неологизмы,

особенно часто используемые в медиадискурсе для экспрессивной характеристики субъектов.

Список литературы

Воркачев С.Г. Семиотика лингвокультурного концепта и терминосистема лингвокультурной концептологии // Язык, коммуникация и социальная среда. 2014. № 12. С. 50–69.

Залевская А.А. Вопросы естественного семиозиса: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2018.160 с.

Карасик В.И. Коммуникативная тональность: типы и способы выражения // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. 2017. № 2 (18). С. 75–89.

Колесникова О.И., Козлова Е.А. Прагмаэстетическая стратегия убеждения в деловой прессе. Саарбрююккен, 2013. 227 с.

Красных В.В. Проблемы изучения и описания русского языка с точки зрения психолингвокультурологии // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2016. № 5. С. 310–315.

Петкау А.Ю. Концепт здоровье: модификация когнитивных признаков: по

данным газетных и рекламных текстов советского и постсоветского периодов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2015. 27 с.

Шаховский В.И. Креатемы в модели языкового сознания русских // Вопросы психолингвистики. 2016. № 2(28). С. 324–334.

УДК: 81’33

Комалова Л.Р.

Когнитивный образ предконфликтной ситуации в организационных условиях

Институт научной информации по общественным наукам РАН, Россия, Москва, genuinepr@yandex.ru

Аннотация. Целью представленного исследования является формирование модели коммуникативного взаимодействия в конфликтной ситуации, которая разварчивается в организационной среде. В ходе лингвистического анализа речи коммуникантов определяются содержательные и интенциональные составляющие конфликта.

Ключевые слова: лингвистические корреляты конфликта; конфликтная ситуация; межличностная коммуникация; речь.

Komalova L.R.

Cognitive image of pre-conflict situation in professional communication

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow, genuinepr@yandex.ru

Abstract. The aim of the paper is to determine a model of communicative process within conflict cituation, deploying in the framework of professional environments. Linguistic analysis deduces content-informative and intentional components of the conflict.

Keywords: linguistic correlates of conflict; conflict situation; interpersonal communication; speech.

Межличностная коммуникация является базовым типом коммуникации в системе «человек – человек». На уровне межличностной коммуникации становится возможным проявить и локализовать конфликтный потенциал субъекта с наименьшим ущербом для него самого и для окружающих. Анализ речевой коммуникации на межличностном уровне взаимодействия в организационном контексте позволяет с большей точностью определить предмет конфликта в силу наличия ясных норм взаимодействия.

В докладе представлены результаты экспериментального исследования, направленного на решение следующей задачи: на примере речевого материала и данных опроса проанализировать речевое оформление предконфликтной ситуации (ситуация опоздания – использование провокационных техник).

Материалом для эксперимента послужили наблюдавшиеся в группе (до 20 человек) эпизоды естественного спонтанного (неподготовленного) общения на родном для информантов и для испытуемых (русском) языке, записанные в процессе учебного курса «Организационный конфликтменеджмент».

Методика исследования включала сбор и отбор речевого материала, разработку опросов, проведение перцептивно-слухового анализа отобранного речевого материала с привлечением группы испытуемых (аудиторов), экспертный анализ и сопоставление полученных данных.

Основанием для отбора звучащего материала (11 образцов речевой продукции информантов) послужила неоднократно повторяющаяся типичная коммуникативная ситуация, которая частотна как в организационном контексте, так и в повседневной коммуникации, – *ситуация опоздания*, в которой конфликтогенным

фактором является нарушение принятой в рамках учебного курса нормы «*приходить на занятия вовремя*».

В результате экспертного анализа экспериментального материала было выявлено, что информанты-студенты реагируют на информацию, эксплицированную в вопросах информанта-преподавателя, т.е. ориентируются на содержательный уровень сообщения адресанта.

Ведущей интенцией инициатора коммуникативного взаимодействия (информанта-преподавателя) является создание условий для проявления реакций отвечающих (информантов-студентов), второстепенной интенцией – получение речевого материала, вербальных реакций отвечающих. Отвечающие «откликаются» на второстепенную интенцию, предоставляют запрашиваемую информацию, разъясняют, дополняют ее, т.е. реагируют локально, не учитывая контекст, ситуацию в целом. Ведущая интенция спрашивающего не реализуется, основная содержательная линия ведущего не развивается, что может послужить точкой потенциальной конфликтности.

В качестве провокационного элемента информант-преподаватель использует прямую номинальную адресацию (обращение к незнакомому индивиду на «ТЫ» / по имени и на «ТЫ»). Однако информантами-студентами этот ход не воспринимается как провокационный.

Количественные данные свидетельствуют о том, что испытуемые при восприятии звучащей речи информантов (преподавателя и студентов) в основном обращают внимание на форму сообщения, т.е. на то, *как* говорится (53,83% ответов испытуемых). На втором месте показатели того, что внимание испытуемых останавливается на содержании сообщения вне его интерпретации, т.е. на том, *что* говорится (30,8%). В некоторых случаях фоновые элементы (4,8%) и использование местоимений «ТЫ / ВЫ» при обращении (4,8%) также привлекают внимание реципиентов. Меньше всего испытуемые концентрируют свое внимание на элементах, указывающих на прагматическую (*ради чего* говорится) составляющую вопроса или ответа (3,36%).

Большинство испытуемых (77,27% ответов) в качестве соответствующего ситуации ответа на вопрос: «Почему ты / Вы / вы опоздал(а)/и?» – отметили ответы информантов-студентов, содержащие указание причины опоздания. Испытуемые дали равное количество ответов (по 9,09%), в которых указывается причина опоздания, отмечаются определенные личные качества отвечающего, указание на причину опоздания предваряется этикетной формулой.

Количество ответов испытуемых, выбравших этикетную формулу в качестве соответствующего ситуации ответа на заданный вопрос, составило 4,54%.

Анализ ответов испытуемых в отношении их личного речевого опыта в подобных коммуникативных ситуациях соотносится с их представлениями о приемлемом речевом поведении в предконфликтной ситуации по поводу нарушения нормы «приходить на учебное занятие вовремя».

УДК 93/99:281.9:37.01

Костенко М.А.[1)], Староселец О.А.[2)], Шалабод М.Л.[3)]

Духовно-нравственное воспитание в региональной системе образования как фактор формирования гуманитарной картины мира обучающегося

Алтайский краевой институт повышения квалификации работников образования, Россия, Барнаул,
[1)] kma-75@mail.ru, [2)] ostaroselec@yandex.ru, [3)] altay@mail.ru

Аннотация. В статье характеризуются основные направления региональной системы духовно-нравственного воспитания школьников, выделены основные факторы формирования гуманитарной картины мира обучающегося, предложена модель гуманитарной картины мира

Ключевые слова: гуманитарная картина мира; региональная система образования; региональная инновационная площадка; основы религиозных культур и светской этики

Kostenko M. A.[1)], Staroselets O.A.[2)], Salabod M.L.[3)]

Spiritual and moral education in the regional education system as a factor in the formation of the humanitarian picture of the student's world

Altai regional Institute of advanced training of educators, Russia, Barnaul,
[1)] kma-75@mail.ru, [2)] ostaroselec@yandex.ru, [3)] altay@mail.ru

Abstract. The article characterizes the main directions of the regional system of spiritual and moral education of schoolchildren, highlights the main factors of the formation of the humanitarian picture of the student's world, and proposes a model of the humanitarian picture of the world

Keywords: humanitarian picture of the world; regional education system; regional innovation platform; fundamentals of religious cultures and secular ethics.

Ежегодно в Алтайском крае в рамках Рождественских образовательных чтений проводятся научно-практические конференции, посвященные духовно-нравственному воспитанию. В 2017 г. состоялась конференция «Гуманитарное образование как фактор духовно-нравственного становления личности». На сегодняшний день в региональной системе образования педагогической общественностью предпринимаются шаги по созданию условий для воспитания человека высоконравственного, творческого, компетентного гражданина России, принимающего судьбу Отечества как свою личную, осознающего ответственность за настоящее и будущее своей страны. Духовно-нравственное развитие и воспитание учащихся являются первостепенной задачей современной образовательной системы и представляют собой важный компонент социального заказа для образования. Ценности личности в первую очередь формируются в семье, но наиболее глубоко духовно-нравственное развитие и воспитание личности осуществляется в сфере образования, поэтому именно в школе должна быть сосредоточена не только интеллектуальная, но и духовная, культурная жизнь школьника.

Задача духовно-нравственного воспитания состоит в том, чтобы социально необходимые требования общества педагоги превратили во внутренние стимулы каждого ребенка, такие как долг, честь, совесть, достоинство. Основным содержанием духовно-нравственного развития, воспитания и социализации являются базовые национальные ценности – патриотизм, гражданственность, социальная солидарность, человечество, наука, семья, труд и творчество, традиционные российские религии, искусство и литература, природа – т.е. это то, что мы храним в культурных и семейных традициях, передаем от поколения к поколению. Передача культурного наследия от поколения к поколению более зрима и понятна именно в культурологическом пространстве – понимание своего края, своей малой родины, именно оно связывает нас с индивидуальным жизненным пространством, которое формирует самосознание личности.

Консолидирующим центром педагогического образовательного пространства в Алтайском крае по праву можно назвать Алтайский краевой институт повышения квалификации работников образования (далее – АКИПКРО). В течение многих десятков лет институт является лидером инновационных педагогических идей, методик и технологий, реализуемых в образовательных организациях края. Активная деятельность сотрудников АКИПКРО по созданию региональной системы духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения связана с тремя основными направлениями: 1) разработка и включение

регионального компонента содержания в систему дошкольного и школьного образования; 2) диссеминация опыта образовательных организаций Алтайского края, входящих в инновационную инфраструктуру образования; 3) активное включение общественных объединений и организаций в систему партнерского взаимодействия. В рамках первого направления сотрудниками АКИПКРО были разработаны учебно-методические пособия по региональному компоненту образования. Содержание представленных пособий носит интегративный характер и позволяет педагогу творчески выстраивать учебно-развивающую деятельность, в качестве интегрированного содержания в основных учебных курсах (история, литература, география, астрономия, музыка, изобразительное искусство, технология), а также во внеурочной поисковой, научно-исследовательской, творческой или проектной деятельности социокультурной направленности. Пособия по ботанике, астрономии, литературе и истории изданы с элементами дополненной реальности. В них размещены коды и изображения, при наведении фотокамеры гаджетов на которые, будет открываться дополнительная графическая или видеоинформация. К примеру, в учебнике по ботанике представлен новый тип задач по биологии – AR-кейс: ситуация, в которой нужно разобраться с использованием «подсказки» - объекта дополненной реальности. Форзацы учебника по ботанике содержат иллюстрации растений, грибов, бактерий, которые «оживают» на экране смартфона или планшета. Изучая литературу Алтая, школьники смогут услышать чтение стихов Р. Рождественского в исполнении автора ([Ботаника 2017]; [География… 201]; [Горбатова 2017]; [Культура Алтая 2016]; [Литература Алтая 2016]).

В рамках второго направления задействовано более 150 образовательных организаций Алтайского края, каждая из которых получила статус региональной инновационной площадки (далее РИП. – *М.К., О.С., М.Ш.*) [Реестр…] и вошла в Банк лучших практик. По данным отчетов муниципальных органов управления образованием, РИП включены в систему методической работы, на их базе организовано и проведено более 272 муниципальных методических мероприятий, РИП приняли участие в 195 мероприятиях регионального уровня. Успешный опыт инновационной деятельности представляется организациями на ежегодном краевом Фестивале школ-лидеров. Его цель – поддержка и распространение лучших педагогических практик, развитие инновационной сети школ-лидеров, а также привлечение общественного внимания к достижениям региональной системы образования. Приведем лишь некоторые примеры тем РИПов.

В МБОУ «Гимназия № 74» г. Барнаула разработана и действует программа «Школа гражданско-патриотического образования», целью которой стало создание образовательной среды, способствующей формированию у школьников современной картины мира, становлению гражданина и патриота, социально активного и ответственного способного к самообразованию и самосовершенствованию с целью нахождения своего места в современном обществе. Проект «Школьный музей как связующее звено поколений» реализуется в десятках школ Алтайского края. Например, школы Смоленского района, объединились для организации работы по формированию национальной идентичности и социализации школьников через организацию сети школьных музеев. Ведущими направлениями деятельности школьных музеев стали краеведческое и военно-патриотическое. Учащиеся совместно с учителями, родителями, жителями сел занимаются поиском и сбором тематических материалов, формируя особую культуру отношений к предметному миру и наследию поколений. Говоря о воспитании гражданина страны, надо помнить о том, что оно начинается с того места, где человек родился, где прошел духовное и нравственное становление, узнавая и впитывая исторические и культурные традиции своего народа, героическое прошлое своих предков, исторические уроки прошлых поколений. В МБОУ «Гимназия №3» г. Горняка начата реализация социально значимого проекта «От образованности ума до образованности души», в рамках организации работы с одаренными учащимися. Ежегодно в Барнауле проходит краевой фестиваль фольклорного творчества «Солнцеворот» среди дошкольных образовательных организаций. В фестивале принимают участие более 25 детских творческих коллективов, итоги подводятся по семи разным направлениям – фольклорный театр, сольное и ансамблевое пение, фольклорный хореографический танец и календарно-обрядовые традиции. В рамках фестиваля проводятся интерактивное комплексное мероприятие «Волшебный рожок. Путешествие в мир народных инструментов» и выставка-конкурс декоративно-прикладного творчества и ремесел «Узорочье». Свои работы представляют педагоги, дети и их родители.

Патриотизм в понимании молодёжи Алтайского края связывается с уважением к истории, традициям, языку, и активностью в общественно-полезной деятельности. На наш взгляд, это тот ценностный фундамент, на котором возможно выстраивать деятельность по развитию и сохранению связей между поколениями. В течение ряда лет в Алтайском крае работает 19 отделений краевого учебно-методического объединения педагогов [Отделения…]. Опыт работы педагогов и специалистов образовательных организаций

презентуется на вебинарах, семинарах, конференциях, которые проводятся отделениями, используется при разработке сетевых консультаций, методических материалов. Педагоги проводят консультирование коллег по актуальным вопросам.

Созданный в 2010 г. Клуб лауреатов премии имени Титова С.П. стал инициатором уникального, существующего только на территории Алтайского края, движения сельских учителей-просветителей, которые стремятся сохранить лучшие традиции российского образования. У Клуба «титовцев» множество направлений деятельности, несмотря на свой преклонный возраст, ведут активную общественную деятельность. Клуб реализует проекты по привлечению молодых учителей к работе в сельской школе, работе с молодежью, особое место занимает просветительская деятельность в области организации музееведения и краеведения в школе и на селе.

В решении комплекса задач духовно-нравственного воспитания должны принять участие все субъекты общественной жизни: семья, педагогическая общественность, система дополнительного образования, культурно-досуговые и спортивные центры. Ведущей педагогической технологией современности в деле воспитания и сохранения связей между поколениями должен становиться диалог: диалог смыслов, диалог культур, диалог ценностей и целей. Именно диалог необходим для становления высокодуховного, подлинно творческого, т.е. инновационного и нравственного человека. Диалог в полисубъектном пространстве создает ту особую духовно-практическую реальность, в контексте которой каждый имеет возможность найти собственный путь к нравственным ценностям. В этом отношении направленное диалогическое взаимодействие не только расширяет индивидуальную свободу выбора путей постижения ценностей, но и накладывает меру ответственности каждого на своем уровне развития.

В сложившейся региональной системе духовно-нравственного развития и воспитания школьников большое значение имеет развитие партнерских отношений не только с профессиональными общественными организациями, но и с Русской православной церковью. Социологические исследования начала 1990-х гг. зафиксировали значительное увеличение доли населения, относящего себя к верующим в Бога (почти в 3 раза по сравнению с концом 1970-х гг., когда таковых было 10% респондентов) и ослабление позиций безверия [Шалабод 2015]. Интерес представляют и полученные результаты опроса о конфессиональной принадлежности опрошенных (2001 и 2011 гг.), подтверждающие выявленную ранее тенденцию конфессиональной идентификации не только по принадлежности к тому или иному вероисповеданию, но и посредством соотнесения себя с определенным

типом цивилизации, сформировавшимся в значительной мере под воздействием той или иной конфессии. Многие респонденты, отрицая свою религиозность при мировоззренческой самоидентификации, тем не менее, считают себя приверженцами традиционных религиозных объединений. Они воспринимают православие или ислам не только как религиозную систему, а как естественную для них культурную сферу, национальный образ жизни – «русский, потому православный». Интересно, что социологические исследования последних лет опровергают бытовавшие ранее утверждения о преобладании среди верующих представителей старших возрастных категорий (старше 60 лет), а среди неверующих – младших. Сознательное и глубокое принятие религиозной веры сопряжено с серьезными нравственными усилиями, подчас – с изменением ценностных ориентаций и жизненных установок. Сам религиозный поиск молодежи в современных условиях зачастую институционально не оформлен, о чем свидетельствует высокий процент лиц молодого возраста среди верующих в сверхъестественные силы и относящим себя к представителям внеконфессиональных объединений.

Уже более десяти лет в России не прекращаются споры о целесообразности введения в школах обязательного курса по религии. Попытки организовать его изучение всякий раз заканчивались скандалом. Изначально предполагалось, что ученики будут знакомиться с основами православной культуры, но это вызвало возмущение других религиозных объединений. Одно из первых рекомендательных писем, вышедших в Министерстве образования и науки в 2002 году, касалось введения «Примерного содержания образования по учебному предмету «Православная культура», где, с одной стороны, давался общий объем содержания по предполагаемому курсу, с другой стороны, оговаривались условия его введения в школьную практику – в рамках регионального или школьного компонента. Предложенный учебный курс «Основы религиозных культур и светской этики» (далее ОРКСЭ. – *М.К., О.С., М.Ш.*), созданный на основе требований Федерального государственного образовательного стандарта и Концепции по духовно-нравственному воспитанию гражданина, направлен на развитие у школьников 10-11 лет представлений о нравственных идеалах и ценностях, составляющих основу религиозных и светских традиций многонациональной культуры России, на понимание их значения в жизни современного общества, а также своей сопричастности к ним. Получив опыт преподавания учебного курса ОРКСЭ, учителя стали отмечать несомненный воспитательный эффект данного курса, нашли так необходимый в нашем обществе консенсус с учащимися и особенно их родителями, несмотря на все возникающие затруднения. Наша

главная задача на сегодняшний день видится в том, чтобы создать такие условия, при которых учащийся начальной школы продолжит развитие духовно-нравственное развитие и дальше.

Духовно-нравственное воспитание в школе в первую очередь связано с проблемой формирования гуманитарной картины мира. Традиционно картину миру делят на две большие части: гуманитарную картину мира и естественнонаучную картину мира (далее ГКМ и ЕНКМ. – *М.К., О.С., М.Ш.*), при этом ГКМ связывают с субъектностью, а ЕНКМ с объектами природы. Духовно-нравственные ценности субъекта и становятся тем стержнем, основой, которая объединяет эти части картины мира. Каким этот мир откроется человеку? Что для него станет главным в жизни? Кто и как поможет ребенку познать мир? Эти вопросы волнуют каждого человека, а учителя, педагога, воспитателя – особенно, т.к. они ответственны за тех детей, с которыми работают, а не просто формально передают им знания.

Таким образом, в сложившейся региональной системе образования основными факторами, влияющими на формирование гуманитарной картины мира обучающегося, выступают следующие: региональный компонент предметного содержания образования, предлагаемый в формате новых цифровых технологий; слаженный механизм взаимодействия региональных инновационных площадок, на которых осуществляется апробирование новых подходов, форм, методов и технологий, в частности методов музейной педагогики, активизирующей патриотическое воспитание в проектно-исследовательском ключе; и наконец, организованное взаимодействие отделений краевого учебно-методического объединения педагогов Алтайского края. Особая роль в системе духовно-нравственного воспитания отводится учебному предмету ОРКСЭ и его реализации при поддержке Алтайской митрополии Русской православной церкви.

Список литературы

Ботаника: В мире растений Алтайского края: учебное пособие / Опарин Р. В., Гауэрт В. И. Барнаул: АКИПКРО, 2017.

География Алтайского края: учебное пособие / О.Н.Горбатова. Н.В. Рыгалова Ю.В. Козырева, О.Л. Малыхина. Барнаул: ОАО «Алтайский дом печати», 2016. 292с.

Горбатова О.Н. География Алтайского края. Учебно-методическое пособие для учителя географии. Барнаул: АКИПКРО, 2017. 294 с.

Культура Алтая. Пособие для учителя / И.А. Жерносенко [и др.]; под ред. И.А. Жерносенко. Барнаул: АКИПКРО, 2016. 253 с.

Литература Алтая: учебное пособие для учителя / С.А. Манскова [и др.]; под ред. С.А. Манскова Барнаул: АКИПКРО, 2017. 338 с.

Шалабод М.Л. Духовно-нравственное воспитание как основа становления личности учащихся. Сборник материалов Кирилло-Мефодиевские образовательные чтения «Славянский мир: письменность и культура». Барнаул: АлтГТУ им. И.И. Ползунова, 2015.

Шалабод М.Л. Духовно-нравственное воспитание школьников в условиях перехода на ФГОС. Сборник статей региональной конференции «Инновационные образовательные практики в условиях внедрения и реализации ФГОС» Барнаул: Гимназия № 123, 2015.

Реестр региональных инновационных площадок http://www.akipkro.ru/2016-04-20-17-06-08/innovatsionnaya-deyatelnost-v-sisteme-obrazovaniya-altajskogo/reestr-regionalnykh-innovatsionnykh-ploshchadok.html*Отделения* краевого учебно-методического объединения педагогов в системе общего образования Алтайского края http://www.akipkro.ru/kpop-main.html

УДК: 803.0

Котенков М.С.

Динамика понятия «терроризм» в политическом дискурсе

Московский государственный лингвистический университет,
Россия, Москва, mackitten@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию динамики концепта «терроризм» в обыденном сознании представителей русской лингвокультуры в синхроническом и диахроническом аспектах. Методом ассоциативного эксперимента, проведённого в группе студентов МГЛУ в возрасте 18 – 22 лет, были получены и проанализированы вербальные реакции на слово «терроризм» и предпринята попытка выстроить предварительную схему ассоциативного поля лексического значения данного понятия. Полученные данные позволяют выдвинуть предположение о возможном сдвиге в ядре лексического значения исследуемого слова, произошедшим в течение последних 10 лет под воздействием информационной среды и снижением интеллектуального уровня представителей русской лингвокультуры.

Ключевые слова: концепт; обыденное сознание, лингвокультура; ассоциативный эксперимент; ассоциативное поле.

Kotenkov M.S.

Dynamics of the concept «terrorism» in the political discourse

Moscow State Linguistic University,
Russia, Moscow, mackitten@rambler.ru

Abstract. The article is dedicated to the study of the dynamics of the concept “terrorism” in the common mindset of the Russian linguoculture representatives. By using the method of associative experiment, carried out in the group of students of MGLU ranging from the age of 18 to 22, verbal reactions to the word “terrorism” were collected and analysed. These results formed a basis for an attempt to build a preliminary associative field of the lexical meaning of the studied word. The obtained data gave an opportunity to assume a possible shift in the kernel of the lexical meaning within 10 years influenced by the information environment and the decrease of the intellectual level of Russian culture representatives.

Keywords: concept, common mindset, linguoculture; associative experiment; associative field.

Согласно данным энциклопедии Британника 2007, первые упоминания понятия «терроризм» встречаются в конце XVIII в. во Франции во времена Великой Французской Революции, в один из самых кровавых её периодов – Террора. Так, в дополнении к Словарю Французской академии 1798 г. терроризм определяется как «systeme, regime de la terreur» – «политическая система, режим, основанный на страхе» [Dictionnaire del'Académie Française, la 5ème edition 1798]. С этого момента понятие «терроризм» начинает постепенно становиться частью европейского общественно-политического дискурса, и, закрепившись со временем в других языках, уже через несколько десятилетий включается в состав словарного состава словаря международных политических терминов [Национальная политическая энциклопедия, http://politike.ru/termin/terrorizm.html].

За прошедшие 200 лет понятие «терроризм» претерпело значительные изменения как в плане содержания, так и в плане выражения. В частности, существенно расширились его смысловые связи, изменился социально-политический контекст, который привел к значительному увеличению частотности его употребления, особенно во второй половине XX в.

Ввиду объективной и устойчивой актуальности терроризм по прежнему является сегодня предметом исследований большого числа научных дисциплин. Будучи многомерным и очень сложным социально-политическим явлением, терроризм представляет широкое исследовательское поле для разных направлений современного

гуманитарного знания. За последние 50 лет многие зарубежные и отечественные ученые внесли существенный вклад в описание возникновения, эволюции и влияния этого явления на общество и государство. Существенные успехи имеются у истории, психологии, политологии, социологии, философии, юриспруденции и у смежных с ними дисциплин (Ф. Минье, Т. Карлейль, А. де Токвиль, О. Кошен, А. Олар, А. Собуль, Ф. Фюре, О.В. Будницкий, Ф. Раззаков, К.В. Жаринов, В. Ставицкий, Ж. Бодрийяр, С. Жижек, П. Вирильо, С. Бак-Морс, Ж. Деррида, Б. Гройс, М. Рыклин, В. Подорога, У. Лакер).

Вот одно из одно из наиболее полных, лаконичных и, по мнению многих экспертов, наименее уязвимых определений, данное госдепартаментом США: терроризм – «заранее обдуманное, политически мотивированное насилие, применяемое против не участвующих в военных действиях лиц субнациональными группами или подпольными агентами» [Patterns of global terrorism]. Это определение по ряду существенных черт совпадает с мнением других видных западных экспертов. Так, У. Лакер пишет, что «терроризм – это применение негосударственного насилия или угрозы насилия с целью вызвать панику в обществе, ослабить положение или даже свергнуть должностных лиц и вызвать политические изменения в обществе» [Лакер 2012]. Определение террористического действия предложено бывшим Генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном: «Всякое действие является террористическим, если оно предполагает смерть или причинение тяжкого увечья гражданским лицам и лицам, не участвующих в боевых действиях, с целью запугивания населения или принуждения какого бы то ни было правительства или международной организации к совершению действия или отказу от действия» [Annan 2002].

Однако, несмотря на достигнутые научные результаты в каждой из перечисленных отраслей научного знания, вопрос создания универсального определения, способного максимально полно, точно и адекватно передать содержание понятия «терроризм», по-прежнему остаётся открытым, хотя существенные особенности явления отмечаются в ряде работ [Замолодская 2013].

Представляется, что для такого общего определения необходимо не только детальное соотнесение известных научных позиций, но также экспериментальное исследование актуального психологического содержания концепта, связанного со словом *терроризм*, в сознании носителей различных культур. Именно оно позволило бы скорректировать многолетние споры политологов, социологов, правоведов разных стран и их неоднократные попытки создать определение понятия «терроризм», которое бы отвечало всем

необходимым условиям и требованиям научного дискурса. Кроме того, такое исследование может определить соотношение понятия «терроризм» в составе различных актуальных для носителей лингвокультур смысловых полей, в частности, во-первых, изучить систему эвфемизмов, по разным причинам специфически замещающих слова *терроризм, террористы* в каждой из этих культур, с другой – обозначить разницу между терроризмом и понятиями, которые дают широкие возможности для применения двойных стандартов в борьбе за власть, оправдывают политические репрессии и милитаристские действия как в отношении политической оппозиции внутри собственного государства, так и по отношению к другим странам (*партизан, борец за свободу* и под.). *Партизан*, используя абсолютно идентичные методы и преследуя высокие цели, борется за справедливость и права угнетённых граждан с правящим режимом, а также за свободу и независимость с оккупантом и агрессором на территории своей страны. Вся история XX в. является ярким подтверждением того, как судьбы народов напрямую зависели от того, к какой из названных категорий причислят их вооружённые отряды. Эффективность данного метода не снизилась и в XXI в. и по-прежнему является одним из основных политических инструментов в оправдании вооруженных агрессий и войн под предлогом борьбы против терроризма.

У носителей разных культур существуют разные взгляды на понятие «терроризм», и с течением времени представления о нем эволюционируют. В отличие от онтологических трудностей научного дискурса мы сталкиваемся здесь с проблемами совершенно другого плана, связанными с особенностями отражения социальных явлений в обыденном сознании. Под обыденным сознанием мы понимаем совокупность представлений, знаний, установок и стереотипов, основывающихся на непосредственном повседневном опыте людей и доминирующих в социальной общности, которой они принадлежат. Обыденное сознание отличается от сознания, основу которого составляют научные знания, полученные при применении объективных методов исследования и обеспечивающие проникновение в сущностные связи, характеризующие природу и общество. Обыденному сознанию свойственны ошибки, которые могут препятствовать научному познанию мира, способствую сохранению укоренившихся предрассудков.

Одним из широко используемых в психолингвистике методов выявления особенностей содержания понятий в общественном сознании, а также изменений в их внутренней структуре является свободный ассоциативный эксперимент. Пилотный эксперимент,

посвященный выявлению структурно-содержательных компонентов концепта «терроризм», проводился в 2016 г. [Киргинцева 2016], но его предварительные результаты, полученные на ограниченном количестве респондентов специфической группы, должны быть верифицированы.

Целью нашего пилотного эксперимента было также выявление структурно-содержательных компонентов концепта «терроризм» на основе интерпретации отношений «вербальный стимул → вербальная реакция», представляющих собой минимальное речевое произведение, репрезентирующее актуальные для носителя языка смысловые связи концепта, обозначенные словом-стимулом, в сочетаемости лексем. При этом одной из задач было сравнение результатов с данными 2016 г. выявление возможных изменений в структурно-содержательных компонентах концепта «терроризм».

Свободный ассоциативный эксперимент был проведён нами в период с 01.02.2018 по 20.02.2018. В нём добровольно приняли участие 128 человек в возрасте от 17 до 22 лет, из которых 106 – женского пола, а 23 – мужского. Респонденты на момент эксперимента проходили обучение в Московском государственном лингвистическом университете. Избранный возраст испытуемых считается наиболее активным в социальном, психологическом и речедеятельностном планах. Это позволяет считать произведенную выборку презентативной для определенной группы носителей русского языка.

Условия проведения эксперимента стандартные. Задачей респондентов было указать первую вербальную реакцию («первое пришедшее в голову слово») на каждое из десяти стимульных слов, среди которых одно («терроризм») является лексемой, связанной с изучаемым концептом, все остальные – дистракторы. Слова-стимулы предъявлялись письменно, ассоциаты на слова-стимулы фиксировались также письменно.

На стимул «терроризм» были получены следующие результаты (табл. 1).

Полученные реакции, из которых разных – 49 (в том числе 23 одиночных), можно классифицировать следующим образом:

понятийные (ядерные и периферийные) компоненты: *зло 11, смерть 11, опасность 9, угроза 8, убийство/убийства 6, страх 4, ужас 4, преступление 1, экстремизм 1*– 55 ассоциатов (41.4%);

культурологические ассоциации, связанные с современными реалиями и реализующие стереотипную структурно-содержательную модель: *ИГИЛ 8, Талибан 1, Бен-Ладен 1* – 10 ассоциатов (7.8%);

предметные ассоциации: всего 26 ассоциатов (20.3%);

место совершения теракта: *метро 5, аэропорт 1* – 6 ассоциатов;

атрибуты теракта: *бомба 3, автомат 2*– 5 ассоциатов;

внешние характеристики террористов: *оружие 3, чёрный 2, бандана 1* – 6 ассоциатов;

характеристика события: *взрыв 6, борьба 2, жертвы 2, атака 1, захват 1 – т 12* ассоциатов;

ассоциации по смежности: *война 4, спасение 1, власть 1, конституция 1* – 7 ассоциатов;

реакции, реализующие стереотипные связи «терроризм ↔ религия» и «терроризм ↔ национальность»: *ислам 3, мусульманин 3, арабский 1* – 7 ассоциатов;

экспрессивно-оценочные реакции: *плохо 2, жестокость 2, несправедливость 2, боль 1*– 10 ассоциатов;

операциональные реакции: *проблема* – 1 ассоциат.

Таблица 1. Ассоциаты на стимул *терроризм*

Реакции	Количество реакций
зло; смерть	11
опасность	9
ИГИЛ; угроза	8
оружие	7
взрыв; убийство	6
метро	5
война; ужас; страх	4
бомба; насилие; оружие; ислам;	3
жестокость; ужас; гнев; борьба; жертвы; автомат; несправедливость; разрушение; плохо; мусульманин	2
атака; проблема; радикализм; экстремизм; Бен-Ладен; борода; огонь; фальсификация; боль; Талибан; арабский; бандана; чёрный; захват; Конституция; Путин; аэропорт; спасение; преступление; власть; стрельба;	1
Ничего	1

Для моделирования ассоциативного поля данные эксперимента сведены в таблицу (табл. 2).

Таблица 2. Состав ассоциативного поля стимула *терроризм*

Реакции	Количество реакций
зло	11
смерть	11
опасность	9
ИГИЛ	8
угроза	8
оружие	7
взрыв	6
убийства (убийство+убийства)	7 (5+2)
метро	5

война	4
ужас	4
страх	4
ислам	3
бомба	3
насилие	3
борьба	2
плохо	2
жестокость	2
ужас	2
гнев	2
жертвы;	2
автомат	2
несправедливость	2
разрушение	2
мусульманин	2
стрельба	1
власть	1
преступление	1
спасение	1
аэропорт	1
Путин	1
конституция	1
захват	1
чёрный	1
бандана	1
арабский	1
Бен-Ладен	1
Талибан	1
боль	1
фальсификация	1
огонь	1
борода	1
экстремизм	1
радикализм	1
атака	1
проблема	1
экстремизм	1

Представим полученные данные для большей наглядности схематично (рис. 1).

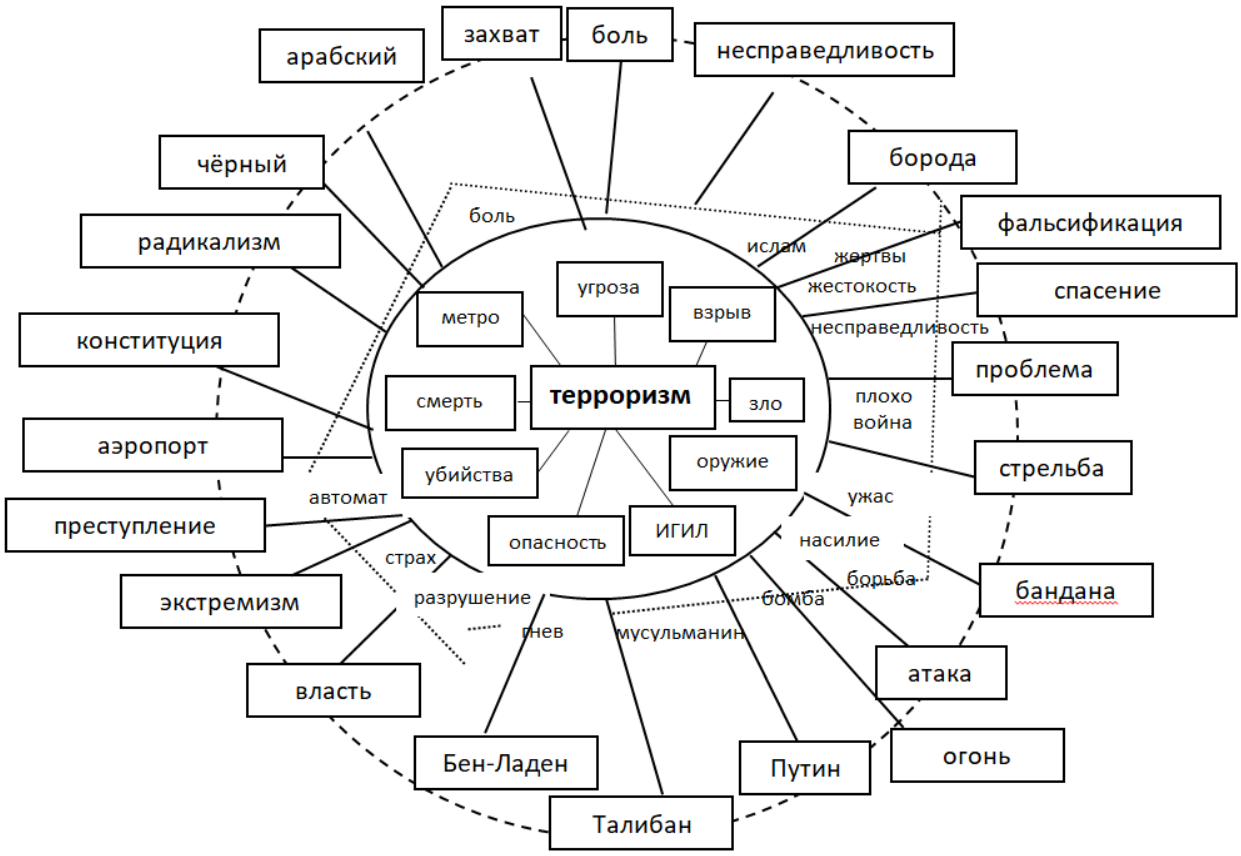

*Рис. 1.*Ассоциативное поле стимула *терроризм*

Проанализировав результаты свободного ассоциативного эксперимента, мы отметили следующие особенности.

1. Наиболее частотными стали реакции *зло, смерть* – 17% испытуемых. Преимущественное использование данных реакций, на наш взгляд, обусловлено доминирующей реакцией всех без исключения СМИ на террористические события как мирового, так и локального масштаба, как исключительно негативные и несущие смерть и разрушение.

2. На втором месте по частотности реакции оказались реакции *опасность*, *ИГИЛ*, и *угроза.* Данный факт объясняется достаточно запутанной и непонятной историей данной террористической организации, что нашло своё отражение в закрепившейся в общественном сознании изначальной аббревиатуре. Её указали 6.1% респондентов. Примечательно, что аббревиатура ИГИЛ (Исламское государство Ирака и Леванта) в настоящее время более не используется официальными СМИ. Она была заменена на более сжатый вариант «Исламское Государство» и упоминается официальными СМИ с обязательным дополнением – «запрещена на территории РФ». Реакции о*пасность* и *угроза* также составили достаточно большой процент от общего числа, что, на наш взгляд, обусловлено естественной реакцией современного человека, погружённого в перманентный и непрерывный информационный поток, основную часть которого составляют новости

о терактах и террористических атаках как на территории РФ, так и остального мира.

3. Следующими по частотности употребления стали реакции *оружие, взрыв* и *убийство(а)*. Появление данных реакций среди наиболее частотных обусловлено, на наш взгляд, стандартным видеорядом, традиционными новостными сюжетами и репортажами с места совершения терактов, главной отличительной чертой которых является информация о взрывах, как самом распространённом способе совершения террористических актов, а также фото членов различных террористических группировок, как правило, позирующих перед камерами и фотообъективами журналистов и корреспондентов международных новостных агентств с оружием в руках и, что наиболее ужасно, очень часто на фоне своих жертв.

4. Следующими по частотности употребления стали эмоциональные реакции *метро, война, ужас, страх.* Наибольшего внимания в этом примере заслуживает реакция *метро.* Городской метрополитен является местом скопления очень большого количества людей, что с учётом главной и центральной идеи терроризма – причинение максимального ущерба городской инфраструктуре, достижения максимального количества жертв среди мирного населения и устрашения остальных – является главной логической целью террориста, что, к великому сожалению, неоднократно имело место в современной истории России. Именно данный факт, по нашему мнению, повлиял на выбор данного слова в качестве одной из основных реакций. Реакции *война, ужас* и *страх* являются совершенно очевидными и обоснованными реакциями на понятие «терроризм» и логически занимают совершенно законное место среди одних из наиболее частотных реакций испытуемых.

5. Общую, эмоционально недискретную оценку отражает реакция *плохо*, которую дали 1.8% респондентов и которая свидетельствует об отсутствии личностного смысла, связанного с понятием «терроризм».

6. Наличие небольшого числа культурологических реакций, связанных с современными реалиями и реализующие стереотипную структурно-содержательную модель – *Талибан, Бен-Ладен* – свидетельствует, скорее, о наличии имен-символов, связанных с терроризмом, чем о личностном осознании значения этого слова. Достаточно сильное преобладание количества понятийных реакций над количеством культурологических говорит о том, что респонденты представляют себе понятие «терроризм» достаточно чётко для обывателя, но вместе с тем свидетельствует о достаточно низкой информативности, аполитичности и достаточно опосредованной вовлеченности в общественно-политическую жизнь современного

российского общества.

7. В большинстве исследований, связанных с понятием терроризма, особое место отводится ассоциативной связи между данным явлением и вероисповеданием ислама. В нашем эксперименте реакции *ислам, арабский, мусульманин* составили 5.4% от общего числа ответов, что, ввиду небольшого количества респондентов, хоть и не очень ярко, но всё-таки отразило культурную реалию: за последние 20 с лишним лет подавляющее количество терактов в мире совершается именно представителями террористических организаций исламского толка, что заставляет общественность практически не обращать внимания на существование прочих радикальных религиозных организаций. Очевидное отсутствие в ассоциативном ряду таких реакций, как *ваххабизм, Аллах, Аллаху акбар, ваххабиты, джихад, джихадист, моджахед, радикальные исламисты, радикальный, шахид* ещё раз подтверждает тезис о том, что современное поколение обладает низкой информативностью и настроено в целом аполитично. Но одним из основных факторов, оказавших существенное влияние на результаты эксперимента, стало, по нашему мнению, практически полное отсутствие на протяжении, как минимум, последних десяти лет в информационном пространстве современной России информации с Кавказа, благодаря которому в 1990-х годах граждане современной России познакомились с новой, абсолютно незнакомой ранее религиозной терминологией. Так, каждому гражданину СССР ещё со школы было знакомо слово «камикадзе». Была понятна идея религиозного самопожертвования во имя победы над врагом и восхождения ввиду совершения данного подвига на небеса. Но уже с середины 1990-х годов в повседневный обиход российских граждан через официальные СМИ постепенно начинает входить слово «шахид», вытесняя слово «камикадзе» и фактически полностью стирая из памяти нескольких поколений данное понятие.

8. Необходимо отметить стереотипность некоторых реакций: *проблема, боль, опасность, спасение.* Такие реакции свидетельствуют об отсутствии актуального психологического содержания.

Список литературы

Замолодская О.М. Социально-философский анализ истории понятия «Террор/Терроризм»: дис. канд. философских наук. М., 2013. 18 с.

Киргинцева А.И. Вербальная диагностика динамики социополитических концептов (на материале английского, русского и эстонского языков): выпускная квалификационная работа. М., 2016. 67 с.

Национальная политическая энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://politike.ru/termin/terrorizm.html

Dictionnaire del'Académie Française, la 5ème edition, 1798 [Электронный ресурс] http://artfl.atilf.fr/dictionnaires/ACADEMIE/CINQUIEME/cinquieme.fr.html

Kofi Annan Interventions: A Life in War and Peace. Allen Lane, Penguin Books Ltd., 2012. 68 с.

Laqueur Walter A History of Terrorism. Transaction Publishers, 2012. 77 с.

Patterns of global terrorism. Режим доступа: https://www.state.gov/documents/organization/31932.pdf .

The New Encyclopædia Britannica [Электронный ресурс]. https://www.britannica.com/topic/terrorism.

US Department of state [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.state.gov/documents/organization/31932.pdf.

УДК: 81’23 (98)

Курганова Н.И.

К исследованию национально-культурной специфики картины мира через призму газетного дискурса: Сопоставительный подход

Белорусский государственный экономический университет,
Беларусь, Минск, nkurganova@gmail.com

Аннотация. В статье обсуждается проблема исследования национально-культурной специфики картины мира в современной этнопсихолингвистике. С этой целью автором уточняются понятия картины мира и национальной картины мира. Картина мира как определённая система знаний, представлений, ценностных суждений представляет собой результаты когнитивно-дискурсивной деятельности нации или народа, зафиксированные в слове (речи). Национальная картина мира как одна из моделей коллективного знания репрезентирует результаты познания и общения социума и может быть описана в виде совокупности концептов, образующих концептосферу нации или народа. Концепт в этом случае выступает как структурная единица картины мира. Национальная концептосфера отражает результаты когнитивно-дискурсивных практик и ценностных ориентаций социума, что проявляется в ее содержании и структуре. В статье предлагается набор процедур и приемов сопоставительного изучения национальных концептосфер через призму газетного дискурса, который был разработан в рамках проекта «Национально-культурная специфика языкового сознания жителей Арктического региона». Применение подобной методики с целью сравнительного изучения национальных картин мира жителей четырёх северных регионов, включая Россию (Мурманская область), Норвегию (губерния Финнмарк), США (Аляска) и Канаду

(Квебек) позволило выявить существенные различия как в структуре национальных концептосфер, так и отдельных ее фрагментах.

Ключевые слова: картина мира; национальная картина мира; доминанты культуры; ключевые концепты; сопоставительный подход; газетный дискурс.

Kurganova N.I.

To the study of the national-cultural specificity of the world picture through newspaper discourse: A comparative approach

Belarus State Economic University,
Belarus, Minsk, nkurganova@gmail.com

Abstract. The article discusses the problem of studying the national and cultural specifics of the world picture in modern ethnopsycholinguistics. With this purpose, the author clarifies the concepts of the world picture and the national world picture. The world picture as a definite system of knowledge, ideas, value judgments is the result of the cognitive-discursive activity of a nation or people, fixed in a word (speech). The national world picture as one of the models of collective knowledge represents the results of knowledge and communication of the society and can be described in the form of the conceptosphere of the nation or the people. The concept, in this case, is considered as a structural unit of the world picture. The national conceptosphere reflects the results of cognitive-discursive practices and value orientations of the society, what is manifested in its content and structure. The article proposes a set of procedures and methods for a comparative study of national conceptospheres through the prism of newspaper discourse, which was developed within the framework of the project "National and Cultural Specificity of the Language Consciousness of Residents of the Arctic Region". The use of this methodology for comparative study of the national world picture of the inhabitants of four northern regions, including Russia (Murmansk Region), Norway (Finnmark County), the USA (Alaska) and Canada (Quebec) made it possible to identify significant differences both in the structure of national conceptospheres and in its individual fragments.

Keywords: world picture; national world picture; cultural dominants; key-concepts; comparative approach; newspaper discourse.

Введение

Исследование национально-культурной специфики репрезентации мира является одной из самых актуальных тем в современной гуманитарной науке. Ученые объясняют это рядом факторов. Во-первых, в XX в. произошли глобальные изменения в мире, и на международную арену вышли многочисленные страны, народы и культуры [Андреева 2000, с. 278]. Во-вторых, с 60–70 гг. XX в. на планете наблюдается небывалый рост этнической идентичности

[Стефаненко 2003]. В-третьих, следствием интеграционных процессов явилась нинтенсификация плотности межкультурных контактов, что ведет к росту межэтнической напряженности, усилению религиозных конфликтов в мире. Таким образом, усиливающаяся глобализация и интенсификация межкультурного общения на фоне роста «этничности» актуализировали проблему национально специфичного знания в содержании сознания у носителей разных языков и культур, что побуждает исследователей к проведению сопоставительных исследований, к сравнительному анализу этнических картин мира и их отдельных фрагментов.

Определение понятий

В лингвистике обсуждение вопросов национально-культурной специфики картины мира осложняется тем, что сам термин «картина мира» многолик и многозначен. По мнению О.А. Радченко, его характеризуют «терминологическая диффузность, зыбкость, эфемерность» [Радченко 2005, с. 141]; проблема осложняется наличием многочисленных авторских концепций, которые не опираются на общепризнанные определения. Одна из причин сложившейся ситуации заключается в том, что данное понятие широко используется в самых разных областях знания. В ситуации «поливариативности» и множественности картин мира чрезвычайно важно уточнить значение данного термина применительно к лингвистическим наукам, а также выделить основные параметры его описания.

В современной лингвистике термин «картина мира» соотносится, как правило, с содержанием языкового сознания. В нашем понимании картина мира – это определенная система знаний, представлений, ценностных суждений, формируемых в процессе совместной когнитивно-дискурсивной деятельности индивида и социума и репрезентированных в слове (речи). Следовательно, одним из обязательных условий функционирования картины мира является ее ословление, «овнешнение» или материализация с помощью языка, поскольку репрезентация в знаке является обязательным условием накопления и сохранения выработанных значений. Тем самым мы разделяем позицию всех тех ученых, которые признают роль языка в функционировании картины мира. Это обусловлено тем, что картина мира вырабатывается в контексте широкого общественного взаимодействия, где речевое общение выступает в качестве главного способа социальной интеракции. Следовательно, картина мира – это результат когнитивно-дискурсивной деятельности больших социальных групп людей, а не отдельных индивидов. При этом ведущую роль в процессах формирования и функционирования картины мира играют

способы речевой коммуникации, выработанные в том или ином социуме.

Национальная картина мира рассматривается нами как одна из моделей коллективного знания, формируемого в процессе когнитивно-дискурсивной деятельности лингвосоциума и репрезентируемого в языке и речи. В отличие от образа мира (см.: [Курганова 2017, с. 12–16]), в национальной картине мира представлены результаты когнитивно-дискурсивной деятельности лингвосоциума, которые могут быть описаны в виде совокупности концептов, образующих концептосферу нации или народа. Концепт в этом случае выступает как структурная единица картины мира.

Практически все исследователи единодушны в том, что картина мира специфична для каждой культуры, функционирующей в определённых природных и социальных условиях, и отличающих её от других культур. Именно поэтому исследование национально-культурной специфики картины мира невозможно без учёта культуры. Более того, мы полагаем, что культура является ведущим фактором, обусловливающим специфику когнитивно-дискурсивной деятельности лингвокультурного сообщества, ибо высшие психические функции формируются под влиянием культуры: они «суть продукты этой культуры» [Выготский 1983, с. 145]. Но при этом по сей день «за кадром» остаются сами механизмы влияния культуры на специфику картины мира. Актуализация интереса к национально-культурной вариативности знания на новом витке поднимает вопрос о влиянии культуры на специфику процессов осмысления и концептуализации мира.

Отличительной особенностью национальной картины мира является то, что она формируется на основе ценностных доминант [Лурье 2005]. Ценности, как известно, представляют собой наиболее фундаментальные характеристики культуры, ориентирующие человека в его повседневном взаимодействии с миром. Ценностные доминанты не только управляют поведением, но и обусловливают специфику когнитивно-дискурсивной деятельности индивида и социума, благодаря чему процессы смыслообразования протекают в соответствии с нормами, принятыми в той или иной культуре. Именно поэтому в картине мира могут присутствовать элементы различной степени достоверности и объективности, а также элементы мифотворчества, поскольку, как отмечает С.В. Лурье, основной функцией этнической культуры является функция психологической защиты [Лурье 2005], а не соответствие действительному положению вещей.

Национальная картина мира характеризуется определённой системной упорядоченностью, поскольку знание семантически

организовано в целостные структуры, ведь «для построения образа объективной реальности требуется интеграция разделенных в пространстве и времени, но объективно связанных между собой сведений» [Хофман 1986, с. 275]. Семантическое структурирование знаний в сознании субъекта и общества проявляется в выделении определенных фрагментов или единиц знаний (концептов). Семантическая структурированность опыта и знания свидетельствует о наличии определенной уровневой иерархии в его организации, поскольку ни субъективный, ни коллективный опыт не могут не иметь поуровневой организации (см., например, [Артемьева1999, с. 18]). Это позволяет говорить о неоднородном значении различных слоёв знания в структуре национальной концептосферы. Принципы иерархической организации внутреннего лексикона нашли отражение в работах А.А. Залевской [Залевская 1977; Залевская 2005].

Уровневая организация знаний наглядно проявляется при моделировании структуры концептов как фрагментов картины мира. Структурированность и уровневая организация опыта и знания позволяют говорить о неоднородном значении различных фрагментов или единиц знания в структуре национальной концептосферы. Мы полагаем, что в национальной картине мира можно выделить определённую ядерную часть, которая формируется за счёт наиболее востребованной и актуальной информации, представленной в ключевых концептах той или иной культуры. Эта информация играет жизненно важную роль для членов того или иного лингвокультурного сообщества, именно поэтому она регулярно воспроизводится в общественном дискурсе и закрепляется в языковом сознании. Ключевые концепты культуры представляют наиболее актуальные и существенные черты совокупного опыта и знаний, выработанные определённым лингвосоциумом в конкретный период времени. На этом основании мы полагаем, что моделирование национальной концептосферы и выделение ключевых концептов в разных культурах, выступает одним из эффективных путей изучения специфики национальной картины мира.

Методика исследования

Исследование национально-культурной специфики картины мира ставит задачу сопоставительного анализа фрагментов знаний, вырабатываемых в различных лингвокультурных сообществах, так как именно сопоставительный подход к изучению систем знаний выступает как своего рода лакмусовая бумага, которая позволяет проявить скрытые свойства исследуемого объекта.

Вопросы национально-культурной специфики смыслообразования исследует этнопсихолингвистика, которая призвана решать проблемы

национально-культурной вариантности когнитивной и коммуникативной деятельности, а также междисциплинарные проблемы содержания этнического сознания [Пищальникова 2007]. Характерной особенностью этнопсихолингвистического подхода является то, что она, как правило, сосредоточивается на «отражении национально-специфических компонентов культуры в речевой деятельности» [Пищальникова 2007, с. 26], а не на уровне языковой системы, как это делают другие дисциплины. Это значит, что доступ к изучению картины мира может быть получен через разносторонний анализ дискурса либо через непосредственное обращение к носителям языка, например, посредством ассоциативных экспериментов.

Следует отметить, что изучение национально-культурной специфики картины мира через призму общественно-политического дискурса остаётся пока мало исследованной областью; чаще всего исследователи ограничиваются выбором конкретного фрагмента или концепта. Еще реже можно встретить работы сопоставительного характера, выполненные на материале ряда языков. Одна из причин сложившейся ситуации – отсутствие соответствующих методов исследования.

Наш проект «Национально-культурная специфика языкового сознания жителей Арктического региона»[3] ставил целью проведение интегративного исследования картины мира у жителей четырёх северных регионов, включая Россию (Мурманская область), Норвегию (губерния Финнмарк), США (Аляска) и Канаду (Квебек) (см.: [Курганова и др. 2017]). При этом сопоставительное исследование национально-культурной специфики картины мира жителей четырех северных стран проводилось двумя способами: а) через разносторонний анализ общественно-политического дискурса; б) через непосредственное обращение к носителям языка (посредством ассоциативных экспериментов), что обусловило выделение двух этапов в реализации проекта.

На первом этапе проводилось моделирование картины мира посредством анализа общественно-политического дискурса северных регионов России, Норвегии, США и Канады. Основными задачами проекта на этом этапе были избраны следующие:

1. Выявить ключевые концепты газетного дискурса в странах Арктического региона, используя материалы региональных текстов СМИ.

[3] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Национально-культурная специфика языкового сознания жителей Арктического региона», проект № 15-04-00465.

2. На основе контекстного анализа текстов СМИ провести моделирование содержания и структуры ключевых концептов культуры через призму газетно-публицистического дискурса.

3. Провести сопоставительный анализ содержания и структуры ключевых концептов Севера и дать интерпретацию национально-культурной вариативности национальных картин мира в странах Арктической зоны через призму национальных СМИ.

Реализация поставленных целей и задач потребовала разработки соответствующей методики и уточнения комплекса необходимых экспериментальных процедур (см. подр.: [Курганова и др. 2017, с. 32–36]). Полный алгоритм анализа структурных параметров картины мира на материале газетного дискурса включал следующий набор приёмов и процедур:

1) создание базы данных на материале сезонных выборок из ежедневной прессы четырех стран (северные территории России, Норвегии, Канады и США);

2) количественный анализ всех публикаций газеты в течение сезонной выборки с целью выделения ***ключевых концептов*** общественно-политического дискурса;

3) моделирование ***когнитивной, полевой*** и ***смысловой структуры концептов;***

4) выделение ***смысловых доминант*** в национальной картине мира на основе сезонных выборок;

5) сопоставительный анализ структурных параметров картины мира у жителей северных регионов России, Норвегии, Канады и США, выделение общего и культурно-специфичного в национальных концептосферах.

Материалом исследования послужили результаты сплошной выборки из региональной прессы четырех стран в течение года (с 01июня 2015 года по 31 мая 2016 года). Для анализа были отобраны периодические издания четырех северных стран. Главными критериями выбора того или иного издания послужили: а) учет рейтинга издания в регионе (учитывалась его принадлежность к типу «качественной» прессы СМИ), а также наличие и доступность электронной версии газеты в сети Интернет. В итоге, региональная пресса севера России представлена газетой «Вечерний Мурманск», газетный дискурс севера США (Аляска) – изданием “Alaska Dispatch News”. Изучение картины мира жителей северных территорий Норвегии проводилось на материалах ежедневной региональной газеты губернии Финнмаркен “Finnmarken”, а базой для моделирования картины мира жителей севера Канады послужила независимая газета “Le Devoir”, издающаяся в Монреале (Квебек).

Отбор статей осуществлялся через призму двух критериев – источника информации и наличия регионального компонента в газетных материалах. Это обусловлено тем, что, как правило, региональная пресса часто делает перепечатку статей от зарубежных агентств, которые не представляют национальный медийный дискурс. На этом основании международные новости (International), касающиеся зарубежных стран, были исключены из сферы анализа. В итоге в базу данных вошли статьи из следующих постоянных рубрик газет: «Политика», «Экономика», «Общество», «Окружающая среда», «Культура» и «Спорт», которые являются общими в региональной прессе северных стран. Общий объем годовой выборки составляет 21833 публикации на региональные темы.

Результаты и выводы

Проведение заявленного исследования по материалам регионального газетного дискурса четырех стран Арктического региона (России, Норвегии, США и Канады) позволило выявить ряд культурно специфических особенностей в функционировании национальных картин мира. Прежде всего, сопоставительный подход к выделению и моделированию ключевых концептов выявил существенные различия в структуре национальных концептосфер. Эта нетождественность выражается в том, что набор ключевых концептов общественно-политического дискурса существенно различается в странах Арктического региона. Так, если в концептосфере Канады и Норвегии концепт ПОЛИТИКА выступает, вне зависимости от сезона, ключевым концептом, своеобразной топ-вершиной общественно-политического дискурса, на Севере России он – один из наименее актуализированных в региональной прессе. Об этом наглядно свидетельствуют количественные данные выборки. Например, за летний сезон 2015 года концепт ПОЛИТИКА в канадском дискурсе был актуализован в 796 статьях, в российском региональном дискурсе (Мурманская область) – только в 43 публикациях.

В процессе исследования были выявлены существенные различия в содержании и структуре отдельных фрагментов картины мира, а также в степени дифференцированности определённых слоев и концептов культуры. Так, когнитивная структура концепта ПОЛИТИКА по данным канадского дискурса содержит 14 иерархических слоев. Аналогичный концепт по российской выборке включает в зависимости от сезона 3–4 слоя.

Кроме того, подтверждена зависимость актуализации содержательных и структурных параметров ключевых концептов от внутриполитических и мировых событий (проведение федеральных и партийных выборов, панамский скандал, подготовка и проведение

конференции по климату в Париже). Сезонный фактор также вносит определенные коррективы в функционирование концептов ЭКОНОМИКА, КУЛЬТУРА, СПОРТ и др. Сезонные различия в функционировании концепта, чаще всего, касаются актуализации тех или иных слоев знания, что проявляется в семантической плотности когнитивных слоев и порой ведет к перестройке всей архитектуры фрагментов знания. Подобные и другие примеры позволяют сделать вывод о том, что структура концептосферы производна от сложившихся традиций, ценностных ориентаций социума, которые обусловливают специфику газетного дискурса в обществе.

Таким образом, национальная концептосфера отражает результаты когнитивно-дискурсивных практик и ценностных ориентаций социума, что проявляется в содержании и структуре национальной концептосферы и ее отдельных концептов. Сопоставительный подход к выделению и моделированию ключевых концептов на материале региональной прессы позволяет «проявить» нетождественность национальных концептосфер, складывающихся в пространстве общественно-политического дискурса различных стран.

Разработанная нами методика моделирования структурных параметров картины мира в виде последовательного набора ряда процедур (выделение ключевых концептов, моделирование их когнитивной, полевой и смысловой структур, а также выделение смысловых доминант) позволяет «зафиксировать» и описать содержательные и структурные особенности национальных картин мира. Данная методика может успешно применяться не только в лингвистике, но и в ряде других гуманитарных дисциплин при изучении структур знания и сознания.

Список литературы

Андреева Г.М. Психология социального познания: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Аспект Пресс, 2000. 288 с.

Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. М.: Наука; Смысл, 1999. 350 с.

Выготский Л.С. История развития высших психических функций: собр. соч. В 6 т. Т. 3. М.: Педагогика, 1983. 368 с.

Залевская А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека: учеб. пособие. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1977. 83 с.

Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.

Курганова Н.И. Национальная картина мира: параметры и методика исследования // Вестник МГЛУ. Сер.1, Филология. 2017. № 6 (91). С. 20–25.

Курганова Н.И., Тюркан Е.А., Кобцева С.А. Национально-культурная специфика языкового сознания жителей Арктического региона России, Норвегии, США и Канады / Под общ. ред. Н.И. Кургановой. Мурманск: МАГУ, 2017. 352 с.

Лурье С.В. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Академический проект: Альма Матер, 2005. 624 с.

Пищальникова В.А. История и теория психолингвистики: курс лекций. Ч. 2. Этнопсихолингвистика. М.: Моск. гос. лингв. ун-т, 2007. 200 с.

Радченко О.А. Язык как миросозидание: лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2005. 312 с.

Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: учебник для вузов. 3-е изд., испр. и доп. М.: Аспект-Пресс, 2003. 368 с.

Хофман И. Активная память: Экспериментальные исследования и теории человеческой памяти / Пер. с нем.; общ. ред. и предисл. Б.М. Величковского и Н.К. Корсаковой. М.: Прогресс, 1986. 312 с.

УДК: 81’33

Попова М.В.

Роль иноязычного акцента в вопросах культурно-социальной интеграции мигрантов

Московский государственный лингвистический университет,
Россия, Москва, neunerin@gmail.com

Аннотация. Автор ставит своей задачей определить роль иноязычного акцента в вопросах социальной идентичности при приеме на работу мигрантов. В статье приводятся результаты исследований, подтверждающие сформулированную автором гипотезу, согласного которой произносительный акцент оказывает влияние на формирование социального портрета, что в значительной мере определяет его соответствие требованиям в отношении должностей разного статуса. Делается вывод о необходимости учета научных исследований в данной области в вопросах оптимизации программ интеграции.

Ключевые слова: иноязычный акцент; миграция; социальная идентичность; социокультурная интеграция.

Popova M.V.

The role of foreign-language accent in matters of cultural and social integration of migrants

Moscow State Linguistic University,
Russia, Moscow, neunerin@gmail.com

Abstract. The author sets himself the task of determining the role of a foreign accent in the issues of social identity when hiring migrants. The article presents the results of studies that confirm the hypothesis formulated by the author: the pronounced accent has an effect on the formation of a social portrait, which to a large extent determines its compliance with the requirements for positions of different status. It is concluded that it is necessary to take into account scientific research in this field in the issues of optimizing integration programs.

Keywords: foreign accent; migration; social identity; socio-cultural integration.

Введение

В последние годы миграционный кризис оказался в центре внимания Европейской комиссии. Согласно результатам, опубликованным «Евробарометром», «уже в 2013 году граждане европейских государств придавали иммиграции большее значение, чем налогам, пенсиям, образованию и даже терроризму». В 2015 году этот вопрос вышел на второе место после безработицы, а «решение проблем, связанных с ростом миграции, стало приоритетной задачей как для европейских институтов, так и национальных правительств» [Культурно-социальная… – эл. ресурс].

В конце 2010 – начале 2011 гг. лидеры ведущих европейских государств открыто выступили с заявлениями о провале политики мультикультурализма. Европейская комиссия была вынуждена пересмотреть политику в отношении мигрантов, и в 2011 году на смену не оправдавшей себя политике мультикультурализма приходит программа интеграции граждан третьих стран. Данная программа предполагает организацию языковых курсов и семинаров, посвященных широкому кругу вопросов, участие мигрантов в различных общественных мероприятиях, издаются документы способствующие включению мигрантов в трудовую сферу [там же].

Однако, несмотря на очевидные преимущества политики «гражданской интеграции» по сравнению с попыткой «растворения» мигрантов в принимающем социуме по принципу «плавильного котла», многие проблемы сосуществования представителей разных культур остаются нерешенными: мигранты – представители одной культуры –

склонны формировать “коммуны”, общаясь между собой на родном языке, придерживаясь традиций и обычаев стран, в которых выросли.

Дискуссия

В настоящий момент 23% населения Германии составляют люди, имеющие «миграционные корни», однако проблема ассимиляции остается нерешенной: мигранты остаются «чужими» в глазах коренных граждан. Все чаще и настойчивее звучит недовольство приезжих тем, что им тяжелее найти съемное жилье или устроиться на работу [Hinrichs 2013]. В 2011 году во время публичного выступления премьер-министр Великобритании Д. Камерон открыто заявил: «Честно говоря, в последние годы нам требовалось проявлять гораздо меньше пассивной толерантности» [Теперь и Саркози… – эл. ресурс]. В связи с этим возникает явное противоречие между принципом толерантного отношения к мигрантам, лежащим в основе политики «гражданской интеграции» и реальным положением вещей. Толерантность, которую развитые европейские демократии довольно длительное время представляли «как рецепт в деле интеграции мигрантов» приняла извращенную «пассивную» форму, которая на практике часто приводит к замалчиванию случаев ксенофобии [Проблемы интеграции… – эл. ресурс].

Одним из важнейших условий успешной интеграции является создание благоприятного социального портрета. Ключевую роль играют в данном случае стереотипы, а в современной Европе, стереотипы, связанные с мигрантами, зачастую носят негативный характер. Таким образом, встает вопрос, как сформировать благоприятный социальный портрет в глазах членов принимающего социума, используя стереотипы?

Социальное портретирование основывается на оценочных факторах, другими словами, социальных маркерах, которые могут быть как постоянными (возраст, пол, национальность и др.), так и относительно постоянными (внешний вид, место жительства, доход и др.) Зачастую именно постоянные социальные маркеры вызывают предосудительное отношение. Одним из таких маркеров, от которого довольно тяжело избавиться, является произносительный акцент [Попова 2016, с. 12]. Акцент является важным инструментов социальной идентичности, так как особенности произношения часто вызываются ассоциации с принадлежностью к определенной социальной группе. Даже в рамках одного государства произносительный акцент играет важную роль, так как социолекты имеют разный уровень престижности. Во многих странах грамотная речь и нормативное произношение являются необходимыми условиями

для получения важной должности в государственном управлении, дипломатии или другой почетной сфере деятельности [Карасик 2002].

В условиях миграционного кризиса в Европе стоит отметить, что иноязычный акцент играет не менее важную роль при социальном портретировании, чем такие яркие социальные маркеры, как цвет кожи и национальность. Результаты многочисленных исследований в разных странах мира подтверждают, что наличие ярко выраженного иноязычного акцента может служить причиной дискриминации.

В ходе эксперимента, проведенного А.Н. Депре-Симз и С.Б. Моррисон, было установлено, что фактор идентичности оказывает значительное влияние на принятие решения в отношении кандидатов, проходящих собеседование на работу [Deprez-Sims, Morris 2010].

Особый интерес американских исследователей вызывают случаи «дискриминации по акцентному признаку» в отношении выходцев из Мексики. Эксперимент, проведенный Э. Бреннан и Дж. Бреннан, был направлен на установление взаимосвязи между степенью выраженности акцента мексиканских американцев и социальным статусом, приписываемым им на этом основании носителями американского английского и американскими мексиканцами. Результаты исследования показали, что чем сильнее выражен акцент, тем более низко оцениваются его носители. [Brennan, Brennan 1981].

Ф. Крингс и Дж. Оливарес провели эксперимент, направленный на установления роли социальной идентичности кандидатов и степени влияния стереотипов при принятии иммигрантов на должности, требующие высоких навыков межличностного общения. Результаты эксперимента свидетельствуют о том, что дискриминация в отношении мигрантов является весьма конкретной, ориентированной только на представителей определенных этнических групп, которые подают заявки на определенные позиции [Krings, Olivares 2007].

Подобное исследование было проведено М. Сингером и Г. Эдером. Предполагалось установить степень влияния факторов социальной идентичности – этнической принадлежности, наличия иноязычного акцента и статуса должности в ходе интервью при приеме на работу. Были получены два рейтинга: оценки при выборе кандидатов для собеседования и оценки субъективной значимости при решении о принятии на работу. Исследование продемонстрировало важность этнической принадлежности и статуса работы при выборе кандидата для проведения собеседования, однако при решении о принятии на работу фактор акцентной окрашенности речи оказался значительно важнее, чем этническая принадлежность кандидата [Singer, Eder 2013].

Исследования, проведенные Р. Хоппером, подтвердили, что фирмы предпочитают нанимать на высокие должности носителей

стандартного американского [Hopper 1977]. Дальнейшие эксперименты Р. Хоппера и Н. Де Ла Зерды демонстрируют, что различные факторы социальной идентичности в разной степени важны для различных позиций: в отношении супервайзера (superviser) единственным значительным фактором оказались речевые характеристики кандидата, для квалифицированного технического специалиста (skilled technician) каждый из факторов оценки имел важное значение, в том время как при оценке вероятности приема на работу низкоквалифицированного рабочего (semi-skilled worker) определяющими стали ожидания, основанные на стереотипном мышлении, и речевые характеристики [De La Zerda, Hopper 1979].

В 1978 году Р. Калин и Д. Райко установили, что англо-канадские студенты колледжа посчитали обладателей иноязычного акцента (итальянского, греческого, португальского и др.) менее подходящими для «статусных» должностей, таких как «бригадир» (foreman) и «промышленный механик» (industrial mechanic), сочтя кандидатов одинаково или более подходящими, чем англо-канадских спикеров, для работы с низким статусом, например, «сборщик продукции» (production assembler) или «уборщик на предприятии» (plant cleaner) [Kalin, Rayko 1978].

Исследования, проведенные в Англии и Австралии, также показали, что при отборе кандидатов на высокие должности предпочтительны люди, не имеющие иноязычного акцента [Giles, Wilson, Conway 1981; Seggie, Smith, Hodgins 1986].

Э. Иктен, проводившая исследование группы мигрантов с высшим образованием, которые переехали в Австралию в 2007 г., отмечает, что многие из них столкнулись с тем фактом, что владения английским языком самого по себе недостаточно как для успешной интеграции в принимающее сообщество. Наряду со сложностями, связанными с социальным аспектом коммуникации на рабочем месте, одной из наиболее распространенных проблем, по мнению самих мигрантов, является наличие акцента [Icten 2010].

Заключение

Анализ проблемы позволяет заключить, что в вопросах социокультурной интеграции мигрантов важную роль играет фактор социальной идентичности, а успешность интеграции во многом зависит от создания благоприятного социального портрета в глазах граждан принимающего общества. Наряду с внешними признаками произносительный акцент остается одной из ключевых аксиологических характеристик, позволяющей установить информацию о происхождении, социальном статусе и уровне образования, и зачастую именно произносительный акцент играет определяющую роль при

создании социального портрета в условиях прохождения собеседования при устройстве на работу или поиске съемного жилья. Поэтому предполагается, что дальнейшее изучение роли иноязычного акцента в вопросах восприятия мигрантов гражданами принимающего социума и применение результатов исследований в оптимизации программ гражданской интеграции может вызвать позитивную динамику в решении проблем.

Список литературы

Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 333 с.

Культурно-социальная интеграция мигрантов в Европейском союзе (На примере Германии, Великобритании, Дании). Режим доступа: https://interaffairs.ru/jauthor/material/1721.

Попова М.В. Статья «Зависимость социального портрета говорящего от стереотипов и иноязычного акцента как постоянного социального маркера». [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Вып. 3(742). Языкознание. 2016. С. 9–18. Режим доступа: http://vestnik-mslu.ru/Vest-2016/3_742.pdf.

Проблемы интеграции мигрантов в РФ и Евросоюзе: общее и особенное. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.cogita.ru/grazhdanskaya-aktivnost/migranty/5-i-konkurs-esse-migraciya-i-integraciya-migrantov-v-evrope-i-rossii/problemy-integracii-migrantov-v-rf-i-evrosoyuze-obschee-i-osobennoe.

Теперь и Саркози признал, что политика мультикультурализма провалилась. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://inosmi.ru/europe/20110211/166444540.html

Brennan E., Brennan J.S. Accent Scaling and Language Attitudes: Reactions to Mexican American English Speech. Language and Speech. 24, 1981. P. 207–221.

De la Zerda N., Hopper R. Employment interviewers' reactions to Mexican-American speech. Communication Monographs, 46, 1979, 126–134.

Deprez-Sims A.S., Morris S.B. Accents in the workplace: their effects during a job interview // International Journal of Psychology, 2010. Volume 42, Issue 6. P. 417–426.

Giles H., Wilson P., Conway A. Accent and lexical diversity as determinants of impression formation and perceived employment suitability. Language Sciences, 1981. 3, 91–103.

Hinrichs U. Multi Kulti Deutsch. Wie Migration die deutsche Sprache verändert. C. H. Beck, 2013. – 294 S.

Icten E. Communication Barriers at Work // Bulletin of the Transilvania University of Braşov, Vol. 3 (52). Series IV: Philology and Cultural Studies, 2010. P. 211–214.

Kalin R., Rayko D. Discrimination in evaluative judgments against foreign-accented job candidates. Psychological Reports, 1978. P. 1203–1209.

Krings F., Olivares J. At the doorstep to employment: Discrimination of immigrants as a function of applicant ethnicity, job type, and prejudice// International Journal of Psychology, 2007. Volume 42, Issue 6. P. 406–417.

Lev-Ari S., Keysar B. Why don't we believe non-native speakers? The influence of accent on credibility. Journal of Experimental Social Psychology, 2010. 46(6). P. 1093–1096.

Seggie I., Smith N., Hodgins P. Evaluations of employment suitability based on accent alone: An Australian case study. Language Sciences, 1986. 8., P.129–138.

Singer M., Eder G.S. Effects of Ethnicity, Accent, And Job Status on Selection Decisions // International Journal of Psychology, 1989. Volume 24, Issue 1–5. P. 13–34.

УДК: 81´23

Пучков С.И.

Специфика вербальной репрезентации политического события в разноязычных СМИ

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации
Россия, Москва, sergei-taekvondo@mail.ru

Аннотация. Автор статьи исследует специфику вербальной репрезентации политического события в лингвокультурах Испании, Франции и США. В основе исследования – сравнительный анализ представления вербального образа М. Каддафи на материале периодических изданий “El País”, “Le Figaro”, “Le Monde”, “The Washington Post” и “USA Today”. В основе компаративного анализа – теория высоко- и низкоконтекстуальных культур Э. Холла.

*Ключевые слова***:** речевое событие; речевая ситуация; вербальный образ; национальная специфика; испанский язык, французский язык, английский язык.

Puchkov S.I.

Specificity of Political Event's Verbal Representation in the Multilingual Mass Media

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation
Russia, Moscow, sergei-taekvondo@mail.ru

Abstract. The author explores the specificity of political event's verbal representation in the Spanish, French and American linguocultures. The study is based on the comparative analysis of the M. Gaddafi's verbal image's representation on the material of the periodicals "El País", "Le Figaro", "Le Monde", "The Washington Post" and "USA Today". The comparative analysis is based on E. Hall's theory of high- and low-contextual cultures.

Keywords: speech event; speech situation; verbal character; national specificity; Spanish; French; English.

Введение

В рамках коммуникативной парадигмы особое внимание уделяется понятию *речевой ситуации* и факторам, влияющим на её становление [Леонтьев 1969; Сорокин 1979]. Национальная специфика речевого события определяется, с одной стороны, особенностями познавательных моделей того или иного этноса, с другой – требованиями формата национальных СМИ, испытывающих серьезное влияние глобализационных процессов. Познавательные модели могут быть специфическими и потому непонятными представителям других этносов, что зачастую приводит к неэффективным коммуникативным актам в процессе межкультурной коммуникации [Пищальникова 2007]. Овладение этими моделями может быстро и результативно осуществляться под влиянием СМИ: жанровое своеобразие представляемой СМИ информации максимально приближено к речевому акту; в СМИ ставятся те же коммуникативные задачи, что и в реальном речевом акте представителей разных лингвокультур – эффективное воздействие на коммуниканта для достижения поставленной цели. При этом цели могут быть максимально разнообразными.

Одной из основных задач СМИ является формирование необходимого здесь и сейчас (!) отношения реципиентов к репрезентируемым событиям. Средства массовой информации сейчас являются монополистом в сборе, обработке и предоставлении информации наиболее широким массам реципиентов. Благодаря глобализации скорость передачи и распространения информации все время возрастает, но достоверность передаваемой информации проверить крайне трудно [Анисимова 2003; Сонин 2005; Мичурин 2013

и др.]. СМИ взяли на себя роль формировать образы политиков, и в силу высокой ангажированности СМИ создаваемые образы могут радикально отличаться от своего прототипа. Примером модификации образа политика может служить представление в СМИ ливийского лидера Муаммара Каддафи, чья жизнь прервалась 20 октября 2011 г. в результате кровавого государственного переворота. Многие страны мира с интересом следили за ситуацией в Ливии во время гражданской войны, и СМИ разных государств целенаправленно формировали образ ливийского лидера.

Исследование

Анализ национальной специфики представления медийного образа Каддафи в трех лингвокультурах – Испании, Франции и США – осуществляется на материале наиболее влиятельных периодических изданий: “El País”, “Le Figaro”, “Le Monde”, “The Washington Post” и “USA Today”. Цель статьи – *выявить национальную специфику речевого события* в контексте указанных лингвокультур.

Согласно Ю. А. Сорокину, речевое событие является актом вербального воздействия, направленного на регуляцию деятельности партнера [Сорокин 1979, с. 73–74]. Несколько модифицируя схему Ю. А. Сорокина, отметим, что схема простейшего межкультурного речевого события предполагает обязательное включение двух коммуникантов $К_1$ и $К_2$, имеющих *модели ситуации общения*, отвечающие целям каждого из них, включающих *задачу общения*, представление о *ситуации общения*, о задаче общения партнера. Эффективное общение предполагает взаимодействие коммуникантов [Grice 1975; Leech 1983]. Результатом этого взаимодействия в случае коммуникативного успеха является сближение моделей ситуации общения у $К_1$ и $К_2$. С позиции каждого коммуниканта общение протекает как процесс решения поставленной коммуникативной задачи, и их реакции констатируют всего обратные связи в системе $К_1$ – $К_2$, которая служит для коррекции воздействия партнера по коммуникации.

Однако в восприятии СМИ, осуществляющих доминирующую функцию воздействия, актуальна модель Ю. А. Сорокина, согласно которой $К_1$ – СМИ, $К_2$ – конкретный реципиент, читатель. При этом $К_1$ имеет четкую, проработанную *модель ситуации общения*, то есть некий план, исходя из которого СМИ будет достигать поставленных целей. В *модели ситуации общения* зафиксирована *задача общения* СМИ, *представление о ситуации общения* (как будет протекать это общение), представление о задаче общения читателя СМИ, представление реципиента о задаче общения СМИ. В рамках представленной модели речевого события СМИ учитывает предполагаемую реакцию реципиента, но последний никак не влияет на характер представления

информации в СМИ, а реципиент волен или полностью принять интерпретацию СМИ, или не принимать ее вообще.

Необходимо заметить, что основной задачей СМИ de jure является своевременное и беспристрастное описание событий и предоставление реципиентам информации о происходящем вокруг. Однако de facto средства массовой информации являются мощным идеологическим и политическим оружием в руках правящего слоя населения, который обеспечивает финансовую поддержку медиа-холдингов. Следовательно, реципиенты, уверенные в том, что СМИ выполняют возложенные на них задачи, оказывается в полной зависимости от поставляемой информации, которая может не быть правдивой, но позволяет средствам массовой информации эффективно влиять на формирование *концептуальной системы* как непрерывно конструируемой системы информации (мнений и знаний), которой располагает индивид о действительном или возможном мире [Павилёнис 1983].

В результате успешного общения между $К_1$ (СМИ) и $К_2$ (реципиент) происходит сближение моделей ситуации общения у СМИ и конкретного читателя. Другими словами, вербальное воздействие на концептуальную картину мира конкретного индивида успешно завершается, в ассоциативно-вербальную сеть реципиента встраиваются новые модели, которыми он руководствуется в принятии дальнейших решений. В такой ситуации ответная реакция $К_2$ может учитываться СМИ и даже привести к изменению тактики представления информации. Но, как правило, СМИ продолжает свою медийную политику, пока количество читателей, недовольных ею, не проходит «критическую точку» и читатели перестают пользоваться его информацией. Стратегически СМИ, безусловно, учитывают реакцию читателей, иначе они теряют аудиторию.

Чтобы выявить национальную специфику речевого события, воспользуемся сравнительным методом, позволяющим эффективно сопоставить определенные параметры речевого события разных лингвокультур.

Все выбранные нами языки относятся к индоевропейской языковой семье и являются флективными, что определяет сходство ряда познавательных моделей и способов выражения грамматических значений. Это не снижает уровня актуальности заявленной проблемы, напротив, подчеркивает национальную специфику представления речевого события при всем сходстве языков. В основе проводимого в данной работе компаративного анализа лежит теория высоко- и низкоконтекстуальных культур Э. Холла, так как, по нашему мнению, она предлагает сопоставимые параметры анализа и является «открытой» теорией, способной при необходимости включать новые. Согласно

теории Э. Холла, качество контекста, под которым подразумевается «информация, окружающая некое событие» [Hall 1990, p. 6], является основанием для отнесения той или иной культуры к высоко- или низкоконтекстуальной. При этом контекст неразрывно связан со значением конкретного события. Говоря о неразрывном единстве *культуры* и *коммуникации*, американский антрополог утверждает, что именно в речевом событии выкристаллизовывается культура этноса, следовательно, при исследовании культуры особое внимание должно уделяться конкретному речевому акту. Речевое событие, протекающее в рамках высоконтекстуальной культуры (далее ВК. – *С.П.*), отличается низким уровнем вербально, эксплицитно передаваемой информации, а большая часть информации передается невербально, имплицитно. Коммуниканты речевого события низкоконтекстуальной культуры (НК), наоборот, передают большую часть информации вербально, эксплицитно при низкой информативности жестов, мимики, метафор, аллюзий и тд. [Ibid.]. Э. Холл пришел к выводу, что испанская лингвокультура является высококонтекстуальной за счет высокой степени развития обширных и детализированных межличностных отношений в семье, в кругу друзей, в рабочем коллективе, в результате в повседневной коммуникации испанцам не требуется вербализовать информацию детально. Таким образом, высокий контекст данной лингвокультуры обусловлен высокой степенью интеграции разных сфер жизнедеятельности индивидов [Ibid., p. 6-7]. Лингвокультура США, напротив, согласно Э. Холлу, относится к ряду низкоконтекстуальных культур, так как для нее характерно четкое разделение сфер жизнедеятельности. Связи между представителями американской лингвокультуры ограничены определенными рамками, из чего следует, что американцы нуждаются в детальной фоновой информации при принятии того или иного решения. Американский взгляд на жизнь состоит в разделении события на информационные сегменты и концентрации внимания на каждом сегменте [Ibid.]. Французская лингвокультура отнесена исследователем к числу низкоконтекстуальных культур, но с оговоркой, что контекст ее выше, чем у американцев [Ibid.]. Таким образом, согласно выводам Э. Холла, названные в нашем исследовании лингвокультуры можно представить на шкале культур от низкого контекста к высокому следующим образом: американская, французская, испанская. При этом американский антрополог, в соответствии со своей концепцией, основывался на результатах исследования не столько собственно лингвистических факторов, сколько внешних по отношению к языку.

В нашей работе ставится задача исследования языкового представления события как возможного параметра сопоставления

культур, поскольку именно в языке закреплены модели поведения, отражающие национальную специфику той или иной лингвокультуры. Рассмотрим специфику представления образа Муаммара Каддафи в западных СМИ, которая, на наш взгляд, задается характером лингвокультуры. Результаты анализа материалов периодических изданий испанской лингвокультуры, отнесенной Э. Холлом к классу высококонтекстуальных культур, говорят о резком изменении качества контекста этой лингвокультуры в настоящее время. Образ ливийского лидера создается путем использования лексем в их прямом значении, а в случае, если лексема является полисемичной, вариативность значения такой лексемы нейтрализуется четко выраженным контекстом предложения, абзаца, текста: *tirano / тиран; dictador livio / ливийский диктатор; recurrió* sistemáticamente *a la cárcel* / *систематически* отправлял *в заключение;* no podíamos intuir su *nivel* de *barbarie*, de *sadismo* y de *violencia* / *мы не могли себе даже представить уровень его варварства, садизма* и *агрессии*. Широкое использование глагольных форм активного залога акцентирует непосредственную причастность М. Каддафи к выполнению того или иного порицаемого действия: *recurrió* sistemáticamente *a la cárcel* / *систематически* отправлял *в заключение; recurrió al asesinato y la tortura* / *обрекал на пытки и убийство; extirpó cualquier libertad* / *искоренил свободу;* desarrolló un *enfermizo culto a la personalidad* / *культ личности, созданный и взращенный Каддафи*, *оказался болезнью* ливийского общества. Частотное использование портретных характеристик при создании вербального образа ливийского лидера позволяет испанским СМИ максимально четко обозначить границы его, не оставляя места размышлениям реципиентов: (dirigente) *astuto* y *progmático* / (руководитель) *хитрый* и *прагматичный*; (al líder livio ha unido) *excentridad* y *progmatismo* / (характер ливийского лидера отличается как) *эксцентричностью*, так и *прагматизмом; cínico / циничный*; *tipo carismático*/ харизматичный человек. При этом отмечается редкое использование описательных конструкций, в которых М. Каддафи не является субъектом действия. В этом случае образ ливийского лидера создается путем описания актуальных на момент предоставления информации событий, к которым М. Каддафи имеет косвенное отношение: *el fin de un largo y penoso capítulo para el pueblo de Libia* / *конец главы истории Ливии, долгой и болезненной для ее народа*; смерть Каддафи рассматривается как начало нового, демократического этапа в жизни страны, а предыдущий этап оценивается как болезненный; акцентируется несовместимость правления Каддафи с демократией: *el fin* de *Gadafi es una oportunidad para la democracia en Livia* / *смерть Каддафи – шанс построить демократию в Ливии*. В этих и подобных конструкциях намеренно

задается доминантное противопоставление *смерть Каддафи – шанс демократии.* Оно реализуется не только в лексических значениях конкретных слов, но и в системе связей между компонентами предложения / абзаца; *cinco años después de la muerte del dictador el país se descompone en una carrera por el poder y el dinero / через 5 лет после смерти диктатора страну разлагает борьба за власть и жажда наживы*. Кроме того, специфическим приемом создания образа М. Каддафи в испанских СМИ является частая замена в предложениях имени ливийского лидера на приписываемую ему качественную характеристику: *era un depredador con las mujeres* / *с жестокостью, походившей на жестокость маньяков, он обращался с женщинами; tirano / тиран*, *dictador / диктатор.* Частое использование ограниченного круга лексем позволяет испанским СМИ сузить вариативность возникающих в сознании реципиентов ассоциаций, связанных с именем М. Каддафи, что позволяет быстро и однозначно создать желаемый образ политика.

Способы создания вербального образа ливийского политика, продемонстрированные испанскими СМИ, позволяют сделать вывод: сегодня испанская медиакультура, естественно испытывающая сильнейшее воздействие глобализационных процессов, вынуждена при представлении в СМИ ряда политически и социально значимых для всего мирового сообщества событий, реализовывать стратегии низкоконтекстуальных культур для сохранения и своего имиджа, одобряемого союзниками. Этот вывод противоречит однозначному заключению, к которому пришел Э. Холл, относя испанцев к представителям высококонтекстных культур. Таким образом, можно предполагать, что изменение тех или иных параметров сопоставления культур может совершаться под воздействием внешних, средовых факторов.

Анализ материалов периодических изданий французской лингвокультуры позволяет сделать вывод об актуальности заключений, сделанных Э. Холлом, согласно которым французская лингвокультура является высококонтекстуальной. Высокий контекст данной лингвокультуры выражается в использовании при создании вербального образа М. Каддафи лексических средств, употребляющихся в переносном значении, а также в широком использовании описательных конструкций, имеющих отношение к актуальной ситуации в Ливии и за ее рубежами: *la venue humiliante* (de Kadhafi) / *унизительное появление* (Каддафи); *la présidence* (du colonel Kadhafi) a été *très controversée* et "*très nuisible* à l'image de l'UA" / *председательство* (полковника Каддафи) *носило очень противоречивый характер и «принесло много вреда* имиджу Африканского союза»; Kadhafi : *pas de société civile* en

Libye / Каддафи: *никакого гражданского общества* в Ливии. Очевидно использование имплицитных средств создания образа М. Каддафи. Частое использование метафор и других средств художественной выразительности позволяет реципиентам самим сделать выводы о качествах, присущих ливийскому лидеру. При этом ассоциативное поле не сужается, как это было продемонстрированно в анализе речевого события испанских СМИ, а наоборот, намеренно расширяется, что позволяет повысить уровень вариативности восприятия лексем, представляющих образ ливийского лидера: *l'Afrique est le nouveau terrain de jeu* (de Kadhafi) / *Африка – новая площадка для игр* (Каддафи); *Kadhafi est issu du désert / Каддафи – выходец из пустыни*; Kadhafi, *dirigeant shakespearien* / Каддафи, *правитель по Шекспиру*. Вместе с этим отмечается употребление конкретизирующих лексем и конструкций, позволяющих придать конкретную форму создаваемому образу ливийского лидера. Но их низкая частотность не может коренным образом повлиять на доминантную тенденцию высокого контекста в представлении информации: Kadhafi, *tyran craint* jusqu'à son dernier souffle / Каддафи – *тиран, внушающий страх* до последнего вдоха; *le dictateur libyen / ливийский диктатор*, *le tyran libyen / ливийский тиран*, *le colonel Kadhafi / полковник Каддафи*. Отличительной чертой национальной специфики создания образа ливийского лидера является частое использование конструкций, в которых полковник Каддафи не является актантом: *la Libye et ses quelque 5 millions d'habitants est trop exigué pour Kadhafi / для Каддафи недостаточно Ливии с 5 миллионным населением*; *la répression menée par le régime de M. Kadhafi contre une révolte / мятеж спровоцировал введение репрессий со стороны режима Каддафи*, *la violente répression* engagée par le régime de Mouammar Kadhafi / *жестокие репрессии*, инициированные режимом Муаммара Каддафи; *les forces loyales au colonel Mouammar Kadhafi ont tué* au moins *142 personnes* / силы, преданные полковнику Муаммару Каддафи, *убили 142 человека* за месяц – употребление имени ливийского лидера в качестве пассивного деятеля позволяет отстранить Каддафи от прямых обвинений в убийстве собственных граждан, вместе с тем создает иллюзию отсутствия контроля над подчиненными военными силами. В данном случае образ ливийского лидера опять создается имплицитно. Проанализировав способы представления информации в конкретных речевых ситуациях французской лингвокультуры, можно сделать вывод о том, что уровень контекста во французской лингвокультуре существенно выше по сравнению с уровнем контекста лингвокультуры Испании.

В периодических изданиях США образ ливийского лидера создается как путем использования портретных характеристик (Gaddafi

has been daffy for a long time / Каддафи *был безумен в течение долгого времени*; Gaddafi *was totally insane* / Каддафи *был совершенно душевнобольным*), так и путем употребления описательных конструкций, не использующих М. Каддафи в качестве субъекта действия. Для выражения заданного СМИ образа ливийского лидера используется прямая номинация Каддафи, сужающая вариативность возникновения ассоциативных связей в сознании индивидуумов: *Libyan dictator Moammar Gaddafi / ливийский диктатор Муаммар Каддафи; dictator / диктатор;* …with Moammar Gaddafi, *sponsor of two* of the most spectacular *acts of terrorism against Americans* and a cruel dictator in his own country since 1969 / …с Муаммаром Каддафи, *спонсором двух* наиболее выдающихся *террористических актов против американского народа* и жестоким диктатором Ливии с 1969 года. При этом частотны случаи, когда образ М. Каддафи создается имплицитно, путем описания конкретного события или действия, в которых Каддафи не является актантом: the regime was a *death-defying act* / этот режим был *практикой, сопряженной с риском для жизни;* Libyan dictator Moammar Gaddafi's many and varied eccentricities / многие разнообразные странности ливийского диктатора Муаммара Каддафи; the Gaddafi regime has not altered its *domestic repression* / режим Каддафи не отказался от *внутренних репрессий*. В то же время с высокой частотны конструкции, в которых ливийский лидер является субъектом действия, что акцентирует образ М. Каддафи: leader Moammar Gaddafi *ordered warplanes and helicopters to halt protesters* in the capital Tripoli / лидер Муаммар Каддафи *отдал приказ силам военной авиации остановить* протестующих в Триполи; Gaddafi *vows to "die as a martyr"* / Каддафи *клянется умереть мучеником*; *Gaddafi*…"*is the architect of* his own *gilded cage*" / *Каддафи – создатель* своей собственной *позолоченной клетки*. Кроме того, при создании вербального образа М. Каддафи прослеживается широкое использование средств риторического воздействия, что позволяет передавать часть информации имплицитно: *Gaddafi was the quintessential 20th-century dictator* / Каддафи был квинтэссенцией диктаторов XX столетия; *president Ronald Reagan once called Gaddafi the "mad dog of the Middle East"* / президент Рональд Рейган как-то назвал Каддафи «бешеным псом Ближнего востока»; *Gaddafi's paranoid police state was increasingly incompatible with this modern world* / параноидальное полицейского государство Каддафи становится все более несовместимым с реалиями современного мира. Анализ представленного периодическими изданиями США материала позволяет сделать вывод о сохранении низкого уровня контекста американской лингвокультуры, в котором, однако, очевидны и признаки высококонтекстуальности, детерминированные, вероятно, общей

тенденцией внешней политики США к жесткости, точному выражению своей доминирующей позиции в мире, а следовательно, ее однозначному представлению.

Заключение

Таким образом, национальная специфика речевого события в современных медиа может корректироваться актуальными политическими и социальными задачами, что проявляется в характере речевых действий. Они, согласно А. А. Леонтьеву, структурны и целенаправленны [Леонтьев 1969]. Следовательно, речевые действия могут становиться средством достижения таких специфических целей, как создание заданного образа конкретного политика и регуляция общественного мнения путем вербального воздействия на концептуальную систему каждого отдельно взятого индивида. При этом в ассоциативно-вербальную сеть реципиента встраиваются новые модели поведения, которыми он руководствуется в дальнейшем при принятии того или иного решения. Эффективность такого воздействия сомнительна без учета национальной специфики речевого события, так как в рамках разных лингвокультур реализуются различные модели поведения. Кроме того, различаются и тактики представления информации. Уместная тактика способна ускорить процесс внедрения необходимых моделей поведения и наоборот, неправильно выбранная тактика окажется неэффективной в контексте той или иной лингвокультуры.

Взятая в основу компаративного анализа теория высоко- и низкоконтекстуальных культур Э. Холла позволила выявить национальную специфику речевого события лингвокультур Испании, Франции и США. Так, в настоящее время при создании вербального образа М. Каддафи представители испанской лингвокультуры склоняются к реализации тактик низкоконтекстуальных культур: частое использование портретных характеристик, использование глагольных форм активного залога, употребление лексем в прямом значении и редкое использование описательных конструкций. Представители французской лингвокультуры, наоборот, четко придерживаются тактики выкоконтекстуальной культуры: широкое использование средств художественной выразительности, редкое употребление портретных характеристик и частое использование конструкций, в которых М. Каддафи выступает в качестве пассивного деятеля.

Лингвокультура США представляет собой пример лингвокультуры, реализующей в равной мере как тактики низкоконтекстуальных, так и высококонтекстуальных культур: использование прямой номинации посредством портретных

характеристик и вместе с тем использование описательных конструкций и средств риторического воздействия.

Ни один из приведенных выводов не подтверждает заключения, к которым пришел в своих работах американский антрополог Э. Холл, отнеся испанскую культуру к разряду высоконтекстуальных, американскую и французскую – к разряду низкоконтекстуальных, но с оговоркой, что контекст последней выше, чем в американской. По нашему мнению, это обусловлено рядом причин. Во-первых, Э. Холл исследовал в большей степени внеязыковые факторы, влияющие на коммуникативный процесс. Нами же была поставлена задача исследования *языкового* представления события как возможного параметра сопоставления культур. Во-вторых, как известно, язык развивается *стихийно* и с момента проведения Э. Холлом своего исследования прошло больше полувека, следовательно, процессы развития языка в указанных культурах могли повлечь за собой их переход в разряд высоко- или низкоконтекстуальных культур. В-третьих, на речевое событие влияет жанровое своеобразие представляемой СМИ информации. И при этом СМИ испытывают сильное влияние глобализационных процессов, которые так или иначе влияют на выбор тактики представления информации.

Список литературы

Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 128 с.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.

Леонтьев, А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: «Просвещение», 1969. 216 с.

Мичурин Д.С. Влияние поликодовых текстов на динамику виртуальной коммуникации в интернете / Д.С. Мичурин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 4. С. 290–295.

Павилёнис Р.И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. М.: «Мысль», 1983. 286 с.

Пищальникова В.А. Принципы выявления вербальной маркированности этногенетического типа // Вестник МГЛУ. Вып. 5 (584). Языкознание. Языковое существование человека и этноса. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2010. С.73–83.

Сонин А.Г. Понимание поликодовых текстов: когнитивный аспект. М.: ИНИОН РАН, 2005. 220 с.

Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Шахнарович А.М. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М.: «Наука», 1979. 327 с.
Grice H.P. Logic and conversation. In: «Syntax and semantics», v. 3, ed. by P. Cole and J. L. Morgan, N. Y., Academic Press, 1975, p. 41–58.
Leech G. Principles of Pragmatics. L., N.Y.: Longman, 1983. 250 p.
Hall E.T. Beyond culture. Garden City (N.Y.): Anchor press: Doubleday, 1989. 314 p.
Hall E.T. Understanding cultural differences. London: Intercultural press, 1990. 196 p.

УДК: 811.1/.8

Штеба А.А.

Эмотивность нуля

Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
Россия, Волгоград, alexchteba@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема контекстуальной актуализации в семантике эмоционально-оценочно нейтральных лексических единиц эмотивных сем. Данный процесс обусловливает переход эмотивного статуса из потенциатива в ситуативный коннотатив, когда эмотивная сема становится не факультативной, а облигаторной в рамках определенной коммуникативной ситуации. Активизация потенциальных эмотивных сем анализируется с позиции ризоморфной организации семантики.

Ключевые слова: эмотивность, эмотивная сема, потенциальный эмотив, коннотатив, ризома.

Shteba A.A.

Emotiveness of zero

Volgograd State Socio-Pedagogical University,
Russia, Volgograd, alexchteba@yandex.ru

Abstract. The article deals with the problem of contextual actualization emotive semes in the semantics of neutral lexical units. This process causes the transition of the emotive status from the potential to the situational connotative, when the emotive seme becomes not optional, but obligatory inside of a communicative situation. The activation of potential emotive semes is analyzed from the position of the rhizomorphic organization of semantics.

Keywords: emotiveness, emotive seme, potential emotive word, connotative word, rhizome.

Слова страшно подвижны и текучи, и меняются день ото дня, и зыбки как тени,
да они и есть тени, и существуют в той же степени,
в какой и не существуют, это мыльные пузыри,
еле слышный рокот моря в витой раковине, срубленные стволы.
(Сарамаго Ж. Перебои в смерти)

Выбранный для данного сообщения эпиграф полностью раскрывает цель исследования, состоящую в выявлении принципов и семантических механизмов реализации скрытого эмоционально-смыслового потенциала слов. В концепции лингвистической категоризации эмоций [Шаховский 2008] постулируется ряд тезисов относительно потенциальной эмотивной семантики лексических единиц, которая обладает двумя статусами: адгерентным и ингерентным. Если в первом случае речь идет о том, что контекст привносит в семантику конвенционально нейтрального слова эмотивность, то в рамках ингерентного подхода любое слово обладает не только явными, но и скрытыми эмосемами. Таким образом, контекст лишь актуализирует скрытые эмоционально-смысловые потенции слова.

Особую значимость в исследовании скрытого эмоционального потенциала слова приобретает разграничение содержания и смысла. Г.П. Щедровицкий указывал на то, что «слова плавают в море смыслов». Извлечение слова из данного условного смыслового резервуара в определенной коммуникативной ситуации, с конкретной коммуникативной целью, варьируемой в зависимости от коммуникативных намерений говорящего и, в целом, личности последнего, приводит к тому, что становится возможным зафиксировать только часть смыслов, тогда как основная (безграничная, по А.Ф. Лосеву) смысловая наполненность семантики ускользает от пользователя языка: идентификация слова есть его включение в контекст многогранного предшествующего опыта говорящего [Залевская 1991, с. 75-77]. Семантика слова заранее не задана и безгранична, тогда как выводное знание с опорой на маркеры-ассоциаты существует на оси «для меня – здесь – сейчас» как причинно-смысловая связь между лексической единицей и прошлым опытом индивида [Голубева 2016, с. 5].

Рассмотрим следующий пример:

От дороги вдаль простиралась обширная пашня. Меня отделял от нее забор из двух ниток колючей проволоки, и я видела, что этот забор да три-четыре дерева надо мной – единственные препятствия для ветра на мили вокруг. По всей длине забора, особенно вдоль нижней проволоки, застрял всевозможный летучий мусор. Похоже было на

обломки, которые волны выбрасывают на морской берег; ветер, видимо, гнал все это очень долго, пока на пути не встретились эти деревья и две нитки проволоки. <...> Я думала про мусор, про хлопающие пакеты на ветках, про «береговую линию» из всякой всячины, застрявшей в колючей проволоке, и, прикрыв глаза, представила себе, что сюда выброшено все потерянное мной начиная с детства и теперь я стою как раз там, где нужно, и если терпеливо подождать, то на горизонте над полем появится крохотная фигурка, начнет постепенно расти, пока не окажется, что это Томми, и тогда он помашет мне, может быть, даже прокричит что-нибудь. Дальше фантазия не пошла, потому что я ей не позволила, и хотя по моим щекам катились слезы, я не рыдала и, в общем, держала себя в руках (Исигуро К. Не отпускай меня).

В данном примере артефакты повседневной жизни, обозначения которых в языке лишены эмотивной составляющей (проволока, забор, мусор), становятся эмотивами-потенциативами, индивидуальная эмоционально-смысловая составляющая которых отличается от конвенциональной бытовой. Сама пашня, которую отделял забор из натянутой проволоки, превращается в нечто сакральное, ритуальное, становится святилищем (местом Силы), сопоставимым с местом паломничества и по этой причине обладающим мощным эмоционально-смысловым энергийным потенциалом, актуальным только для одного конкретного человека по причине вызванных в нем ассоциаций.

Подробнее остановимся на том, каким образом данный эмотивный потенциал актуализируется в семантике слова. Механизмом актуализации потенциальной эмотивной семантики слова является открытие у него эмотивной валентности, понимаемой как способность любых семиотических образований (лингвистического и экстралингвистического характера) вступать в эмотивные связи на основе внешнего и внутреннего уровней согласования эмосем, когда дополнительное сочетание эмосем на внутреннем уровне может либо усиливать, либо менять эмоционально-смысловую составляющую эмотивной валентности слова [Штеба 2012, с. 6-7], либо привносить данную эмотивность в семантику лексической единицы. В результате скрытый эмотивный потенциал нейтральных слов реализуется в тексте и превращается в устойчивое эмоциональное созначение:

- *Рейнгольд! повторил я так же резко и звонко. Но я почувствовал, что теперь в моем голосе звучит не столько негодование, сколько глубокая скорбь. Это "Рейнгольд" заключало в себе скорее мольбу, чем гнев оскорбленного человека, который может перейти от угроз к действию* (Моравиа А. Презрение).

Закрепление за именами собственными эмоциональной коннотации является сравнительно более длительным процессом, чем фиксация коннотации у имен нарицательных. Яркими примерами антропонимов-коннотативов можно считать не только имена одиозных личностей, но и *Свидригайлов* в русском, *Танги* (Tanguy) или *Бизунурс (*Bisounours) во французском языке, имена большинства современных политиков. В представленном выше примере сочетание имени собственного с просодическими особенностями артикулирования данного имени привело к созданию эмотивной валентности, актуализировавшей скрытый эмотивный потенциал данного слова.

Классическая схема структуры семантики слова представляет собой сферу с ядром и зонами периферий (ближайшей и дальнейшей). При этом ядерная зона остается, как правило, неизменной, а периферия может подвергаться эмоционально-смысловым модуляциям.

Состояние А Состояние Б

Схема 1. Актуализация потенциальной эмоциональной семы

На представленной схеме показано, что возникающая в процессе познавательного поиска эмотивизация семантики нейтрального слова, проходящая этапы активизации интуиции, удивления, воображения и эмоционального реагирования/переживания [Залевская 2013, с. 91], приводит не только к актуализации потенциальной семы, но и к переводу эмосемы из разряда факультативной (Состояние А) в семантический статус облигаторной (Состояние Б) применительно к конкретной коммуникативной ситуации в проекции опыта конкретного индивида:

- Ты же знаешь, какие это золотые ребята! - восклицает Жоан де Адан. - А уж о Педро и говорить нечего! Он - настоящий товарищ.

Товарищ... Товарищ... Педро кажется, что нет на свете слова прекрасней (Ж. Амаду. Генералы песчаных карьеров).

Интересно, что эмотив-потенциатив применительно к тексту культуры того или иного языка является одновременно коннотативом для автора в рамках анализируемой коммуникативной ситуации. В таком случае уже потенциальная эмосема станет облигаторной и, кроме того, производной для последующих смысловых и эмоционально-смысловых приращений семантики. Подобная модель сопоставима с ризомой, в которой, в отличие от порядка древа, любая точка может

быть присоединена к любой другой. Ризома лишена стержня, ризоморфность предполагает появление кажущихся корнями стеблей и волокон, когда любая линия может в любой момент быть связана с другой и данное объединение предугадать невозможно [Синельникова 2017, с. 807]:

Вообще, слово «умная» по отношению ко мне в нашей семье могло применяться как в смысле разумности, так и не совсем одобрительно: «Ох, ну уж больно ты умная!» А производные от того же слова могли означать и прямое порицание за нахальство и вызывающую развязность. Хватит умничать! (Манро Э. Плюнет, поцелует, к сердцу прижмет, к черту пошлет, своей назовет).

Ризоморфная организация семантики слова, в которой любая производная составляющая может стать производящей, сопоставима с хаосом. При этом хаос, как первичное состоянии материи, диалектичен, поскольку в нем действуют несогласованные (противоречивые) силы, разнонаправлен, стихиен и динамичен, безмерен, непрерывен; хаос стремится к самоорганизации, а космос, как упорядоченный, структурный абсолют – к деструкции [Арутюнова 2003, с. 7]. В результате система хаоса, при всей противоречивости данного суждения, более организованна и успешна, чем система космоса, а положение о допустимости колебаний эмотивного статуса лексических единиц, когда ситуативный коннотатив является эмотивом-потенциативом для языкового сообщества в целом, развивает представления о языковой категоризации эмоций.

Список литературы

Арутюнова Н.Д. О движении, заблуждении и восхождении // Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2003. С. 3–10.

Голубева О.В. Теория эвиденциальности выводного знания: психолингвистический подход: автореф. ... докт. филол. наук. Тверь, 2016. 48 с.

Залевская А.А. Абстракция, эмпирия, воображение и эмоция в научном исследовании и в обыденном знании // Cultural heritage in knowledge ... / Chief editor: Pavlov V.V. London, 2013. С. 89–92.

Залевская А.А. Экспериментальное исследование параметра оценки в психологической структуре значения слова // Проблемы семантики: психолингвистические исследования. Тверь, 1991. С.73–82.

Синельникова Л.Н. Ризома и дискурс интермедиальности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21. № 4. С. 805–821.

Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Изд. ЛКИ, 2008. 208 с.

Штеба А.А. Структурно-функциональный аспект эмотивных валентностей слова (на примере слова *cœur*). Дис. ... канд. филол. н. Волгоград, 2012. 219 с.

ПРОБЛЕМЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

УДК: 81’25(063)

Раренко М.Б.

Перевод как один из способов понимания текста

Института научной информации по общественным наукам РАН, Россия, Москва, rarenco@rambler.ru

Аннотация. В статье перевод рассматривается как один из способов познания текста. Представляя собой вторичный текст, переводное произведение представляет собой обработку первичного текста, в результате которой сохраняется смысл оригинала, являющийся, по А.И. Новикову, определяющим фактором текста.

Ключевые слова: А.И. Новиков, понимание, смысл, информация, первичные тексты, вторичные тексты, обработка текста, перевод, автоперевод.

Rarenko M.B.

Ttranslation as a means of understanding the text

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow, rarenco@rambler.ru

Abstract. In the article translation is considered as one of the means of understanding the text. As a secondary text, the translated work stands for the primary text and preserves the meaning of the original, which, according to A. I. Novikov, is considered as the determining factor of the text.

Keywords: A.I. Novikov, understanding, sense, information, primary texts, secondary texts, text processing, translation, automatic translation.

В конце XIX – начале XX вв. значительно увеличиваются объемы информации, циркулирующей в обществе, чему способствуют, в первую очередь, следующие факторы. Во-первых, в этот период, прежде всего благодаря интенсивному развитию техники, появились

принципиально новые возможности получения информации, что повлекло за собой изменение привычных способов коммуникации в обществе. Первым шагом в этом направлении стало появление фотографии, когда в 1826 г. француз Жозеф Нисефор Ньепс сделал первую в мире фотографию – вид из окна своей мастерской. Следующим событием стало изобретение радио. Дальнейшим шагом стало развитие кино, история которого начинается еще в XIX в. В основу кинематографа был положен принцип фотографии – запечатления неподвижных изображений. Первая публичная демонстрация кино состоялась в Париже еще в марте 1895 г., но *днем рождения кино* считается 28 декабря 1895 г. Именно в этот день в подвале «Гран Кафе» на бульваре Капуцинов состоялся первый коммерческий киносеанс.

Значительным шагом в изменении коммуникации в социальной сфере стало повсеместное распространение телевидения, когда телевещание стало неотъемлемой частью человеческой жизни, основным источником информации и развлечения. Изменение коммуникации в социальной сфере повлекло изменения в других сферах общества, в том числе академической среде. Увеличение потока научной информации привело к необходимости создания эффективных способов обработки этой информации.

Основоположником теории смыслового преобразования текста считают Анатолия Ивановича Новикова (1938-2003, который одним из первых осознал необходимость создания алгоритмов по обработке больших массивов текста.

Текст как самостоятельный объект исследования стал интересовать лингвистов в 70-е гг. XX в. Приблизительно в этот период стали выделяться такие направления исследования текста, как лингвистика текста, функциональная лингвистика, коммуникативная лингвистика, теория дискурса. То, что текст оказался в центре изучения стольких дисциплин, указывает на многогранность и многоаспектность феномена текста. Каждая из дисциплин обращает внимание на определенный аспект текста, каждый из которых является важным и актуальным. В настоящее время существует множество разных определений текста в зависимости от задач, которые ставит перед собой исследователь. А.И. Новиков подчеркивает, что главными признаками текста должны стать «не грамматические показатели связности, а такие его свойств, как интегративность, завершенность, в основе которых лежит явление целостности, имеющее не формально-языковую основу, а содержательно-смысловую» [Новиков 2007, с. 18]. Принципиальное свойство каждого текста заключается в его способности содержать и передавать новую информацию, поскольку без этого невозможна

коммуникация. Это фундаментальное свойство текста А.И. Новиков, вслед за Богрaндом и Дресслером, называет «информативностью» [Новиков, 2007, с. 20]. По мнению исследователя, «целостность текста обеспечивается целостностью его содержания, которое формируется в результате понимания текста. Понимание же возникает тогда, когда становится ясно, «что к чему относится», в результате чего все связи компонентов содержания «замыкаются» в единую структуру, не имеющую «разрывов» и ”пустот”» [Новиков 2007, с. 20]. Говоря о понимании текста, А.И. Новиков актуализирует понятие «смысл», отмечая, что «смысл является не только результатом понимания, но и его инструментом, поскольку текст изначально рассчитан на осмысленность» [Новиков 2007, с. 29]. Смысл оказывается определяющим фактором текста и такого его свойства как целостность, поскольку, как утверждает исследователь вслед за А.А. Леонтьевым, «целостным является сам текст. Целостным является смысл, который и проецирует свою целостность на текст» [Новиков 2007, с. 29]. Как показывает А.И. Новиков, носителями смысла являются доминанты текста, реализующиеся в ключевых словах. «Доминанта, возникая в сознании, стягивает вокруг себя определенное содержание, переструктурирует его и тем самым организует определенным образом семантическое пространство», – замечает А.И. Новиков [Новиков, 2007, с. 55]. А.И. Новиков подчеркивает необходимость выявления особенностей вторичных текстов. Созданные в результате переосмысления первичных, созданные на их основе, эти тексты выполняют особую миссию – вычленить смысловые узлы первичных текстов, актуализировав их содержание. В отдельных случаях допускается сокращение первичных текстов (например, реферат, сокращенный перевод и пр.), экспликация смысла (аннотация, конспект, выборочный перевод и пр.). Таким образом, одной из главных техник при работе со вторичными текстами является техника свертывания и развертывания смысла. А.И. Новиков отмечал, что «основной закономерностью понимания является свертывание информации, которое происходит во внутренней речи» [Новиков, 2007, с. 66].

Описанный выше процесс можно рассматривать как частный случай перевода, если перевод понимать в широком значении – так, как его предлагает понимать в своей работе «О лингвистических аспектах перевода» Р. Якобсон [Якобсон 1978]. Исследователь выделяет три способа интерпретации вербального знака, который может быть переведен как в другие знаки того же языка, на другой язык, так и в другую, невербальную систему символов, и предлагает этим трем видам перевода дать следующие названия: 1) внутриязыковой перевод, или переименование – интерпретация вербальных знаков с помощью других

знаков того же языка; 2) межъязыковой перевод, или собственно перевод, – интерпретация вербальных знаков посредством какого-либо другого языка; 3) межсемиотический перевод, или трансмутация, – интерпретация вербальных знаков посредством невербальных знаковых систем. Как известно, переводческая практика представляет собой один из древнейших видов человеческой деятельности. Исследуя историю зарождения перевода как социальной практики, В.Н. Комиссаров пишет: «Возможно, что первыми переводчиками были женщины. Известно, что в древности существовал обычай красть невест из чужого племени, женщина поневоле овладевала языком мужа и могла выступать в случае необходимости в роли переводчика» [Комиссаров 1999, с. 81]. С возникновением письменности активно начинает развиваться письменный перевод, благодаря которому становится возможным знакомство с документами военного, культурного, а также религиозного характера. Несколько позже начинают появляться переводы художественных текстов. В дальнейшем, вплоть до начала XX в**.** особенно активно развивался литературный перевод, т.е. перевод художественной литературы, и, соответственно, главным критерием хорошего перевода считалась способность переводчика точной передачи не только содержания подлинника, но и особенностей индивидуально-авторского стиля текста оригинала. В XX в**.** возникла острая необходимость в переводе деловых материалов разных жанров и тематики – коммерческих, научно-технических, политических, военных текстов, требовавших учета жанровой специфики текста. При этом предполагалось, что исходная информация должна быть передана как можно полно и в короткие временные сроки.

В послевоенный период в XX в. связи с необходимостью перевода все большего и большего количества разных текстов, потребность общества в переводах и переводчиках неуклонно возрастает. Во второй половине XX в. исследования в области перевода идут в двух направлениях. Потребность разработать в кратчайшие сроки успешные программы подготовки профессиональных переводчиков приводит к необходимости теоретического осмысления основных проблем перевода как человеческой интеллектуальной деятельности особого рода. Поскольку в основе переводческой деятельности лежит языковая коммуникация, вполне логичным ***представляется*** создать теорию переводческой деятельности на основе методики обучения иностранным языкам, обращаясь к тем категориям, которые традиционно изучались в русле лингводидактики, например, к категориям речевой деятельности, интерференции, фоновых знаний и др. В результате взаимодействия разных факторов возникает лингвистический подход к переводу.

Необходимость переводить большие объемы текстов стимулирует разработчиков машинного перевода к поиску способов усовершенствования систем перевода. Важную роль в разработке моделей машинного перевода занимает проблема типологии текстов. Было замечено, что некоторые тексты поддаются переводу значительно лучше, чем другие, из чего был сделан вывод о том, что система машинного перевода реагирует на различия в лексике, синтаксических конструкциях, других лингвистических характеристиках, которые могут быть незаметны человеку-переводчику и редактору. По мнению Ю.Н. Марчука, «типологию текстов не привлекала особенного внимания переводоведов, хотя исследования в этой области безусловно были» [Марчук 2015, с. 121]). В настоящее время одной из главных задач, стоящих перед разработчиками, является создание детальной типологии текстов, подлежащих машинному переводу, поскольку «система машинного перевода реагирует на такие различия в лексике, синтаксических конструкциях, других лингвистических характеристиках, которые просто незаметны переводчику-человеку или редактору. При более тонкой типологии, с правильным учетом контекста можно было бы добиться положительных результатов в обоих случаях» [Марчук 2015, с. 121]. По мнению автора, «важным средством для типологии текстов может выступать контекстологический словарь для разрешения многозначности слов» [Марчук 2015, с. 123], который составляется «на основе конкорданса из текстов исходного языка и текстов соответствующих переводов (параллельных текстов)» [там же], при этом контекст понимается «как типовое, наиболее распространенное лингвистическое окружение многозначного слова» [там же]. На основе контекста выбирается необходимое значение (перевод) многозначного слова; выбор нужного значения осуществляется в результате работы алгоритма, запрашивающего контекст на наличие или отсутствие детерминанты, т.е. лингвистического признака для соответствующего перевода слова.

Таким образом, перевод можно рассматривать как один из способов понимания текста и актуализации его (текста) смысла.

Список литературы

Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М., 1999. 192 с.

Марчук Ю.Н. Информационные технологии в лингвистике: Компьютерная лингвистика. Parmarium Academic Publishing, 2015. 131 с.

Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты. М., 2007. 224 с.

Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 16–24.

УДК: 81’25(063)

Фролов В.И.

Перевод с точки зрения теории речевой деятельности

Московский государственный лингвистический университет,
Россия, Москва, pretransfallacy@gmail.com

Аннотация. В статье теория речевой деятельности А.А. Леонтьева представлена как теоретико-методологическая база для разработки независимой теории перевода. С точки зрения автора актуальный вопрос о междисциплинарности переводоведения может быть решен лишь с привлечением теорий, изначально ориентированных на моделирование междисциплинарного объекта исследования. Так, при изучении перевода необходимой понятийной базой может стать теория речевой деятельности – особый психолингвистический подход, разработанный А.А. Леонтьевым и развитый И.А. Зимней и другими учеными.

Ключевые слова: теория речевой деятельности, методология переводоведения, междисциплинарный объект.

Frolov V.I.

Translation from the perspective of theory of speech activity

Moscow State Linguistic University,
Russia, Moscow, pretransfallacy@gmail.com

Abstract. The article posits A.A. Leontiev’s theory of speech activity as a theoretical and methodological framework for formulating an independent field of translation studies. The author believes that the critical problem of the interdisciplinary status of translation studies may be solved exclusively by means of using those theories that are initially oriented towards modeling an interdisciplinary research subject. For that purpose, translation process researches can embrace the conceptual framework of the theory of speech activity, which is a specific psycholinguistic approach, developed by A.A. Leontiev and used in the studies by I.A. Zimniaya and others.

Keywords: theory of speech activity, translation studies methodology, interdisciplinary research subject.

Название нашей статьи может удивить своей тривиальностью. Действительно, перевод начал рассматриваться как особый вид речевой деятельности давно. Однако далеко не все авторы наполняют понятие речевой деятельности тем особым терминологическим содержанием, которое позволяет анализировать перевод с нетривиальной и, на наш взгляд, очень перспективной точки зрения. Говоря о теории речевой деятельности, мы подразумеваем конкретную психолингвистическую концепцию, разработанную в 1960-70х годах А.А. Леонтьевым.

Основные постулаты теории речевой деятельности были сформулированы в целом ряде работ, опубликованных в то время [Леонтьев 1965; Леонтьев 1969; Зимняя 1978]. Главное, что отличало этот от других психолингвистических подходов – опора на теорию деятельности, разработанную А.Н. Леонтьевым, откуда само понятие деятельности и получает свое специфическое терминологическое значение.

Интересно, что еще тогда были сделаны попытки экстраполировать теорию речевой деятельности и на проблемы перевода. Так, на базе МГПИИЯ им. Мориса Тореза этим занималась И.А. Зимняя, изложившая свои идеи в ряде статей и курсе лекций по психологии перевода [Зимняя 1978]. Так, среди отечественных переводоведов закрепилась мысль о важности психолингвистического подхода к проблемам перевода. В своей хрестоматийной работе «Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты» А.Д. Швейцер отмечает: «Выявление психологической основы перевода является необходимой предпосылкой для познания его сущности... Это обстоятельство побуждает теоретиков перевода обращаться к данным психолингвистики» [Швейцер 1988, с.21]. И далее: Поскольку объектом психолингвистики является речевая деятельность, а объектом теории перевода – особый вид речевой деятельности – перевод, задачи этих дисциплин во многом перекрещиваются. К теории перевода вполне приложимы данные психолингвистики о механизмах порождения и восприятия речевого высказывания, о структуре речевого действия и о моделях языковой способности [там же].

Обратим внимание на два момента. Во-первых, говоря о психолингвистике, Швейцер подразумевает не то широкое многообразие методологически разнородных исследований, которое это слово может означать в самом общем смысле, а именно теорию речевой деятельности А.А. Леонтьева. Во-вторых, несмотря на то, что перспектива перекрещивания переводоведения и психолингвистики была намечена еще тогда, вопросы пока так и остались вопросами, а чаяния – чаяниями. Именно поэтому в этой статье нам хотелось бы еще раз вернуться к принципиальной постановке вопроса о потенциально продуктивной методологической взаимосвязи между теорией речевой деятельности и теорией перевода. Обозначим две причины, по которым мы находим это целесообразным. Если в отечественной лингвистике и психолингвистике теория речевой деятельности А.А. Леонтьева уже давно заняла подобающее ей центральное место (между словосочетаниями «отечественная психолингвистика» и «теория речевой деятельности», по сути, можно поставить знак равенства), то в области теории перевода она так и не закрепилась. На современном

этапе развития переводоведения, в контексте дискуссий о его междисциплинарности, подход к проблемам перевода с точки зрения теории речевой деятельности приобретает новый смысл и актуальность. За спорами о междисциплинарности лежит более глобальный вопрос: может ли теория перевода стать самостоятельности дисциплиной? С самого зарождения теории перевода как науки – а точкой отсчета мы предлагаем считать 1953 год, когда вышла работа А.В. Федорова [Федоров 1953] остро стоит вопрос о статусе дисциплины. Учитывая тот факт, что изначально теория перевода зародилась в лоне языковедения, многие исследователи до сих пор предлагают рассматривать ее как раздел прикладной лингвистики, «служанку» языкознания. Другие настаивают на принципиальном междисциплинарном статусе, и за эти шестьдесят пять лет было совершено немало попыток увязать теорию перевода с самыми разными областями знаний, от герменевтики и социологии до теории информации.

Однако необходимо помнить о том, что междисциплинарный статус дисциплины – это не вопрос чьего-то мнения или желания. Существуют критерии описания и формулирования междисциплинарного объекта исследования, и разработаны они были как раз А.А. Леонтьевым во время создания им теории речевой деятельности (см.: [Леонтьев 1965]; [Леонтьев 1969]). Один из таких критериев – наличие особого понятийного аппарата, с помощью которого междисциплинарный объект можно было в равной степени адекватно описывать, изначально подходя к нему с самых разных теоретических позиций. «Новый междисциплинарный объект не может быть исследован с помощью старого понятийного аппарата. А если какой-то дисциплинарный термин все-таки используется, он требует обязательного приспособления для описания нового объекта» [Пищальникова 2016, с. 9]. И на наш взгляд именно теория речевой деятельности, в том виде, в котором она была разработана А.А. Леонтьевым и И.А. Зимней, может предоставить переводоведению такой понятий аппарат.

Заметим, что и проблема статуса теории перевода как независимой дисциплины, и вопрос о ее междисциплинарности на данный момент являются наиболее обсуждаемыми как в отечественном, так и в зарубежном переводоведении.

Так, в западной науке поиски альтернатив лингвистической теории перевода начались еще давно, однако в основном они носили несистематический и поверхностный характер. Желание выйти за пределы лингвистической парадигмы не подкреплялось теоретическими и практическими наработками, необходимыми и достаточными для столь важного методологического скачка. Можно сказать, что ситуация

начала меняться с появлением так называемых *Translation Process Researches*. Несмотря на давнее методологическое разделение перевода на процесс и результат, исследователи впервые занялись изучением непосредственно процесса перевода, который традиционно считался «черным ящиком». Начали проводиться эксперименты, из психологии был позаимствован метод стенограммы мыслительного процесса (think aloud protocols). Однако спустя несколько лет первоначальный энтузиазм сменился рефлексией: как преодолеть методологическую чересполосицу, если среди исследователей нет единства ни в выборе изначальных теоретических допущений, ни в теоретико-методологических основаниях для интерпретации полученных результатов. В итоге ряд западных исследователей предложили в качестве теоретической основы для дальнейшего развития теории перевода использовать когнитивистику [Interdisciplinarity 2016; Psycholinguistic and Cognitive…2015; Reembedding Translation… 2016]. Но когнитивная лингвистика является частью лингвистики, а когнитивная психология – частью психологии, и использование когнитивного подхода как теоретико-методологической базы для развития независимой науке о переводе проблемы междисциплинарности не снимает. Именно поэтому мы и предлагаем вернуться к теории речевой деятельности. Ведь с самого начала она подчеркнуто разрабатывалась А.А. Леонтьевым как теория описания и моделирования междисциплинарного объекта – речевой деятельности.

Помимо этого, понятийный и категориальный аппарат теории речевой деятельности позволяет по-новому рассмотреть целый ряд важных методологических вопросов переводоведения.

1. На каком этапе переход с одного языка на другой начинает быть релевантным?

Такая постановка вопроса в рамках лингвистической теории перевода невозможен в принципе. Однако вопрос «переключения» переводчика с одного языка на другой всегда волновал теоретиков перевода. В речевой деятельности А.А. Леонтьев выделяет три основных компонента – языковую способность, языковой процесс и языковой стандарт. Описывая первую из этих категорий, ученый замечает: «В нашем понимании все особенности организации языкового мышления и его функционирования в процессе деятельности, независимые от специфики определенного языка, относятся именно к языковой способности» [Леонтьев 1965, с. 55]. Таким образом, при помощи понятия языковой способности исследователь перевода сможет, в рамках создаваемой им модели перевода, выделить те особенности языкового мышления, которые релевантны для самого процесса перевода, но при этом не зависят от конкретной пары языков.

2. Вопрос переводческих универсалий

Этот второй вопрос напрямую связан с первым. Если в рамках теории речевой деятельности ее объект, т.е. речевую деятельность, можно смоделировать так, чтобы выделить элементы, зависимые и независимые от специфики определенного языка, то моделируя перевод, как особый вид речевой деятельности, потенциально можно будет выделить все те явления, которые присущи переводу в принципе и при этом не зависят от конкретной пары языков. Именно такие явления и известны под названием переводческих универсалий. Такое разграничение релевантно и для проблемы разделения теории перевода на общую и частную.

3. Проблема единицы перевода

Используя разработанное в рамках деятельностного подхода описание структуры деятельности, а именно разделение деятельности на действия и операции, представляется крайне перспективным для изучения перевода. Если при анализе текста единицей перевода может быть назван тот или иной его фрагмент (высказывание), то при анализе перевода как речевой деятельности единицей может стать речевое действие. Однако этот вопрос требует более глубокого изучения. И теория речевой деятельности обладает для этих целей и достаточно полным понятийным аппаратом, и необходимой объяснительной способностью.

4. Факторы, влияющие на процесс перевода

Если рассматривать перевод как особый вид речевой деятельности, то не может не возникать вопроса о влияющих на процесс этой деятельности факторах. «Одна из самых важных проблем, которую всегда ставит перед собой теория перевода, заключается в научном объяснении природы и взаимодействия многочисленных факторов, которые влияют на стратегию и выбор, осуществляемый субъектом двуязычной эквивалентной деятельности. Помимо научной важности, эта проблема представляет огромный интерес для практики и методики обучения переводу» [Львовская 2014, с. 101].

В сборнике «Основы теории речевой деятельности» А.А. Леонтьев формулирует список факторов, влияющих на «речевую интенцию» и ее реализацию [Основы… 1974]. Представляется, что рассмотрение влияние каждого из них на перевод позволит построить более точную его модель, учитывающую все многообразие как общих, так и ситуационных факторов. В рамках статьи мы поставили цель – показать принципиальную необходимость использования оригинальной теории речевой деятельности А.А. Леонтьева в подходе к проблемам перевода. Для решения всех стоящих перед современным переводоведением задач теория речевой деятельности должна быть соотнесена с новыми

психологическими и лингвистическими данными (с момента выхода первых работ А.А. Леонтьева, в которых была сформулирована теория речевой деятельности, прошло более пятидесяти лет). Теория речевой деятельности может стать полноценной теоретико-методологической базой для утверждения независимой теории перевода, моделирования речевой деятельности перевода и интерпретации результатов экспериментальных исследований перевода как процесса.

Список литературы

Зимняя И.А. Психологический анализ перевода как вида речевой деятельности // Сборник научных трудов МГПИИЯ. Вып. 127. М., 1978. С.37–48.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.

Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М.: Наука, 1969. 308 с.

Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности: Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности. М.: Наука, 1965. 244 с.

Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969. 214 с.

Львовская З.Д. Современные проблемы перевода. М.: Издательство ЛКИ, 2014. 224 с.

Основы теории речевой деятельности. М.: Наука, 1974. 368 с.

Пищальникова В.А. К проблеме содержания базовых терминов в современной отечественной психолингвистике / Методология современного языкознания: Порождение и понимание речи. Значение и смысл. Виртуальная коммуникация. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 6–16.

Психология перевода: Учебное пособие (для Высших курсов переводчиков) / Сост. И. А. Зимняя, В. И. Ермолович. М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1981. 99 с.

Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.

Федоров А.В. Введение в теорию перевода. М.: Издательство литературы на иностранных языках. 336 с.

Interdisciplinarity in Translation Studies. Bern: Peter Lang, 2016. P.167–219.

Psycholinguistic and Cognitive Inquiries into Translation and Interpreting. John Benjamins Publishing Group, 2015. 215 p.

Reembedding Translation Process Research. John Benjamins Publishing Group, 2016. 128 p.

УДК: 81'23:39

Голубева О.В.

Когнитивные основы феномена символизации

Военная академия ВПВО ВС РФ,
Россия, Смоленск, 2016golubeva@mail.ru

Аннотация. Когнитивный подход к исследованию феномена символизации позволяет установить глубинную основу данного процесса – формирование функциональных когнитивных инвариантов с оценочной доминантой как на уровне речемыслительной деятельности индивида, так и в масштабе подобной активности социума. Когнитивный механизм символизации обеспечивает экономию когнитивных усилий и становится определяющим в процессе создания и идентификации культурных (прецедентных) смыслов.

Ключевые слова: символизация, прецедентность, когнитивный инвариант, эвиденциальное смысловое переживание.

Golubeva O.V.

Cognitive premises of symbolization phenomenon

Military Academy of air defense of the Armed Forces of the Russian Federation,
Russia, Smolensk, 2016golubeva@mail.ru

Abstract. Cognitive approach to studying symbolization phenomenon allows to highlight the inner basis of the process – functional cognitive invariant characterized with evaluative features and formed individually in the process of cognition and communication as well as communitywide. Cognitive tools of symbolization provide cost saving effects and are crucial in the process of cultural samples forming and identification.

Keywords: symbolization, precedence, cognitive invariant, individual evidential sense-formation.

В различных областях науки особую актуальность приобретает сейчас изучение моделирование когнитивных механизмов осуществления познавательной и коммуникативной деятельности. В когнитивной психологии (Ф. Джонсон-Лэрд, Д. Каннеман, К. Станович, Р. Зван и др.) и прагматике (Д. Спербер, Д. Уилсон и др.) процесс познания определен как выводной, где инференция – это когнитивная операция, направленная на получение умозаключения осознаваемо / имплицитно и выявляемая при ментальном моделировании. Процесс инференционного понимания требует больших когнитивных усилий,

если протекает осознаваемо. На неосознаваемом уровне (intuitive inference [Mercier, Sperber 2009, с. 160]) когнитивные «издержки» снижаются за счет функциональных когнитивных инвариантов, которые формируются исходя из ранее обретенных знаний о предметном мире и средствах их вербальной / невербальной фиксации. Такие инварианты формируются в процессе естественного семиозиса, являются выводимой когнитивной структурой разной степени устойчивости, выступающей примером осмысления знаний о схожем фрагменте действительности. Устойчивость знания, его разделяемость в социуме ведет к символизации представлений об объекте / событии, вербально передаваемых единицей языка. Этот процесс предполагает, что любой объект, в том числе и вербальный, выступает «условным знаком какого-либо понятия» [Ожегов 1963, с. 707]. С позиций когнитивной лингвистики механизм символизации обеспечивает формирование устойчивых когнитивных структур, аккумулирующих знания об объекте / событии как о «лучшем» примере или репрезентамене социокультурной универсалии.

Цель настоящей статьи – выявить особенности когнитивного механизма символизации и определить процедуру формирования культурных (прецедентных) смыслов. В качестве объекта исследования избирается прецедентный феномен в его конкретном проявлении – прецедентное имя.

Прецеденты носят надличностный характер, рассматриваются как когнитивные инварианты, которые стандартны по содержании и воплощены в различных клише, штампах, именах п. Особую группу образуют прецедентные феномены (имена, тексты, высказывания и т.п.), «указывающее на некоторую эталонную совокупность определенных качеств» [Гудков 2003, с. 108], выработанную в результате оценочной деятельности коллектива. Прецедентный феномен должен обладать рядом качеств: известностью в лингвокультурном сообществе, эмоционально-оценочной маркированностью, мотивационной спецификой, делающей его востребованным в процессе коммуникации.

Оценочность прецедентных имен опосредована интерпретационной деятельностью индивида, активно соотносящего приобретенные знания со своей личной и/или коллективной системой ценностных ориентиров. Языковые средства репрезентации оценочных смыслов уникальны для каждого языка, что свидетельствует об антропоцентричности природы оценки. Выделяются конвенциональные единицы и способы оценки, а в ряде случаев говорить о возникновении субъективной личностной оценки, основанной на индивидуальном опыте, человека, который, выделяя существенные признаки фрагмента

окружающего мира, выражает свое отношение к нему. Современные подходы к изучению структуры ментальной репрезентации – концепта – подчеркивают ее интегративный характер: она включает «в качестве семантических компонентов понятие, предметное значение, эмоцию, оценку, экспрессию, ассоциацию, интегрированные словом» [Пищальникова, Сонин 2017, с. 159]. Эта специфика позволяет рассматривать формируемое в динамике концептуальное содержание как «живое знание», являющееся достоянием индивида и предполагающее единство продуктов перцептивной, когнитивной, эмоционально-оценочной специфики переработки информации (см.: [Залевская 2014]).

Имя собственное занимает в системе языка особое положение в силу отсутствия лексического значения и большого объема энциклопедических знаний, составляющих его концептуальное содержание. В ходе изучения этимологии английских имен (анализу подверглась 3681 единица) установлено, что подавляющее большинство (примерно 72%) апеллятивных источников – это либо номинации с оценочной семантикой (*Ernest* «serious», *Ethan* «solid, enduring», *Blythe* «cheerful», *Paul* «small, humble» и т.д.), содержащие оценочные компоненты пропозиции (*Goodwin* – «friend of god»; *Gabriel* – «strong man of God», *Alexander* «defending men» и т.д.), либо результаты метафорического переноса выделенного качества (*Bernard*, где *bern* «bear» и *hard* «brave, hardy»; *Rudolf* «fame» и «wolf»; *Gordon* «great hill», *Melva* «bad settlement», древнеанглийское *Alan* «little rock», французское *Beaumont* «beautiful mountain» и т.д.) [Behind the Name]. Особую группу составляют имена, восходящие к обозначениям чувств индивида, его восприятия цветов и оттенков: *Amanda* – «lovable, worthy of love»; *Amy* – «beloved»; *Blaine* – от гаэльск. «желтый»; *Blanche* – от французского средневекового прозвища «белобрысый»; *Lloyd* – от валлийск. «серый»; *Flann* – от ирланд. «красный, рыжий» и т.д. [Ibid].

Часто оценочный смысл, передаваемый этимологией имени, имплицитен. Например, *Jacob* («holder of the heel») и его латинизированный вариант *James* подразумевают оценочный смысл на основе древнееврейского культа первородства; *Fitzroy* означало «son of the king» и давалось незаконнорожденным детям монархов; *Adrian* «from Hadria» имплицировало особенности местности, откуда прибыл человек, и также могло трактоваться как оценка в определенном контексте. Следовательно, имя человека уже на стадии создания репрезентирует выделенность эмоционально-оценочных признаков из комплекса знаний о референте, обеспечивая благодаря этой оценочной доминанте исходную функциональную асимметрию концептуальной структуры. Такая специфика этимологии антропонима говорит о том,

что при помощи имени номинатор фокусировал внимание на оценочной составляющей как самой значимой на фоне прочих знаний о человеке. Символизацию посредством оценочной доминанты можно назвать стратегией, которая позволила добиться смысловой компрессии и значительной экономии когнитивных усилий.

Дальнейшие изыскания велись экспериментально для проверки этимологических выводов (участвовало 146 русскоязычных испытуемых, обработана 1081 реакция). Стимулы были специально составлены с учетом эксплицитности признаков одного из компонентов: сферы деятельности (*Elizabeth Tomson*); гендерной принадлежности (*Lynn O'Brian*, где имя *Lynn* подходит для обоих полов); национальности (*Sean Mackenzie*, *O'Brian*).

В ходе анализа результатов обнаружено, что реакции с опорой на категориальную отнесенность и гендерную принадлежность малочисленны, а наибольшую выделенность получили признаки «сфера деятельности» и «оценка». Специфика состояла в том, что респонденты практически полностью приписали ряд свойств потенциальному референту, руководствуясь личным «видением» особенностей его деятельности. Если в случае имени *Elizabeth* выделение признаков из комплекса знаний о референте велось с опорой на прецедентный образец (*королева*, *корона*, *бальное платье*, *красавица* и т.д.), то реакции *писатель*, *успешный актер*, *популярная актриса*, *ковбой*, *наркодилер*; *телевидение*, *show* и т.д. на другие имена едва ли являются разделяемым знанием о свойствах объекта.

Отмечены примеры ассоциативных цепочек реакций или описаний (*женщина – красивое платье – заколка, курящий мужчина работает за компьютером* и т.д.), отражающие опору на приписываемый контекст деятельности референта, доступ к которому возможен через ряд смысловых переходов. Так, реакция *ночной Гонконг* активирует не только образное видение данного места, но и происходящей там активности референта (*Брюса Ли*), чье имя стало источником фонетического сходства со стимулом *Lynn O'Brian* (эта ассоциативная цепочка была восстановлена в ходе интервью с испытуемым после выполнения задания).

Результаты свободного ассоциативного эксперимента показали, что индивид приписывает определенные качества потенциальному референту-носителю имени на основе продуктов своего опыта, выступающих как имплицитные предпосылки процесса понимания концептуального содержания, передаваемого именем (подробнее об эвиденциальных смысловых переживаниях см., например, [Голубева 2017]). Такие когнитивные опоры-репрезентации, сформированные на базе прежнего опыта познания и общения, фиксируются в памяти в

сжатом виде при помощи «следа», в качестве которого выступает слово-ассоциат, отражающее наиболее выделенный, по мнению индивида, признак. Интегративная структура таких когнитивных опор позволяет не только приписать релевантный признак (по итогам эксперимента в основном оценочный), но и вывести прежний контекст выявления этого признака.

Отсюда фокусировка на оценочных релевантных ad hoc признаках приводит уже на уровне индивидуального сознания к формированию когнитивного инварианта осмысления знаний, выделенная часть которых замещает остальной объем и задает иной угол зрения на свойства объекта. Такая тенденция оказывается достаточно устойчивой и разделяемой, что позволяет говорить о символизации знаний в широком понимании. Так, при проведении лонгитюдного свободного ассоциативного эксперимента (участвовал 51 респондент) с экономической терминологией (*кризис*, *кредит*, *пай*, *инвестиция*, *прибыль*, *взаимный фонд*) примерно в 63% ответов испытуемые демонстрировали оценочное смысловое «видение» значения (реакции трех Ии. представлены в порядке расположения указанных стимулов): *все плохо / беднота / голодные**;** безденежье / плохо / обман**;** бесплатно, временный / добрый, милый**;** убыль / бедным / новшество**;** радость / победа / доход**;** доверие / поддержка*. В остальных случаях наблюдались комбинации реакций, вербализуемых словами конкретной / абстрактной семантики и имеющими эмоционально-оценочные коннотации.

Отрицательная оценочная доминанта в концептуальном содержании, передаваемом стимулом *кредит*, подтверждена реакциями при определении значения слова (*финансовые проблемы*, *рабство*, *кабала*, *долговая яма*, *обман, долги*, *депрессия, безденежье*, *плохо / все плохо*, *нищета* и т.д.). В словаре же *кредит* определяется иначе, как «ссуда, предоставление ценностей в долг, коммерческое доверие; доверие, авторитет; отпускаемая денежная сумма» [Ожегов 1963, с. 296]. С позиции испытуемых слова кризис, кредит превратились в символы несчастья, тогда как взаимный фонд, инвестиция – в репрезентамен «светлого» настоящего и будущего.

Объяснением символизации посредством оценочных смыслов выступает, с нашей точки зрения, социальная значимость экономической тематики, что подразумевает большое число релевантных контекстов, с которыми сталкивается испытуемый непосредственно или заочно. Определив для себя приоритетные пути в процессе понимания, индивид готов приписать значимые pro me признаки, не выявляемые в конвенциональных значениях. Наблюдаемая смысловая компрессия оценочного характера носит устойчивый

характер, обеспечена механизмом символизации и выступает непременным условием формирования феномена прецедентности.

Следующим этапом формирования прецедентного феномена можно считать период формирования символического (прецедентного) контекста, обосновывающего приоритет оценочных смыслов. Определяющими факторами становятся экстралингвистические (частотность употребления имени в различных контекстах, социально разделяемая оценка деятельности референта) и лингвистические (специфика вербальных контекстов функционирования антропонима).

Динамика формирования такого контекста становится очевидной при анализе результатов комплексного эксперимента (участвовало 122 студента и преподавателя Смоленского гуманитарного университета, обработано 122 реакции), который включал два задания: прочитать и сформулировать основную мысль текста о событии из жизни фигуриста Е. Плющенко[4] и записать ассоциации с антропонимическим комплексом Е. Плющенко. Такая последовательность заданий была призвана выявить влияние вербального контекста на уже сложившееся у индивида представление о референте (в 2014 году деятельность спортсмена широко обсуждалась в СМИ и болельщиками в сети Интернет).

Как показали результаты свободного ассоциативного эксперимента влияние текстовой информации, которая представляла собой краткую заметку на сайте Спортбокс об улучшении здоровья спортсмена и его возвращении домой, а также упоминание ситуации выступления на Олимпиаде в Сочи, было минимальным: некоторые реакции совпадали с ключевыми словами текста (*домашняя Олимпиада*, *помог сборной* и т.д.).

В основном результаты свободного ассоциативного эксперимента продемонстрировали реакции эмоционально-оценочного характера, лишь косвенно связанные с содержанием текста. Наиболее часто выделялись признаки «сфере деятельности», «оценка деятельности»: *первоклассное / мастерское / блестящее катание*; *спорт / спортсмен*, причем в последнем случае имелись положительные эмоционально-оценочные выводы (*великий, с мировым именем, знаменитый, заслуженный*). Однако знания о светской, иногда скандальной стороне деятельности (участие в шоу, рекламе, публичные отзывы о соперниках

[4] *Олимпийский чемпион Сочи Евгений Плющенко, находящийся на лечении в одной из клиник Израиля, выписан из больницы и в ближайшее время вернется в Россию. - «Меня выписали, и я иду на поправку! Возвращаюсь в Москву!» - написал спортсмен на своей странице в Twitter. Таким образом, фигурист уже в понедельник прилетит в Россию. Напомним, что на домашней Олимпиаде-2014 Плющенко помог сборной России выиграть золото в командных соревнованиях* [Плющенко выписан из больницы].

и т.д.) послужили причиной формирования отрицательных оценочных суждений, связанных с выступлением на Играх (*вечный золотоискатель, реклама, симулятор, пиарщик, большая неоднозначность, разочарование* и т.д.).

Такие «домысливания» отражают оценку качеств референта в обобщенном, подвергшемся символизации контексте его деятельности с фокусировкой внимания на атрибутах успешности. Акцентирование на признаке «оценка результата деятельности» сопровождается выводами, переданными реакциями: *(двукратный) олимпийский чемпион*, *золотые / неоднократные медали, много наград, золото, пьедестал*; *победа / победитель*, *многократный призер*, *легенда*. Конкретизация места ведения деятельности с помощью соответствующего признака воплощена в ответах *олимпиада в Сочи, олимпиада*; последствий для здоровья (*спина, боль*).

Доминирование оценочных умозаключений отражает готовность обратиться к релевантным pro me особенностям внешности и личностным качествам Е. Плющенко, с опорой на продукты прежнего опыта: *блондин, большой армянский нос / нос*), с омонимией фонетической формы антропонима и названия растения (*Плющ* с комментарием в одном ответе «прямо плющ перед глазами», а также с названиями восьми престижных университетов США (*Лига плюща*); эмоционально-оценочный вывод – *ядовитый плющ*; языковое знание об украинских фамилиях (*Украина*). Стоит отметить, что в комментариях к статье это прозвищное сокращение фамилии стало показателем негативной оценки действий ее обладателя.

Выводы-реакции формируются при обращении к общему представлению о характере с выделением его положительных (*талант, амбиции, целеустремленность*) и отрицательных черт (*мерзкий, короче «фу», лживый, хуже некуда*); при символизации достижений в масштабе страны (*символ российского спорта*; *защитник чести страны на международных соревнованиях*); взаимоотношений с окружением, имплицирующих отрицательные оценочные смыслы (*муж Рудковской*; *Ягудин все равно круче*). Отмечен ответ (*сено*), объяснить который представляется затруднительным, а также один отказ отвечать (*не знаю*).

Несмотря на определенную устойчивость, нельзя утверждать, что антропонимический комплекс Е. Плющенко можно рассматривать как прецедентное имя, передающее символическое представление о великом фигуристе: в обобщенном контексте его деятельности наблюдается положительная оценка результатов, а в контексте Олимпийских игр 2014 года она меняется на отрицательную, передаваемую соответствующей маркированной лексикой,

сравнительными конструкциями и другими языковыми средствами. Незавершенность процесса символизации становится очевидной в сравнении с прецедентными именами (*Александр Суворов*, *Александр Невский* и т.д.), ставшими репрезентаменами понятия «Великие полководцы» и имплицирующими соответствующие контексты символизации результатов деятельности носителей.

В целом когнитивный процесс символизации разделяемого знания о деятельности референта, имплицируемого его именем, обусловлен рядом закономерностей (принципов): 1) выводимостью, т.е. опорой на ранее сформированные функциональные когнитивные инварианты (посылки умозаключения); 2) причинностью выделения оценочных смыслов как релевантных и правдоподобных; 3) когнитивной экономией, обусловленной когнитивным механизмом символизации за счет выраженной оценочной доминанты; 4) наличием устойчивого, разделяемого членами языкового контекста осмысления релевантного признака, отражающего идеализированное «видение» результатов деятельности референта.

В качестве примеров завершающего этапа символизации знаний о референте можно считать случаи, когда индивид интуитивно учитывает весь комплекс знаний (частотность имени в отношении одушевленных / неодушевленных референтов, идеальные представления о носителях и т.д.), который репрезентирует антропоним, и маркирует имя как лучшее среди остальных. Такая имплицитная оценка выдвигается на первый план, оставляя выводимым когнитивным фоном все то, что явилось источником ее формирования. Так, благодаря проверке социоономастических знаний через анкетирование имя *Александр* обнаружило прецедентную выделенность в студенческой аудитории как самое мужественное, популярное, благозвучное, известное в истории, одно из типично русских, этимологически прозрачных имен [Супрун 2000, с. 33–37].

Вне прямой связи с носителем такое имя становится репрезентаменом понятия и обретает словарное значение. Например, *Jack, John* в сознании англоговорящих коллективов стали образчиками простоватого человека, типичного представителя социальной группы: ‘man, everybody’, ‘salesman’ [Hornby 1989, с. 453; Chambers 2008, с. 735]; *Jack the Lad* – ‘a showily confident and successful young working-class man’; *John Bull* – ‘a typical Englishman, *esp*. one considered to dislike foreigners’ [LDCE 1992, с 562, 566], в пословице *Jack of all trades and master of none* «За все браться и ничего не делать» [Kuskovskaya 1987, с. 45] имя *Jack* предстает языковым средством оценки недобросовестного работника.

А.В. Суперанская связывает подобную символизацию с неязыковыми факторами (частотность, множественность референтов и т.д.), что привело к выходу за пределы семантики и обеспечило связь с социокультурными реалиями. Так, в XVI–XVII веках в Англии возросла популярность имен *Джон*, *Мэри*, *Уильям* по экономическим и юридическим причинам. В связи с высокой детской смертностью имя *Джон* давали нескольким сыновьям и указывали его в завещании, хотя внутри семьи существовали разные имена [Суперанская 1998, с. 68].

Прецедентные имена имеют высокий словообразовательный потенциал. Например, имя *Elizabeth*, традиционное для королевских семей Европы, названий кораблей Британского флота, имеет 152 гипокористические формы, образованные по разным словообразовательным моделям: усечение полного имени (*Eliza, Liz*); усечение + суффикс (*Betty, Betsy*); замена первой части сходным по звучанию элементом + вторая часть имени – *Lilibeth* и т.д. [Fist names… – эл. ресурс].

Превратившись в символы, прецедентные имена выступают репрезентаменами социокультурных универсалий, репрезентируют не только оценочное «видение» деятельности референта, но и имплицируют идеализированный контекст осмысления выделенных признаков. Достигая предельной символизации, прецедентное имя передает устойчивые оценочные смыслы вне знаний о носителе, выполняет пожелательную функцию в процессе именования и является основой для дальнейших смысловых преобразований.

Таким образом, проведенное исследование свидетельствует об «эволюционировании» результатов процесса символизации: от функционального когнитивного инварианта на уровне индивидуального образа мира, отражающего концептуализацию знаний об объекте с выделенной оценочной доминантой, до превращения в символ, знание о котором разделяемо в масштабе человечества. Такой вывод подтверждается словами А.А. Леонтьева о том, что «никакое знание не может стать общественным прежде, чем оно пройдет через “индивидуальную” голову» [Леонтьев 1997, с. 111].

Список литературы

Голубева О.В. Эвиденциальность как параметр смыслоформирования в процессе естественного семиозиса // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия Филология, 2017. №.4. С. 7–13.

Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: ИТДГК Гнозис, 2003. 288 с.

Залевская А.А. Интерфейсная теория значения слова: психолингвистический подход. IASHE: Лондон, 2014. 179 с.

Леонтьев А.А. Психология общения: Учебное пособие для вузов. 2-е изд. доп. М.: Смысл, 1997. 363 с.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1963. 900 с.

Пищальникова В.А., Сонин А.Г. Общее языкознание: Учебник для студентов высших учебных заведений. М.: Р.Валент, 2017. 480 с.

Плющенко выписан из больницы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.sportbox.ru/Vidy_sporta/Figurnoe_katanie/spbnews_NI441056_Plyuschenko-vipisan-iz-bolinici/pdf.

Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. М.: АСТ, 1998. 522 с.

Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: монография. Волгоград: Перемена, 2000. 172 с.

Chambers J.G. Slang Dictionary. Edinburgh: Chambers Harrap Publishers, Ltd., 2008. 1520 p.

Fisrt names and what they mean. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.zelo.com

Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English (revised and updated). Delhi: Oxford University Press, 1989. 1037 p.

Kuskovskaya S. English Proverbs and Sayings Minsk: Vysheishaya shkola Publishers, 1987. 253 p.

LDCE: Longman Dictionary of Contemporary English. London: Longman, 1992. Vol. I, II. 1229 p.

Mercier H., Sperber D. Intuitive and reflective inferences // In two minds: Dual processes and beyond; J.St.B.T. Evans, K. Frankish (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 149–170.

Behind the Name: the Etymology and History of First Names. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.behindthename.com (дата обращения 12.04.2018).

УДК: 82.09:801.73

Карданова-Бирюкова К.С.

Рекурсивность как образующая коммуникативного взаимодействия в интернет-пространстве

Московский городской педагогический университет,
Россия, Москва, kardanova81@yandex.ru

Аннотация. Как известно, интернет-коммуникация представляет собой особый формат коммуникативного взаимодействия в силу того, что общение может иметь отсроченный характер, развиваться нелинейно, а также обрываться и возобновляться в любой момент времени. Описание такого типа коммуникации вряд ли возможно с опорой на традиционные модели коммуникативного взаимодействия. Представляется, что описание интернет-коммуникации требует иной методологической платформы, позволяющей конструировать динамические модели. Yовые исследовательские перспективы открывает аутопоэтическая теория. Одним из центральных понятий этой теории является рекурсивность – реализация коммуникантом серии однотипных / однопорядковых действий, приводящих к его адаптации к среде и последующей эволюции. Анализ языкового материала показал, что рекурсивный принцип является образующей коммуникативного взаимодействия в интернет-пространстве. Некоторые наблюдения и сделанные на их основе выводы представлены в статье.

*Ключевые слова***:** рекурсивность, интернет-коммуникация, теория аутопоэза, динамическая модель.

Kardanova-Biryukova K.S.

Recursiveness as the core of internet-mediated communication

Moscow City Pedagogical University,
Russia, Moscow, kardanova81@yandex.ru

Abstract. It is a clear fact that Internet-mediated communication has a number of features such as a function of delayed response, non-linear structure, a possibility to break off communication and resume it any moment that make it different from any other type of inter-personal communication. Describing Internet-mediated communication is hardly possible with reliance on traditional models of communication. Thus modeling Internet-based communication calls for a different methodology which helps construct dynamic models. One of the approaches to modeling this type of communicative interaction rests on the autopoietic theory. Central to this theory is the notion of recursiveness which stands for fulfillment of a series of similar / equivalent actions which nonetheless result in the communicant's adaptation in the medium and then evolution. The analysis of the linguistic data accumulated on internet-based forums and in chatrooms showed that recursiveness is at the core of Internet-mediated

communication. Some observations and findings are featured in the paper.

Keywords: recursiveness, Internet-mediated communication, autopoiesis theory, dynamic model.

В последние годы проводятся многочисленные исследования интернет-коммуникации (запрос по ключевым словам в каталогах Российской государственной библиотеки выдает порядка 110000 наименований, а в поисковой системе Google – немногим меньше 17 миллионов соответствий). На сегодняшний день коммуникация, опосредуемая интернет-платформой, является исследовательским объектом лингвистики, психологии, социологии, коммуникативистики и др. научных отраслей.

Несмотря на многочисленность и многообразие исследований, проводимых в этой области, многие значимые проблемы на данный момент остаются нерешенными. Так, одну из актуальных исследовательских задач представляет собой разработка принципов моделирования интернет-коммуникации.

Дело в том, что общение в интернет-пространстве представляет собой особый тип взаимодействия, обладающий рядом особенностей, которые выделяют его на фоне других коммуникативных форматов (традиционное межличностное общение, коммуникация, опосредованная другими техническими средствами – телефоном, мессенджером, электронной почтой и пр.). Это связано с рядом признаков, которыми обладает такой вид коммуникативного взаимодействия: анонимностью, дистантностью, нелинейностью.

Анонимность интернет-коммуникации предоставляет участникам интернет-взаимодействия возможность выстраивать общение любым удобным способом. Коммуникант может выступать в разных коммуникативных ролях: эксперта, критика, стороннего наблюдателя, компанейского человека и пр.

Дистантность интернет-коммуникации гарантирует относительную безопасность и позволяет высказываться агрессивно, иронично или уничижительно в адрес собеседников или касательно обсуждаемого вопроса. Более того, коммуникант может вступать во взаимодействие в любой удобный для себя момент и вновь становиться пассивным участником, не оставляя новых реплик, как только того пожелает.

Нелинейность интернет-общения дает возможность коммуниканту отвечать на комментарии избранного числа собеседников и игнорировать высказывания остальных, даже если они адресованы непосредственно ему. Более того, каждая новая реплика, оставляемая на

форуме или в чате, может являться ответом как на предыдущий комментарий, так и на любой иной, начиная с инициального в силу того, что технические возможности интернета позволяют маркировать связи между речевыми действиями.

Эти и некоторые другие особенности интернет-коммуникации создают принципиально новый формат общения, отличающийся очень гибким поведением коммуникантов и отсутствием стройной логики взаимодействия.

В связи с этими обстоятельствами интернет-коммуникация не может быть полноценно изучена, если исследователь опирается на традиционные подходы к анализу речевого общения.

Перспективным представляется подход, при котором коммуникация рассматривается как деятельность субъекта социального взаимодействия, проявляющаяся в постоянной адаптации этого субъекта к изменяющейся среде. Методологическую основу, необходимую для конструирования такой принципиально динамической модели коммуникации, формирует теория аутопоэза, которая была разработана чилийскими биологами У. Матураной и Фр. Варелой в 1970-е г.г. (см., например, [Maturana 1980; Maturana 1978; Матурана 2001]).

Центральным понятием теории аутопоэза является **живая система**, или «сеть процессов производства, трансформации и деструкции компонентов, которые необходимы для непрерывного поддержания самих этих процессов и которые в совокупности предстают в качестве отдельного локализованного в среде объекта, в рамках которого эти процессы реализуются» [Maturana, P. 9]. Из этого следует, что для описания живой системы важны не столько её сущностные свойства (атрибуты), сколько **активный** характер её деятельности (потенции, которые актуализируются в когнитивном действии).

В процессе жизнедеятельности живые системы конструируют **среду**, определяемую в теории аутопоэза как «область всех возможных взаимодействий группы объектов (выступающих как таковые вне зависимости от их сложности), задаваемая свойствами этих объектов (их измерениями)» [Maturana, P. 33]. Иначе говоря, определяя живую систему, мы определяем тем самым и её среду, поскольку характеристики среды детерминируются её свойствами. Так как среда – это та область, в которой функционирует живая система, любой объект, с которым она контактирует, – часть этой среды. Следовательно, при взаимодействии двух живых систем одна система является средой для реализации аутопоэза (или самоорганизации) другой, вследствие чего происходит их **онтогенетическая адаптация**, т.е. сопряжение

изменяющейся структуры пластичного самоорганизующегося объекта с изменяющейся структурой среды.

Согласно теории аутопоэза, в основе эволюции аутопоэтической системы лежит **принцип рекурсивности**, т.е. повторяющийся характер взаимодействия двух или более организмов, обладающих структурной пластичностью, при котором один организм выступает средой для реализации аутопоэза другого организма. Иными словами, и система, и среда, в которой эта система функционирует, характеризуются пластичностью, что обеспечивает адаптивный характер их взаимодействия. При этом адаптационные механизмы, реализующиеся при каждом сопряжении системы и среды, в сущности, одни и те же. Это, однако, не означает, что характер взаимодействия остается прежним на протяжении всего континуума. Подвижность системы и среды создает импульс для их внутренней структурной перестройки, поэтому адаптационные механизмы каждый раз реализуются в образовании, обладающем уже более сложной внутренней структурой. Так происходит эволюция каждого из компонентов рекурсивного взаимодействия, асимметричного по существу, что создает условия для постоянной онтогенетической и эволюционной адаптации системы и среды.

Таким образом, теория аутопоэза представляет собой методологическую основу, обладающую достаточным объяснительным потенциалом при исследовании динамического объекта. Однако для того чтобы теория аутопоэза могла применяться как исследовательский инструмент, необходимо переработать её в теорию второго порядка, задав операциональную единицу. Представляется, что такой операциональной единицей может стать **рекурсивный шаг**, т.е. эволюционный «скачок» в организации самоорганизующейся системы, выводящий её на новый уровень взаимодействия со средой (позволяющий ей выстраивать более сложную среду и, следовательно, вступать в более сложные отношения с этой средой) [Карданова 2010; Карданова-Бирюкова 2016].

Исходя из ключевых постулатов теории аутопоэза, характер и эффективность рекурсивного шага определяются характеристиками аутопоэтической системы, характеристиками среды и характеристиками собственно взаимодействия. Поскольку перечисленные факторы обусловливают рекурсивное взаимодействие и детерминируют его характер, они релевантны для разрабатываемой модели и, следовательно, должны быть включены в неё.

Согласно аутопоэтической теории, фундаментальным свойством живой системы является ее **способность к самоорганизации (аутопоэзу)**, заключающаяся в непрерывном самовоспроизводстве

(непрерывная сеть процессов производства и распада компонентов живой системы, рекурсивно участвующих в производстве и распаде породивших их компонентов; за счет осознания собственных границ живая система представляет собой целостность и как таковая существует в определяемой ею среде) [Maturana 1980, P. 36-37]. До тех пор пока самоорганизующаяся система остается самоорганизующейся, она является закрытой динамической системой, все действия которой направлены на поддержание собственной организации и все состояния которой являются состояниями (этапами) ее самоорганизации [Maturana 1980, P. 37].

Исходя из вышесказанного, коммуникация может быть рассмотрена как деятельность живой системы по поддержанию собственной самоорганизации. Следует отметить, что исследовательские инструменты лингвистики и психолингвистики не позволяют анализировать собственно свойство самоорганизации в силу того, что оно является биологическим. Однако способность к самоорганизации как сущностное, биологическое свойство живой системы проявляется через свойства другого уровня: **структурность** системы, ее **активность** и **языковая способность.**

Поясним, что мы понимаем под каждым из них:

Свойство структурности является отражением той структуры, которой эта система обладает на момент вступления в коммуникацию. Это свойство коммуниканта включает его перцептивно-когнитивно-аффективную базу (термин А.А. Залевской), его коммуникативный опыт, степень сформированности его психических операций (вслед за А.А. Залевской), его гибкость и пр. Иными словами, свойство структурности включает в себя все то, что создает основу для вступления в коммуникацию. В сущности, это свойство отражает способность этой живой системы к внутренней перестройке с целью изменения своего «содержания».

Свойство активности отражает тот факт, что живая система является активным участником взаимодействия со средой. Согласно постулатам теории аутопоэза, среда детерминируется и порождается живой системой, поэтому любые структурные изменения в живой системе автоматически приводят к порождению новой среды. Кроме того, именно система иерархизирует средовые факторы, учитывает или игнорирует их в процессе функционирования.

Языковая способность – неотъемлемое свойство «общающегося» коммуниканта. Описание коммуникации как частного случая взаимодействия невозможно без учета этого свойства высокоорганизованной живой системы (человека) (см. подробнее в [Карданова 2010; Карданова-Бирюкова 2016]).

С опорой на ключевые положения теории аутопоэза и интерпретативные категории этой теории была построена модель структуры субъекта социального взаимодействия, в которой центральное положение занимает свойство самоорганизации, а вокруг него выстроены свойства второго порядка: активность, языковая способность и структурность (*Рис. 1.*).

Рис. 1. Модель структуры субъекта социальной коммуникации

В соответствии с изложенной методологией, представленные в модели свойства активности, структурности и языковой способности образуют разные иерархии в зависимости от того, какие средовые факторы идентифицируются коммуникантом и от его субъективной иерархизации этих факторов. В ситуациях, когда языковая способность оказывается недостаточной для совершения ответного речевого действия, коммуникант может использовать, например, свойство активности (примером может быть ситуация общения на иностранном языке, когда коммуникант, в неполной мере понимающий адресованные ему высказывания, задает последовательность вопросов, чтобы обеспечить взаимопонимание и совершить ответное речевое действие) или структурности (коммуникант, не способный в полной мере понять адресованные ему высказывания, устанавливает параллели между текущим коммуникативным актом и аналогичными и в ответном речевом действии ориентируется на свой прошлый опыт коммуникативного взаимодействия) и т.д.

Эффективно выстроенная иерархия свойств активности, структурности и языковой способности обеспечивает адаптацию коммуниканта в среде, и следовательно, восстановление равновесных социальных отношений. Неудачно выбранная доминанта, напротив, замедляет процесс адаптации и требует совершения большего числа

речевых действий для того, чтобы вновь выстроить равновесные отношения между коммуникантом и средой. В связи с этим релевантным представляется выделение двух типов систем: **нерезистивных**, или способных к быстрому преодолению дисбаланса со средой, и **резистивных**, или обладающих недостаточно развитыми адаптационными механизмами, препятствующими их адаптации к среде.

Интерпретативные категории теории аутопоэза были использованы для анализа фрагментов коммуникативного взаимодействия в интернет-пространстве. Для проведения исследования были отобраны разные форумы на сайтах www.usmessageboard.com, www.politicsforum.org, www.debatepolitics.com и некоторых других. Все подобранные для анализа форумы изучались с опорой на единую схему анализа (в качестве примера мы рассмотрим первые тридцать реплик форума “White House official mocked John McCain's cancer diagnosis”).

Изучение коммуникативного взаимодействия в интернет-пространстве происходило по следующей схеме: на первом этапе были описаны структурные особенности интернет-коммуникации; на втором этапе были рассмотрены адаптационные возможности участников общения; на третьем этапе был осуществлен анализ собственно речевых действий коммуникантов и были систематизированы вербальные проявления характеристик участников общения, определяющих их адаптационные возможности: активности, структурности и языковой способности.

Так, первый этап исследования состоял в анализе структуры коммуникативного события, реализующегося в интернет-пространстве (на коммуникационной платформе форума или чата). В результате проведенного анализа было выявлено, что количество участников форума (напомним, что в исследовании были задействованы первые 30 комментариев) составило 12 человек. Фактически все коммуниканты используют вымышленные имена (Mr. Rocket, Darkfury, Vandalshandle, Compost, Here we go again, Witchit и т.д.), в единичных случаях мы наблюдаем узнаваемые имена собственные, хотя они вовсе не обязательно соответствуют паспортным данным (Jake Starkey, Leo123). Активность участников на форуме не является константной: наиболее активен участник Darkfury, являющийся модератором этого форума: на начальных этапах общения он размещает свои комментарии раз в несколько часов (через каждые 5-6 высказываний), затем его комментарии становятся более регулярными (примерно раз в 2-3 высказывания), а в ряде случаев следуют один за другим. При этом его реплики являются ответами к высказываниям многих других участников взаимодействия. Иными словами, он включает в число

своих собеседников фактически всех коммуникантов, общающихся на форуме.

Почти все участники общения уже сравнительно долго являются членами этого интернет-сообщества: судя по представленной на форумах личной информации, некоторые из них зарегистрированы на этих сайтах с 2011 года. В связи с этим следует ожидать, что они могут быть знакомы между собой и сравнительно часто вступать во взаимодействие друг с другом.

Коммуникация выстраивается нелинейно: новые комментарии представляют собой ответы как на непосредственно предшествующую реплику, так и на любую другую опубликованную ранее реплику. Нелинейность интернет-коммуникации становится очевидной при представлении общения в графической форме (см. *Схема 1*).

Таким образом, анализ структурных особенностей выбранного для анализа фрагмента интернет-коммуникации продемонстрировал, во-первых, отсутствие единой логики коммуникативного взаимодействия: линейность, когда каждый следующий комментарий является ответом на предыдущее высказывание, наблюдается в единичных случаях (№1 – №2 – №3; №4 – №5 – №6; №16 – №17 – №18 – №19), остальные комментарии не выстроены линейно; во-вторых, активность участников взаимодействия не одинакова: отдельные коммуниканты крайне активны (Darkfury – 9 комментариев из 30), некоторые же оставляют единичные комментарии (Vandalshandle, Compost и др.).

На втором этапе анализа были рассмотрены адаптационные возможности некоторых участников интернет-общения. Как показал проведенный анализ, участники коммуникативного взаимодействия на интернет-форумах представляют собой преимущественно резистивные системы: совершая в процессе коммуникации речевые действия, они, тем не менее, не стремятся к адаптации в среде. Иными словами, осуществление речевых действий не приводит к совершению рекурсивного шага (этапа эволюционного развития), в результате которого достигается равновесие между живой системой (коммуникантом) и средой.

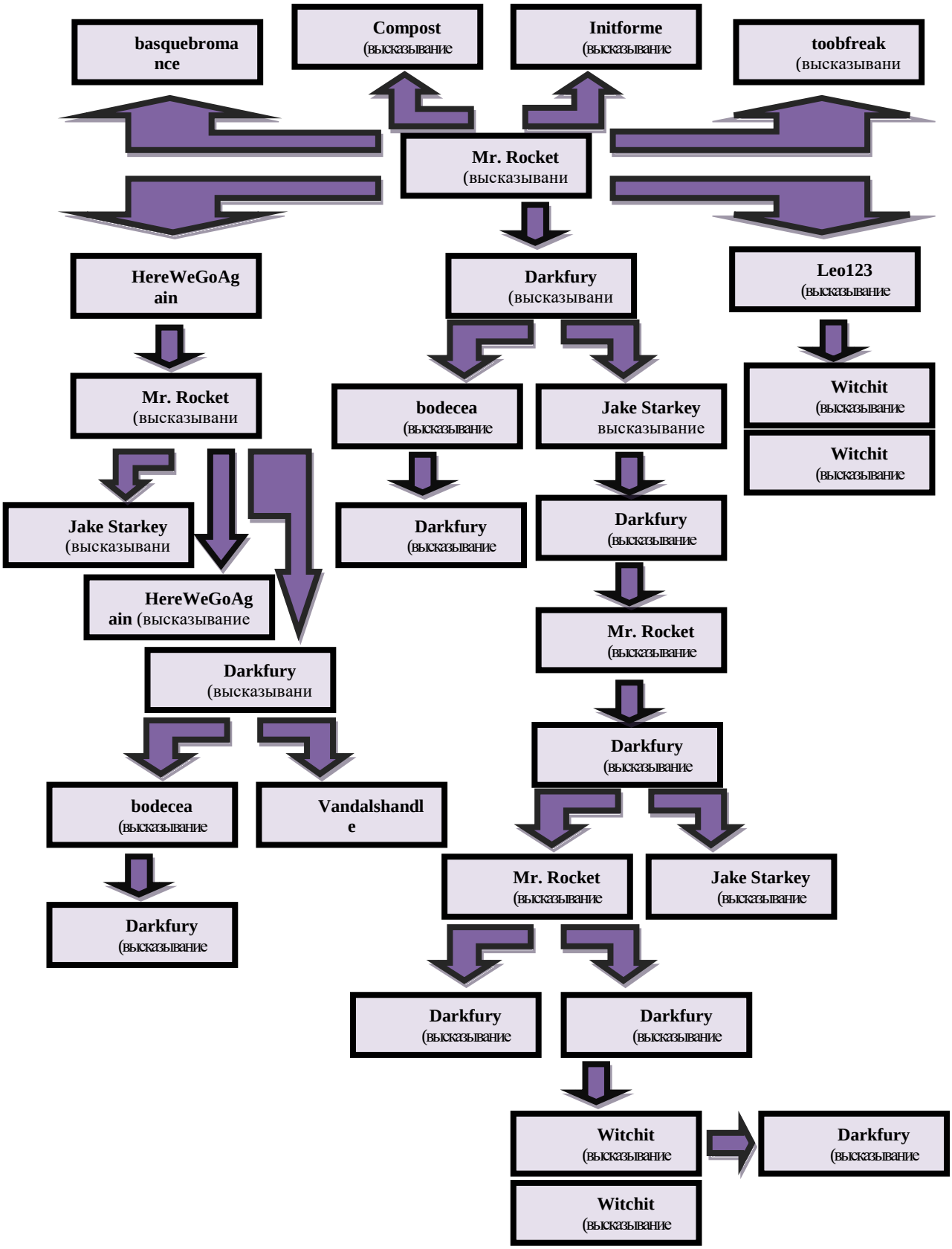

Схема 1. Нелинейное развитие коммуникативного взаимодействия на форуме

Так, участник интернет-общения Darkfury сравнительно регулярно осуществляет речевые действия (напомним, что активность этого коммуниканта не является константной: в начале общения его реплики

встречаются приблизительно раз в 5-6 комментариев, далее их частотность становится выше). Однако речевые действия, совершаемые этим участником общения, не ориентированы на то, чтобы приспособиться и достигнуть баланса со средой. Напротив, они направлены на то, чтобы спровоцировать протест у других участников коммуникации, чтобы усилить диссонанс в интернет-общении (ср. высказывание №2 *I live in Arizona and can't wait for John McTreason to die. Fuck him*; высказывание №7 *You are suggesting THAT action so YOU can data mine and attack his family. McTreason is a cock sucker and I look forward to pissing on his grave!*; высказывание №16 *The thread DISAGREES. Damn YOUR ratings STILL SUCK. Keep your day job!* и др.).

Из девяти сообщений, оставленных им на форуме, только три соотносимы с темой обсуждения, остальные шесть являются комментариями к высказываниям других участников интернет-взаимодействия. Абсолютно все реплики коммуниканта Darkfury носят агрессивный характер, ориентированы на то, чтобы оскорбить или спровоцировать агрессивную ответную реакцию у собеседников. Естественно, в ответных комментариях других участников интернет-общения содержится критика (высказывание №7 *You are suggesting THAT action so YOU can data mine and attack his family. McTreason is a cock sucker and I look forward to pissing on his grave!* – высказывание №14 *Wow! I thought that I had all the obnoxious posters on "ignore". Well, there is always room for one more*), ответная агрессия (высказывание №2 *I live in Arizona and can't wait for John McTreason to die. Fuck him* – высказывание №3 *And the majority disagrees with you, muffin*) или аргументация, посредством которой они стараются призвать этого коммуниканта к цивилизованному общению (высказывание №18 Well *noob, attacking a members family here IS AGAINST the site rules. So you have been warned cyber sissy. I hope McCain rots SLOWLY and his death stink fills the halls and his fuckin brains drip and drivel out of every body opening* – высказывание №20 *Disrespect for an American hero militarily and politically is wrong, period and borders on being unAmerican*).

Следует отметить, что другие участники общения на форуме также склонны оставлять реплики, в которых содержатся агрессивные комментарии в адрес собеседников (ср. *Another Trumpbot troll who talks tough while sitting behind a computer on a chat forum. Go on your Facebook/twitter page and say that. Then post the link; Are you kidding? That WOULD require stepping out of one's parental unit's basement; You are nobody and nothing to him. What you 'think' and how you feel is completely immaterial*).

С инициальным комментарием коррелируют только семь высказываний, остальные двадцать три апеллируют к репликам других участников интернет-общения.

В целом, участникам общения на интернет-форуме не свойственно оставлять содержательные комментарии, в которых сформулирована точка зрения коммуниканта, аргументирована его позиция, приведена дополнительная фактуальная информация, соотносимая с эксплицитно заданной темой интернет-форума. Основная стратегия, представленная фактически во всех речевых действиях участников интернет-общения, – стратегия самопрезентации, или смещение фокуса внимания с темы обсуждения на личность самого коммуниканта (ср. *You are suggesting THAT action so YOU can data mine and attack his family. McTreason is a cock sucker and I look forward to pissing on his grave!; Mine are dead, you making fun of them snatch face?; The thread DISAGREES. Damn YOUR ratings STILL SUCK. Keep your day job!* и др.).

Таким образом, вступая в коммуникативное взаимодействие на форуме или в чате, участник общения не ориентирован на поддержание равновесных отношений со средой за счет использования разных адаптационных механизмов. Напротив, коммуникация, опосредованная интернет-платформой, видится как возможность демонстрации нетипичного для межличностного общения коммуникативного поведения: использование агрессивных комментариев в адрес собеседников, выраженно критических высказываний, нарушения норм литературного языка и пр. Иными словами, коммуникация осуществляется за счет обмена речевыми действиями при фактически полном отсутствии взаимодействия на когнитивном уровне. При этом участники общения представляют собой резистивные живые системы, не реализующие (именно в рамках этого формата коммуникации) адаптационные механизмы.

На третьем этапе анализа были рассмотрены лингвистические особенности коммуникации на интернет-форумах и выявлены некоторые частотные способы вербального оформления коммуникантами речевых действий.

Во-первых, участники интернет-взаимодействия широко используют средства графического выделения: прописные буквы (*You are suggesting THAT action so YOU can data mine and attack his family. McTreason is a cock sucker and I look forward to pissing on his grave!; McCain was a hero in the military. McCain was a RINO politically and he personally hates Trump which makes him currently a political loser. On a human level, I respect and thank him for his service and I hope he can overcome his brain cancer. IMO it has been affecting his thinking for a while now* и др.); зажирненный шрифт (***LOL...first you ask (dare?) someone if***

they are knocking your parents. Than when someone answers your question and actually does it...you run to the rules like a coward. How pathetic...and funny; And if your parents taught you to do that..then they were terrible parents и др.), курсив и пр. Средства графического выделения используются для привлечения внимания к наиболее значимым содержательным компонентам комментариев, оставленных на форуме. Некоторым участникам интернет-взаимодействия свойственно зажирнять некоторые реплики в контексте объемных высказываний, опять же для маркирования наиболее значимых мыслей.

Во-вторых, в ряде реплик использовано искаженное написание имен людей или ников (*I live in Arizona and can't wait for John McTreason to die. Fuck him; Fuck McStain!! I hope it's excruciating on his way out; Nah, nah, nah, Mr. Ricket, you heard it all wrong. When talking about McCain's brain, all the White House said about it was that it was just another a SHITHOLE. A shithole in a world filled with shitholes. I hope that clears the matter up better for you*). Использование искаженных написаний имен является демонстрацией собственной оценки обсуждаемого на интернет-форуме события: желание выразить свою крайне негативную оценку объекта обсуждения (американского политика Джона МакКейна), а также стремление спровоцировать конфликт с другими участниками интернет-общения.

В-третьих, в высказываниях участников общения присутствует много маркеров разговорной речи: неполные предложения (*You still use facebook?; Mine are dead, you making fun of them snatch face?* и др.); жаргонная и инвективная лексика (*If the bury that prick in Arizona I WILL piss on his grave!; The thread DISAGREES. Damn YOUR ratings STILL SUCK. Keep your day job!; Well noob, attacking a members family here IS AGAINST the site rules. So you have been warned cyber sissy. I hope McCain rots SLOWLY and his death stink fills the halls and his fuckin brains drip and drivel out of every body opening* и др.); прозвища и эпитеты, используемые с целью оскорбить или унизить собеседника (*Well noob, attacking a members family here IS AGAINST the site rules. So you have been warned cyber sissy. I hope McCain rots SLOWLY and his death stink fills the halls and his fuckin brains drip and drivel out of every body opening; Mouthy lil he bitch huh? Soon enough I will put your cyber skin on my wall. Got more than a few*; *And the majority disagrees with you, muffin* и др.). Как представляется, это связано прежде всего с безнаказанностью общения в интернете и возможностью скрывать реальную личность. Эти особенности интернет-коммуникации провоцируют некоторых участников интернет-общения использовать нетипичные (и неприемлемые) для межличностного взаимодействия образцы коммуникативного поведения.

Таким образом, для общения на интернет-форуме характерно использование однотипных речевых действий, не направленных на развитие коммуникативного взаимодействия. При этом ответные речевые действия также не являют собой попытку адаптироваться в нетипичной среде (элементы которой представляют собой рассогласованное множество). В связи с этим можно говорить о рекурсивном характере интернет-общения, поскольку динамика коммуникации создается последовательностью однопорядковых речевых действий на фоне отсутствия когнитивного взаимодействия между участниками. Иными словами, видимая стройность коммуникации, в сущности, является поверхностной.

Это согласуется с результатами экспериментов, которые мы проводили на смежные темы. Когда участникам интернет-общения предъявляли фрагмент интернет-форума и просили оценить то, насколько успешно происходит взаимодействие между собеседниками, большинство испытуемых указывало на отсутствие какого-либо взаимодействия (как, например, видно из комментария испытуемого *Everyone is telling their own opinion and no one is listening to*).

Проведенный анализ показал, что для участников интернет-общения мало характерно использование адаптационных механизмов. Активность не константна на протяжении взаимодействия: некоторые участники демонстрируют более высокую активность, чем другие, коммуниканты могут быть более или менее активными на разных этапах взаимодействия, при этом очевидных причин (мы не имеем возможность оценить факторы, лежащие за пределами общения на форуме – например, занятость человека) для изменения активности нет. Свойство структурности проявляется в отдельных комментариях, оставленных на форуме: если реплика относится собственно к теме интернет-форума и представляет собой аргументированное выражение собственной точки зрения. В результате анализа было выявлено, что только семь комментариев (из 30) являются ответом на инициальное высказывание, при этом по крайней мере четыре из них содержат неаргументированную оценку объекта обсуждения (типа *If the bury that prick in Arizona I WILL piss on his grave!*). В связи с этим можно говорить о том, что свойство структурности реализуется участниками интернет-коммуникации в единичных случаях. Языковая способность проявляется специфическим образом: свобода, предоставляемая интернет-общением способствует тому, что коммуниканты оперируют нетипичными (и даже социально неприемлемыми) форматами коммуникативного поведения, что проявляется в широком использовании инвективной и оскорбительной лексики,

нелитературных речевых формул, неполных синтаксических моделей и т.д.

Список литературы

Maturana H.R. Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living / H.R. Maturana, F. Varela // Boston Studies in the Philosophy of Science. Vol. 42. Dordecht: D. Reidel Publishing Co., 1980. P. 5–58.

Maturana H.R. Biology of Language: The Epistemology of Reality // Psychology and Biology of Language and Thought: Essays in Honor of Eric Lenneberg. New York: Academic Press, 1978. P. 27–63.

Матурана У., Варела Ф. Древо познания. М.: Прогресс-традиция, 2001. 224 с.

Карданова К.С. Межличностная коммуникация как рекурсивное взаимодействие: построение модели // Методология современного языкознания: сборник статей. М.: АСОУ, 2010. С. 90–106.

Карданова-Бирюкова К.С. Иерархизация средовых факторов субъектом коммуникации как основа коммуникативного взаимодействия // Методология современного языкознания – 2: Вопросы внешней лингвистики (Порождение и понимание речи. Значение и смысл. Виртуальная коммуникация). М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 104–24.

УДК: 81'22

Пищальникова В.А.

Р.А. Будагов: «Что значит заниматься теорией языка?»

Московский государственный лингвистический университет, Россия, Москва, pishchalnikova@mail.ru

Аннотация. Автор рассматривает некоторые методологические проблемы лингвистики, исследованные в трудах Р.А. Будагова: специфика предметной области лингвистики, разграничение формы и содержания, связь языка и мышления, пределы формализации описания языковой системы, понятие изменения и совершенствования языка.

Ключевые слова: история языкознания, методология, междисциплинарные проблемы, формализация языка, форма и содержание языка.

Pishchalnikova V.A.

Ruben Budagov: What does it mean to research linguistic theory?

Moscow State Linguistic University,
Russia, Moscow, pishchalnikova@mail.ru

Abstract. The author explores some methodological problems of linguistics discussed in academic work by Budagov: specifics of the subject area of linguistics, distinction between form and content, connection between language and thought, extent of formalization of the description of language system, the notion of evolution and perfecting of a language.

Keywords: history of Linguistics, methodology, interdisciplinary problems, formalization of a language, form and content of a language.

Современное поколение студентов-лингвистов, конечно, знает имя Рубена Александровича Будагова, но, скорее, как автора одного из учебников, которые сейчас принято читать в строгом соответствии с вопросами, обозначенными в «фонде оценочных средств». Мне же кажется, что пришла пора осознать теоретический вклад в лингвистику наших учителей, которых мы еще помним высокообразованными, интеллигентными, влюбленными в лингвистику людьми.

В свое время мы отмечали, что пристальное внимание Р.А. Будагова вызывали вопросы методологии лингвистической науки, проблемы соотношения культуры и языка, истории общества и истории языка, семасиологические проблемы в синхронии и особенно в диахронии, многие частные вопросы русского и романского языкознания [Пищальникова 2010]. О сложнейших теоретических проблемах Р.А. Будагов писал полемически заостренно и образно, ясно и убедительно, аргументируя каждый тезис фактами языка. Последнее представляется важным, потому что ко многим современным лингвистическим штудиям применимы слова ученого о том, что «простота и ясность изложения стали теперь почти “архаическими признаками стиля” во многих филологических сочинениях» [Будагов 1965, с. 4].

Кроме того, вопрос, поставленный в названии статьи, сейчас является чрезвычайно актуальным: в потоке якобы междисциплинарности и «комплексных методов», заполонивших лингвистические исследования, хорошо бы научиться формулировать, осознавать, исследовать объект и предмет *собственно* лингвистики. Тем более что в подчас забытых трудах наших учителей эти вопросы не просто решались, а исследовались настолько методологически последовательно и отчетливо, что для лингвиста проследить сам ход их мысли – не только интеллектуальное, но и эстетическое удовольствие.

«В наши дни (в 70-е гг. – *В.П.*) разные лингвистические школы и направления часто дают прямо противоположные ответы на такой, казалось бы, простой и очевидный вопрос о предмете языкознания», – писал Р.А. Будагов (Здесь и далее Р.А. Будагов цитируется по: [Будагов 1972 – эл. ресурс]), подчеркивая, что разделение этих направлений должно производиться не по случайному временному признаку, а по методологическим и теоретическим «границам». К сожалению, в основе разграничения часто оказываются не теоретические принципы, а методика исследования изучаемого объекта: «Если в статье или книге имеются элементы одного из математических или статистических методов …, то такие работы признаются современными», хотя «у многих пишущих математический метод наивно отождествляется с цифрами, с подсчетами, а то и просто с мудреной терминологией. Между тем лингвистическое исследование может быть остро современным и без чисто внешних признаков формализации».

Р.А. Будагов анализирует различные подходы к выделению предмета языкознания. Так, он отмечает: «В последние годы часто приходится слышать, что предметом языкознания является, прежде всего, семиотика. Это, разумеется, неверно. Семиотика – наука о знаковых системах в природе и обществе. Семиотика относится к лингвистике в такой же степени, как и к биологии, к математике, к искусствознанию и т.д. Недаром говорят о биосемиотике, этносемиотике, лингвосемиотике, абстрактной семиотике, общей семиотике и т.д.». Но, подчеркивает ученый, каждая область знания имеет свои семиологические проблемы, и поэтому семиотика «не может и не должна вытеснять собственный объект каждой науки» [там же], тем более что язык «может выполнять сигнальную функцию в ограниченном числе случаев», и потому лингвосемиотике исследователь отводит «сравнительно скромное место в общей лингвистике». Лингвосемиотика не охватывает всей предметной области лингвистики и знак не является ее основным объектом, поскольку сущность языка не исчерпывается его сигнальной функцией и поскольку его «знаковость» основана на культурно-исторических традициях и на содержательных категориях самого языка. По сути, Р.А. Будагов разграничивает дисциплинарные проблемы (собственно лингвистические) и междисциплинарные («каждая область знания имеет свои семиологические проблемы», которые должны решаться с помощью специальных, не частных лингвистических методов). Проблема междисциплинарности актуальна и сегодня, но парадокс заключается в том, что, постулируя междисциплинарность научного направления, немногие исследователи задумываются, как задается междисциплинарный объект, как он формируется? Ведь оттого, что мы

в очередной раз скажем, что «интердисциплинарность – это магистральный вектор развития основных точных природоведческих и социально-гуманитарных научных парадигм, и современных философско-мировоззренческих направлений» [Мишкуров 2015, с. 430] ничего в науке не изменится, потому что новый, междисциплинарный научный объект нельзя исследовать с помощью понятийного аппарата, предназначенного для другого объекта, по крайней мере, без серьезной методологической обработки (об этом: [Пищальникова 2013]). Определим методологическую разницу между дисциплинарным и междисциплинарным подходами к изучению одного и того же феномена. Вот что об этом говорят философы: «Дисциплинарный подход решает конкретную задачу, возникшую в историческом контексте развития предмета, подбирая методы из устоявшегося инструментария. Прямо противоположен междисциплинарный подход, когда под данный универсальный метод подбираются задачи, эффективно решаемые им в самых разнообразных областях человеческой деятельности. Это принципиально иной, холистический способ структурирования реальности, в котором скорее господствует полиморфизм языков и аналогия, нежели каузальное начало. Здесь ход от метода, а не от задачи» [Аршинов, Буданов 2004, с.91].

Междисциплинарность – это не эклектичное соединение знаний об объектах, пусть и смежных, но различных по своим существенным параметрам. Это выявление таких сущностных свойств научного объекта, которые не могут быть изучены иначе, чем с помощью закономерностей и методов, выявленных при исследовании иных научных объектов. Так, проблема понимания иноязычного текста – междисциплинарная, поэтому она может решаться с помощью различных методов разных наук, занимающихся ею. К междисциплинарным можно отнести ряд проблем, перечисленных А.Г. Минченковым: «Фактически отсутствуют комплексные исследования теоретических основ переводческой деятельности в рамках указанного направления, в которых с новых позиций были бы освещены такие важные для изучения перевода вопросы как соотношение языка и мышления, основы переводимости, значение языковых знаков и формирование смысла в контексте, единица перевода, критерии разделения перевода и пересказа, и критерии оценки качества перевода» [Минченков 2008, с. 5]. А вот определение специфики той или иной переводческой стратегии – это дисциплинарная задача, которая может быть решена инструментальными средствами лингвистики. При этом решение данной конкретной задачи вовсе не исключает того, что стратегия – компонент речемыслительной деятельности, но объяснительного

потенциала концептуального инструментария лингвистики вполне хватает для определения ее характера.

Следовательно, теоретические обобщения определенного уровня возможны и в рамках «дисциплинарности»: они вытекают из использования методов анализа и одобренных научной практикой образцов анализа языкового материала и создают определенную основу для создания теории объекта в целом. Отсюда и еще одна важнейшая методологическая проблема, которую акцентирует Р.А. Будагов, – необходимость определения исходных лингвистических понятий, исходных категорий, с горечью констатируя, что «интерес к такого рода проблемам за последние десятилетия заметно ослабел» (и, добавим, продолжает ослабевать, приводя к широкому механическому перенесению терминов из одной предметной области в другую, что не может сделать его инструментом приобретения научного знания в пределах «чужой» парадигмы: эклектическое использование категориальных систем понятий, принадлежащих к другим теоретическим системам, не приводит к получению нового знания).

Современная лингвистика относится к разграничению формы и содержания языка как вполне тривиальному теоретическому утверждению, вместе с тем допуская «содержательность формы» и «формальность содержания». Р.А. Будагов считал необходимым акцентировать содержательность языковых категорий: «система обычно анализируется чисто формально, без учета или без достаточного учета тех содержательных категорий, которые организуются в языке самой этой системой» [Будагов 1972]. Формальная непротиворечивость исследования, по мнению Р.А. Будагова, не обеспечивает ни его глубины, ни убедительности. И поиски точности описания не должны приводить к искажению лингвистического объекта, а любая гуманитарная наука может успешно развиваться, не лишаясь своего гуманитарного характера. Утверждение многих своих современников о том, что структурный анализ сам по себе обеспечивает высокий теоретический уровень исследования, ученый считает логической ошибкой conversio simplex, ведь важна не формализация сама по себе, а *как* и *для чего* формализуется язык и *к каким результатам* это приводит. Если, стремясь к предельной формализации, не принимать во внимание фактов языка, то, иронически замечает Р.А. Будагов, можно дойти и до абсурда и рассматривать, например, русское слово *порося* как возвратный глагол со значением существительного – так получается у некоторых лингвистов в практике машинного перевода. Поэтому принятый постулат еще не обеспечивает результативности научного исследования: «Теорию языка развивает не то или иное заклинание (каково бы ни было это заклинание – «структура!» или «история!»), а

правильное и глубокое осмысление фактов, умение их обобщать, объяснять их генезис», – замечает Р.А. Будагов и добавляет чеканную методологическую формулу: «Не язык следует приспосабливать к методам, <…> а методы должны быть пригодными для постижения специфики языка» [Будагов 1965, с. 39]. Поэтому ученый говорит о необходимости соблюдать границы формализации языковых категорий: формализация необходима, но лишь в пределах, не допускающих искажения природы изучаемого языка. Если «мания формализации» ученого закрывает ему глаза на то, что всякий язык органически выражает мир субъективных представлений человека, на то, что в функционирующем языке невозможно отделить субъективное от «объективного», наконец, на неотделимость языка от человека, то такую позицию Р.А. Будагов считает методологически и теоретически несостоятельной. Для выражения такой позиции во времена, когда доминирующие парадигмальные позиции занимал структурализм, необходимы были глубокие знания и не менее глубокая убежденность в собственной правоте. Так, практически не разрабатывалась «нелингвистичная» проблема соотношения / взаимодействия языка и мышления: «у нас почти совсем отсутствуют разыскания, которые бы показывали, как развитие мышления определяет развитие того или иного языка или тех или иных конкретных языков. Между тем без такого рода исследований общие рассуждения о языке и мышлении, сами по себе нередко интересные, все же “повисают в воздухе”, не поддержанные анализом собственно языкового материала» [Будагов 1972]. Ученый встраивает эту междисциплинарную проблему в ряд научных вопросов, касающихся выявления сущности языка. Так, по его мнению, продолжает быть актуальной «проблема взаимодействия между строем языка и уровнем мышления, рассмотренная исторически» [там же]. Р.А. Будагов считает, что проблема языка и мышления применительно к разным историческим эпохам бытования языка оказывается гораздо сложнее, чем в синхронном плане, где, как правило, опираются на общий постулат единства языка и мышления. Чтобы перейти из разряда экстралингвистических проблем в те, которые характеризуют внутреннюю сущность развития языка, она должна решаться на базе материала конкретных языков, групп родственных языков, языков разного строя, потому что «уровень развития мышления детерминируется, разумеется, не этнически, а исторически» [там же], что обусловливает и преемственность в его эволюции. Развитие мышления и языка – взаимосвязанные процессы, однако изменение и совершенствование языка следует определить как собственно лингвистический процесс и установить его закономерности, а не довольствоваться общими рассуждениями: «Очень легко

декларативно утверждать, что языки изменяются и развиваются. Гораздо труднее обосновать характер этих изменений и природу этого развития» [Будагов 1965, с. 3]; «Язык развивается не только в прошлом, но и в настоящем. Его движение ощущается в самой синхронии. Поэтому понятие развития так же важно для синхронии, как и для диахронии» [Будагов 1965, с. 17], «историческое сплошь и рядом выступает как современное, а современное осмысляется на фоне истории» «историческое сплошь и рядом выступает как современное, а современное осмысляется на фоне истории» [Будагов 1965, с. 29]. Такой диалектический взгляд на причины языкового развития позволяет Р.А. Будагову сделать о том, что «принцип историзма в лингвистике вовсе не означает, что любое явление, любой факт в любом языке сам по себе детерминирован исторически» [Будагов 1965, с. 36], и «новое может выражаться не только и даже не столько в количественном увеличении единиц, сколько прежде всего в различных качественных трансформациях уже наличных в языке единиц и категорий» [Будагов 1965, с. 27].

Современный исследователь, знакомясь с работами Р.А. Будагова, может восхититься не только «легким пером» ученого, но и ясностью задач, которые ставил Р.А. Будагов перед собой как перед лингвистом и филологом, силой аргументации его позиций по разным вопросам, высокой образованностью, тонким знанием языка и беспредельной преданностью науке.

Список литературы

Аршинов В.И., Буданов В.Г. Синергетика постижения сложного // Синергетика в психологии: Тексты: Выпуск 3; Когнитивные процессы / Под ред. В.А. Аршинова, И.Н. Трофимовой, В.М. Шендяпина. М.: «Когито-Центр», 2004. С.82–127.

Будагов Р.А. К критике релятивистских теорий слова // Вопросы теории языка в зарубежной лингвистике. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С.5–29.

Будагов Р.А. Проблемы развития языка. М-Л.: Наука, 1965. 71 с.

Будагов Р.А. О предмете языкознания // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – Т. XXXI. Вып. 5. – М., 1972 режим доступа: www.philology.ru/linguistics1/budagov-72.htm.

Минченков А.Г. Когнитивно-эвристическая модель перевода (на материале английского языка): Дис. … докт. филол. наук. – СПб., 2008. 319 с.

Мишкуров Э.Н. Междисциплинарность как инновационный поворот в современном переводоведении (герменевтический аспект) //

Русский язык и культура в зеркале перевода: Высшая школа перевода МГУ им. М.В. Ломоносова. №1 .2015. С.426–437.

Пищальникова В.А. В продолжение «Скорбного списка …», или Кто вложил бритву Оккама в руку аспиранта // Мосты. № 1. 2013. С.63–69.

Пищальникова В.А. Проблемы теории языка в трудах Р.А. Будагова // Русский язык в школе. 2010. № 9. С. 81–86.

УДК: 811.93

Фененко Н.А.

О сходстве и различии понятий «термин» и «реалия»

Воронежский государственный университет,
Россия, Воронеж, fenenko@rgph.vsu.ru

Аннотация. В статье анализируется проблема сходства и различия понятий *термин* и *реалия*. Рассматривая существующие критерии разграничения данных категорий слов, автор делает вывод о том, что они не позволяют дифференцировать многочисленный класс лексических единиц, которые традиционно называют реалиями-терминами. Для их обозначения предлагается термин профессиональные реалии, который позволяет объединить все лексические единицы, характеризующиеся принадлежностью к национально-специфическим видам профессиональной деятельности, в том числе традиционным народным ремеслам. Данный термин логически встраивается в классификационную парадигму реалий и содержит потенциал для дальнейшей типологизации данного класса слов.

Ключевые слова: термин, реалия, термин-реалия, профессиональная реалия.

Fenenko N.A.

The «term» and the «realia»: on similarities and differences

Voronezh State University,
Russia, Voronezh, fenenko@rgph.vsu.ru

Abstract. The article is devoted to the issue of similarities and differences between the concepts of terms and realia. Examining the existing criteria for distinguishing these categories of words, the author concludes that they are not sufficient for differentiating a large class of lexical units which are traditionally called realia-terms. In order to name this particular class the author suggests the term professional realia, which allows incorporating all the lexical units belonging to nationally specific types of professional activity, including traditional artisanal handicrafts. This term can be logically integrated into the classification

paradigm of realia and allows to develop further typology of this class of words.

Keywords: term, realia, term-realia, professional realia.

Проблема разграничения понятий *термин* и *реалия* впервые была поставлена в работах специалистов в области теории перевода. Анализируя сходства и различия этих категорий слов, известные болгарские переводчики и переводоведы С. Влахов и С. Флорин, в частности, отмечали: «В отличие от большинства лексических единиц, термины обозначают точно определенные понятия, предметы, явления; как идеал – это однозначные, лишенные синонимов слова (и словосочетания), нередко иноязычного происхождения; среди них есть и такие, значения которых ограничены исторически. Все это можно сказать и о реалиях» [Влахов 2006, с. 21]. При этом авторы книги «Непереводимое в переводе» ссылались на труды отечественных ученых А.Е. Супруна и А.Д. Швейцера, которые также указывали на наличие таких лексических единиц (ЛЕ), которые «трудно определить как термин или как реалию» или можно «считать одновременно и терминами, и реалиями», поскольку они находятся на стыке этих двух категорий, а в ряде контекстов (например, в географических и исторических описаниях) «роль реалий сближается с ролью терминологической лексики» [там же]. В качестве примеров таких слов болгарские исследователи приводят наименования племен в Индии (анади, панья, вишиваны, каникары), экзотических плодов (морошка, шикша, американская княженика, орехи кешью) и т.п.

Сложности решения проблемы разграничения понятий *термин* и *реалия* обусловлены целым рядом причин, важнейшей из которых, с нашей точки зрения, является проблема дефиниции анализируемых понятий. При этом следует учитывать, что, если определение *термина* можно считать устоявшимся и не вызывающим существенных разногласий, то определение понятия *реалия* относится, скорее, к дискуссионным.

Под термином в современной лингвистике понимается слово или словосочетание «специального (научного, технического и т.п.) языка, создаваемое (принимаемое, заимствуемое) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов)», «принятое в профессиональной деятельности и употребляющееся в особых условиях». К основным характеристикам термина относят однозначность, функциональную специфику как «слова в особой функции», принадлежность терминологической системе (О.С. Ахманова, Г.О. Винокур, С.В. Гринев, В.М. Лейчик, А.А. Реформатский, А.В. Суперанская и др.).

В отличие от *термина* понятие *реалии* толкуется неоднозначно, что подтверждается наличием разнообразных и нередко взаимоисключающих дефиниций (подробнее см. [Фененко 2017, с.10]). Одни исследователи считают, что реалия – это понятие экстралингвистическое, называющее единичный, конкретный предмет и получающее в языке вербальное выражение с помощью таких сочетаний, как слова-реалии, термины-реалии, имена-реалии, знаки-реалии (Р.А. Будагов, А.Д. Швейцер, А.В. Федоров, Н.К. Гарбовский и др.). Другие, напротив, подчеркивают, что реалии – это особая категория средств языкового выражения, это «слова, а не объекты (референты)» (С. Влахов, С. Флорин). Существуют также дефиниции, совмещающие и ту, и другую точку зрения и допускающие определение реалии как предмета / явления, отражающего специфику определенной культуры, и одновременно как средства номинации данного предмета / явления (Р.К. Миньяр-Белоручев, Л.Л. Нелюбин).

Отсутствие общепринятого в лингвистике определения понятия *реалия* существенно усложняет определение границ *реаликона* как особой подсистемы внутри лексической системы конкретного языка. Проблема заключается в том, относить ли к классу реалий только ЛЕ с вещными денотатами (то есть те, которые номинируют натурфакты и артефакты национальной культуры) или включать в него ЛЕ, называющие факты духовной культуры (ментефакты), тем более, что границы между ними нередко весьма условны: в процессе вторичного семиозиса ЛЕ, называющие культурные предметы, становятся культурными концептами, культурными символами, культурными идентификаторами (В.Г. Гак, Т.Ю. Загрязкина, В.В. Красных, А.А. Кретов, С.Ю. Булгакова и др.).

Еще одной трудностью при разграничении терминов и реалий является «зыбкость» границ ними, которая усугубляется относительной легкостью процессов транспозиции, то есть перехода слов из класса реалий в класс терминов и vice versa. Ср.: *морошка, брусника, клюква* – ягоды, типичные для северной болотистой местности и отсутствующие в другой (реалии-натурфакты), и те же ягоды, номинации которых зафиксированы в ботаническом словаре как термины, обозначающие плоды кустарников, которые растут в определенной географической и климатической зоне.

В основу разграничения терминов и реалий, по мнению С. Влахова и С. Флорина, может быть положено несколько критериев, среди которых:

- межъязыковая эквивалентность терминов и безэквивалентность реалий;

- принадлежность терминов языку науки, а реалий – языку художественной литературы;

- особенности этимологии: искусственное образование терминов (на основе латинского и греческого языков или путем переосмысления уже существующих слов) и естественное словотворчество при создании реалий как народных слов, тесно связанных с бытом и мировоззрением создающего их народа;

- известность термина узкому кругу ученых, а реалии – широкому кругу носителей языка на фоне ее неизвестности в чужом языке;

- отсутствие местного / национального / временного колорита у термина и его наличие у реалии [Влахов 2006, с. 22-25].

Выделенные болгарскими учеными критерии, без сомнения, можно считать надежной основой для разграничения этих двух категорий слов с целью разработки их детальной и непротиворечивой типологии. Вместе с тем, как показывает анализ конкретных языковых материалов, существует значительное количество фактов, не подпадающих под данные критерии. В качестве примера можно привести туристические термины, которые в отличие от интернациональных, характеризуют исключительно национальную туристическую отрасль (в частности, французскую модель развития туризма) и номинируют артефакты и ментефакты, типичные только для нее. Такие ЛЕ отличаются высокой степенью национальной окраски (национального колорита), которая не свойственна терминам. Спецификой туристических терминов является также расширение их функционального потенциала и широкое использование в различных типах туристического дискурса – в туристических справочниках, буклетах, брошюрах, каталогах, рекламных проспектах, путеводителях. Они предназначены не для специалистов туристической отрасли, а для широкого круга пользователей, что не типично для отраслевой лексики. Экстраполяция подобных терминов из специального контекста приводит к их метафоризации, что не отвечает критериям однозначности и нейтральности термина.

В связи с этим возникает необходимость и целесообразность выделения таких ЛЕ в особый тип, который мы предлагаем назвать *профессиональными реалиями* (Тайави 2017а; Фененко 2018).

Примерами профессиональных реалий французской туристической сферы могут служить (*примеры цитируются по кандидатской диссертации Я.М.Т. Тайави с любезного согласия автора [Тайави 2017б]):

- туристические агентства*: France-Lodge;*

- организации, осуществляющие администрирование туристической отрасли во Франции: *l'Office du tourisme, les Maisons Internationales de la Jeunesse et des Etudiants (M.I.J.E);*

- названия знаков качества и категорий, присваиваемых во Франции: *Label Qualité Tourisme;*

- варианты размещения туристов: *chambre d'hôte*;

- выгодные предложения по посещению региона: *Le Pass Bon Plan*.

Особое место среди таких реалий принадлежит профессиональным реалиям кулинарии, репрезентирующим гастрономию как французскую культурную константу. К ним можно отнести:

- гастрономические реалии, обозначающие выгодные предложения для различных типов туристов: *café gourmand, repas gastronomique*;

- гастрономические реалии, характерные для того или иного региона Франции: *escargots à la bourguignone* (улитки по-бургундски, запеченные в ракушках), *gratinée lyonnaise* (гратине по-лионски или луковый суп);

- реалии, передающие особенности и традиции приема пищи: *Le trou normand (досл.: нормандская дыра*) – особый ритуал приема пищи в Нормандии, когда между блюдами выпивали небольшое количество алкоголя (чаще всего, кальвадоса), чтобы расширить стенки желудка, облегчить пищеварение и вернуть аппетит.

Кроме того, класс профессиональных реалий может быть представлен:

- реалиями-неологизмами, обозначающими артефакты / ментефакты современных отраслей промышленности или ремесел: *Labels Jardins coup de coeur;*

- традиционными реалиями, относящимися преимущественно к местным (региональным, провинциальным) традициям и ремеслам и имеющим в толковых словарях соответствующую помету *(например, Spécialité corse.): la joute provençale ou targo* – провансальская борьба, или тарго;

- арго как «профессиональной речью сезонных рабочих-мигрантов» или «ремесленников-отходников» [Ретинская 2011, с. 142] или другими его разновидностями, например: *bellaud* – арго чесальщиков конопли департамента Юра, *faria* – арго трубочистов (департамент Верхняя Савойя), *mourme* – арго каменщиков и каменотесов Самоэнса (департамент Верхняя Савойя), *canut* – профессиональный говор лионских ткачей.

Термин профессиональная реалия имеет, с нашей точки зрения, ряд преимуществ по сравнению с синонимичными / частично синонимичными терминами, такими как «термин-реалия»

(А.Д. Швейцер), «народная терминология», «терминология народной речи» (Л.М. Пантелеева, С.Г. Шейдалова), хотя и не вытесняет перечисленные термины из понятийного аппарата науки. С одной стороны, предлагаемый нами термин выступает как более узкий (специальный) по сравнению с понятием «термин-реалия», позволяя его дифференцировать с учетом соответствующего типа / подтипа реалий. С другой стороны, он выступает как более широкий по сравнению с «терминами народной речи», поскольку позволяет охарактеризовать как народные, так и литературные слова, выступающие в данной функции. Иначе говоря, термин *профессиональные реалии* позволяет объединяет все ЛЕ, характеризующие профессиональную принадлежность к национально-специфическим видам профессиональной деятельности, в том числе традиционным народным ремеслам. Он логически встраивается в классификационную парадигму реалий и содержит потенциал для дальнейшей типологизации (выделения подтипов) внутри данного типа. Таким образом, данный термин не является избыточным, поскольку позволяет внести упорядоченность в терминологический аппарат исследования реаликона, выступая «как средство толкования этого объекта, как инструмент его интерпретации» [Пищальникова 2016, с. 7] и позволяя получить при этом новое знание.

В заключение отметим, что разграничение понятий *термин* и *реалия* можно рассматривать как одну из задач системного описания и классификации языковых единиц, обозначающих национальные предметы и концепты (натурфакты, артефакты, ментефакты). Ее решение может иметь теоретическую значимость для таких направлений лингвистики как специальная и отраслевая терминология, социолингвистика (вопросы социолектов, профессионализмов, арго), теории перевода (проблемы перевода реалий, профессионализмов и диалектизмов, компенсации лакун, сохранения национального колорита). Исследование данной проблемы может иметь и реальное практическое значение для изучения специальных терминологических сфер: «Langues de(s) Specialités», «Langues Specialisées» («Francais sur Objectifs Specifiques» – FOS), а также создания особого типа двуязычных лингвокультурных словарей – dictionnaire interstitial [Tsitsa 2003-2004], цель которых – декодировать значение таких ЛЕ и способствовать изучению иностранного языка во взаимосвязи с традиционной народной культурой.

Список литературы

Влахов С. Непереводимое в переводе. Изд.3-е, испр.и доп. М.: Р.Валент, 2006. 448 с.

Фененко Н.А. К проблеме лингвистической типологии реалий // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2017. №4. С. 10–15.

Тайави Я.М.Т. (а) Профессиональные реалии сферы туризма // Антропоцентрические науки: инновационный взгляд на образование и развитие личности: материалы V Международной научно-практической конференции, 21-22 марта 2017 года, Воронеж, Россия. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2017. С. 387-390.

Тайави Я.М.Т. (б) Лингвокультурные реалии во французских туристических путеводителях: автореф.дисс…канд. филол. наук. Воронеж, 2017. 24 с.

Ретинская Т.И. Арго французских ремесленников-отходников // Гуманитарный вектор. 2011, №4 (28). С. 142–147.

Пищальникова В.А. К проблеме содержания базовых терминов в современной отечественной психолингвистике // Методология современного языкознания: порождение и понимание речи. Значение и смысл. Виртуальная коммуникация / Отв.ред. А.Г. Сонин. М.: ЛЕНАНД, 2016. С.6–16.

Tsitsa M. Le francais de l’art culinaire un projet dictionnairique. Ela. Etudes de linguistique appliquee. 2004/3 (N 135). P.299–309.

УДК: 316.772

Шаховский В.И.

Ускоренная коммуникация как потребность современного социума

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия, Волгоград, shakhovsky2007@yandex.ru

Аннотация. Анализируются языковые и речевые изменения, связанные с глобальным ускорением всех видов коммуникаций. Вскрываются конкретные процессы текстовых сжиманий, склеивание мыслей и понятий, а также экономия физических усилий человека говорящего в его письменном и устном общении. Иллюстрируются все изменения в ускоренной коммуникации современным материалом из медиа, актуального, акционального и художественного дискурсов. Используются классические и современные теоретические труды для усиления аргументации выдвинутых положений и сделанных выводов. Постулируется негативный эффект ускоренной коммуникации на экологию языка и коммуникативную практику.

Ключевые слова: языковые изменения, ускоренная коммуникация, закон экономии языка, сохранение физических усилий, девербализация, эмотиконы, быстротечность негативных переживаний.

Shakhovsky V.I.
Express-communication as a necessity of modern society

Volgograd State Socio-Pedagogical University,
Russia, Volgograd, shakhovsky2007@yandex.ru

Abstract. Language and speech changes associated with the global acceleration of all types of communications are analyzed. Specific processes of textual contractions, gluing thoughts and concepts, as well as saving the speaker's person physical effort of in his written and oral communication are revealed. All changes in the accelerated communication with modern material from media, actual, active and artistic discourses are illustrated. Classical and modern theoretical works are used to strengthen the argumentation of the propositions and conclusions drawn. The negative effect of accelerated communication on the language ecology and communicative practice is postulated.

Keywords: language changes, accelerated communication, law of language economy, maintaining physical effort, de-balancing, emoticons, transience of negative experiences.

И жить торопится, и чувствовать спешит.
П. Вяземский

Все современные языковые изменения напрямую связаны с ускорением человеческой жизни на планете. Скорости проникли не только в технические достижения, в оргтехнику (компьютеры, Интернет, искусственный интеллект и др.), но и во все процессы жизнедеятельности человека, в том числе в его профессиональную деятельность. Особенно это коснулось реальной человеческой коммуникации, которая, в большинстве случаев заменяется либо виртуальной, либо реальной, но очень обрывочной, по принципу клипового сознания, по принципу дайджестов, трейлеров.

Людям сейчас некогда встречаться, некогда разговаривать, обмениваться мнениями о прочитанном литературно-поэтическом произведении, участвовать в литературных вечерах, встречаться с писателями. Даже скорость обиходной и официальной речи значительно возросла: послушайте дикторов различных ТВ-каналов, радиостанций FM. Скороговорка, оговорки, ошибки фонетические, лексические, грамматические. И все это слишком громко, слишком эмоционально-экспрессивно и в сопровождении с неоправданным жестикулированием. Говорим, как слышим, а пишем, как говорим: *кофе* (оно), перенос

ударения на более легкий вариант (*тортЫ, свеклА)*, *много носок*; сюда же относятся и случаи «рваного» синтаксиса (неоправданная парцелляция). Ошибки не знают границ. Таким образом, в результате закона о сохранении языка, который с недавних пор стал включать в себя и такую его составляющую, как сохранение физических усилий, в современных СМИ, в мобильном общении и в устной речи наблюдается, с одной стороны, компрессия речевой деятельности (устной и письменной): проглатывание гласных, различные сокращения (*Ок, спб*), сокращение фразы до первых букв (*bd (birthday), снг (с новым годом), idn (I don't know)*), смайлики (эмодзи), произнесение начального слога (*не хо не на проси не бу*), бленды (шуткойн, инфошум, инфотейнмент; см. также: [Шаховский 2014]), аббревиатуры (*ППС, ФОСы* и др. примеры см. ниже в текстовом выступлении заведующего кафедрой). А с другой стороны, особенно в научном и публицистическом ораторских стилях, наблюдается тяга к усложненному синтаксису с множеством придаточных предложений по аналогии с *... дом, который построил Джек*. Многие политики изъясняются настолько невнятно, что ни понять, ни пересказать их мысли невозможно. Не зря же один очень видный политик сказал о своем пресс-секретаре: *Я сам иногда не пойму, какую пургу он несет*. Если бы только он один нес такую «пургу»!

И очень быстро из-за скорости общения неграмотность речевая превращается в неграмотность стандартизированную. Зато минимум физических усилий. Вслед за минимумом ментальных.

Понятия о чистоте речи и ее культуре и, тем более, о её экологии, в частности эмотивной лингвоэкологии [Шаховский 2016], игнорируются. Шлюзы этических норм опущены, шлагбаумы риторической речи подняты – бурлят, кипят эмоции во всех дискурсах, и не только медийных, но и литературных, научающих, профессиональных и др.

Всё было намного медленнее, проще, дружелюбнее, приветливее: и танцевали медленнее, и дружили – встречались – значительно дольше до интимностей. Признавались в любви длинными чувственными текстами, без фразы *Make love to me*. Взрослели дольше и основательнее. Врачи осматривали пациента более тщательно. Врач принимал всех до последнего, даже за пределами своего графика. Дружили безрасчетно, помогали бескорыстно. Не было поговорки *«Дашь на дашь»*. Говорили долго по телефону, устраивали задушевные беседы на кухне. Одевались более медленно и тщательно (чтобы долго раздеваться). А теперь джинсы и майку – за одну секунду, и – в путь.

Жизнь языка напрямую связана с жизнью социума [Гийом 1992]. А поскольку социум все ускоряет свою эволюцию, то скорости

изменений в языке стали уже явными во всех сферах человеческой коммуникации. Закон об экономии языка известен с XVII в., но о нем написано не очень много, а в настоящее время действие этого закона уже не может игнорироваться лингвистами.

Прежде всего, *лингвистическая экономия* – это синтез действующих сил. Термин *экономия* включает все: и ликвидацию бесполезных различий, и появление новых различий, и сохранение существующего положения" [Мартине 1960]. Термин *сохранение физических усилий* при использовании языка человеком появился значительно позже. И он объясняет, почему человек говорящий стал в два последних десятилетия и особенно с появлением Интернета и мобильных устройств (прежде всего, в письменной речи и, как теперь называют, непечатных СМИ) сокращать количество слогов, звуков и букв в слове, сокращать имена, проводить реформы в орфографии и в орфоэпии. Приведу некоторые примеры: так, в американском варианте английского языка частотны случаи орфографических стяжений слова (*thru* вместо *through*), а также *dntsylm (don't say you love me)* и др. А в русском языке приведу примеры из смс-сообщений: *ДР, пасиб, пасибки, спс, я тя лю, яп, лю, лан, хз, хрш*. Усечения в олбанском (молодежный сленг): *ацтой, гиг, превед,* и др.

Инновационным синтаксическим способом сочетаемости слов в одну речевую единицу является слитное написание, выполняющее грамматическую функцию одного члена предложения. Приведу примеры такой экономии физических (графических) усилий современного пользователя языка, граничащей вначале с языковой игрой, а потом закрепляющейся в системной графике и орфоэпии: *«советскоешампанское», «гражданинпоэт», «околокремля», «адорай», «многомебели», «хорошийхлеб»* и т.п. Продукты таких физических усилий стали очень модными в современной коммуникации.

Происходит учащение и увеличение количества использований сокращений, например, в вузовском дискурсе: «Уважаемые коллеги, довожу до вашего сведения информацию от проректора по *УР*: в ближайшее время *ППС*(-у) *ФГБОУ ВО* «*ВГСПУ*» необходимо подготовить всю вузовскую документацию согласно *ФГОС ВО*. Ориентируясь на *ПОПОП* сделать все *ОПОП* и *ДПОП*. У нас есть предоставленные *УУ*(-ем) *БУП* и *РУП*, на которые мы и будем опираться. Требования к подготовке паспортов всех *ОК*, *ОПК, ПК, СК*, а также *ФОС* (1 часть) и *УМКД* есть в положениях *СМК*. Нашу кафедру не касаются положения о *ГИА, ГЭК* и *ДПОП*, но положения об *ЭО* и *ДОТ, ВКР, КР, ЗЕ* должны знать все. Кроме того, все должны быть зарегистрированы в *ЭБС* и не забыть расписаться за *ПБ*».

Этот пример показывает, что язык становится более техническим во многих дискурсах. Приведу примеры из банковского дискурса: *ЭПС (электронное платежное сообщение), КО (кредитная организация), ФКО (филиал кредитной организации), ИБ (информационная безопасность)*. В устном общении сотрудники банка не пользуются полными терминами, а только их аббревиатурами.

Об этом красочно говорит и М. Кронгауз [Кронгауз 2008], называя такой язык птичьим и предсказывая, что человечество всё больше скатывается к подобной форме общения как письменного, так и устного, как в Интернет-дискурсах, так и в обиходной речи. Такая симплификация, являясь формой развития языка, к сожалению, приводит к его постепенной замене девербализацией. И, тем не менее, отвечая на вопрос Дж. Эйчисон: *language change: decay or progress?* [Aitchison 2001], несомненно, надо ответить, что это двусторонний процесс.

С одной стороны, связующими, а с другой – разделяющими экономию языка и его полной нормативной формы являются случаи девербализации, которые в настоящее время распространяются всё больше и больше [Клушина 2013; Клушина 2014].

Население планеты Земля, к сожалению, всё более и более перестает понимать друг друга и переходит на девербализацию, что похоже на отказ от языковых форм и возвращение к доязыковому общению первобытного человека через жесты, использование артефактов, рукоприкладства и других акциональных действий. Самым ярким фактом существования такой формы общения издревле была японская икебана (составление любовного текста через композиции букетов из цветов). А в настоящее время – акциональное поведение Павленского (зашивание своего рта, упаковывание тела в колючую проволоку, приколачивание своей мошонки гвоздем к брусчатке Красной площади, поджог двери здания ФСБ на Лубянке, поджог здания банка Франции в Париже), драки парламентариев в украинской Раде и российской Госдуме. Всей стране также известны драки в ток-шоу на центральном ТВ: так, А. Шейнин схватил американского гостя Майкла Бома за волосы и начал бить лицом о стол в прямой трансляции. В другой своей передаче польского журналиста он посылал по матушке и выталкивал из студии. «Очень экологично» вели себя и кандидаты на должность президента РФ во время предвыборных дебатов: В. Жириновский беспощадно матерился, обзывал и оскорблял К. Собчак, а она скандалила с ним и обливала его водой, дважды рыдала и выбегала из студии. Большинство кандидатов убедительно доказали своей селфиантирекламой непригодность к должности президента России.

Разумеется, примеры девербализации современных форм коммуникации человека можно умножить и из художественной литературы. «*Тррах!!! Гремит выстрел! Мы вздрагиваем: что это?! кто?! в кого? Но никто не падает, а на заднем плане из кулисы в кулису прокатывается бильярдный шар – и понимаешь, что не выстрел ударил, а кий. Онегин играет. Но мы знаем сюжет, ждем убийства, и это наше знание делает треск бильярдных шаров - звуком выстрелов. (Напротив: пушечный залп нас не пугает, если мы заранее знаем, что это салют, а не война)»* [Немой Онегин… – эл. ресурс]. Этот пример является ярким доказательством теснейшей взаимосвязи ассоциации и коннотации с реальным или художественным событием. Еще одним примером совпадения вербализации с девербализацией в произносительной практике языка является слово *тьфу!* (это одновременно и сам плевок, и его звуковой эквивалент, а слово – семиотический знак плевка).

Мне представляется, что девербализация является проявлением конформизма. И особенно это чувствуется в современных взаимоотношениях детей, подростков (избиения друг друга, жестокие убийства, расстрелы учителей и одноклассников, а также проявления различных форм жестокости по отношению к животным, прежде всего, домашним). В расширении агрессивности человеку уже не достает негативной бранной нецензурной лексики для выражения своего гнева и других форм недовольства поведением «соплеменников». Это что, пресловутая спираль на стадии движения вниз? [Шаховский 2015].

Вместе с тем плеяды журналистов ежедневно изобретают всё новые и новые номены и креатемы, которые фактически становятся мильными вехами конкретной эпохи на базе конкретных событий и ситуаций, а также определённого числа мемов (мем (англ. *meme*) – единица культурной информации). Такими мильными вехами эпохи, например, стали слова-символы, которые являются свернутыми текстами: *Курск, Норд-Ост, Беслан, Хромая лошадь, Зимняя вишня, сбитый боинг, Басманный суд* и др. При упоминании этих символичных слов по ассоциации краткий аудийно-визуальный сигнал разворачивает в памяти человека всю ситуацию, связанную с объектом этого сигнала, все комментарии, их смыслы, оттенки, всю бесчисленную гамму пережитых в прошлом эмоций, чувствований и других рефлексий. Слова-символы реконструируют всё перечисленное в развёрнутом изображении. Такой краткий символ становится семиотическим знаком поражающего события. Это – пример очень экономного хранения в памяти и в сознании человека сложных текстов и жизненных ситуаций, а также в их межпоколенной трансляции. Таким образом, компрессия является одним из наиболее ярких проявлений закона экономии в языке,

и в современный период она очень распространена, т.к. является экономной формой хранения информации. Закон экономии языка универсален. И связан он с законом новизны, т.е. динамичности языка. А также с социо-психологической ситуацией в мире. Последняя вызывает к жизни словообразовательные тренды (*трендяшки* и под.). Так, появилось огромное количество экономных знаков – заменителей бурных эмоциональных проявлений, заимствованных русским языком: *хайп, свайп, фотобомбинг, эджайл, волатильность, краудфандинг, бодишейпинг, фуди, флюидность, мурал, глэмпинг, драмеди, рофлить, мукбанг, бинджвотчинг, шаут, байтить* [Новый русский язык… – эл. ресурс]. К названным выше законам об экономии языка и сохранении физических усилий относится и расширение использования первого имени в русском языке вместо имени и отчества вне зависимости от возраста и статуса человека. То есть идёт копирование, которое можно назвать глобализацией, исходящей из европейской и американской культур.

Однако самой распространенной современной иллюстрацией закона экономии и, прежде всего, физических усилий при использовании языка, являются, так называемые, креатемы, о которых мне уже приходилось писать не раз [Шаховский 2016]: *наземочка, полуклиника, допингер, прессуха, недогенераты, ритуальная жертва, ложная фальшь, задвоенный бюллетень, буллинг, обнимант, целовант, приставант, прикасант, болванслуцкий* и др. Эти и другие медийные креатемы мгновенно вызывают по ассоциации события, факты, трагедии, заменяя собой тексты о них. Это - слова-символы, которые мгновенно в сознании социума реконструируют не только сами события, но и многочисленные тексты о них и комментарии этих текстов, как официальные, так и обиходные (народные). Они становятся укороченными, экономичными по орфографии номенами огромных эмоциональных текстов.

Среди укороченных / экономных средств медийной номинации большое место занимают блендированные креатемы. Напомню, что сама идея блендирования как способа словообразования и словоизменения была внедрена в русский язык молодым М. Эпштейном [Эпштейн 1988]. Но это было всего лишь его предложение. Первым примером реализации этой идеи была монография А. Зиновьева «Катастройка» [Зиновьев 2003] во время горбачёвской перестройки. Из нового бленда видна язвительная ироническая уничижительная семантика слова *перестройка* в такой неэкологичной упаковке (*катастрофическая перестройка* или *катастрофа перестройки*). В результате чего новое для российского общества понятие, внедрённое М. Горбачевым в положительном смысле, изменило свою семантику за

счёт неодобрительной коннотации. Далее в 2000 г. М.Н. Эпштейн создал проект «Дар Слова», в котором были первые примеры игры с языком или языковой игры (по М.М. Бахтину, карнавальная функция языка). Например, креатемы- бленды: *инфошум, шуткойн* и др.

Еще одним примером сохранения временных и графических усилий коммуникантов, прежде всего, в интернет-общении, являются так называемые «смайлики», позже получившие название *эмотиконы*. Сейчас в Интернете можно найти полную библиотеку этих эмотиконов (впервые появились в Японии и назывались «эмодзи»). Так, открытая улыбка означает радость, лёгкая улыбка с покраснениями щёк означает смущение и пр. Эмотиконы в интернет-сообщениях заменяют эмотивные вербальные тексты, поэтому в известном смысле их тоже можно назвать формой девербализации. А еще лучше, возможно, «деословления» предмета называния или ситуации. Они заменяют некоторые эмоционально чувственные вербальные проявления человека, так как количество эмотиконов значительно меньше количества эмоций, численность которых до сих пор точно не установлена ни лингвистами, ни психологами. Обычно называют более 5000 тысяч (а в словаре эмотиконов указаны пояснения только к 1427 эмодзи). Причем большинство из них не имеет словных наименований. То есть их существование осознаётся, признаётся, ощущается, но не номинируется.

В заключение замечу, что скорости в жизни человека переносятся и на скорость жизни языка и, прежде всего, на его использование и деформацию, а также на скорость чувствований и эмоциональных переживаний.

Скорость негативных событий, скорость их смены друг другом: горе сменяет горе. В терминах А. Эткинда, горе становится кривым [Эткинд – эл. ресурс]. Каждое горе быстро забывается, т.к. следом наступает другое, происходит привыкание к переживаниям, сопровождающим их эмоциям, их забывание и смена [Шаховский, 2008]. Эти психоэмоциональные процессы сопровождаются ускорением всех видов и типов коммуникации в различных дискурсах.

Список литературы

Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М.: Прогресс, 1992. 219 с.

Зиновьев В. Катастройка. М.: Эксмо, 2003. 480 с.

Клушина Н.И. Девербализация эмоций в современной медиакультуре в сборнике // «Человек в коммуникации: от категоризации эмоций к эмотивной лингвистике» / сб. науч. Трудов, посвящённый 75-летию

проф. В.И. Шаховского. Волгоград: Волгоградское научное издание, 2013. С. 227– 232.

Клушина Н.И. Кроссвордное письмо: девербализация эмоций в современной медиакультуре // Слова ў кантэксце часу: да 85-годдзя прафесара А.І.Наркевіча: зб. навук. прац / пад агул. рэд. В.І. Іўчанкава. У 2-х т. Т. 1. Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2014. С. 338– 343.

Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Языки славянских культур, 2008. 320 с.

Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. 263 с.

Немой Онегин. Часть восьмая // МК. [Электронный ресурс] URL: http://www.mk.ru/culture/2017/11/19/nemoy-onegin-chast-vosmaya.html.

Новый русский язык: 20 слов, чтобы понять миллениала // marieclaire. [Электронный ресурс] URL: http://www.marieclaire.ru/stil-zjizny/novyiy-russkiy-20-slov/.

Шаховский В.И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции. Волгоград: Изд-во Поликарпов И.Л, 2016. 504 с.

Шаховский В.И. Креатемы как индикатор бесконечных потенций языкового развития // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 162–171. [Электронный ресурс]. URL: http://ecoling.sfu-kras.ru/?page_id=6&lang=ru.

Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.

Шаховский В.И. Меняющаяся картина мира в динамике языка и речи // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 Языкознание. 2015. № 1. С. 7–20.

Энциклопедия Эмодзи // [Электронный ресурс] URL: https://www.iphones.ru/iNotes/all-about-emoji-ios-10.

Эпштейн М.Н. Парадоксы новизны. М.: Советский писатель, 1988. 414 с.

Эткинд А. Главы: Кривое горе: память о непогребённых. [Электронный ресурс]. URL: https://postnauka.ru/longreads/59446.

Aitchison J. Language change: progress or decay. Oxford: Cambridge University Press, 2001. P. 249–260.